

Пузыренко
Оксана

Fleurs d'orange

Bonjour, ma chère! Мое имя — Элеонор МакАртур (И упаси вас Всевышний назвать меня Флёрдоранж... Я предупредила!), и в моей жизни все наперекосяк!

В 8 лет дети бьют коленки и расстраиваются из-за потерянных игрушек. Я в 8 лет потеряла семью и друзей.

В 18 лет приличные леди выпускаются из пансиона, в первый раз целуются и влюбляются. А мой первый поцелуй был украден каким-то разбойником (Да, он красавчик, но все же!), а потом я ввязалась в движение отступников и все перевернулось с ног на голову...

Но вы сейчас только запугаетесь... Так что, начнем по порядку? Добро пожаловать в Старый-Новый мир, держитесь крепче, мы объявляем войну и не боимся влюбляться.

Глава 1. Страшный сон

Флёрдоранж

Вступление

Я до сих пор помню все, как будто это было вчера. Когда я закрываю глаза, я вижу не темноту, я вижу яркие картинки прошлого, меняющиеся с бешеной скоростью. Но скорость не достаточно большая, чтобы я не смогла рассмотреть самые страшные детали: ужас на лицах людей, пыль и грязь, в которую я падала, кровь моей матери и рука моего детского врага, соперника, того, кто вечно оставлял на мне синяки. Никогда рука Брендана не казалась мне такой большой, как в тот день. День, когда мой мир изменился.

Глава 1. Страшный сон

10 лет назад

— Ну мам, ну пожалуйста! — Я сидела за огромным столом из темного дуба, накрытым идеально-белой скатертью. Как маме всегда удавалось содержать наш большой дом в такой чистоте до сих пор остается для меня загадкой. Я барабанила ногами по ножкам стула и надувала губы, надеясь, что это станет хоть каким-то подобием аргумента в споре с родительницей.

— Нет, я не хочу даже слышать об этом! Ты девочка, в конце концов! — Мама вытерла руки о фартук цвета спелой сливы, оставляя на нем белые следы муки. — Только посмотри на себя, косы растрепались, на платье уже грязь! Ну вот когда ты успела?

Я на секунду прервалась от нервного выбивания ритма на стуле и глянула в зеркальную дверцу кухонного шкафчика. Ну да, немножко растрепалась. Ну, может и не немножко... Ну, а как иначе?! Если мы с Этаном и Бренданом сегодня уже встречались на нашем дереве. Мне туда всегда сложно забираться, и то что в ветках старого дуба периодически остаются мои ленты — это самая малая из возможных потерь.

А собраться нам надо было обязательно! Бабушка Этана, Шейла, недавно за обедом рассказала нам о цветке папоротника, который можно найти только ночью. Он еще называется «жар-цвет», потому что горит ярко-красным пламенем. Говорят, такого слепящего цвета нельзя вынести, но мы не глупые, вообще-то, и решили взять повязки. Но главное это то, что каждый, кто сорвет этот цветок, обязательно получит магическую силу! Правда-правда! Мы сможем открывать любые замки, узнать, где есть клад, предсказывать будущее, понимать язык зверей, птиц и даже растений! И, конечно, заветное желание должно исполниться. И вот сегодня ночью мы планируем целую экспедицию! Мы обязательно найдем его. Правда есть одно «но», и это «но» сейчас с ожесточением раскатывает тесто, изредка кидая на меня недовольные взгляды.

Я отвела взгляд от своего отражения и снова посмотрела на маму. Она такая красивая, даже в старом домашнем платье: теплые карие глаза, густые каштановые волосы убраны в прическу, но пара прядей спадает на лицо. Светлая кожа ее никогда не загорала, а когда она

шла, люди оборачивались: такая плавная походка и гордая осанка была у мамы, как у знатной леди! Мне не досталась ее внешность, я была копия отца: ярко-синие огромные глаза, крупные черты лица, оранжево-рыжие, выгоревшие на солнце волосы, загорелая из-за игр на солнце кожа. Часто Брендан говорил, что моя мама красавица, как принцесса, а я как глупый паж и мальчик. Я с ним дралась, конечно, но вряд ли это убеждало его в том, что «я тоже леди». Впрочем, не очень то и хотелось. Папу я тоже любила, и была счастлива, когда прохожие говорили нам, идущим по рынку: «Папина дочка!» или «Копия отца!». Папа гордился этим, я знаю. Вспомнив папочку, я снова загрустила. Его уже давно не было, я каждый день исправно зачеркивала цифры на календаре и красных пометок становилось все больше. Я уже даже лист переворачивала. Мама нервничает, когда видит этот календарь. Нет, она очень добрая, но когда папы долго нет, она скучает и злится. Я бы хотела сорвать волшебный цветок, и найти клад, чтобы папе бы не пришлось работать, а мама была бы также весела, как тогда, когда папа дома. Он бы часто-часто был дома. Ну вот и как мама не понимает, что я делаю это для всех?! Вспомнив о своей миссии: выиграть этот спор, я снова забарабанила ногами по столу:

— Мама! Если я не пойду, мальчики будут смеяться! Они скажут, что я маленькая!

— Ты и так маленькая! И может хватит водиться только с Этаном и Бренданом? Почему ты никогда не поиграешь со Стеллой, Шарлоттой и остальными девочками? Папа тебе привозит столько кукол!

Я вдохнула муку, витавшую в воздухе и громко чихнула. С ожесточением потеряла нос, пытаюсь стереть с него ощущение щекотки.

— Куклы очень красивые, но папа привез мне еще и рогатку, лук и даже битую! Я ее пока не могу поднять, но...

— Элленор! — Воскликнула мама, поворачиваясь ко мне. — Ты меня вообще слушаешь?! Все! Никаких бит и ночных походов! Слушать о таком не желаю! И если я узнаю, что ты меня ослушалась, я запру тебя дома до приезда отца и выкину все твое... оружие!

Это был удар ниже пояса. Почему-то мне казалось, что это не пустые слова: мама так и сделает. И если домашний арест я бы пережила (потому что научилась сбегать из комнаты по крыше), то расстаться со своим арсеналом я ну никак не могла! Таких игрушек не было даже у парней! Да что там игрушек: рогатка и бита были совершенно настоящие! Это вам не какая-то самоделка из радвоенной ветки с резинкой. Ну, а к бите прилагались еще большая смешная перчатка, маленький белый мячик и кепка. Папа сказал, что мы обязательно поиграем со всем этим в бейсбол. Но пока все, кроме биты, я убрала за ненадобностью, а вот из нее сделала оружие массового устрашения! В этом плане я была самой крутой в нашей банде, и я не готова кому-то уступить это место. Меня и так все время притесняет Брендан, только потому что я девчонка. Кстати, сегодняшние следы от травы на платье: это мы с ним подрались. Он сказал, что мне никогда не стать такой же красивой, как Стелла.... Можно подумать, меня это интересует. В общем, взвесив все «за и против», я решила насупиться и промолчать. Пока я размышляла, мама продолжала ворчать. Впрочем, она не говорила совсем ничего нового:

— Это все воспитание твоего отца. Вот он приедет, я ему все выскажу! Это же надо, учить маленькую девочку стрельбе из лука и скакать на лошади. А как ты будешь рожать после своих лошадей? И вообще, ты куклу пеленать не умеешь, а драться — это пожалуйста!

Я побледнела:

— Рожать? — Я как-то слышала как рожала моя тетя, хоть меня не пускали, но я очень

хотела посмотреть как появится на свет обещанный и долгожданный всеми нами малыш. Но она так кричала! И оттуда, из ее спальни, выходили старые люди, у некоторых на руках была кровь. С тех пор все, что связано с этим, вызывало во мне дикий ужас. — Я не буду рожать! Мама, мне не надо детей!

Мама всплеснула руками, бросив домешанный кусок теста на стол.

— Это что еще за новости! Эленор! Ну когда ты смиришься с тем, что ты девочка, а не дворовый мальчишка!

Я поджала губы и отвернулась.

— Эленор... — Услышала я мамин голос, который был чуть более теплым. Наверное, она поняла, что обидела меня. — Элли.

Я с удовольствием услышала ласкательную форму моего имени, мама произносила его довольно редко. Я подняла на нее глаза, перестав изучать узоры скатерти.

Мама вздохнула и, выдвинув соседний стул, села передо мной. Она поправила обручальное кольцо на пальце, ставшее чуть великоватым, и взяла мои руки в свои, со следами муки.

— Доченька моя, ну не обижайся. Папы нет дома, и я буду только еще больше волноваться, если вы с мальчиками пойдете в лес. Тем более ночью. Я и днем то места себе не нахожу, когда вы носитесь по деревьям и оврагам. — Она погладила меня по голове, и я почувствовала легкий запах дрожжей. — Когда папа вернется, вы обязательно займетесь чем-нибудь интересным вместе, договорились?

Я поняла, что спорить бесполезно и решила согласиться хоть на такие условия, кивнув.

— Вот и отлично, — Улыбнулась мама и, вставая, чмокнула меня в лоб. — Хочешь мне помочь украсить пирог?

— Да! — Вскочила я на месте, закатывая длинные рукава платья. — А мы угостим Этана?

— И Этана, и Брендана. — Подтвердила мама, доставая формы в виде листьев и цветов.

— Брендан дурак! — Безапелляционно выдала я.

Мама хитро улыбнулась:

— Брендан — обозначает «принц». Разве тебе не нравятся принцы?

Я задумалась над новым фактом.

— Нравятся. — Медленно кивнула я, зачем было отрицать очевидное, когда мои полки были забиты книгами про прекрасных и бесстрашных принцев, спасающих принцесс и стремящихся к подвигам. — Но Брендан точно не принц, поверь мне, он гном.

Мама засмеялась:

— Ну, кто знает, может он еще покажет себя в роли принца?

Я очень в этом сомневалась, но промолчала. Взяв любимую формочку в виде цветка с острыми лепестками, стала вдавливать ее в раскатанное мамой тесто.

— А что значит мое имя? — Поинтересовалась я, когда с первой партией цветов было покончено.

— Ну, — Мама оторвалась от наполнения основы, уложенной в красивую форму, яблочным вареньем. — По первой версии, твое имя произошло от слова «элеос», что значит «милость», «сострадание» и переводится как «милосердная». По второй версии, имя Элеонора — это видоизмененный вариант старофранцузского имени Алиенора, или «своя». Также существует и обратный этой версии вариант, что Эленор значит — чужая, другая, иностранная.

Я задумалась, мое имя мне нравилось, особенно когда папа называл меня Элли. А вот если мама назвала меня не Эленор, а Эллеонора — значит я где-то напортачила и, что еще хуже, попала на горячем. Но вот значение какое-то сложное... То ли дело Брендан! Вечно этому дураку достается все самое лучшее!

— Лучше бы назвали меня принцессой. — Вздохнула я, а мама засмеялась.

Сегодняшний день мы провели вместе. Приготовили пирог и отложили два больших куса Этану и, скрепя сердцем, даже Брендану. Потом мама вышивала в гостиной и рассказывала мне красивые истории, наполненные волшебством и приключениями. Она была замечательная рассказчица, и я очень ценила эти моменты. Устроившись у нее в ногах, я смотрела как ее пальцы ловко орудуя иголкой с ниткой, создавая на полотне прекрасный узор и слушала ее голос. Это был один из тех дней, которые ты обязательно запомнишь и сохранишь глубоко в сердце. Но я не думала, что он будет последним нашим днем.

Ночью я не могла сомкнуть глаз, но когда наконец сон начал меня одолевать, в него прорвались какие-то странные звуки, как будто кто-то стучал по стеклу. Разлепив уже сонные веки, я поняла, что это не мое воображение: в окно с завидной частотой попадали маленькие камушки. И вряд ли это был каменный дождь.

Я спрыгнула с кровати и подбежала к окошку. С трудом отодвинув массивные шторы, я пододвинула комод и по нему забралась на высокий подоконник. Внизу, перед домом, стояли Брендан и Этан, у их ног лежали набитые чем-то рюкзаки. Оба были в темных свитерах с горлом и джинсах. Я фыркнула, тоже мне, ниндзя-конспираторы. Как можно тише я открыла окно и знаками показала парням, чтобы они забрались внутрь. Они поняли меня и через пару минут уже стояли в комнате.

— Только тише, если мама проснется, она надерет уши не только мне. — Предупредила я ночных гостей.

Этан привычно погладил меня по голове. Такой жест стал нашим обычным приветствием:

— Привет, мелкая.

Я улыбнулась парню в ответ. Иногда мне казалось, что я в него влюблена. Вообще Этан и Брендан были самыми красивыми парнями в нашем городке. Этану было уже 10 лет, он был выше Брендана, но совсем на чуть-чуть. И если бы вы попросили меня нарисовать ангела, я бы нарисовала улыбающегося Этана. Его светло-голубые глаза, мягкие черты лица, вьющиеся белые волосы, почти достающие до плеч. Брендану же недавно исполнилось 9, он был брюнетом с вечно взъерошенными волосами, глазами, цвета горячего шоколада, и дерзкой ухмылкой. А еще у него были ямочки. И я считала это чудовищной несправедливостью, что у такого противного парня такие милые ямочки. Блин, теперь я знаю еще что его имя обозначает принц! Ну почему все так нечестно?! В общем, совершенно разные внешне и по характеру, они отлично ладили, понимали друг друга с полуслова и были одновременно гордостью и головной болью жителей ВестХилл. Как я, восьмилетняя девочка, попала в их компанию, или, как мы сами себя называли, банду, люди не понимали вовсе. Иногда я тоже не понимала.

Брендан тем временем оглядел меня с ног до головы:

— Ты пойдешь в этом? — На мне была длинная, до пят, ночнушка, с лентами и

оборками. В плане одежды моя мама была непреклонна: днем и ночью меня одевали как куклу.

Я скрестила на груди руки:

— Я никуда не пойду, я обещала маме.

Брюнет хмыкнул и обернулся к другу:

— Видишь, я же говорил, что с трусихой связываться? Зря только время потеряли.

Этан никак не среагировал на это, он вообще редко реагировал на выпады Брендана. Но если он что-то и делал: то защищал меня. Это был еще один повод любить его.

— Точно не пойдешь? — Спросил он. — Мы бы вернулись до утра, Изабэль не успеет проснуться.

Я закусила губу и посмотрела на окно. Если на секундочку представить, что я вернусь домой с цветком папоротника, она же совсем не будет ругаться! Да и если она не узнает, ей это не повредит, верно? Пока я судорожно размышляла, мысленно мечась между обещанием, данным маме, и диким желанием найти цветок, Брендану уже надоело ждать.

— Так, все, время идет. — Он двинулся к окну.

— Стой! — Воскликнула я. — Стойте. Я с вами пойду. Ждите на улице, я переоденусь.

Брендан закатил глаза и выскользнул в окно. Следом за ним, улыбнувшись мне теплой улыбкой, из комнаты выбрался и Этан. Я пулей метнулась к огромному резному шкафу, который мама упорно называла «гардеробом», и чуть не упала, запутавшись в длинной ночнушке. Прошипев от негодования, я стянула ее через голову и скинула на кровать. Глянув на стройные ряды платьев, я решительно достала одно из них, самое огромное, похожее на большой торт со фруктами и безе. Такой я ела только когда моя тетья, сестра папы, вышла замуж. Достав его с вешалки, я подняла слои юбки и нашла среди них привязанный к вешалке комок одежды. Это были старые джинсы и кофта с длинным рукавом Этана. Зная отношение моей мамы к одежде, он как-то дал мне их, но шанса использовать в деле мужскую одежду пока не было. Но вот, время настало! Я с удовольствием влезла в брюки и темно-синюю кофту, оказавшуюся очень мягкой и приятной изнутри. Брюки, хоть и принадлежали парню, когда ему было меньше лет, все равно были чуть велики. Пришлось подпоясать и подкатать. Глянув на себя в зеркало я захихикала, а затем прикрыла рот ладошкой, чтобы не разбудить маму. Я действительно была похожа на милого мальчика, разве что длинные волосы, разметавшиеся по плечам и спине, портили образ. Я завязала их лентой в хвостик и быстро вступила в ботинки. Уже собираясь выходить, я увидела бандану, привезенную папой в последний раз. Она была черной с прекрасным вышитым рисунком: ярко-рыжая, почти красная лисица с пушистым хвостом мирно спала в углу платка на черной ткани. Сейчас мне безумно захотелось взять эту бандану и, руководствуясь каким-то чувством, я схватила ее, повязав себе на шею.

Я вылезла из окна и перебралась на крышу, мягко ступая по черепице. Дойдя до яблони, растущей в нашем саду, потянулась на цыпочках и схватилась за его ветку, чуть не скользнув носками с крыши. Перебравшись на ствол, я резво спустилась вниз, где меня ждали ребята.

— Капуша. — Проворчал Брендан. — Собиралась как девчонка.

— Я и есть девчонка, тупица. — Сверкнула я на него глазами в ответ.

Что сказать про наше приключение? Оно выдалось долгим. Я действительно устала петлять по тропинкам в темном лесу. Не смотря на лунную ночь и то, что мы старались держаться дороги, пару раз мне казалось, будто мы потерялись. Никогда бы не призналась, но было действительно страшно. Впрочем, на счет «потерялись» — это лишь мое

воображение, которое упорно видело в каждом новом повороте тупик. Но мальчики уверенно шли на поляну с папоротником заранее выбранным маршрутом. Этан все время держал меня за руку и помогал преодолевать препятствия в виде упавших стволов дерева, покрытых мхом и даже грибами. Добравшись до цели, мы оглянулись:

— Итак, что-нибудь светится? — Спросил Брендан.

Я устало покачала головой. Этан стал озираясь, чуть сощутив глаза:

— Я тоже ничего не вижу...

— Давайте пройдемся и посмотрим. Может, они под листьями? — Произнес Брендан.

Не дожидаясь нашей реакции, он устремился вперед, по колено ступая в папоротники и внимательно смотря по сторонам у своих ног.

Я потеряла глаза. Накатила такая усталость, что я уже не хотела даже цветка, просто хотела уснуть прямо здесь. Я оглянулась. Сумрак леса и яркая луна, освещающая практически ровный круг, заполненный перистыми папоротниками и еще какими-то растениями, создавали действительно красивую картину. Деревья вокруг поляны будто защищали ее. Я живо вспомнила истории Шейлы о ведьмах, которые собирались на полянах, чтобы устраивать пляски в лунном свете и с опаской взглянула на небо, не пролетает ли там метла с наездницей?

— Брендан расстроился. — Я вздрогнула, услышав рядом голос Этана. Он буквально прорезал тишину, ненарушаемую даже животными. Хотя, наверное это я ушла в себя. Я снова посмотрела на поляну и нашла взглядом парня, он упорно смотрел себе под ноги. Я вспомнила слова мамы о том, что его имя означает «принц» и улыбнулась. Сейчас, когда он был один в лесу, в темной одежде и, главное, не раскрывал рта, я действительно могла бы представить его принцем. В конце концов, он был очень красивый. Хотя ему бы я никогда этого не сказала!

— Он хотел что-то особенное загадать? — Поинтересовалась я.

Этан посмотрел на меня и загадочно улыбнулся:

— Кто знает.

«Ты знаешь, хитрый кот!» — Хотела сказать я, видя его ухмылку и прищуренный взгляд, но вместо этого зевнула.

— Ладно, — По-своему расценил мой жест Этан. — Пойду заберу его.

— Нет необходимости. — Брендан уже подходил к нам. — Пусто, но ничего, наверное, не та ночь.

— Или не та поляна. Повезет в другой раз. — Поддержал его Этан.

Я лишь пожала плечами.

— Ты расстроилась? — Неожиданно поинтересовался Брендан. Я удивленно на него посмотрела и снова пожала плечами.

— Не особо. Не знаю.

Брендан протянул руку вперед, и я увидела на его ладони несколько больших ягод черной ежевики.

— Птицы уже почти все съели, но немножко осталось, бери давай.

— Спасибо!

Я взяла с его ладони пару ягодок, оставляя остальные мальчикам, но он нетерпеливо цокнул языком. Взяв меня за запястье и повернув его, парень высыпал всё оставшееся лакомство на мою ладошку.

— Хочешь чтобы я еще и носил их за тобой, принцесса?

Я поджала губы:

— Я думала, вы тоже хотите.

— Пошли уже. — Брендан пошел вперед, а Этан, пропустив меня, все еще держащую ягоды, перед собой, замкнул процессию. Ягоды оказались потрясающе сладкими и сочными, я быстро и с удовольствием съела всю горсть.

— Брендан, спасибо, они такие вкусные! — Не скрывая восторга снова поблагодарила я парня, идущего спереди.

Он лишь фыркнул и обернулся через плечо, взглянув на меня:

— Уже слопала? И нам ничего не оставила? Маленький жадный эльф.

Я возмущенно засопела носом:

— Я предлагала!

— Элли, он шутит. — Раздался спокойный голос Этана за моей спиной.

Бренд лишь засмеялся, отчего на его щеках отчетливо проступили ямочки, и показал мне язык, одновременно придерживая большую ветку, чтобы я смогла пройти. Проходя мимо, я не выдержала, и ткнула его пальцем в ямочку, никак это не комментируя.

Наконец мы вышли на последнюю тропинку.

— Уже светает совсем. Мама убьет меня. — Грустно посмотрев на небо, вынесла сама себе вердикт я.

Этан приобнял меня за плечи:

— Не переживай, мелкая, успеем. Ты устала?

Я покивала головой из стороны в сторону, отрицая этот факт, но в тот же миг громко и протяжно зевнула и потеряла осоловелые глаза. Этан лишь засмеялся.

— Хочешь, понесу на спине?

Я не успела ответить на его соблазнительное предложение, как идущий впереди Брендан остановился и напрягся. Он резко вскинул левую руку, призывая нас молчать и устремил прищуренный взгляд куда-то вперед. Я попыталась выглянуть из-за него и посмотреть, что его остановило. Но тропка, по которой мы шли, была очень узкая, а парни довольно высокими, поэтому мне пришлось основательно податься вперед. Этан же взял меня за плечо и остановил от попыток подвинуть ставшего изваянием Брендана.

Я подняла голову на друга и вопрос «Что происходит?», готовый сорваться с губ, повис в воздухе. Всегда спокойное и доброе лицо Этана было наполнено дичайшим беспокойством и тревогой. Лоб нахмурился, брови чуть ли не сошлись на переносице, губы плотно сжались.

Я испуганно прижалась к боку парня. Тот обнял меня одной рукой, а другой стукнул по спине брюнета. Тот медленно обернулся, и я заметила, насколько похожее выражение было на его лице. Брендан посмотрел на Этана, затем медленно перевел взгляд на меня и еще плотнее сжал зубы, я заметила, как заходили желваки у него на лице.

— Что-то не так. Я что-то слышал. — Тихо сказал он. — Стоит подойти ближе. Идите за мной, не отставайте, но двигайтесь тихо. — Затем, секунду помедлив, он серьезно посмотрел на Этана. — Следи за Эленор.

Я сглотнула. Он никогда не называл меня Эленор. Он всегда коверкал мое имя или давал обидные прозвища: эльф, рыжуха, пацанка, ведьма. Верхом его доброты было назвать меня Элс. Но не Эленор. Что же они увидели? Этан кивнул, и мы двинулись вперед. По мере приближения к городку, я понимала, что заставило ребят напрячься: над ним было зарево. А чем ближе мы подходили, тем четче становилась картинка. Над городом местами клубился черный дым. В воздухе противно пахло гарью. Но помимо дыма, в городе, в котором совсем

недавно было тихо, как в царстве Морфея, отчетливо слышались крики, прерываемые более сильным шумом.

Как можно аккуратнее мы добрались до окраины городка и пристроились у огромной телеги, стоявшей рядом с домом мистера и миссис Стоун — добрейших фермеров, у которых не было своих детей и они частенько угощали нас с друзьями чем-то вкусным. В их доме царил тишина, зато остальные улицы были полны криков.

Я не могла больше таиться или идти медленно. Дикий страх за маму поглотил мое сознание и подхлестнул меня. Поэтому я резко вырвалась из рук Этана и побежала вперед. Где-то будто издали я услышал, как кто-то из парней, или оба, кричат мое имя, но мне было все равно. Лавируя между домами: горящими, разрушенными, внешне целыми, но, я чувствовала, безумно, страшно пустыми, я неслась вперед, к своему дому, дому, окруженному фруктовыми деревьями. Дому, где сегодня утром мама готовила капустный пирог. Дому, куда скоро вернется папа. Моему дому.

Я старалась не замечать то, что происходит, точнее не слышать, что где-то совсем рядом плачут, кричат, зовут друг друга. И эти громкие, трещащие звуки, который, насколько я знаю, может издавать только настоящее оружие. И запах, ужасно противный, который забивался мне в нос и горло, заставлял кашлять больше, чем быстрый бег.

Завернув за угол, я споткнулась о что-то большое и больно упала на колени, успев выставить вперед руки, которые тоже сразу же заныли. Наверняка останутся ссадины. Я обернулась, и увидела, что мои ноги упираются в спину человека, лежащего без сознания на дороге. Я прикрыла рот рукой, чтобы не закричать, испуганно взирая на него. Я не знала был ли он жив, но ответ пришел сам. Рука, которой я дотронулась до лица, была липкая, чего я не заметила сразу из-за застилавшего глаза страха и растерянности. Переведя взгляд на землю, я увидела большую темную лужу, которая брала свое начало где-то из головы лежавшего на боку мужчины. Она смешалась с песком, но земля не смогла все впитать, оставляя на своей поверхности кровавый след. Я всхлипнула и резко встала, поднимая за собой клуб дорожной пыли. Ноги и руки дрожали, нос отчаянно защищало. Я истерически терла руку о кофту, желая смыть остатки чужой крови и пятилась назад. Где-то совсем рядом раздался громкий звук выстрела, который и вывел меня из шока, заставляя развернуться и стремглав понестись к своей цели.

Наконец, увидев родные светлые стены и красную черепицу, я с облегчением заметила, что дом не горит и выглядит очень целым. Я не знаю, что произошло, но может нас этот ужас, царящий вокруг, обошел стороной? Должен был обойти! С бешено колотящимся сердцем я пронеслась по ступенькам вверх и толкнула дверь. Я застыла на пороге. Мама всегда закрывала дверь. Почему сейчас она открыта? Я протерла рукой лоб и заметила, что он весь мокрый. Пряди волос прилипли к вискам. Кажется и лицо у меня было мокрое. Может я все-таки плакала? Я не знала этого. Все происходящее будто происходило не со мной, это будто был ужасный сон, который я смотрю через молочную пелену, в бреду.

Шмыгнув носом, я сделал шаг в прихожую, не решаясь позвать маму. Было страшно произносить слова. Сжав руки в кулаки, я все же тихо произнесла:

— Мам... — Мой голос оказался хриплым, совсем не похожим на обычный. А слово, произнесенной мной, повисло в пустом доме. — Мама. — Повторила я, чуть громче. Ни слова в ответ. Она же может спать?

Я быстро побежала в родительскую спальню: дверь тоже была распахнута, но там никого не оказалось. Лишь расправленная кровать показывала, что кто-то на ней спал этой

ночью. Я пробежала по всему нижнему этажу и, не найдя мамы, побежала по лестнице в мою комнату. Дрожащими руками, я толкнула дверь.

Мама была здесь.

Она лежала на моей кровати. В длинной ночной рубашке, похожей на мою, только изодранной теперь. С растрепанными, прекрасными волосами. Ее поза была неестественно застывшей, руки заломаны вверх. Остекленевший взгляд был направлен в потолок, который мы с отцом когда-то вдвоем украсили звездами, тщательно сверяясь с картой созвездий. Я сделала шаг вперед, не в силах отвести глаз от мамы. Еще шаг. Еще. Я чуть не споткнулась, задев что-то ногой. Этим чем-то оказалась моя бита. Странно, неужели мама принесла ее в мою комнату. Зачем?

Я продолжила очень медленно идти к кровати. «Мама» — хотела снова произнести я, но поняла, что лишь подвигала губами, но из моего рта не вырвалось ни звука.

Я уже была очень близко, оставалось сделать последний шаг и я могла бы до нее дотронуться, но тут кто-то резко дернул меня за плечо и развернул к себе. Я не успела даже испугаться, как оказалась прижатой лицом к груди Брендана. Он крепко держал меня за затылок, не давая возможности повернуться.

— Элеонор, надо уходить, надо спрятаться. — Сказал он. Уходить? От мамы? Что он несет?

— Отпусти. — Сказала я спокойно.

— Нет, ты не должна... — Что я не должна? Я хочу к маме!

— Отпусти меня к маме! — Озвучила я мысль, набатом звучавшую в моей голове. Это все, чего я хотела, к маме! Пожалуйста! Мне надо к маме, сейчас же!

— Элеонор, нет! — Рывкнул Брендан, заставляя меня злиться еще сильнее. Кто он такой, чтобы решать за меня?!

Я стала рыдать в голос и вырываться из его рук и что есть силы бить его. Потом я стала кусаться и мне почти удалось отцепить парня от себя, как внизу раздался грохот. Мы оба замерли, а затем услышали голоса.

Взгляд Брендана заметался по комнате и, увидев шкаф, он дернул меня за собой:

— Спрячься. — Быстро произнес он, толкая меня в ворох платьев.

— Там мама! — Запротестовала я.

— Молчи. — Заткнул меня он и захлопнув дверь шкафа. Казалось, что сердце колотится у меня не в груди, а в горле. Я с ужасом увидела в щель между дверцами, что Брендан метнулся к бите, так и валявшейся на полу и, схватив ее, встал сбоку двери в комнату.

Через какое-то время, показавшееся вечностью, хотя, должно быть, прошло не больше минуты, в комнату вошли трое мужчин в одинаковой одежде. На первого из них и напал Брендан. От неожиданности, мужчина не увернулся, и удар битой пришелся ему по уху. Тот взыл от боли, хотя ощутимого вреда удар ребенка ему и не принес. Брендан снова замахнулся своим оружием, как другой мужчина резким движением остановил биту в воздухе и, вырвав ее из рук Брендана, заломал его руки.

— Тише, тише парень. Мы пришли помочь, ладно? Слышишь? Мы пришли помочь.

Брендан волком смотрел на них, однако, не делая попыток драться. Его взгляд лихорадочно метался от одного мужчины к другому. Я знала, что он пытался придумать план. Но что он мог перед такими взрослыми и страшными людьми?

Мужчина, державший мальчика, тем временем засмеялся:

— Ну ты... Волчонок. Молодец, боевой. Как тебе зовут?

Брендан чуть помедлил, затем произнес:

— Брендан.

Мужчина кивнул:

— Это твоя мама? Очень жаль.

Брендан промолчал, лишь кинул быстрый взгляд на шкаф.

— Послушай. — Мужчина осторожно отпустил руки Брендана, и, положив свои крупные ладони ему на плечи, присел перед ним на корточки. — На город напали плохие, очень плохие люди. Мы хотели помочь, но опоздали. Но тем, кто выжил, мы обязательно поможем, ладно? Тебе больше не будет страшно, мы позаботимся о тебе, хорошо?

Брендан продолжал хмуро взирать на говорившего, все чаще кидая взгляды на второго мужчину, которого успел ударить. Тот нянчил свое ухо и ходил по комнате, рассматривая ее. Когда он подошел к шкафу, Брендан толкнул мужчину и рванул вперед, но тот за шкуру оттащил его обратно.

— Тише-тише, ну, чего же ты?

Он перевел взгляд с парня на шкаф и кивнул своему напарнику. Тот резко распахнул дверцы шкафа, а я поздно подумала, что стоило глубже спрятаться в платьях. Но я застыла точно так, как Брендан меня оставил: на том же месте и в той же позе. Сейчас мне казалось, что я и не дышала все это время. А оказалось, что дышала, причем очень быстро.

— То-то я смотрю, комната какая-то девчачья. — Бросил бородатый. — Ну привет. — Он посмотрел на меня и осклабился. Его улыбка меня жутко напугала. Я сделал судорожный глоток воздуха и вжала голову в плечи. Когда он подался вперед и, схватит меня за руку, вытянул из шкафа, я автоматически сделала вперед пару шагов на ватных ногах. Брендан же зарычал и дернулся в руках второго.

— Отпусти ее! Не трогай своими лапами! — Закричал парень, но вызвал у странных визитеров только смех.

— Ну ты рыцарь, нам такие нужны. — Седой погладил Брендана по голове и обернулся ко мне. Рыжий и бородатый делал мне больно, крепко вцепившись в предплечье. Я была уверена, что когда он отпустит руку, я обнаружу там синяки в форме его пальцев. — Отпусти девочку, или тебе кажется, что она опасна?

Он сурово посмотрел на напарника, тот фыркнул и пустил мою руку. Я потеряла ее, Брендан не отрываясь следил за мной глазами и заметив мое движение снова бессильно зарычал и дернулся в руках мужчины в сторону рыжего. Старик снова засмеялся и, встряхнув легонько мальчика сказал второму:

— Ты нажил себе врага. — А затем обратился к парню. — Я тебя отпущу к девочке, обещаешь вести себя хорошо? — Брендан раздумывал секунду, смотря только на меня и резко кивнул. Получив долгожданную свободу он в мгновение пересек комнату и крепко обнял меня. Я второй раз за сегодня уткнулась лицом в его темный свитер с горлом, но теперь я лишь крепко обняла его за пояс и прижалась.

— Ладно, — Подал снова свой режущий слух голос рыжий. — Сюсюкаться с ними няньки будут. А у нас время поджигает. — Он кинул взгляд за окно, за которым уже было хмурое утро. Старик проследил за его взглядом и кивнул. Затем посмотрел на кровать и едва поморщился.

Он снова подошел к нам с Бренданом.

— Как тебя зовут? — Спросил он меня. Брендан сильнее сжал мои плечи, а я, чуть повернувшись, ближе рассмотрела лицо старика. Он был похож на моего отца чем-то, только

мой папа не был седым. Мне хотелось довериться этому взрослому. И так хотелось узнать, что я сплю, и это все сон.

— Эленор МакАртур. — Произнесла я. Лицо мужчины расплылось в добродушной улыбке.

— Эленор, пойдешь с нами? Все будет хорошо.

Я посмотрела на него, а затем подняла взгляд на Брендана.

— Я пойду туда, куда скажет Брендан.

— Конечно-конечно, — Согласился мужчина. — Брендан здесь мужчина, ему и принимать решения. Отведешь девушку туда, где безопасно, да?

Брендан кивнул.

Дальше все было... Спокойно. Спокойно и никак. Суть я не могла уловить. Я вообще будто перестала понимать реальность происходящего. Хотя я будто в нее и не вникала. Я просто взялась за горячую руку Брендана и пошла за ним, смотря лишь на наши сцепленные ладони. Только сейчас я увидела, что моя рука все еще была запачкана грязью и кровью. Я хотела очистить ее, но Брендан лишь сильнее сжал мою ладонь, не отпуская.

Потом я видела несколько огромных машин, которых, как я думала, уже нет. И много людей в темной форме, андабатов, которые посадили нас рядом с другими детьми и принесли теплые пледы, крекеры и чай. Я не хотела есть, но Брендан, накрыв нас обоих, заставил меня это сделать. А откусив кусочек жирного, хрустящего сырного крекера, я уже не смогла остановиться и съела всю свою долю, запив очень сладким чаем с травяным запахом. То же произошло и со сном, я наотрез отказывалась засыпать, но теплые руки Брендана, его голос и мягкое растирание плеч сделали свое: я закрыла глаза на долю секунду и сразу заснула. Когда я открыла их, Брендана уже не было. Ничего уже не было.

Глава 2. Вкус клубничного рожка и неприятностей.

10 лет спустя

Эленор

Как. Же. Меня. Все. Раздражает!

Вся неделя проходила в сумасшествии и хаосе. Утро в Академии начиналось одинаково шумно: девчонки в комнате галдели, как стая голодных чаек, обсуждая кто и сколько взглядов АНДАБАТОВ (Именно так, большими буквами, ОЧЕНЬ большими буквами!) смоловить. От смешения запахов различных духов у меня уже неделю не проходила мигрень, а от витающей в воздухе пудры, которая даже не успевала оседать на поверхностях, постоянно щекотало в носу.

С приходом воинов в наш город, «Женская Академия мадам Деверё» стояла на ушах. Все готовились к пышному празднеству, на котором юных парней должны были посвятить из андабатов-юниоров в андабатов-защитников. А девушек, тех, кому исполнилось 18, в Хранительниц. И угадайте, коме несказанно «повезло» стать совершеннолетней в этом году?

И вот, окруженная всем этим традиционным хаосом, я лежала в кровати, натянув одеяло на макушку, желая спрятаться от малейших проблесков света, звука, косметических средств и вернуться обратно в сон. В нем были я и мои друзья детства. Мы снова отправлялись на поиски цветка папоротника, и снова колокол к пробуждению звонил раньше, чем мы его находили. В последние дни это сновидение являлось мне все чаще. И я считала, что это счастливый знак.

— Элеонора, вставай, соня рыжая! Ты все проспичь! — Стелла, а судя по звонкому голосу, это именно она, попыталась стянуть с меня одеяло. Я лишь сильнее дернула его наверх.

— Было бы неплохо. — Пробурчала я в подушку, крепче сжимая веки.

— Вставай немедленно!

— Отстань, Стелла-Сатанелла!

— Но сегодня последняя пятница месяца!

Доля секунды потребовалась моему сонному сознанию, чтобы до меня дошел смысл ее слов. Я рывком встала на кровати.

— Сегодня? Уже?

Стелла просияла: как всегда идеальная, даже с утра, с аккуратной прической и выглаженной одеждой. Она стала моей лучшей подругой, когда, 10 лет назад, нас обеих отправили сюда.

— Да-да. — И тут же, наклонившись ко мне, она заговорчески прошептала: — Я прикрою тебя на свидании с твоим японцем.

Я закатила глаза и, потянувшись, громко и со вкусом зевнула:

— Сколько можно повторять, что встречи, во время которых двое людей, пусть и

противоположного пола, пытаются искромсать друг друга мечами, свиданиями не называют. — Пробубнела я, откидывая одеяло.

Большая часть девчонок уже собралась: с заплетенными волосами и накрахмаленными воротниками платьев они толпились в комнате, бесконечно поправляя друг друга. Я подошла к зеркалу, которое мы делили со Стеллой и Джулией, и плюхнулась на пуф. Поймав в отражении жалобный взгляд Стеллы, я уныло кивнула.

— Только быстро и просто, ладно?

Та счастливо улыбнулась и, подбежав ко мне, схватила со стола расческу.

— Как я люблю твои волосы. — Промурчала она, ловко расчесывая длиннющие спутанные рыжие пряди.

— Ты любишь меня, а волосы — это приятный бонус. — Фыркнула я, облокачиваясь на одну руку, потому что по утрам я просто не в силах держать сонную и тяжелую голову без дополнительной опоры.

— Не вертись. — Стелла быстро заплела две длинные косы и завернула их вокруг головы. — Поддай заколки. — Я привычным движением вытянула из верхней полки деревянную узорчатую шкатулку с заколками, принадлежащую Стелле и, открыв ее, протянула необходимые.

Блондинка закрепила прическу и, взяв мое лицо в ладони, посмотрела вместе со мной в зеркало:

— Красавица! Макияж? — С надеждой спросила она.

— Умыться. — Мрачно ответила я, глядя на наши отражения. Сероглазая блондинка с мраморной кожей была похожа на куклу, и вот сейчас она точно как кукла обиженно надула розовые губы. Не думайте, я не злая и не неблагодарная. Но только не по утрам. Стелла получит килограмм своих «люблю-тебя-спасибо» ближе к вечеру, и мы обе это знаем. Поэтому она никогда не обижается на мое ворчание. А причина поджатых губ сейчас: недостаток румян на моих щеках и туши на ресницах. — На балу я разрешу тебе сделать со мной все, что хочешь. Даже разрисовать, как клоунессу. — Смягчила я удар, заставив подругу улыбнуться.

— Ловлю на слове, а теперь переодевайся, иначе мисс Маклафлин заставит тебя пойти в город в ночнушке.

— Боюсь, что меня и заставлять не придется, а скорее отговаривать от такой соблазнительной идеи. — Сказала я, направляясь к шкафу. Наскоро переодевшись в первое выпавшее из него платье, я скрылась в коридоре, направляясь в ванную комнату. Каждое утро, уже 10 лет, шлепая босыми ногами по коридору, я думала о чудовищной несправедливости, что ванна находится так далеко от спален. Добравшись до цели, я быстро почистила зубы и, приведя себя с помощью ледяной воды в менее заспанный вид, собиралась вернуться к остальным девушкам. Поскольку о полотенце я не позаботилась, стряхивать капли воды с лица и рук пришлось на ходу, щедро орошая брызгами красный ковер и периодически появляющиеся бюсты великих людей. Да простит меня Цезарь за утренний душ.

Проходя через холл, заметила знакомую фигуру: наш библиотекарь, он же мой друг, он же красавец-мужчина — Ричард (Вообще-то, мистер Ричард Бэнкс, но не для меня.) стоял у стены и общался с преподавателем истории. Вид у него был весьма скучающий, наверняка историк опять пытался потребовать у библиотеки «незаменимую для образования юных леди книгу». Создавалось впечатление, что наши учителя считают, что Ричард сам пишет все

библиотечные издания, так они его молили об их добыче. Заметив меня, библиотекарь отвлекся от собеседника и посмотрел с привычным теплом в добрых глазах. Он был одним из самых близких мне людей в Академии, поэтому я уже прикидывала, не отвлечь ли мистера Ду (Дугласа, историка, ну, вы поняли.), чтобы спасти друга, но у вселенной были другие планы на мой счет.

— Мисс МакАртур, до каких пор вы будете путешествовать по Академии босиком?! — Мисс Маклафлин появилась передо мной, как будто из воздуха или потайного хода, и мрачно оценивала мой внешний вид. В последние дни она была невероятно ворчлива, из-за царящей вокруг атмосферы и витавшего в воздухе напряжения. Наверняка, она также до ужаса боялась, что у девушек снесет крышу, и они сбегут с кем-нибудь из будущих Защитников. Хотя этого ни разу не происходило, ведь никто не хочет быть повешенным, верно? Да и потом, если они не хотели этого, то на кой черт поселяли этих Андабатов на территории пансиона? Странная логика.

— Не более чем до своего выпуска, мэм! — Сделала я чинный книксен и, под смехи остальных учениц, вернулась в комнату. Пусть Рич сам разбирается с историком, это не моя война. Мне же сегодня и так сбегать из этой непреступной крепости.

До церемонии Принятия, когда мы все выпорхнем из под крыла академии, оставались считанные дни, а до церемонии Посвящения и бала в честь новоиспеченных Хранительниц и Защитников и того меньше. Поэтому каждый наш день протекал по особому графику. То мы в сотый раз изучали правила церемонии, хотя за 10 лет они и так отскакивали от наших зубов. В другой день учились танцевать, что, в принципе, было не так уж и плохо. Ну а сегодня в нашем расписании сразу после обеда стояли врачи.

Осмотр в городской больнице был нудным и местами даже постыдным. Ну не любила я все эти каверзные вопросы! А задавали их столько, как будто я пришла на исповедь. Но через пару часов позора и «откройте рот/ дышите/ не дышите/ читайте/ слушайте / умрите (Ладно, без «умрите», но я была близка к этому.)» и прочих, из стандартного набора команд, меня все же выпустили на землю обетованную. Точнее в общий коридор, где своей участи дожидались остальные девушки.

Я не смогла больше выносить стерильную больничную тишину и еще более нагнетающее перешептывание однокурсниц. Пересмотрев все картины и схемы, повествующие о важности гигиены тела, полости рта и каждой клеточки нашего тела, я не нашла идеи лучше, как сходить на улицу. Или даже... Хм! Динь-динь, слышите? Это звук, возникшей у меня гениальной идеи! Почему гениальной? Других мой мозг просто не генерирует.

Дело в том, что я и Кацу (Мой лучший друг, который обучает меня восточным боевым искусствам и подкармливает пищей, отличной от академического меню.) должны были встретиться после отбоя, поскольку его семья традиционно уехала с пятницы по понедельник. Ну и раз уж свою долю мучений я на сегодня получила, вряд ли друг расстроится, если я нагряну раньше. Больница находится в центре города, до особняка Мори отсюда путь неблизкий, но всяко лучше, чем сбегать под покровом ночи? Окрыленная новой шальной мыслью, я подскочила со своего места.

— Ты куда? — Прошептала Стелла. Почему в больницах все шепчут? Это же не

библиотека!

— К Кацу.

Она покачала головой:

— Сейчас?! Вообще-то, тебя не отпустят.

— Попытка — не пытка. И можно подумать, что я расскажу куда направляюсь. Мисс Брэйт! — Позвала я нянечку. Та хмуро посмотрела на меня, ее взгляд мог одинаково выражать как нравоучительное: «Не шуми, Элеонор», так и риторическое «Когда же выпустится эта Элеонор — проклятие седин моих?». — Мисс Брэйт, я могу отойти на минутку?

— До конца осмотра каждой из учениц, из стен больницы никто не выходит. — Был мне ответ, больше похожий на заученный кусок рапорта. Нянечка сурово поправила тесемки своего накрахмаленного чепчика, будто это могло придать ей более серьезный вид. На деле же это было забавно.

— Итак, план «А» не сработал. Умываешь руки? — Хихикнул Стелла.

— Нет уж, в алфавите слишком много букв, необходимо опробовать все!

— Я знала, что ты так скажешь. — Девушка грустно покачала головой. Она так часто качается своей хорошенькой головкой, что скоро превратится в одного из китайских-болванчиков, статуэток из дома Мори.

— Ты что задумала? — Спросила Джул, до этого молча читавшая книгу, принесенную с собой.

— Девочки, вы помните, что я вас люблю? — Улыбнулась я, дотрагиваясь до плеч подруг.

— Конечно. — Улыбнулась Стелла.

— Нам уже стоит переживать? — Поинтересовалась Джул, отрываясь от печатного текста.

— Нет, просто хочу, чтобы вы всегда это помнили. А теперь, прикройте меня. — Я резко сорвалась с места, кинувшись вглубь коридора, в сторону зала ожидания, лавируя между врачами, пациентами и столами на колесах.

— Элеонора! Эленор! — услышала я за спиной отчаянный крик нянечки и, кажется, даже уловила ворчание о «неугомонной девчонке». Но об этом я подумаю в другой раз, а сейчас, когда до выпускного оставалось так мало времени, я решила, что могу позволить себе провести больше времени с Кацу. Подгоняемая криками, я резво добежала до выхода. Для удобства я подхватила в одну руку подол платья, почти открывая бедра при беге. Нянечку бы хватил инфаркт, увидев она это зрелище, честное слово. Но если мне повезет, она этого не увидит. Свернув на перекрестке, я ринулась вниз по улице.

Когда я добралась до особняка, в котором жила семья Мори, на улице уже начинало темнеть. Впрочем, это было мне лишь на руку. Обычно на тренировки с Каем я всегда выбиралась ночью, 2–3 раза в месяц, и еще ни разу не попалась. Не скажу, что обошлось совсем без происшествий и экстрима, но, не пойман — не вор, верно? А теперь даже если

меня поймают, толку им с этого? Наказать уже не смогут, они тщательно берегут девушек перед церемонией. Даже к Звездочке, моей лошади, меня не пускают. Не знаю, какую связь имеет отсутствие синяков на наших тельцах с Принятием, но пользоваться этим не брезгую.

Окна в доме Мори горели лишь на первом этаже. В последний уикенд месяца его родители отсутствовали, совершая рейд по своим больницам. И мы использовали это время с толком.

Кацу я нашла на лавочке под яблоней, во внутреннем дворе. Их семья засадила весь двор яблоневыми деревьями, утверждая, что они наиболее подходят своими цветками на цветение японской вишни — сакуры.

Присмотревшись, я заметила, что вместо обычного кейкоги (Именно этим странным словом Кацу называет свой костюм для тренировок, а по мне он выглядит как пижама!), на Кацу была странная одежда.

— Что на тебе надето? Мы идем на маскарад?

Поинтересовалась я вместо приветствия.

Кацу ответил мне таинственной улыбкой:

— Можно и так сказать. Сегодня планы немного поменялись. Я хочу кое-что тебе показать. Пошли.

Трое: я, Кацу и мое любопытство, прошли в дом, а затем на второй этаж.

— Ты рано сегодня, пансион наконец тебя выгнал?

— Ах если бы. Но да, я опять сбежала, и вряд ли их это порадует.

Зайдя в комнату парня, на его кровати я заметила комплект одежды:

— Это явно не твой размерчик. Или ты любишь, когда обтягивает? Узнаю тебя с новой стороны, дружок. — Взяв в руки короткие шорты и майку, фыркнула я.

— Ты как всегда остроумна до жути. Это тебе, переодевайся, а я подожду снаружи.

Подождав, когда за парнем закроется дверь, я резво скинула с себя платье и натянула вместо шуршащей и раздражающей юбки шорты из темной джинсовой ткани, обтягивающие мои бедра и, если честно, дико короткие. Интересно узнать насколько короткие... С целью выяснить это, я посмотрела в зеркало и ахнула.

— О, черт!

Дверь открылась со скоростью звука:

— Что случилось?

С не меньшей скоростью в Кацу полетело мое платье.

— Я тебя еще не звала! — Возмущенно воскликнула я, прикрывая грудь. Парень резко сделал разворот на 180 градусов, заодно прикрывая глаза рукой, для пушшего эффекта ослепления.

— Ты кричала.

— Конечно, я кричала! — Я быстро натянула кофту, вытягивая из ворота волосы и давая им свободно упасть на плечи. — А еще будут кричать все, кто заметит меня в этой одежде. Ты видел эти шорты?! Тут забыли пришить ткань! Можешь поворачиваться.

Кацу, посмеиваясь, обернулся, все еще держа в руках мое платье. Я уже посматривала на него как утопающий на спасательный круг. По крайней мере в нем я не чувствовала себя голой.

— Ты потрясающе выглядишь. Я специально выбрал шорты и майку — это твое. Поверь, в гардеробе моей сестры были и платья, но они гораздо более откровенны.

Я вытаращила на него глаза:

— Это одежда Кейко? Не может быть!

Представить благородную японку, гордость семьи Мори, в подобном наряде фантазии не хватало даже у меня.

— Ну, это неофициальная версия ее одежды. — Засмеялся над моим шоком друг.

А удивиться было чему: Кейко была хоть и заводная девушка, но родители тщательно следили за ее внешним видом, поведением и всем, что может «опорочить ее честь». Неужели она действительно носила наряда из Старого-Нового мира? И куда же, позвольте спросить, она в нем ходила?

— Может, ты хоть посмотришь на себя? — Кацу выглядел донельзя довольным. Он положил мое платье на кровать и подтолкнул меня к зеркалу, расположенному у стены.

Я посмотрела в огромную зеркальную поверхность и... Ну, ладно, у девушек Старого-Нового мира был вкус. Я выглядела жуть как интересно. Регулярные тренировки с Каем и спорт явно пошли мне на пользу, чего никогда не было заметно под платьями, принятыми в Академии. Да и в обществе. Ярко-рыжие волосы прикрывали мои плечи лучше, чем майка. Она была довольно свободного кроя, оставляя голыми ключицы и одно плечо. Шорты показывали длинные ноги, хотя... Шорты просто ничего не скрывали.

— Это круто, но я не уверена...

— Раньше все так ходили. — С убеждением произнес Кай.

— Вот-вот. Раньше! Меня же заключают.

— Нет, но если ты пойдешь в пункт нашего назначения в форме ученицы женской Академии, то тогда нам точно не сносить головы. Считай, что я приглашаю тебя в путешествие во времени. Сейчас я надену пиджак и пойдём. Наверх накинешь плащ.

Это было ВАУ! Я буквально попала в другую реальность! Живя в этом городе уже 10 лет, я впервые очутилась в такой атмосфере, будто пройдя по коридорам, я ушла на столетие назад, в мир, наполненный драйвом, огнями, технологиями! До меня доходили слухи о подпольных «Электроточках», которые, как корабли-призраки, постоянно меняют свое положение. Да что там, все про них знали, думаю, даже власти, но чтобы очутиться в гуще событий такого неуволимого места? Я не думала, что мне так повезет! Но... Обо всем по порядку!

Кацу до последнего сохранял тайну места назначения. Мои плечи напряглись уже тогда, когда мы прибыли в Мертвый Город. Любая в пансионе знала: сюда было лучше не заходить, если тебе дорога твоя жизнь. Здесь же, за окраиной, находился злополучный Серый квартал. Сама я в этой местности никогда не появлялась, поэтому крепко вцепилась в руку друга и крутила головой во все стороны, жадно впитывая в себя визуальную информацию. На улицах было пусто, грязно и неприятно.

— Почему никого нет?

— Думаю, все находятся в другом месте... — Туманно ответил друг.

Мы добрались до окраины Мертвого Города и зашли в здание, которое когда-то служило обрамлением огромному и крытому стадиону-арене. Дверь без проблем поддалась, что меня удивило. Неужели такие важные здания не закрывают на ночь? Внутри царил мрак и полнейшая тишина, лишь два амбала в форме охранников сидели в своей каморке. Но они сразу вышли, стоило нам войти. Охранник, вместо того, чтобы поинтересоваться какого

черта мы вообще забыли здесь ночью, окинул нашу пару взглядом, внимательно оценив одежду (Нет, серьезно, он мог бы не так скрупулезно осматривать мои голые ноги!) и неожиданно добродушно усмехнулся:

— Опоздавшие?

— Есть немного. — Ответил Кацу и подошел к мужчинам.

Перекинувшись парой слов с охранниками, Кацу достал пару купюр и протянул их им. Те с готовностью приняли бумажки и сказали еще что-то. Кацу кивнул и вернулся ко мне, взяв под локоть и двинувшись в противоположную главному входу сторону.

— И куда мы? Закрытый концерт для избранных? Ночной показ?

— Ты очень близка к правде. — Улыбнулся Кай. Ох уж эти таинственные японцы, странный народ!

Мы миновали все коридоры, и подошли к массивной тяжелой двери.

— Сюрприз, Элли. — Улыбнулся он, и, крутанув колесо на двери, с силой дернул его на себя.

Я не знаю, что произошло раньше: меня оглушило, ослепило или покорило происходящее там. Из-за двери моментально вырвались звуки праздника, заставляющие мое сердце стучаться в их ритме. — Добро пожаловать в «Электроточку»!

Я во все глаза смотрела на происходящее. Это был настоящий восточный карнавал, который раскинулся прямо на арене, под открытым небом, точнее — прозрачным куполом, сохраняющим отличную звукоизоляцию. Теперь понятно, почему там, за стенами, все было тихо и безлюдно! Жизнь была прямо здесь!

Люди, одетые в одежду Старого-Нового мира, сновали между ярких палаток и шатров, открытых и закрытых. Мимо пробежали дети в масках невиданных зверей. В шатре, предлагающем всем желающим проверить меткость с помощью настоящей винтовки (Я видела это оружие лишь на картинках, говорят, оно есть лишь у Защитников, охраняющих Королевскую семью!), раздался гогот мужчин и залиvistый смех женщин. Кто-то из них опять не попал по мишени. Сбоку от меня прошел клоун с охапкой шаров. И все вокруг светилось ярчайшими гирляндами! И музыка! Настоящая музыка раздавалась то здесь, то там! Невообразимая, великолепная!

Пока я пытаюсь не захлебнуться эмоциями, стоит вам кое-что объяснить. Нет, я не сумасшедшая, из-за того, что влюбленными глазами смотрю на разноцветную электрическую гирлянду. Дело в том, что в нашем мире электричество, автомобили, самолеты, телефоны, пистолеты, компьютеры и даже джинсы — это слова из учебника по истории. Мы знаем, что это было, но лично мое поколение в глаза такого не видело. А если и видело, то не признается — себе дороже.

Правда вот, Пять Правящих Кланов, во главе которых стоит Первый ранг, род О'Доннеллов, все же имеют доступ к достижениям. Например, семья Кацу располагает некоторыми благами Старого-Нового мира, но их ранг — Третий. И это крошки с общего стола. Более того, говорят, что в городе Короля — Сантониуме, все сияет и светится. Только вот доступа в центральный город, место, из которого правятся всеми нами, простым смертным нет. Слухи ли это? Глядя на происходящее я вполне могу поверить в их правдивость. И в разговоры о том, что Отступников с каждым годом становится все больше. Отступники — опасные люди, которые недовольны укладом Старого-Нового мира и тем, что мы лишились достижений прошлых поколений. И то, что они хотят носить вместо платьев одежду, как на мне сейчас — меньшее из зол. В пансионе нам говорили, что отступники —

гнутой этого мира, мира, который Правящие всеми силами пытаются спасти. Но глядя на счастливые лица этих людей, я не знала, кому верить.

Широко раскрытыми глазами, как ребенок, я смотрела на все это безумие.

— Но это же незаконно! — Воскликнула я.

— Поэтому мы и пробрались сюда ночью. — Подмигнул мне парень.

— Но это же под носом у Правящих Кланов! Как они не прикрыли?

— Ответ до безобразия простой: им все равно. Мертвый город — гиблое место. Они прекрасно знают, что сюда порой стекаются отчаявшиеся, беглецы, сорвиголовы, ну и безбашенное поколение. Скажем так, ты тут единственная «благородная леди». — Фыркнул парень, улыбаясь озорной улыбкой, которую редко себе позволял.

— Фантастика! Откуда ты узнал об этом?!

— Мой троюродный брат, Такеши, один из местных организаторов. Они со своей «Электроточкой» путешествуют по всему миру, что-то в стиле бродячей цирковой труппы.

— Я думала, в вашем роду одна знать Третьего ранга! Откуда взялся таким?

— В нашем официальном роду — да. О таких, как Такеши, в нашей семье не говорят, считая их — позором и тщательно вымарывая их имена из семейного реестра.

В воздух поднялись огромные мыльные пузыри, я проследила за ними взглядом:

— Фантастика! — Снова восхитилась я, от шока позабыв, что мой родной язык имеет и другие слова, выражающие восторг. Я вертела головой, пытаюсь открыть глаза как можно шире, будто это поможет мне не упустить ни одной детали.

Рядом что-то хлопнуло, заставив меня подпрыгнуть... Лоток с поп-корном! Он выстреливал им как салютом, готовя угощение в прозрачном, пахнущем маслом, аппарате. И это тоже было чудом! Кацу похлопал меня по спине и указал на стройный ряд барных стоек, подсвеченных светодиодами. Божечки, как же тут все горит! Один из парней за стойкой подмигнул мне, и я заметила, что его лицо и шея покрыты затейливыми черными узорами, окрашенными чем-то фосфорическим, заставляя рисунки светиться изнутри как звезды. Оказалось, что такие же изображения есть на лицах всех барменов. Одежда тоже была одинаковая: черные жилетки на голый торс. Вау. Я уже говорила «вау»? Вау!

— Я возьму нам что-нибудь выпить. Коктейль?

Я уставилась на него, как будто он предложил мне билет в Ад в один конец:

— Боюсь, заявиться в Академию в состоянии алкогольного опьянения будет слишком. С другой стороны — я войду в историю, в этих стенах такого еще не было!

— Боюсь, — В тон мне ответил парень. — Ты уже вошла в историю и таких как ты в Академии вообще не было, и вряд ли появятся. Ходят слухи, что директриса устроит грандиозную вечеринку по случаю твоего выпуска.

Я захохотала:

— Не удивлюсь, если так и будет. И отметит она этот торжественный день прямо здесь!

— Я сейчас. — Сказал друг, отправляясь к бару. — Оглядишься, только не теряйся.

— Хорошо! — Пообещала я и... Потерялась.

Для протокола: не так уж я и виновата. Я даже могу предъявить в свою защиту несколько оправданий: мне надо было подвинуться, чтобы дать дорогу огромному китайскому дракону, которого под одобрительный гул прохожих на огромных палках несли между рядами шатров артисты. Потом мне надо было подбежать и поднять упавшего ребенка, он уже был близок к тому, чтобы зареветь! Ну, и в-третьих: ориентирование в пространстве для меня — китайская грамота! То есть по нулям. Поэтому ровно через 4

минуты я была основательно затеряна среди разукрашенных людей и запахов сладкой ваты. Толпой меня унесло к одному из шатров, розового цвета с многочисленными звездами на нем. Здесь показывали театрализованное представление и, судя по реакции толпы: смешное. Остановившись рядом, я увидела, что действие происходит в Сантониуме. Об этом говорили декорации, сплошь усеянные огнями башни замка, и надпись над ним: «Королевское гнездышко — Сантониум!». А главными лицами пьесы была королевская семья. Двое рыжих: отец и дочь никак не могли сладить. Принцесса хотела замуж за Отступника, а отец рвал на себе рыжие волосы, особенно доставалось бороде, и постоянно звал стражу, чтобы они увели девушку в башню. Все ясно, сатира на первый ранг — род О'Доннеллов. Очень смело! Толпа поддерживала артистов улюлюкая и хохоча. Мне же стало обидно за рыжие волосы, щедро осыпаемые на сцену (Ну да, это был парик, но все же!) и я решила удалиться.

В поисках Кацу (Да и просто из любопытства.), я заглянула в один из закрытых шатров, чей полог был приподнят ровно настолько, сколько необходимо человеку, чтобы протиснуться.

Я вошла в просторное помещение и огляделась. Здесь была игровая, и люди сидели кучками около разных столов. Кто-то заинтересовался рулеткой, кто-то картами, некоторые бильярдом, а многие барной стойкой.

— Раскрываемся! — Послышалось из-за стола с покером в ближнем от меня углу. В плохо освещенном помещении было видно только несколько уже не очень молодых лиц и пару спин. Я хотела уже проследовать дальше, но один из сидящих ко мне людей, хоть и был одет как и все тут: в джинсы и серую рубашку, сильно привлек мое внимание, заставляя замереть. Это аристократ! Нет, не может быть, что это тоже один из Старого города! Его поза, его осанка, длинные пальцы и лицо, нетронутые солнцем... Даже волосы, тщательно взъерошенные, были как будто непривычны к такого рода махинациям. За 10 лет мне часто приходилось иметь дело с высшими рангами семей, и я могла поклясться, что он — один из них. В этот момент этот человек засмеялся и кинул карты на стол. Все сидящие за столом недовольно глянули на его расклад.

Эйден

— Не могу поверить, Бобби, тебе несказанно везет! Сегодня твой день! — Сказала смазливая девчонка, чье имя я никак не могу запомнить, и положила руку мне на плечо. Джил? Джулия? Джульетта? А может вообще не на «Джи»? Какая разница... Я ведь тоже не рискнул называть им своего настоящего имени. Вряд ли здесь есть хоть один человек, который не воспользуется шансом сдать информацию, что сам Эйден Батори, наследник Второго ранга, шляется по Старому городу. Поэтому здесь путешествует Бобби. Глупее имени я придумать не мог, а мог бы — обязательно назвал бы его.

— Да, говорят, когда так везет, нельзя размениваться на мелкие выигрыши. — Задумчиво смотря на меня, сказала Берта, женщина в возрасте, но ухоженная и достойная. Такие вызывали у меня уважение. Странно найти подобных людей в этом притоне для бродяг и отступников.

— И что ты посоветуешь, Берта? Взять билетик до Сантониума и сыграть с Королем по крупному? Или совершить налет на ближайший банк? — Я, не пытаясь скрыть самодовольную усмешку, взял со стола свой стакан с виски.

Остальные рассмеялись и накинули мне пару вариантов:

— Вызови Дракона на дуэль. — Дракон, все чаще я слышу это имя. Тот, кем пугают всех андабатов, как детей монстрами из сказок. Лидер отступников.

— Он везунчик, а не самоубийца. — Ответили предложившему этот вариант.

— Тогда пусть украдет Принцессу, дочь Главного.

В который раз удивляюсь, почему все представители низших каст избегают называть Говарда Королем, предпочитая этому нейтральное слово — Главный? Может, этим они пытаются показать, что не принимают его положение или царившую у нас монархию?

— Ты этого парня видела? Ее красть не придется, она сама поднимет юбки и побежит за ним, прямиком в наш Серый квартал.

Снова хохот, на этот раз скабресный. Ох, слышала бы их Принцесса Лилит.

Берта ответила на все это лишь вежливой улыбкой и взяла покерную колоду у дилера:

— Если правильно повернуть. — Она стала медленно мешать карты. — Может произойти что-то, что перевернет всю твою жизнь.

Берта протянула мне колоду, предлагая сдвинуть.

— Перевернуть жизнь? — Еще немного этих волшебных штучек и скептическое выражение навечно застынет на моем лице. Ленивым жестом я все же сдвинул колоду, каждым движением показывая недоверие по отношению к происходящему.

Берта кивнула и вытянула по очереди две карты:

— Вознесет тебя на вершину. — Передо мной лег червовый туз. — Или принесет погибель. — На зеленое сукно стола для покера Берта положила крестовый туз.

Фокусы. Я и сам знаю парочку, научился у одного из заезжих артистов. Сверху на туз крести я со звоном опустил пустой стакан от виски, позволяя нарастающему льду в нем звякнуть.

— Спасибо за предсказания, Берта, но я в это не верю.

— Да, но надо заметить, юноша, что многое, очень многое из слов нашей Альберты сбылось. — Сказал мужчина с необычайно толстой шеей.

Я лишь улыбнулся им и посмотрел в сторону. Мои пальцы, мерно выбивающие ритм на столе, замерли. Там, рядом со входом в шатер, стояла девушка. Тусклый свет помещения еле освещал ее, будто желая представить публике. Он мягко обволакивал ее фигуру, обтянутую короткими шортами и топом на манер старой моды. Через приоткрытый полог влетел маленький поток свежего воздуха. Он легонько всколыхнул струящуюся ткань белоснежной кофты и длинные, ярко-рыжие волосы незнакомки. Ее глаза, почему-то напуганные, или растерянные, показались мне огромными и знакомыми. Она смотрела на меня, и когда я это понял, сердце будто пропустило удар. Тени помещения блуждали по ее лицу. Она гипнотизировала, манила. И она была безмерно похожа на... Не может быть. Кто-то из королевской семьи здесь? Ну, конечно. Очнись, парень, ты слишком много выпил.

— Оу, кто это интересно? — Проследив за моим взглядом, спросила соседка, та, чье имя начинается на «Джи». Возможно. Ее девушка явно не впечатлила так, как меня.

— Кто-то не верит в предсказания? — Усмехнулся мужчина с английским акцентом и светло-голубыми глазами, закуривая трубку.

Девушка отвела от меня взгляд, и, резко развернувшись — вышла.

— Да, не верю. — Ответил я. И не верил. Но зато я верю в судьбу. Точнее то, что ее создаем мы сами.

Брендан

— Дракон, Дракон, Дракон, Дракон! — Скандирование толпой моего прозвища постепенно превратилось в монотонный ритм. Этот ритм слился с моим пульсом, с глухими ударами моего сердца, которое как всегда билось спокойной и размеренно. Странно, чем сильнее я должен был волноваться, тем медленнее, казалось, текла кровь по моим жилам.

Раз — наклон вправо от удара, намеченного в голову. Четко, плавно. Плавно — для меня, резко — для тех, кто наблюдает за боем. Я никогда не ставил защиту и не блокировал удары, зачем занимать руки? Мои руки созданы, чтобы бить, уничтожать, наносить удары и контр-удары. Я понял это в возрасте 10 лет и с тех пор ни разу не менял эту позицию.

— Почему не снимаешь повязку, Дракон? Ты урод под ней? — Его дыхание уже сбилось, стало рваным, а он тратит его на попытку задеть меня? Вот же идиот. — Когда я тебя отделаю, я сорву с тебя твою черную тряпку.

Он не может даже коснуться меня, а все туда же. Кажется, мой противник тоже это наконец осознал. Его удары стали более хаотичными, он смотрит на меня и злится. А тот кто поддался гневу становится уязвимым, теряет бдительность и вместо того, чтобы хладнокровно драться, пытается просчитать порядок моих действий. Тщетно.

А вот его комбинации прозрачны: хук, джеб, правый кросс, хук, джеб, правый кросс, хук, джеб, правый кросс... Он дерется или вальсирует по шаблону? Пора заканчивать. Стоит показать ему новые виды ударов, пусть добавит в коллекцию.

Еще один наклон, поиск момента, и да, он не заставил себя ждать. Мой противник одновременно взбешен и растерян настолько, что забывает о защите и не смыкает локти в клинче. Шаг вперед, вес на ногу, и... Мощный удар снизу в подбородок. Он его даже не заметил. Придурок.

— Драко-о-о-о-он! — Рев толпы заполнил стены яркого циркового купола, ставшего на время боевой ареной для местных искателей приключений. Как символично, теперь понятно, почему на этом ринге мне попадаются одни лишь клоуны.

Я поправил черную бандану на лице, которая так волновала этого кичливого идиота, и перешагнул через его тело, находившееся в отключке. Рядом с его головой расплзлась лужа крови из разбитого лица. Ничего, встанет. Не так сильно я и приложился, можно сказать, почти любя.

Вид тела в бессознательном состоянии заставил меня поморщиться:

«Противник деморализован! Повторяю, противник деморализован, что прикажете?»

Эти фразы, команды, отчеты... Куски моего прошлого, постоянно врезающиеся в мою память. И они становились все более яркими. С каждым разом их сложнее подавлять. Как и мое желание. Желание убивать. Стычки, драки, выброс адреналина... Все это лишь на время позволяет приручать зверя, которым я стал. Того монстра в глубине моей души, который постоянно голоден. Что будет, если я перестану себя контролировать?

Ко мне подскочил Реми, в такой же повязке на пол лица. Он поднял руки вперед, как заправский артист, не подпуская ко мне ошалевшую толпу, хаотично выкрикивающую мое прозвище, смешивая его с разного рода предложениями.

— Дракон, покажи лицо! Покажи лицо!

— Сними бандану, Дракон, покажи лицо! — Что эти психи так к моей бандане привязались? Тоже мне, Гюльчатой нашли.

— Дракон, я поставил на тебя деньги, я всегда ставлю на тебя! — Отлично, значит, ты обладаешь зачатками разума и капиталом.

— Сколько?! Сколько ты будешь в нашем городе?! — Да чтобы от меня зависела моя судьба и местоположение... И так в этом городке мы обосновались на удивление надолго.

— Дракон, я готова стать твоей! — А я готов?

Я кинул взгляд на визжащую девчонку. В принципе...

Шипение в мой затылок и две настойчивые ладони на спине активно подгоняли меня к своеобразному «закулисию» арены, за которым был черный выход:

— Шевелись, древняя ящерица, пока тебя на сувениры не разодрали. Буду я потом в лагере объяснять, почему главный из Андабатов-юниоров пал жертвой бешеных фанаток в Мертвом Городе.

Я хмыкнул, но словам друга подчинился. Когда гул толпы за спинами стих, и людей отвлек очередной бой, мы вышли из импровизированного бойцовского центра вспыхнувшей «Электроточки». Лишь когда отошли подальше, в одном из закоулков позволили себе снять банданы и глотнуть воздуха. Хотя свежим его не назовешь. Сегодня старый стадион пах едой, дымом, жизнью. Той жизнью, что должна была у нас быть всегда, а не в подполье.

Реми носился вокруг меня, как щенок. Этого жизнерадостного парня восхищало абсолютно все. Кажется, если бы мы оказались ночью, в пятницу 13-е, на старинном кладбище, и оттуда стали подниматься скелеты — он бы вопил от восторга, наслаждаясь архитектурными формами надгробий и попробовал подцепить какую-нибудь более-менее недавно покинувшую наш бранный мир зомби.

— Ох, а ночь прекрасна! Знаешь, в этом городе действительно круто, по сравнению с тем, что нам удалось узреть.

— Мы скитались по дырам. Конечно, по сравнению с местами обучения — это рай. Наверняка, в Центральном жизнь еще ярче...

Я двинулся вперед. Реми пошел следом за мной.

— Слушай, — сказал парень после небольшой паузы. — А ты не думал бросить все и остаться где-нибудь вроде этого места?

Я удивленно обернулся на друга:

— Что это тебя на лирику потянуло?

— Просто. Иногда надоедает все происходящее. Хочется перестать гнаться за чем-то, даже не знаю за чем. И остаться где-то здесь: красивая местность, тихий город. А по ночам здесь так кипит подпольная жизнь, я и не ожидал.

Ну да, эта местность действительно удивила, когда Катина привела нас в «Электроточку» впервые. Теперь мне это место уже надоедало. Реми искал здесь развлечения, я — союзников. Мы оба нашли необходимое, но надо было двигаться дальше.

— А уж как тут девчонки одеваются, точнее раздеваются! — Продолжал парень, как раз провожая взглядом одну из девушек в коротком платье. — И музыка какая, а? Где они взяли эти динамики? Сплошной олд скул! А светильники?! Жаль, что с нами нет Блютуса, он бы сдох от зависти!

— Напомни, сколько кругов ада я посету, если убью единственного друга? —

Незначай поинтересовался я у до чертиков говорливого парня.

— Чем ты опять недоволен?! Ты хотел подраться — вот тебе, пожалуйста! Что еще?

— Я не подрался, а размялся.

— Пять раундов и все закончены нокаутами?! О тебе и так ходят легенды, скоро к нам на порог будут собираться рыцари с мечом на перевес и викинги с дубинками, которые поверят в то, что в тебе течет кровь дракона, и ты жрешь девственниц на обед.

— Что, и такое говорят? — Удивился я людской глупости. Да, я имел дело с девственницами, но не в качестве каннибализма. Если вы понимаете, о чем я.

Реми лишь пожал плечами:

— Слухами земля полнится. Иногда такими, что у меня уши закладывает.

— А ты бы свои уши не развешивал сильно.

— Ничего не могу поделать с природным любопытством. У меня не уши, а локаторы свежих новостей. Иногда, это даже полезно.

— Жаль, что очень редко... Какого... — Не успел я понять, что произошло, как в мою грудь вписалась мелкая, не понятно откуда вынырнувшая пигалица. Да и ладно бы она просто вписалась... По моей водолазке медленно сползало что-то розовое... — Твою ж мать.

Элеонор

Я все еще носилась по оказавшейся нереально огромной территории бывшего стадиона, превратившейся с легкой руки бродяг в сказочную страну, и разве что «Ау» не кричала. Кацу нигде не было. Вот было прекрасно в Старом-Новом мире, заблудился — позвонил по этому... Ай, не важно. В общем, все было проще. Да и японцев здесь было слишком много! Интересно, если я возьму любого и приведу в особняк Мори, его родителя заметят подмену?

— Лови, лови ее!

— Ай, вот незадача!

— Мистер, можно нам еще одну сеточку?!

Мое внимание привлекли взбудораженные детские голоса. Два ребенка застыли перед чем-то на коленях, я подошла и увидела, что это бассейн с водой, в котором плавало множество золотых рыбок.

— Держите. — Продавец протянул двух мальчишкам бумажный сачок. Дети взяли его и снова попытались поймать рыбку.

— Это кингё-сукуй. — Я подняла глаза от чудной игры и заметила, что мужчина, пожилой японец в черно-белой юкате, смотрит на меня.

Наверное, на моем лице отразилось крайнее недоумение, что он довольно расхохотался. Нет, а чего он ожидал? Какого диалога? Может что-то в стиле:

«— Девушка, это кингё-сукуй!

— А-а, кингё-сукуй! Тогда все понятно! Так бы сразу и говорили, кингё-сукуй...».

Отсмеявшись, мужчина сжалился и пояснил:

— Если они поймают рыбку с помощью «пои», они забирают ее себе. — Продавец махнул бумажным сачком перед моим лицом.

— То есть желания рыбки не исполняют? А я то думала... — Задорно улыбнулась я.

— Попробуешь? Первый раз бесплатно. Может твое желание и исполнится.

— Заманчиво, но я сама буду исполнять свои желания.

— Умная девочка. И о чем ты мечтаешь?

Я задумалась, глядя в темные глаза-угольки своего незнакомца. Его лицо было добрым, одеяние — непривычным (Сказала девушка в Старой-Новой одежде!), а рыбки плескались в воде, сверкая золотыми спинками в свете настоящей электрической подсветки... Поэтому диалог не казался странным, он казался волшебным. Я улыбнулась и пожалала плечами:

— Не знаю чего желать.

— Когда не знаешь, о чем просить, проси любви — она отнимет лишнее и даст то, чего не достаёт. — Я нахмурилась, ну вот, а все так хорошо начиналось...

— Нет, любви мне не надо. — Покачала я головой. Стыдно признаваться, но мое окружение (Толпы визжащих на каждый худо-бедно голый мужской торс девчонок.) сыграло со мной злую шутку. Вместо того, чтобы поддаться стадному инстинкту и очароваться, например, Ричардом, или городскими парнями, я превратилась в легкую версию феминистки. Ничего радикального, просто ставить на пьедестал жизненных целей удачное замужество я не собиралась.

Мужчина лишь рассмеялся:

— Всякой вещи свое время. — Его лицо от улыбки покрывалось сеткой мельчайших морщин. Оно становилось таким добрым, что я едва не заурчала от удовольствия, смотря на него. К слову об урчании, мой желудок явно давал о себе знать.

— Полностью с вами согласна, и сейчас самое время подкрепиться и найти моего друга. Спасибо за... За все! — Я махнула рукой и отвернулась, чтобы найти Кацу и перекус, в любой последовательности.

— Элеонор! — Я оглянулась. — Улыбайся всегда. В улыбающееся лицо стрелу не пускают.

Удивленно замерев, я на всякий случай улыбнулась (Кто знает этих японский мудрецов, вдруг после высказывания в меня сразу полетит стрела, для пущей убедительности?!).

— Спасибо, я запомню! — Крикнула я, махнув рукой.

Лишь дойдя до лотка с мороженым и ледяной стружкой, я поняла, что своего имени старичку я не говорила! Ну, ничего себе тут пирожки с ягодками лепятся! И вот куда я попала?.. Стоит ли вернуться и спросить у японца с рыбками об этом? И ради чего, чтобы получить в ответ очередную философскую мысль о любви и стрелах? Да и боязно, как то... Нет, без Кацу я туда не вернусь.

Купив у мороженщика клубничный рожок, я с удовольствием откусила кусочек, едва не застонав, почувствовав кисло-сладкий вкус. Не долго я им наслаждалась!

Из-за угла (В этом местечке слишком много углов!) вышли двое парней, ради справедливости замечу: они вышли действительно неожиданно! И это всего лишь стечение обстоятельств, а не моя вина, что подтаявшее мороженое вписалось чуть ниже груди впереди идущего молодого мужчины, оставляя на черной одежде нежно-розовый след. Очень даже миленько. Хоть какое-то разнообразие в его темном облике. Я всегда была за яркие пятна в серости будней! Жаль, что эта скала моего мнения не разделяла...

— Черт возьми, смотри куда идешь! Слепая что ли? Ты испортила мне кофту!

— А ты мне — мороженое, я же не ору... — Пробубнела я, поднимая глаза от своего оскудевшего рожка, на источник негативной энергии. А он хорош: я едва доставала до его груди, стоит отметить, весьма широкой. Лицо, хоть и раздраженное прямо сейчас, оставалось мужественным. Темно-карие глаза, темные волосы. И даже шрам имеется! Вот

она, точная картинка того, от кого нам говорили держаться подальше! Оба парня, одетые в темную одежду, были как на подбор мускулистыми, высокими и статными. Я бы восхитилась такой встречей, если бы у меня было меньше извилин, как, например, у Британи.

— Вот клоунесса рыжая. — Парень нервно сморщив лоб, отлепил ткань от своей груди.

— На себя посмотри. — Обижено проворчала я. — Что, в местном зверинце какую-то клетку с обезьянами закрыть забыли? Какая потеря для гастролирующих артистов! Ну, я обязательно сообщу куда надо, и тебя отыщут. — Сказала я прежде, чем подумала. Вот всегда со мной так, язык выдает информацию прежде, чем согласует ее с мозгом. Нет, чтобы чинно извиниться и ретироваться. К слову о «ретироваться», мысль то дельная.

Темноглазый метнул оценивающий взгляд на мою замершую фигуру, будто прикидывая, удивятся ли прохожие, если он меня оглушит и утащит в свою пещеру. Ведь, судя по его виду, он обитает именно там. Не дожидаясь, пока он взвесит все «за и против», я сделала осторожный шаг назад:

— Ладно, приятно было пообщаться, но... — Я посмотрела на совершенно голое запястье. — Ба, сколько времени! Мне давно пора быть... Там, где мне пора быть! До свидания.

Но не успела я обернуться, как мою руку, ту самую, с невидимыми часами (Ну, может они солнечные?!), схватила мужская ладонь:

— Не так быстро. — Парень так резко рванул меня на себя, что я едва не оказалась прижатой к его груди со следами своего же клубничного мороженого. — Хм... Ты выглядишь как...

Лицо парня внимательно всматривалось в мои черты, скользя по ним своими карими глазами. Как кто? Я скажу как кто: как испуганный звереныш я выгляжу!

В разговор встрял второй парень:

— Эй, отпусти ее, сдалась тебе эта кофта... — Что это? Неужели, я слышу как прорезается голос здравомыслия в речах его друга...

— Как здорово, что хоть у одного из вас есть мозг! — Возбужденно воскликнула я, пытаюсь вырвать свою руку из лап этого амбала, но тот даже не замешал моих усилий.

— Да ты не бойся его, не съест тебя. Может покусать, но не более того.

— И это должно меня успокоить?! — Я попыталась посмотреть в наглые глаза своего второго собеседника, но отвести взгляд от лица моего основного противника было не так уж и просто. Он всматривался в меня так внимательно и проникновенно, будто одним взглядом может вскрыть мою голову и достать оттуда всю необходимую ему информацию.

— Неужели ты так взъелся из-за кофты? Она что, досталась тебе по наследству от прадеда и дорога как память?

— Вот вы где, я вас везде ищу... А это еще кто? — Ситуация становится все интереснее и интереснее. Например, вполне забавно, что данная реплика относится к брюнетке, подлетевшей к нашей «дружной» компании на всех порах и вцепившейся сначала загибающими ручонками в локоть парня, а потом практически черными глазами в мое лицо, явно желаю убить взглядом. О, у нас тут собрались все оттенки темных волос, может, у них секта? Клуб по интересам? — А это еще кто? Не познакомите с новой подружкой? — Прошипела девушка, явно не тоном, с которым заводят новых друзей, еще сильнее прижимаясь к плечу парня.

Подружкой?! Ну, все, вы меня достали.

— Так, во-первых, у меня действительно нет времени на участие в мыльных операх, вторых, если ты думаешь, что кто-то в здравом уме может стать подружкой этого ацтека, то у тебя суп вместо мозгов, и в-третьих, отпусти меня, наконец! — Я рванула на себя руку и все же получила долгожданную свободу. — Парень сделал предупреждающий шаг вперед, я сделала шаг назад, воинственно взмахнув остатком мороженого, как мечом. — Да что тебе надо?!

— Извинись.

— Что?

— Извинись. — Он ткнул себя большим пальцем в грудь на пятно. — И назови свое имя, мелкая ведьма.

— Держи карман шире. Но извинения прими, даже более того, вот тебе, в знак моего искреннего раскаяния, бесплатный десерт!

Мое холодное оружие (Во всех смыслах этого слова.) вписалось в лицо парня. Прежде чем он успел убрать с глаз сладкий десерт, я уже помчалась по импровизированным улочкам. Вынырнув из очередного поворота, я едва не попала в огонь, выдыхаемым каким-то факиром.

— Господи! — Схватила я за сердце, притормаживая за секунду до «стрижки-вспышки».

— Элли! — Голос, самый потрясающий голос в мире, заставил меня развернуться на каблуках.

— Боже, Кей! Где ты ходишь?! — Я кинулась к другу. — Я думала меня инфаркт хватит! Или убьют! Или и то, и другое!

Кацу отодвинул меня, с явной целью отчитать, чего еще можно ожидать от этого моралиста? Но не успел он открыть рот, чтобы выдать порцию нотаций, как его перебил отчаянный вопль какой-то женщины:

— ЗАЩИТНИКИ!

Это слово подействовало на присутствующих как сигнал «марш» для бегуна. Все превратилось в живое море из тел, стремительно сворачивающих все, что можно было свернуть и убегающих, как крысы с тонущего корабля. Я посмотрела на Мори, он выглядел напряженным. Парень схватил меня за руку и потянул в сторону.

— Второй выход, меньше шансов быть задавленными. — Объявил японец. Отпираться я и не собиралась, лишь еще раз оглянулась в толпу и... Снова этот парень! Нет, не тот гладиатор, а тот, с замашками аристократа, из игрового шатра. В тот момент, когда все бежали, он стоял против течения, позволяя людям обтекать его, что они и делали. Будто его фигура была зачарованной. И его глаза, которые при освещении показались мне очень светлыми, смотрели точно на меня. Он улыбался. Да только от его улыбки мне стало не по себе. Я сильнее сжала руку друга и побежала что есть сил, постоянно натываясь на брошенные маски, яблоки в карамели, коробки от еды и... Мы пробежали мимо шатра с золотыми рыбками. Только вот рыбки уже не плавали в бассейне, сверкая своей чешуей, они валялись прямо на дороге, и инстинктивно бились, в надежде снова попасть в воду, но не находя спасения.

Брендан

— Вот маленькая чертовка! — Воскликнул я, с ненавистью стирая с лица липкие капли.

Я уже сделал шаг по направлению в сторону, в какой исчезла рыжая, но в мои руки вцепились сразу в двух сторон: Катина и Реми. Не то чтобы меня это остановило, но немного отрезвило. Я серьезно собираюсь преследовать мелку пигалицу?

— Брен, хватит, давай: вдох-выдох. Ну не будешь же ты пачкать руки о девчонку? Еще убей ее.

— А идея хорошая... — Недовольно произнесла Катина и подняла свое лицо ко мне, внимательно вглядываясь цепким взглядом. — Ты чего это? Обычно не обращаешь внимания на мелких сошек. Вы точно не знакомы?

Хороший вопрос. Даже два неплохих вопроса. Чего я? От короткой перепалки с этой юркой девчонкой я почувствовал всплеск возбуждения и еще что-то... А знакомы ли мы? Не могу отделаться от мысли, что ее волосы, лицо, глаза, безумно сильно похожи на... Ну нет. Бред. Я и так пытался найти их несколько лет. Тщетно. Не может быть, чтобы она была под моим носом. На такие подарки от судьбы я рассчитывать давно перестал. Тем более, сейчас на это нет времени. Через неделю я стану Андабатом-Защитником официально. Через неделю начнется игра на выживание. Впрочем, для меня она не заканчивалась. И для надежды в сердце места быть не может, тем более такой призрачной.

— Пойдем быстрее, раздетые девушки нас ждут! — Воскликнул нетерпеливо Реми, чем вызвал шипение девушки. Иногда она выглядит точно как змея. — Я хотел сказать девушки-бармены, Катина. Просто бармены. Нам всем не мешает выпить, верно?

Но до места мы так и не дошли, громкий выстрел раздался раньше. Сразу после него до моего слуха донеслись нестройный выкрики присутствующих. В шквале испуганных голосов можно было разобрать стойкое: «Защитники». Реми из веселого щенка моментально превратился в напряженную гончую:

— Рядом с главным входом? — Оценил он положение эпицентра действия.

— Видимо... Защитники, больше некому. И, судя по всему, ищейки. — Сказал я, накидывая капюшон. Услышав приближающиеся голоса, я сразу достал бандану, быстро натягивая ее. Реми последовал моему примеру. — Разделимся. Я уведу их от Серого квартала, а ты постарайся предупредить остальных. Катина, беги с Реми.

— Но...

— Быстро.

Элеонор

Я упала на траву перед особняком Мори и захохотала. Затем резко закашлялась, от обхватившей грудь и легкие боли, и снова захохотала, позволяя в уголках глаз собраться слезам.

— Боже, где вы были?! Это моя одежда?! — Раздался женский голос над моей головой. — Она сошла с ума?

Как много вопросов, Кейко...

— Не больше, чем обычно. — Вторил ей мужской голос.

— Это. Было. Шикарно. — Выдала я сквозь смех и посмотрела снизу вверх на склоненные надо мной головы японцев.

— Ты совершила несколько незначительных ошибок в слове «Ужасно». — Проворчала Кей. Наше приключение ему совершенно не понравилось, не смотря на то, что мы выбрались сухими из воды. Я же была в полном восторге.

Я отдышалась и приняла сидячее положение:

— Что там забыли Защитники?!

— Искали кого-то, думаю. Элеонор, с тобой точно все в порядке? — Я положительно покачала головой. — Давай я отведу тебя в Академию? — Я отрицательно покачала головой. Затем протянула руку вверх и требовательно подергала пальцами. Когда Кацу взялся за нее и помог мне подняться, я отряхнулась.

— Итак, девочки и мальчики, мы выжили. И теперь мне нужна моя одежда.

В очередной раз отмахавшись от предложения Кацу довести меня до стен Академии, я шла, проверенным маршрутом, в родные пенаты. Нет, правда, иногда этот парень был слишком мнительным. Скажите, вот что может случиться со мной в нашем городке? Меня заключают церковные голуби? Я же, в конце концов, не через Серый квартал иду... Брр... Не стоило мне вспоминать это злчное местечко. Серый — это кусок Старого-Нового мира. Такие руины есть в любом городе, чаще всего где-то на окраине. И хорошего там мало: ни людей, ни мест. Одни проблемы и неприятности. Туда стекаются всевозможные преступники. Ну, по крайней мере, так говорят. Мысли о страшных байках и историях, которыми нас травили с детства, заставили меня идти быстрее по темным улочкам. Так, еще несколько поворотов и там...

В воздухе отчетливо прозвучал выстрел. Что? Я парализовано замерла, прижавшись к кирпичной стене. Этот звук... Звук из моего прошлого. Не может быть. Мне показалось. Ох уж это воображение. Сама виновата, нечего было вспоминать представителей Серого квартала. Да и впечатлений сегодня было столько, что не грех фантазии разыграться.

Я проглотила комок в горле и почти решилась сделать еще один шаг. Впереди были две довольно узкие и малоосвещенные улочки, а затем — прямая дорога по возвышенности, ведущей в Академию. Она просматривается со всех сторон, так что... Еще один звук выстрела заставил меня потерять успокоительную нить размышлений и, ойкнув, зажмуриться. Нет, это определенно звуки оружия.

Я не знала, что делать: бежать обратно к дому Мори, или нестись на всех парах к замку. Так и стояла, прилипшая уже мокрой спиной к стене, когда из-за угла с улицы выскочила темная фигура, заставляя меня вскрикнуть.

— Черт. Девчонка! — На меня смотрели темные глаза, правда вот рассматривать их цвет не было ни желания, ни возможности. Лицо же его наполовину прикрывала черная повязка, да и остальная одежда была черного цвета.

К стыду моему, о том, чтобы драться с ним (Ну, хорошо, хотя бы сделать слабую попытку ударить или убежать.), я не помыслила, настолько меня происходящее ввело в состояние всепоглощающего страха. Единственным желанием было отчаянно завопить. Именно это я и собиралась сделать, не сводя взгляда с парня и медленно открывая рот, делая глубокий вдох. Очевидно, он разгадал мои намерения и резким движением зажал мой рот рукой, прижимая близко-близко к стене, так что вместо крика из моей груди раздалось глухое мычание. Он наклонился и прошипел мне прямо в лицо:

— Тише дура. — Затем его глаза расширились, в удивлении. — Черт возьми, ты то что тут делаешь?! — Дать достойного ответа на его странный вопрос я не могла чисто по физическим причинам: рот зажат, блин! Затем его взгляд снова стал серьезным, а дыхание

обдало мое лицо теплом даже сквозь ткань его повязки. — Неважно. Заткнись. Если нас услышат, не посмотрят, что ты девушка. Убьют к черту. Кивни, если поняла, и я уберу руку.

Поверила ли я ему? А вы бы поверили? Сердце отчаянно колотилось, но я все же слабо кивнула. Даже если он врет, не умирать же без права голоса?

Он еще мгновение подозрительно изучал мое лицо, но затем медленно убрал свою ладонь. Я сделала полувздых-полувсхлип. Нет, плакать я не собиралась. Истерика тоже не подступала. Но меня определенно начало колотить.

Где-то послышался шум, топот ни одной пары ног, какая-то возня. Все это заставило парня напрячься, как замершее дикое животное, почуявшее опасность, и обратиться в слух. Он все еще сильно прижимал меня своим телом к стене, не давая возможности сделать и шага.

Парень снова обратил на меня внимание:

— Ты. Не двигайся.

С этими словами, он резко отодвинулся и сдернул с себя черную куртку. Быстро вывернув ее наизнанку, парень открыл ее светлую сторону и надел на себя. Судя по открытой части его лица, все эти движения приносили ему боль. Лоб парня сморщился и покрылся испариной, глаза были напряжены. Он наглухо застегнул одежду и, выкинув что-то в мусорные баки, снова подошел ко мне. Когда звуки стали очень отчетливы, что можно было разобрать голоса и отдельные слова, парень резко снял со своего лица бандану. Черт возьми! Это же он! Тот самый! С мороженым!

Далее все произошло слишком стремительно, его ладонь, недавно не дававшая мне крикнуть, легла мне на затылок. Знакомый-незнакомец стремительно наклонился ко мне, а в следующее мгновение уже смял мои губы в поцелуе.

Я бы ахнула от шока и неожиданности, но он прижался к моим губам куда быстрее, чем я могла сделать хотя бы короткий вздох! Я уперлась руками в его твердую грудь, но тщетно. Это было равносильно идее подвинуть скалу: глупо и бесполезно! Я хотела укусить его, но только лишь чуть приоткрыла губы с этой целью, как его горячий язык проник ко мне в рот, заставив колени подкоситься. Господи Иисусе, Иосиф и Дева Мария! Простите меня, вашу Элеонор, но... Но что вы хотите, если это был, на минуточку, мой первый поцелуй! И он был потрясающий! Позже, думая об этом, я решу, что немалую роль в игре на моих эмоциях исполнила вся ситуация: первый страх прошел, и адреналин во мне буквально вскипел от происходящего. Еще бы, быть на волосок от чего-то, пахнущего неприятностями, уже второй раз за ночь — перебор даже для меня! Но это позже... А пока... Стыдно, очень стыдно признаться, но мои руки сами взмыли вверх, обнимая парня за шею. Этого наглого, ужасного парня! Вора, укравшего мой первый поцелуй! Тот в свою очередь продолжал атаковать мои губы. Он делал это настолько умело, что я чувствовала себя восковой куклой, которую плавил и плавил, вылепливая из нее что-то новое.

— Черт, не говори, что упустили! Нас сожрут, блять, заживо!

— О, а тут у нас кто... Эй, вы!

— Отцепись от парочки, дебил. Не смей меня. Только внимание привлекаешь.

— Ну, мы хотя бы его задели. Он не должен далеко уйти.

— Не должен?! Тебе лис что-то еще обещал?! Должен он... Упустить Дракона! ДРАКОНА! Если он уйдет в лес или в Серый квартал, то нас линчуют.

— Мы можем не говорить...

— Вон наши... Эй, вы поймали второго?!

— Нет, удрал, чертенок! А Дракон?

— Куда там...

Голоса внезапно появились в моем сознании и также внезапно исчезли. Вместе с ними исчезло и тепло губ парня. Осознав это, я распахнула глаза и попыталась отдышаться. Губы горели. Щеки пылали. Наваждение прошло, и я резко одернула руки от его шеи, прижимая их к спасительно холодной стене дома за моей спиной. Сомнений нет, и это был не обман зрения. Передо мной был тот самый брюнет, но теперь я могла рассмотреть его как следует (В такой близости альтернативы вообще не предоставляется.). Правильные черты лица, придающие ему мужественности, хотя ее было и так в избытке. Нос с едва заметной горбинкой. С правой стороны у глаза тянулся белесый шрам, оказавшийся идеально ровным и доходящий до середины линии скулы. Да, природа определенно не отдыхала на нем, а как следует попотела, создавая это лицо и тело... Губы, которые, как оказалось, были мягкими (Вот же черт, я бы как-то жила без этой информации!) сейчас были сжаты в тонкую линию, он повернулся ко мне в профиль и вслушивался в удаляющиеся шаги. Затем он выдохнул, расслабляя плечи и устало прикрыв глаза. Странно, но осознание того, что я уже его видела, значительно помогло мне расслабиться.

— Кхм... — Кашлянула я, привлекая внимание к своему существованию. Внимание не привлекалось. — Кхм! — Добавила я более громко. Плечи парня дрогнули, и он распахнул глаза, уставившись на меня, будто видя впервые.

— Ох, точно. — Он взял меня за подбородок и посмотрел в глаза. — Ты ничего не видела, поняла?

Моя здравомыслящая сторона, которая всем бедам на зло хотела все-таки выжить этой ночью, уже собиралась активно закивать и сказать: «Абсолютно! Что я видела? Ничего не видела!», но та часть моего характера, которая отвечала за гордость и не имела стоп-сигналов, была быстрее и дерзко дернула моей головой, выдергивая подбородок из пальцев парня.

— Это ты так «спасибо» говоришь? — Прошипела я.

— «Спасибо»? За что? За то, что спас твою шкурку? Или за поцелуй? Так знаешь ли деточка, у меня были поцелуи и получше, и тебе стоит...

Он не успел дать мне свой, бесспорно, ценный совет, как я залепила ему звонкую пощечину. Лицо парня, на миг потерявшее устойчивое положение из-за близкого контакта с моей ладонью, медленно и верно возвращало позиции. Его глаза пристально взглянули на меня, и если бы взглядом можно было говорить, поверьте, мои нежные ушки свернулись бы в трубочку от количества нелестных эпитетов в мой адрес.

— Это был очень глупый поступок. — Прорычал парень, поставив руку над моей головой и наклоняясь все ближе к моему лицу.

— Тогда следующий мой поступок — вообще граничит с идиотизмом. — Выдала я, прежде чем со всей возможной силой ударить парня в пах. Секундное замешательство незнакомца от боли, и я уже выскользнула из под его руки и припустила в сторону Академии.

Невероятно, но факт, до Академии мне все же удалось добраться без происшествий и даже без боевых ранений. Когда я, растрепанная, раскрасневшаяся, с гулко бьющимся сердцем, вернулась на территорию нашего замка для благородных леди, весьма

неблагородным путем (Через стену, конечно же, точнее, перемахнув через нее.), было уже почти утро. Избегая всех постов нянечек (Они думаю, что мы за декаду обучения не просекли все их точки отлова беглянок.) я добралась до общей комнаты. Не испытывая больше судьбу, сразу залезла под одеяло, даже не снимая платья. И лишь после этого позволила себе вспомнить того злобного парня. Точнее, проклясть его на сон грядущий. Это же надо быть таким упырем, чтобы поцеловать незнакомую девушку, да еще и наговорить... Arr... Я дотронулась до губ. Говорят, что первый поцелуй навсегда впечатается в твоей памяти, и именно с ним ты будешь сравнивать все последующие. Если это так, то у меня серьезные проблемы. Потому что взглянем правде в глаза, как бы я не злилась, воспоминания о губах этого парня отзывалось не то что полетом бабочек в моем животе, а множеством разноплановых насекомых, вальсирующих внутри меня. Это был взрыв внутри меня. А я даже не знаю, кто его украл...

Тут мои глаза резко распахнулись: Дракон! Люди с оружием искали Дракона! И мне знакомо это прозвище. Так называли самого опасного из Отступников, их лидера, собирающего за собой таких же, как он. Говорят, что сражаться с ним — все равно, что вести бой с десятью королевскими андабатами разом. Этот отступник — легенда. Все местные мальчишки в нашем городке только и делают, что разыгрывают стычки между таинственным Драконом и Защитниками. И что еще более страшно, дети все чаще хотят играть за Дракона, поражаясь его мужеству, воспетому в множестве местных историй. Поверьте, раз уж подобные слова дошли и до женской академии, значит этот парень действительно был опасен... И главное: никто не видел его лицо. За этим отступники и носят банданы и широкие капюшоны. Никто, кроме меня. О. Мой. Бог.

Я снова зажмурила глаза, будто надеясь, что это поможет выселить образ парня из моей головы. Никогда не жаждала так сильно провалиться в сон, как сейчас. Моей лицо пылало, голова тяжелела, дыхание сбилось. И даже когда я, наконец, окунулась в мир грез, мое возбужденное подсознание сделало еще большую подлость и, зацепившись за новый образ, выдало мне порцию сновидений, посвященных незнакомцу. В моем сне у него были крылья, как у настоящего мифологического существа, но крылья эти были искалечены, покрыты шрамами, такими же идеально ровными, как старый белесый порез на его лице. А еще мне снились его глаза: карие и яркие, они что-то напоминали. Сильно напоминали. И глаза эти не давали мне покоя. Мой сон был таким беспокойным, а ночь такой эмоциональной, что к утреннему колоколу я была уже в горячке. И каждый раз, впадая в лихорадочный бред, я видела перед собой лишь одно — карие глаза.

Глава 3. По номерам

Глава 3. По номерам.

Моя болезнь стала для меня и проклятием и спасением. Она явно спасла меня от наказания за выходку в больнице, а также от таких проблем, как суета перед балом. Но и хорошего в том, что я испытывала, было мало. Почти неделю я спала как кошка, почти сутки напролет, путая ночь и день. Я то впадала в небытие, то выныривала из него и выхватывала крупницы информации из реального мира, прежде чем снова погрузиться в странные тревожные грезы. Да и лица, что я видела, когда приходила в себя, были ли они реальны? Я видела Стеллу и Джул, видела Рича, видела и доктора, пару раз слышала мисс Маклаффин, а однажды я определенно видела лицо того парня, брюнета в черной бандане. И уж этого точно не могло быть. Такого человека бы не пустили на территорию «Женской Академии мадам Деверё» даже под страхом смерти всех представителей учебного персонала. Тяжелые и туманные сновидения запомнились мне калейдоскопом событий и ярких вспышек: карты, рыбки, Кацу, Дракон, поп-корн, огни, рисунки на коже бармена, оружие... Мама и папа... Как давно мне не снились родители... В один из самых тяжелых моментов, когда болезнь достигла своего апогея и смешала сон с явью, смазав между ними границы, я почувствовала руку отца, гладившую мой горячий и влажный лоб. Его сильные и грубые руки с удивительной для них нежностью убирали мокрые волосы. А потом мой добрый отец превратился в Дракона. Странно, но когда я была уверена, что вижу его перед собой, я совершенно не боялась. Наоборот, по телу разлилось родное тепло, будто взгляд его темных глаз говорил, что я в безопасности... Что я дома...

На поправку я пошла также стремительно, как и очутилась на больничной койке. Острый период болезни миновал, и я через день уже рвалась на волю, но отпустили меня только накануне события, ожидаемого, казалось, даже подвальными мышами — Церемонии Посвящения.

И знаете что? Лучше бы я все еще валялась среди запахов стерильности и медикаментов, потому что принимать таблетки три раза в день проще, чем терпеть новые формы экзекуции. И кто их чинил? Мои собственные подруги!

Прямо сейчас я стояла рядом с гардеробом, а Стелла и Джулия, уже впихнувшие меня в синее платье с корсетом, пытались сломать мне ребра, зашнуровывая и затягивая его в две руки.

— Ай! Черт! Девочки, я не могу дышать!

— Красота требует жертв! — Безапелляционно заявила Стелла, все же приспуская корсет, снова открывая доступ кислорода. Я благодарно сделала несколько больших глотков воздуха.

— Жертв или моей смерти? Думаете, это платье будет хорошо смотреться как похоронный наряд? — Проворчала я.

Стелла всю неделю, приходя ко мне в редкие моменты прозрения, вела себя тише воды и ниже травы, чтобы теперь, в субботу, напомнить мне о моем обещании дать ей волю в моем преобразовании к балу. Это была моя фатальная ошибка, и я поняла это сразу, как

увидела ее горящие глаза и Джулию, как тяжелую артиллерию, держащую в руках наряд.

В зеркало я себя еще не видела, не то чтобы и рвалась, но Стелла настояла на том, чтобы я оценила лишь конечный результат их трудов. Я не спорила и стойко терпела все издевательства со стороны подруг. В итоге, сейчас на мне уже были кружевные чулки и почти надето платье с голыми плечами.

— Таковую талию и грудь просто необходимо показывать! — Порхая надо мной, как фея-Крестная над Золушкой, пропела Стелла.

Джулия согласно кивнула:

— Я слышала, как девчонки из компании Британи сплетничали, что у «Рыжей» слишком крутая фигура при том, как она ест.

Я пару раз хлопнула ресницами:

— А что, кто-то здесь следит еще и за тем, как я ем? Никакой личной жизни!

Я притворно вздохнула, позволяя Джулии усадить меня на стул. Вообще, я никогда не жаловалась на внешность, и, хоть искренне считала Стеллу, Джулию, и многих других девушек академии гораздо прелестнее, наверное, я тоже могла чем-то похвастать. Благодаря любви к спорту, я не только была любимицей всех преподавателей по физической культуре, но и заработала себе красивые ноги, плоский подкаченный животик, узкую талию и хорошие вид сзади. А большая грудь была у меня всегда, что и являлось предметом нелепых сплетен со стороны юных завистниц. Лицо? Ну, лицо как лицо. Пожалуй, я любила свои большие синие глаза и пухлые губы. А вот кожа могла бы быть посветлее, а волосы наоборот менее яркими (Прятаться от преподавателей с такой шевелюрой вообще невозможно!).

Я присмотрелась к Джулии, пока она водила по моим щекам кисточками: вот кого можно было назвать благородной. Очень худая, с аристократическими чертами лица и черными как смоль волосами. Она всегда гордо держала осанку и казалась очень далека от быта. Не знаю даже, что нас сблизило, может общее зеркало, а может то, что мне удалось в детстве впутать ее в пару неприятностей, а ей прикрыть меня. Вспоминая, как вечно серьезная Джулия лгала нянечкам не моргнув и глазом, а потом с таким же серьезным выражением отчитывала меня, я захихикала.

— Не дергайся, макияж испортишь. Или тебе щекотно? — Спросила девушка.

— Нет, я просто вспомнила, как я тебя обожаю. — Промурчала я. Девушка улыбнулась в ответ.

— И я тебя люблю, непоседа. А теперь не ерзай и дай мне закончить.

Чуть позже я стояла перед самым большим в общей комнате зеркалом, девушки, которые замечали меня, зачастую замолкали.

Передом мной была действительно красивая девушка. Синее платье, идеально подходящее под мой цвет глаз, подчеркивало тонкую талию и полную грудь. Корсет в хаотичном беспорядке был усыпан стразами, при каждом движении он искрил и переливался. Юбка свободно ниспадала до пола, оставляя сзади невесомый шлейф. Голые плечи и спина были выставлены на показ, потому что длинные волосы были собраны заботливыми руками Стеллы в высокую прическу. Она представляла из себя хаотичное и одновременно тщательно продуманное переплетение прядей, начесанных локонов, тонких косичек и сверкающих камней в тон платью. Несколько прядей из нее выпадали, подчеркивая, как с улыбкой сказала Джул, мой игривый характер. На шее была тонкая цепочка с синим камнем, в ушах такие же капли на длинных серьгах. На ногах — серебряные туфли на высоком каблуке. Макияж — дымчатый, выразительный. Мои черты стали более

выразительными, ресницы длиннее, взгляд глубже, а каждое движение губ действительно соблазнительным.

Стелла стояла у моего левого плеча и нервно теребила подол своего нежно-розового платья, Джул, в изысканном черном наряде, только подошла и чинно сложила руки.

— Как тебе? — Не вытерпела блондинка.

Я выдохнула.

— Это... Идеально. — Я с улыбкой посмотрела на подруг. — Я никогда не была такой красивой.

Стелла счастливо разулыбалась и, издав что-то похожее на писк, захлопала в ладоши.

— Ты всегда была такой красивой. — Хмыкнула Джулия. — Даже без косметики. Просто тебе стоит меньше времени проводить на спортивной площадке, шрамы украшают мужчин, а не леди. — Не преминула затянуть старую шарманку подруга. Я отвернулась от зеркала и притянула к себе обеих девушек, при этом Стелла выглядела так, будто разревётся от счастья и гордости, то ли за меня, то ли за их старания.

— Спасибо, девочки, это все же приятно иногда чувствовать себя принцессой.

— Надеюсь к концу вечера ты не превратишься снова в Маркизу Ангелов*. — Использовала Джул одно из моих прозвищ, обнимая меня в ответ.

К тому моменту, как мы должны были чинно и стройным рядом появиться в зале мероприятия, я уже сказала тысячу «спасибо» своим однокурсницам и прочим студенткам в ответ на их комплименты. Ну да, их можно понять. На протяжении многих лет видеть вечно растрепанную меня, а теперь лицезреть меня при параде: как сравнивать небо и землю. Хотя, это странное сравнение, они такие разные, но одинаково прекрасны.

Помимо восторгов по поводу моего наряда девушки говорили еще об одном:

— Нет, вы видели?

— Молодые Андабаты!

— Они прекрасны!

— Все как на подбор.

— Такие красавчики, я с ума схожу!

— Интересно, который из них седьмой? Ох, как волнительно!

Я научилась абстрагироваться от подобного шума и теперь слышала примерно: «бла, бла-бла, бла, бла-бла-бла». И когда они успели разглядеть прибывших парней? Пока я лежала без сознания? Еще один «плюс» в копилку моей болезни. И, главное, судя по разговорам, половина из них даже успела влюбиться. Толком не зная имен Андабатов-Юниоров, не то что их как людей, они рассказывали о случайных встречах на прогулках (Случайных ли? Готова поклясться, они выслеживали их стаями!), взглядах, а самым везучим удалось поговорить. Пара девушек уже обещали первый традиционный танец. Я традиционный танец с большим удовольствием бы провела с Кацу и его катаной, но «увы и ах», вот я, вот платье, вот туфли на огромном каблуке и будущее на этот счет предрешиено.

Пока я задумчиво пинала носком туфель статую, стоявшую в коридоре, ко мне со спины приблизился Ричард.

— Прекрасная незнакомка, здравствуйте.

Я обернулась, встречая библиотекаря с улыбкой:

— Здравствуйте, Хранитель книг, неужели вы не узнали самого частого посетителя вашего заведения, как отбывателя наказаний? А я так старалась, играла на нервах у воспитателей, лишь бы снова оказаться в вашей обители. Такие труды насмарку. — Я

театрально вздохнула и состроила грустную мордашку. Дело в том, что за каждую «выходку недостойную юной леди» следовало наказание. И если во времена лихих первых курсов меня могли, например, ударить по пальцам или спине, то ближе к выпуску нас холили и лелеяли. И вместо этого меня отчитывали перед всей академией, и отправляли на помощь к Ричарду. И как можно назвать разбор моих излюбленных книг, с моим добрым другом — наказанием?

Ричард громко засмеялся, привлекая к нам внимание студенток:

— Прекрасно выглядишь, Эленор. — Честное слово, под взглядом взрослого мужчины, говорящего мне комплимент, и, судя по всему, искренний, я была готова покраснеть. Коридор был довольно темный, поэтому, надеюсь, мои щеки не заалели.

— Вы тоже ничего. — Ответила я. И не солгала, точнее, не договорила. Библиотекарь сегодня сменил свой обычный костюм на солидный черный смокинг с серой рубашкой. Из нагрудного кармана выглядывал такого же цвета платок.

— Насколько нечего? Не откажешь старому любителю книг в танце сегодня?

— Только если вы готовы потом найти старые подшивки медицинских журналов, чтобы залечить свои ноги, по которым я буду нещадно наступать.

Рич согласно кивнул:

— При таком раскладе я твоя идеальная партия на вечер. Или есть кто-нибудь на примете юных Андабатов?

Я покачала головой:

— Боюсь, я не вхожу в число охотниц за их головами. — Проворчала, косясь на девушек в коридоре.

— Тогда я рад, что выбрал в качестве профессии не военную отрасль. — Улыбнулся он.

Я прищурилась:

— Мистер, неужели вы со мной заигрываете?

Он заулыбался:

— Нет, что ты, как можно. — А затем, совсем по-мальчишески подмигнув мне, он достал из кармана часы, посмотрев на циферблат. — Вас скоро начнут строить, выход через 15 минут. Я пойду в зал, удачи. — Он тепло улыбнулся мне, и, легко дотронувшись до голого плеча, направился по коридору в сторону запасной лестницы. Я посмотрела ему в след и перевела взгляд на девушек. Кажется, здесь собралась вся академия, с учетом того, что в церемонии имеют сомнительную честь участвовать лишь восемнадцатилетние. Я, к своему неудовольствию, тоже была совершеннолетней, но восторга девушек не разделяла.

Сама церемония состояла в том, чтобы под музыку с самым благонаравным видом спуститься друг за другом в зал по огромной лестнице. Мы шли с обеих сторон, так медленно, что каждый в зале имел возможность рассмотреть нас с ног до головы. Собственно, именно по этому я ненавидела эту традицию. И даже не потому, что боялась повернуть на этой шпильке и в разряд со всеми возможными традициями кубарем прокатиться по лестнице, застеленной красным ковром. Просто все эти мерзкие взгляды богатых людей, большую часть которых составляли спонсоры Академии, меня нервировали. Каждый раз когда спонсоры приезжали к нам с почетными визитами или смотрели, каких успехов мы достигаем на том или ином поприще, я хотела завывать волком или хотя бы заскулить щенком. Пусть я неблагодарная, раз стою сейчас в шикарном платье и с украшениями, оплаченными ими, но взгляды этих людей я ненавидела на физическом уровне. Они представлялись мне липкими и противными, как лапки паука. И вот теперь эти паучьи взгляды будут провожать каждый мой шаг, потому что я совершеннолетняя

Кандидатка, и скоро я стану чьей-то.

Но церемония эта была не только для нас.

Ступая в холл, каждую из нас встречал один из Андабатов-Юниоров. Статные юноши по очереди подходили к лестнице, и свой первый шаг со ступеньки девушки делали, берясь за их руку, обтянутую черной кожаной перчаткой. Часто девушки заранее говорили им свои порядковые номера, которые они знали уже в возрасте шестнадцати лет и повторяли, наверное, как мантру, каждую ночь. И теперь они с нетерпением ждали встречи с теми, кому сказали заветное число. Если парни конечно не передумают встречать именно их. Но чаще это была лотерея: ты выходишь, тебя хватает под руку незнакомец в черном, он отводит тебя на место в зале, меняется музыка, и все пары начинают танцевать.

Андабаты — это, чаще всего, юноши, которые посвятили десять лет своей жизни обучению. Что это за обучение — я не имею ни малейшего понятия. Слухи ходят всевозможные, но, говорят, это реальная школа жизни и не все доживают до выпуска. Хотя, может это лишь кривотолки. Знаю только, что на обучение берут маленьких мальчиков, от восьми до четырнадцати лет. Поэтому сегодняшним, присутствующим в зале, выпускникам, от восемнадцати до двадцати четырех. Раньше в академии шутили, что меня должны были отдать не в женское учебное заведение, а в Андабаты. Я лишь отвечала, что охотно пошла бы туда, и не кривила душой.

Пока я размышляла над такими превратностями судьбы и не стоило ли мне сейчас стоять там в черной форме, в коридоре появилась мисс Маклаффин. В черно-коричневом классическом платье и, как всегда, суетливо-правильная. Ей одной удавалось сочетать в себе строгость и энергичность. Я любила ее, даже за все тумачи и нагоняи.

— Девочки-девочки, расходимся! Младшенькие, давайте в зал, через второй вход, пока я не передумала вас туда пускать! Выпускницы, ах, какие вы все красивые! Какие вы леди! Строимся девочки, мы уже скоро выходим! — Она осмотрела нас всех. — Все помнят свои номера? — Ответом ей было нестройное согласие. Девочки стали хаотично разбредаться по коридору, собираясь в шеренги. Я тоже двинулась вперед, но в мою руку вцепились мертвой хваткой. Обернувшись, я заметила Стеллу, она смотрела на меня испуганным взглядом, ее губы начинали подрагивать:

— Эй, ты чего? — Я ободряюще положила свою руку на ее ладонь.

— Я не могу. Я. Я в конце. Говорят, что в конце больше всего внимания. Я не хочу. — Я посмотрела на собирающуюся очередь. Мой номер был восьмой, а Стелла — двадцать вторая, замыкающая. Я снова глянула на поддавшуюся неожиданной панике подругу:

— Пойдешь восьмой? — Спросила я.

Та посмотрела на меня непонимающим взглядом.

— Восьмой это?.. Твой? — До нее медленно доходила суть моего предложения. — Ты что, нам влетит! — Ее серо-голубые глаза, похожие на облачка на небе, раскрылись еще больше и грозились вылететь из орбит.

Я дернула плечом, снова ощущая, какое оно непривычно голое.

— В этом хаосе никто не заметит, давай, вперед. — Я толкнула Стеллу к началу процессии, а сама замкнула ее. Благо, мисс Маклаффин была слишком воодушевлена происходящем, чтобы обратить на нас внимание. Ведь наверняка все эти цифры имели сакральный смысл, раз нам их навязывали два года. Но я уже встала в конце, сохраняя самый невозмутимый вид. Ко мне обернулась Альберта, явно ожидая увидеть перед собой Стеллу, как на многочисленных репетициях. Заметив меня, она приоткрыла рот от удивления:

— Элеонора? — Спросила она.

Я хмыкнула:

— Спасибо, Альберта, что к выпуску ты выучила мое имя. Я очень признательна тебе, честно. А теперь отвернись, а то не дай Бог пропустишь очередь и десять лет обучения пройдут даром.

Она обиженно надула губы и резко развернулась. Я не хотела ей хамить, но уже и мои нервы начали шалить. Странный вечер. Очень. И начало у него странное.

Наша шеренга была уже у лестницы, и я видела свет, исходящий из-за настила. Вдруг все звуки по ту сторону ширмы смолкли и через секунды звенящей тишины раздалась игра оркестра, разнося нежнейшую смесь нот по залу. Настил резко раздвинулся в стороны, и первые девушки сделали шаг вперед. Я попыталась выйти и посмотреть на Стеллу, потому что переживала за нее, но стоявшие рядом нянечки шикнули на меня. Я вернулась на свое место, точнее, на место подруги и принялась ждать своей очереди. Неожиданно я поняла, что мои руки потеют, а пальцы слегка подрагивают. Очевидно, паника Стеллы передалась мне воздушно-капельным путем. Я отерла ладони о платье и крепко сжала их в кулаки. Очередь двигалась очень медленно и очень быстро одновременно. Казалось, что я не успела сделать и пару вдохов, как Альберта исчезла на лестнице и настал мой черед ступить в ярко-освещенный зал. Неожиданно мне захотелось развернуться и убежать, сломя голову. От этого места, из зала, из академии, из города. Это желание возникло не от страха, а откуда-то изнутри. Я ничем не могла его объяснить. Но я не могла этого сделать. Называйте меня как хотите, но я не трусиха. Мне стало обидно и стыдно за внезапно накотившую слабость, я крепче сжала руки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу, оставляя на них следы в виде красноватых лунок. Также резко разжимая кулаки, я гордо вскинула голову, распрямила плечи и сделал первый шаг.

Сердце сделало кульбит, дыхание замерло, зрение расфокусировалось, но это лишь внутри меня бушевала буря. Я была уверена, что эти люди не видят ничего. Я никогда не покажу им свою слабость. Я источала уверенность, легко и гордо ступая по красному ковру, следуя за своими однокурсницами. От этих мыслей на моем лице заиграла улыбка, а каждый шаг по бесконечно длинной лестнице был все расслабленней. Чувствовала ли я на себе паучьи взгляды? О да. Десятки, сотни, тысячи. Они ползали по моему лицу, застревали в прическе, особенно сальные бегали по груди и талии, пытались рассмотреть бедра, скрытые свободным подолом. Я уже проклинала фасон своего наряда: голая спина и декольте делали меня обнаженной перед ними.

Дойдя до конца лестницы, я перевела взгляд направо и увидела подошедшего ко мне юношу. Он встал боком, вытянув левую руку, а я, не став даже смотреть в его лицо, положила в его ладонь свою. Моя маленькая ладошка с длинными пальцами и тонким запястьем странно смотрелась на его большой и широкой руке, плотно затянутой в черную перчатку из кожи, неожиданно оказавшейся очень теплой, почти горячей.

Рука об руку, провожаемые взглядами, мы, последняя пара, замкнули танцевальный круг. Музыка сменилась, и я была вынуждена повернуться к своему спутнику. Мы сделали это синхронно, будто репетировали, и также синхронно распахнули глаза, в удивлении взирая друг на друга. Передо мной стоял тот самый парень, которого я видела уже дважды, и оба раза эта встреча заканчивалась ссорой. Дракон. Не может быть. Ведь теперь он был в форменном пиджаке Андабата-Защитника. И в таком одеянии он казался еще выше, больше и прекраснее. Парень действительно был очень красив, особой, дерзкой красотой. Он тоже

быстрым взглядом обвел мое лицо и фигуру, но на комментарии или выяснение обстоятельств не осталось времени.

Услышав призывные ноты оркестра, он приложил правую руку к своему сердцу и, чуть наклонив голову, отвел руку по направлению ко мне, второй раз за вечер предлагая мне свою ладонь. Его взгляд все еще внимательно скользил по моему лицу, а лоб был нахмуренным. Интересно, ему не нравится то, что он видит? Ну, извините. Или он боится того, что я знаю? Я чуть было не фыркнула, но поклонилась в изящном реверансе и вложила свою ладонь в его руку, не выдержав и сильно, предположительно до боли, сжав его пальцы. Ни одна черточка в его лице не дернулась, но то, что мой жест не остался незамеченным, я поняла в следующую секунду.

Парень положил руку мне на талию и притянул к себе с такой силой, что лишь тренировки с Кацу, а точно не балетная школа, помогли мне устоять на ногах. С моего лица не сходила спокойная улыбка, когда я положила вторую руку ему на плечо и, фирменно усмехнувшись уголком губы, вскинула одну бровь. Когда взгляд моего партнера уловил эти движения, он на долю секунды превратился в изваяние, мы чуть не пропустили первые движения, когда все пары начали танцевать, но замешательство его длилось лишь секунду. Мы стали танцевать.

Вы когда-нибудь танцевали вальс, но с темпераментом танго? Это действительно было так. Мы не нарушили ни одного танцевального «па», ни разу не сбились с шага, не увеличили размеренный темп, но я почти физически ощущала, как между нами проскальзывали искры, делая все пространство вокруг наэлектризованным. И этот электрический разряд, гуляющий между нашими телами, будто раскрыл мне глаза. Я знала его.

Мы не имели право сказать друг другу ни слова, но я чувствовала, что вопрос, который вертелся у меня на языке каждый раз, как я видела его, готов сорваться с губ. «Кто ты? Кто ты?!». Сейчас, когда я чувствовала его руку на своей талии, его дыхание, и его взгляд, буквально впивавшейся в мое лицо, я была готова прокричать этот вопрос. Я уже была уверена, что знаю его. Я видела его. Я видела эти черты лица, эти глубокие, карие глаза, эти непослушные темные волосы. Я цеплялась за свои воспоминания, за память, но они ускользали от меня быстрее, чем мне удавалось дотянуться.

С каждым движением мне становилось жарче, у меня начинала кружиться голова. Неужели горячка, предвестником которой и в прошлый раз стали эти карие глаза, снова возвращается? В один момент, когда он, как и все остальные мужчины в кругу, положил мою руку себе на плечо и, обхватив обеими ладонями мою талию с легкостью поднял над полом, закружив вокруг себя, но не отрывая своих пронзительных глаз от моих, мое дыхание в конец перехватило. Ощувив, как мои ноги касаются пола, я была уже морально готова упасть на пол, но его крепкие руки не дали мне этого сделать. В крепких объятиях этого парня я продолжала двигаться. Я и не поняла как мы остановилось, до тех пор, пока последние аккорды музыки не сменили оглушающие аплодисменты.

Все пары развернулись к зрителям, плавно стекающим к нашему кругу, чтобы поздравить Кандидаток и новоявленных Защитников. Лишь мы застыли на своих местах, смотря друг на друга. Мы все еще молчали, как будто спорили, кто первым нарушит тишину и эту странную атмосферу между нами.

— Как тебя зовут? — Спросил юноша. Он уже спрашивал меня об этом, так, будто это действительно было безмерно важно. Его напряженность и настойчивость пугали. Я открыла

рот, чтобы ответить, но не успела, как рядом с нами возник Ричард.

— Это было прекрасно, ты прекрасна! — Заулыбался он, отодвигая моего партнера в сторону и воруя мое внимание. — Можно ангажировать тебя на следующий танец? — Библиотекарь подал мне руку, а я заметила, что брюнет, все еще держит меня за талию собственническим жестом и будто не собирается выпускать. Я выскользнула из его объятий и улыбнулась Ричу:

— Да, здорово, расскажешь мне о том, насколько я была неловкая. — Сказала я, не смотря на андабата и принимая руку библиотекаря, уводящего меня в поток танцующих.

— Боюсь, чтобы сказать это, мне придется соврать. Вот скажи, куда делась та разбойница? Ты ее спрятала в оборках платья?

Я закатила глаза:

— Ох, мужчины, на том платье нет оборок, вообще-то! И даже не надейся, мою любовь к приключениям не заглушить высокими каблуками.

Пока мы танцевали, я осматривала другие пары. Мой «знакомый незнакомец», как мысленно окрестила я его, испарился из зала. Зато Стелла, раскрасневшаяся и счастливая, танцевала с красивым молодым человеком, периодически обмениваясь репликами. Заметив меня, она счастливо улыбнулась, я тоже ответила ей улыбкой. Джул тоже танцевала, но лица я ее рассмотреть не могла.

Рассказываю вам как должен был закончиться бал: танцы, танцы, танцы, заключительный танец. Всем спасибо, все свободны.

А знаете, как закончился бал на самом деле? Танцы, танцы, танцы, недоскандал, драка, драка. Всем спасибо, Элеонор — в комнату! Но обо всем по порядку.

Сменялась музыка, сменялись кавалеры. Кажется, меня смогли полапать абсолютно все андабаты, и мое брэнное тельце уже зудело от желания спрятаться куда-нибудь. Именно с этой целью я стремительно, как мысль, юркнула за столы с напитками. Заприметив цитрусовый пунш, я налила себе стаканчик и с наслаждением сделала пару глотков горько-сладкого напитка. Лишь утолив жажду и осознав, что «хвостов» за мной нет, я позволила себе немного расслабить плечи и осмотреть танцующие пары.

Ко мне подошла одна из однокурсниц, Хелен, с горящими глазами и застывшей улыбкой на лице. Точнее, ее подвел один из андабатов, не забыв напоследок поцеловать руку девушки, в конец очаровав последнюю. Проводив своего спутника взглядом она резко обернулась ко мне:

— О господи, Эленор, кажется, я влюбилась!

Я усмехнулась:

— В какой раз на этой неделе? Хотя нет, вопрос сложный... Какой раз за этот месяц?

Девушка легко ущипнула меня за руку:

— Какая ты злючка, Элеонора!

— Ты хоть знаешь, как его зовут?

Девушка снова просияла:

— Аул!

Так, Элс, ты не смеешься. Не смей смеяться. Чтобы влюбленная девушка не заметила моего выражение лица, грозившего разразиться хохотом, я снова повернулась к столу с пуншем, занимая руки серебряным черпачком и стаканчиком. Ох, обоюсь я сегодня. Но, серьезно, кто дает ребенку имя в честь поселения?

— И куда его распределяет?

— Неизвестно, конечно...

Ну да, глупый вопрос. Церемония Принятия у андабатов проходит тогда же, когда и у нас. И лишь потом они узнают о своей судьбе. В этом мы с ними похожи. Я глотнула из стакана, хоть пить уже и не хотелось, а Хелен последовала моему примеру.

— Вообще, церемония волшебна! Я в жизни столько не танцевала! Жаль, что ты проболела эту неделю, а андабаты были частыми гостями, мы успели с ними как следует познакомиться! Уверена, тебе бы тоже кто-то понравился!

Очень сомневаюсь. Я подняла взгляд на толпу и в этот момент в зал зашел мой таинственный партнер... Хм... Словоохотливость подруги может сыграть мне на руку.

— И ты знаешь многих? — Хелен утвердительно кивнула. — А вон тот центнер мышц и сухожилий? — Я указала на того самого парня. Сейчас он разговаривал с одним из спонсоров, руки его были сцеплены за спиной, лицо больше походило на каменную маску, чем на что-то, что должно выражать эмоции. Он просто слушал и воспринимал информацию, никак на нее не реагируя.

— Этот? Ох, Элс, вечно тебя тянет на самое страшное! У него самая дурная и одновременно хорошая репутация из всех андабатов.

— Парадокс. — Хмыкнула я.

— Ну да. Но это правда так. Говорят, он настоящий Бог во время драки, равных не имеет. На него Правящие семьи возлагают огромную надежду. Не удивлюсь, если он попадет к Королю.

Я закусила губу, этот темноглазый не давал мне покоя. Может ли быть, что он и Дракон — одно лицо? Значит тот, кем пугают Андабатов, и тот, кем пугают отступников — этот юноша? В голове не укладывается! Парень, будто почувствовав на себе мой взгляд (Кто знает, может андабатов учат и этому?!), отвлекся от собеседника и посмотрел в нашу сторону. Я мигом обернулась лицом к продолжающей щебетать Хелен. Она уже успела переключиться на что-то смешное, наверняка посвященное Аулу, потому что она то звонко смеялась, заставляя светлые кудряшки у лица подпрыгивать, то слегка краснела. Я открыто улыбнулась ей, надеясь, что делаю это вовремя.

Кинула еще один взгляд в сторону компании, но пары снова след простыл. Он еще и неуловимый, отлично! Между тем, толпа поредела, многие ушли в комнату для досуга, другие вели светские беседы или гуляли по саду. Я бы тоже с удовольствием прошлась по «живому» лабиринту, раскинувшемуся рядом с нашим замком. Большой лабиринт из зеленых кустов часто служил мне верную службу, именно туда я убегала, чтобы спрятаться от нянечек. Какая бы жаркая погода не стояла, в нем будто застыл вечный сумрак и вечерняя прохлада, спасающая даже в самый знойный день. Именно там, если повернуть четыре раза на право и один раз взять в лево, находится лавочка из белого камня. Честное слово, это самое холодное место на всей территории пансиона! И именно там я любила читать книги, в тишине и спокойствии. Редкие моменты уединения в таком месте, как женский пансион, были манной небесной. И именно сейчас я нуждалась в такой роскоши, как одиночество. Выносить свет огромной тяжелой люстры, будто созданное из миллиардов светящихся осколков битого стекла, стало просто невыносимо. Извинившись перед Хелен, я направилась к выходу, с недопитым пуншем.

Я была на пути из зала, как дорогу мне преградил один из андабатов.

— Прощу прощения, мне надо выйти. — Даже не посмотрев на него бросила я, пытаюсь обогнуть огромную фигуру, обтянутую черным сюртуком.

— Может, выйдем вместе? — Тон его показался мне настолько непривычно фривольным, что я в изумлении замерла, подняв глаза на мое препятствие. Его плечи были раза в три больше чем мои, а шея, охваченная галстуком, была такой короткой, что, казалось, вообще отсутствовала, выпуская его голову прямо из этих здоровенных плеч. Он постоянно проводил рукой по практически наголо стриженным волосам, будто забывал, что они отсутствуют.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Да что ты? А я думаю, что тебе она очень понравится, красавица. — Его взгляд скользнул по моей груди, заглядывая в декольте, кадык парня дернулся, как будто он сглотнул в предвкушении. Его рука, все еще в черной перчатке, схватила мое запястье, сжав его сильнее, чем это было необходимо. — Пойдем, не ломайся.

Мои щеки вспыхнули, я дернула руку на себя. Мой жест заставил амбала нахмуриться, как будто его удивляло мое сопротивление.

— Да что ты, в самом деле. Ты же Элеонора?

Он сказал это таким тоном, будто спрашивал, «ты же шлюха»?

— Все верно, а вот вашего имени я не знаю. Поэтому не могли бы вы отпустить мою руку, пока я не закричала? — Проще всего я сквозь зубы. Стаканчик в моей правой руке начинал нервно подрагивать, делая из пунша маленькое цунами.

— Я и предлагаю найти место поспокойнее, чтобы мы могли познакомиться поближе. Как можно более близко, Элеонора. — Он что, пьян?! Рука андабата отпустила мое запястье, но лишь затем, чтобы дотронуться до пряди моих волос. От движения парня у меня прошлись мурашки, но далеко не от удовольствия, а от лютого отвращения.

— Убери руки. — Рывнула я, уже не думаю о приличиях.

— Да ну хватит ломаться. — Огромная ладонь потянулась к моему голому плечу, осознав, что сейчас его противные пальцы дотронутся до моей кожи, моя рука самовольно рванула вверх, выливая остатки красного пунша на андабата.

— Ах ты!... - Андабат медленно стер со своего лица сладкие капли, живенько и живописно стекающие на его одежду. Сразу на нее, ведь шея у этого идиота, напоминаю, особо и не было.

— Элеонора МакАртур! — Я на секунда зажмурилась и медленно развернулась на каблуках. Передом мной стояла миссис Маклаффин. В нужное время, в нужном месте. Она в немом шоке взирала на происходящее. Ситуация была швах. Я и моя дурная репутация против будущего Защитника Правящих кланов. По его лицу стекает пунш. В моей руке все еще зажато орудие преступления. Господа присяжные, расходимся, дело закрыто, виновный найден. — Что здесь происходит?!

— Это я виноват. Девушка меня превратно поняла. Я хотел пригласить ее на танец, но действовал, возможно, не по принятым нормам. — Выступил вперед мой обидчик. Ого. Я стрельнула в его сторону глазами. Вряд ли я поняла его «неправильно», но сейчас закапывать его означало лишь встрять самой глубже.

— Что ж... Приношу извинения. Элеонора, и ты тоже должна это сделать. — Я поджала губы. — Элеонора. — Повторила миссис Маклаффин тоном, не терпящим возражений.

Я сделала глубокий вздох и повернулась к парню. Тот изучал благожелательность, но в его глазах открыто читалась насмешка.

— Прощу прощения за то, что вылила на вас пунш. — Он хотел открыть рот, чтобы принять мои извинения и наверняка заверить в том, что я не виновата, но я бодро

продолжила. — К сожалению, у меня в руках не нашлось ничего тяжелее, чтобы огреть вас этим по несомненно тупой голове и вбить ее еще глубже в ваши плечи.

Вот и ларчик с секретом шеи открылся! Наверняка его так часто били по темечку, что она просто сжалась.

— Мисс МакАртур, в свою комнату, немедленно.

Ох, ну, это того стоило. Я сунула парню в руку пустой стаканчик, пусть выносит за собой мусор сам и, развернувшись на каблуках, вышла из зала. Сразу идти в комнату я не стала, хоть в зал вернуть и не могла (Не очень и хотелось.), но миссис Маклаффин будет сторожить девушек как Цербер еще пару часов. Поэтому я вполне могу охладиться, что очень даже необходимо после стычки с наглым парнем. Его поведения было недопустимым, но он действовал так, будто это норма. И имя мое знал... Странно это.

Выйдя из здания, я с наслаждением впустила в легкие вечернюю прохладу и, спустившись по шикарной лестнице из белого мрамора — главный вход в академию, прошла к саду-лабиринту. Но до лавочки, или даже до входа в лабиринт, дойти меня сегодня было суждено (В последнее время все отчаянно идет не так, как я хочу, заметили?). Я услышала голоса, мужские. Казалось бы, чего странного, если сейчас праздник и внутри полно андабатов, спонсоров и прочих людей внешнеженского пола? Да только любопытство — враг мой. Пройдя вдоль живой изгороди, я выглянула из-за густой зелени и заметила несколько андабатов и пару местных парней. В одном из них я узнала Стива — сына кухарки. Мы ровесники, и я знаю его уже лет шесть минимум. Это самый добрый парень, которого я встречала, с широкой улыбкой буквально до ушей и веснушчатым лицом. И прямо сейчас в эту лицо с «поцелуями солнца» несся кулак одного из этих «Защитников», людей, который только что дали обет защищать нас! Прежде чем я успела подумать, моя туфля уже летела в его затылок и попала. И туфля попала. И я тоже попала.

Брендан

Я практически не удивился, когда после того, как что-то неприятно тюкнуло меня по голове, обнаружил за спиной рыжую бестию в одной туфле. Эта ненормальная девчонка решила сжить меня со свету? Она близка к успеху. Я видел секундное замешательство в ее взгляде, когда наши глаза снова пересеклись, но затем ее синие глаза вспыхнули воинственно, и более чем внушительного вида грудь еще больше подалась вперед. Этот рыжий воробушек что, драться собрался? Я наклонился и поднял туфлю.

— Золушка, ничего не потеряла?

— Я — нет! А вот ты, похоже, да! Остатки своей совести! Какого черта вы нападаете на местных?!

— Так этот парнишка твой дружок? Это с ним ты мороженое есть бегаешь? — Черт, какого хрена я это ляпнул? Это ошибка. Когда я стал допускать ошибки?

— С кем и что я делаю тебя не касается!

— Тогда тебя не касается, из кого я выбиваю дух.

На меня облокотился Нил, но затем он быстро убрал руку с моего плеча, будто осознав, что хватил лишка. Впрочем, это не помешало ему улыбнуться девчонке и спросить:

— Хэй, вы что, знакомы с этой лисичкой?

— Нет, не знакомы. — Проговорил я, выразительно смотря на рыжую. — Просто танцевали. Сегодня.

Кажется, ее лицо озарилось осознанием того, что мне нужна ее помощь и молчание. И, судя по всему, она была не настроена на взаимное сотрудничество.

— Как не знакомы? — Ахнула девушка. — А как же та самая ночь? — Я сделал предупреждающий шаг вперед, она сделала шаг назад и развела руками. — Ах да... Я забыла! — Она обернулась к анадабатам, жадно взирающим на разворачивающуюся перед ними сцену. — Извините, мальчики, он не любит ее вспоминать, у нас тогда ничего не получилось. Пришлось вместо ночи любви раскладывать пасьянс. Надеюсь теперь-то у тебя все хорошо?

Парни хохотали, я же медленно, но верно, закипал. Нет, спасибо конечно, что не сказал лишнего, но разве так сложно вообще держать свой язык за зубами?!

— Я тебе устрою «ночь любви» прямо сейчас, если ты не...

— Все-то ты только обещаешь... — С ленцой отмахнулась девушка. — Ах, кстати, я тогда не успела тебе сказать. Тот поцелуй мне был также отвратителен.

Я на миг замер, а затем усмехнулся. Неужели я слышу нотки обиды в ее голосе? Тот поцелуй и слова, что я сказал... Они были очень далеки от истины. Но ей знать об этом не следует, а мне лучше об этом забыть.

— Вот оно что. Знаешь, а ты уверена, что твои губы думают также? Помнится мне, что они очень даже энергично отвечали на поце...

— Замолчи!

— Почему же, правда твоим миленьким ушкам не нравится?

— Моим ушкам все равно, что несет твой поганый рот. Да только вот вряд ли твоему лицу понравится, когда оно столкнется с моей ладонью. Снова.

Наше представление обросло зрителями, высыпавшими из замка. Это становилось напряжно. Две девушки, выгладившие весьма напуганными, подошли к рыжей. Блондинка в розовом протянула изрядно дрожащую руку к девушке и взялась за ее платье, потянув на себя.

— Элеонора... Пойдем... — Одно имя, произнесенное блондинкой, стало равносильно сильному удару под дых. Я медленно, очень медленно, боясь самого себя и происходящего, перевел взгляд с подошедшей девушки на рыжую. Ее талию, стянутую корсетом, грудь, ключицы, шею, и лишь затем, осторожно, чтобы даже взглядом не спугнуть, на ее лицо. Лицо, обрамленное рыжими прядями, которые делали ее синие глаза бездонными. Лицо, которое не давало мне покоя в последние дни и ночи. Не может этого быть. Это совпадение. Это просто невозможно. — Тебе надо в комнату. Миссис...

— Ба! Элеонора?! — Снова подал голос Нил. — Так это та самая рыжая! Брендан, если у вас что-то было, то сходи к врачу, иначе рискуешь получить подарочный букет.

Что он несет? На лице девушке ясно отобразился шок, ее пухлые губы чуть приоткрылись, будто желая сказать ему что-то, но не в силах вымолвить и слова. Она лишь смотрела на его глупое лицо. Тот же уже начал ржать, как конь, довольный своей шуткой. Она сделала шаг вперед, но раньше, чем девушка смогла бы добраться до этого уroda, его уже отбросило на спину. Смех прекратился. Кулак горел. Кажется, я разбил о его рожу костяшки пальцев.

Эленор

Я залетела в комнату как фурия, следом за мной там оказались Джул и Стелла.

— Урод! — Вопила я, пиная чью-то расческу под кровать. — Ненавижу! — Я бросилась на свою кровать лицом в подушку. Скандал, в эпицентре которого я оказалась, прервался на самом решающем моменте. Кто-то позвал учителей и спонсоров. Стив с местными не должны были здесь находиться, поэтому они ретировались. Андабатов увели свои, и, я надеюсь, тому упырю как следует достанется за это. И второму тоже! — Нет, как он мог! — Я снова подскочила, садясь на кровати, и гневно сверкая глазами на подруг, как будто они были в чем-то виноваты.

— Кто именно?

— Оба! Во-первых тот урод, избивавший Стива...

— Послушай. — Джул присела рядом со мной. — Вообще-то, он ни в чем не виноват.

— Что?! — Закричала я. — Ты видела Стива?! Он в долю секунды разбил ему лицо! Он...

— Он заступался за честь девушки. — Оборвала меня Джул.

— Что? — Джул и Стелла обменялись взглядами, они явно знали больше, чем говорили, но не спешили с ответом. — Ну же, девочки, хватит! — Я в негодовании всплеснула руками. Стелла со вздохом тоже села к нам на кровать.

— Одна из учениц, — Начала она. — Как мне сказали... Сказала одному из Защитников, — Я попыталась не морщиться при слове «защитник», каковыми я их сейчас не считала. — Что Стив попытался ее совратить. Оттуда же поползли слухи, что ты гуляешь с местными. Наверное поэтому тот парень сказал, что... Ну, ты поняла.

Джул кивнула, в подтверждение ее рассказа. А я непроизвольно открыла рот:

— Что? Что?! Какая ученица?! Кто это сказал?! — Я вскочила на ноги, а Стелла зажмурилась.

— Послушай, не делай поспешных поступков. — Начала Джул, но останавливать меня сейчас было все равно что останавливать извергающийся вулкан. Я чувствовала, как краснею от негодования и как злость поднимается где-то внизу живота и чуть ли не клокочет во мне.

— Имя. — Произнесла я сквозь зубы. — Джул, Стив — мой друг, а еще меня практически называли шлюхой. Назови мне гребаное имя.

Джул вздохнула:

— Британи. Но ты не должна... Элли! — Что именно я не должна, я слушать не стала. Я вспомнила, что это блондинистую шевелюру Британи и ее крысopodobную сплетницу Маргарет я видела тогда в саду, рядом с андабатами, и сейчас со всех ног неслась прочь из комнаты. Влетев в зал, где продолжался праздник, будто ничего и не было, я увидела рядом с переносным фонтаном Кристину и Дариан и схватила их за руки:

— Девочки, где Британи? Вы видели ее?

— Да, она с андабатами конечно. Сейчас в комнате для досуга. А зачем?..

Убегать не дослушав вопросы сегодня: мое кредо. Комната для досуга значит? Досуга ей не хватает?

Я проскочила лестничный пролет и появилась в просторном помещении, окидывая его взглядом. Те, кто стоял ближе к выходу, удивленно посмотрели на меня. А я увидела свою цель в дальнем углу: она сидела на диване у камина и счастливо улыбалась, явно рассыпаясь благодарностями за спасение своей не поруганной чести, сука!

Я быстром шагом, рискуя сорваться на бег, пересекла комнату, едва не снеся шахматный стол и кинулась на Британи:

— Тварь! Ненавижу тебя! Как ты посмела открыть свой поганый рот! — Я схватила Британи за волосы, уложенные лаком так сильно, что на ощупь они напомнили мне клочки лески, и рванула на себя и вниз, опрокидывая ее с дивана на пол. Не дав ей опомниться, я вскочила сверху, покрывая сильными, действительно сильными ударами ее тело и лицо. Я не дралась как девчонка и не пыталась унять свою злость. Британи верещала, кричала, плакала, просила убрать меня с нее и, очевидно, отошедшие от шока зрители вняли ее мольбам. Крепкие мужские руки схватили меня за талию и подняв в воздухе, оттащили от моей жертвы. Я продолжала изрыгать проклятия и пыталась орудовать локтями и ногами, отбиваясь от вмешавшегося в моего возмездие человека.

— Эленор, успокойся. — Голос прозвучал неожиданно тепло и привычно и я, как зачарованная устало повисла в чужих руках.

— Ты за это ответишь, ненормальная! — Прошипела Британи.

— Если ты еще хоть раз раскроешь свой рот и хоть что-то скажешь про Стива или меня, я лично выбью тебе все зубы! Ты лживая потаскуха! Ты думаешь тут никто не знает что ты раздвигаешь ноги перед спонсорами?! И что Стив тебя послал, а ты ему отомстила?! Думаешь построишь из себя бедную овечку и найдешь новую жертву?! Поздравляю, почти получилось! Но, к твоему несчастью, «почти»! Как жаль что я дольше не проболела, да? Тогда твой план мог бы и удался! Хотела заклеить меня перед Церемонией Посвящения?!

Парень, державший Британи под руку, посмотрел на нее:

— Брит, что она говорит?

— Она врет! — Истошно завопила Британи. — Дерек, не слушай, она завидует мне! У меня хорошая репутация, а она...

Я расхохоталась:

— Самоводовольная дура. — С этими словами я дернулась вперед, но мужские руки все еще держали меня и мне осталось только прицельно плюнуть, что я и сделала, вызвав еще одну волну визгов с ее стороны.

Рядом со мной возникли Джул, Кристиан, Дариан и Стелла.

— Это правда, — Сказала Крис, смотря на парня, которого назвали Дерекком. — Стиви ей нравился, и он точно не мог сделать того, о чем говорит она.

— А теперь, у него могут быть проблемы. — Тихо добавила ее подружка, поправляя очки. Я с благодарностью посмотрела на девчонок.

Дерек медленно отпустил руку Британи, та выглядела как рыба, выброшенная на берег: широко раскрыла глаза и открывала рот. Надо отдать должное Маргарет, она встала рядом с подругой, а не сбежала с явно тонущего корабля.

— Думаю, — Сказала она. — Мы сможем уладить это недоразумение. У вашего дружка не будет проблем.

— И у Эллеонор тоже. — Сказала Джул.

— Что-о? Посмотри на меня, она чуть не убила меня! — Снова завопила Британи.

— Чуть?! Я могу довершить начатое. — Рывкнула я.

— Ты упала. — Сказала Джул, внимательно смотря на Британи, а затем переведя взгляд на Маргарет. — Она упала. — Та, чуть помешкав, кивнула.

— Хорошо. — С этими словами она взяла подругу под локоть и повела из комнаты, тщательно обходя меня стороной.

Хах. Упала. Да я ее так отделала, что она как минимум должна была лететь с главной башни пансиона!

Джул тем временем принялась разгонять окружающих:

— Расходимся по своим делам, концерт окончен.

А я провожала ненавистным взглядом выходящих подруг, и лишь когда они скрылись за дверью, глубоко вздохнула и закрыла глаза. Тут я поняла, что меня все еще держат за плечи, периодически поглаживая их, успокаивая. Я резко обернулась:

— Ты?! Отпусти меня! — Как ошпаренная я отпрыгнула от парня, избившего Стива, парня, с которым я танцевала на балу, парня, с которым я слишком часто пересекалась, парня, от которого у меня начинала нещадно раскалываться голова как при горячке.

Он поднял руки в знак капитуляции:

— Прости, я не знал, что он не виноват. Никто не знал. — А о моей поруганной чести слово молвить не будем? Ну и слава богу!

— А это бы что — то изменило?

— Это изменило бы все.

— Да брось, я видела, что тебе нравится его бить, я видела твое лицо!

Мои слова ударили его как пощечина, и я почти пожалела о них. Почти.

Неожиданно его выражение лица сменилось на раздраженное и он, резко двинувшись вперед, схватил мое запястье. Я не успела понять что происходит, как он рванул меня к себе и, ловко присев, закинул меня к себе на плечо, стремительно направляясь к выходу из комнаты.

Я завопила и забарабанила по его спине:

— Отпусти меня на землю, амбал! Немедленно поставь меня на место! Девочки! — Воскликнула я, протянув руку к удивленным подругам. Но те, переглянувшись, лишь коварно заулыбались и помахали мне в след. — Предательницы! — Простонала я!

Не знаю, что моему похитителю показалось таким смешным, мне, с высоты моего полета, было совсем не весело, но я точно слышала смех, а его плечи подрагивали в такт. Под непонимающими взглядами окружающих и даже завистливыми (Было бы чему, что меня, как мешок картофеля тянет психически неуравновешенный парень в сторону... А куда он меня тянет?!).

— Куда ты меня несешь?! — Воскликнула я, одолеваемая новой волной обоснованной паники. Он же правда неадекватный! А я в рукопашном, ну... Мне бы меч, тогда бы я ему показала! — Послушай, давай договоримся?

Он уже откровенно смеялся надо мной, а я заметила, что пейзаж сменился с коридоров академии на такой любимый мной когда-то сад.

Под мои вопли мы оказались в моем любимом и самом дальнем углу сада, и я была совершенно бесцеремонно скинута с его плеча в траву.

— Ай, черт! — Я вскочила, потирая ушибленный бок, на который приземлилась.

— Что такое? Ты сама просила всю дорогу тебя отпустить.

— Отпустить, а не бросить, придурок! Или андабатов не учат разговорной речи, вы только военные команды понимаете?! — Я поняла, что его злит эта тема и села на своего конька. Вздернув подбородок, я скрестила руки перед грудью, выдерживая его взгляд.

Вдруг парень вздохнул и сделав шаг вперед привлек меня к себе, прижимая к своей

широкой груди. Не слишком ли много странных поступков на сегодня? Еще говорят, что это я импульсивная! Я хотела вырваться, сразу после того, как прошел первый шок, но парень крепко держал меня в своих медвежьих объятиях. Он еще раз судорожно вздохнул:

— Элли, это, и правда, ты, маленький эльф.

Я замерла. Который раз за эту неделю я забыла, как дышать?

«— Ах ты эльф!

— Это почему я эльф?

— Потому что ты мелкая, рыжая и пакостная!

— Сам пакостник! Гном несчастный!

— Эльф, эльф, маленький эльф!

— Ну все, Брендан, беги!»

Короткий диалог из моего детства, послуживший началу очередной драки между мной и Бренданом и давший мне очередное прозвище от этого грубого мальчишки пронесся яркой картинкой в моей голове, заставляя слезы брызнуть из глаз. Ну конечно... Отчего же я так долго и отчаянно пыталась убежать от действительности и хотела понимать, осознавать разумом то, что уже ясно видело мое сердце и глаза?

— Брендан. — Сказала я так тихо, что мне показалось, что с моих губ вовсе не слетало его имени. Но парень крепче сжал меня, показывая, что услышал, что я не ошиблась. — Брендан! — Я зарыдала. Зарыдала в голос. Я плакала так, как не плакала ни разу за 10 лет крепко прижимая к себе друга детства.

Глава 4. Евангелие от Брендана

Глава 4. Евангелие от Брендана.

Элеонор

Мы сидели на скамье, окруженные тишиной и зеленью. Брендан обнимал меня за плечи, постоянно крепче прижимая к себе. Как долго мы обсуждали прошлое, взхлеб вспоминая наше детство, нашу дружбу. Говорили и о настоящем, о том, что было, когда нас разлучили. А теперь мы просто молчали. Мы долго сидели и молчали. Это была не давящая, а родная, такая нужная тишина, в которой я, прижатая к нему, слушала его дыхание и жадно ловила стуки сердца.

Который сейчас час? Прошло десять минут или скоро начнет заниматься рассвет? Я полностью потеряла ощущение реальности и времени. Ведь этого просто не может быть. Я не могу обнимать Брендана. Мечтать о таком я не могла даже в своих самых дерзких фантазиях.

— Я просто не мог поверить, когда увидел тебя в первый раз. — Нарушил молчание Брендан. — Почти убедился, что это ты на балу. Увидел родинку и как ты вскинула бровь. Но когда я увидел тебя раскрасневшуюся, растрепанную, и услышал твое имя... Я не знал что делать. Сначала хотел уйти. Потом вернулся и пошел искать тебя, и увидел избивающую ту девчонку. — Он усмехнулся. — Тут сомнений не осталось.

— А я увидела тебя, избивающим моего друга. — Пробурчала я в ответ.

— Извини. Я вообще не знал, что произошло, и хотел выпустить пар. Я был уверен, что он подлец. Я ненавижу насильников.

— А что, кто-то питает к ним теплые чувства? — Я поежилась в его руках.

— Давай не будем об этом. — Предложил парень. — И вообще, ты даже в женской академии умудрилась найти себе друга мужского пола? Как была пацанкой, так и осталась.

Интересно, что он подумает, если я расскажу ему о Кацу? Я хмыкнула:

— Между прочим, у меня здесь есть и подруги! И одна из них — твоя обожаемая Стелла!

Он наморщил лоб:

— Стелла? Это та девчонка, жившая рядом с тобой?

— О, ты не помнишь свою первую любовь? — Хмыкнула я.

Брендан промолчал, и я уже подумала, что он не собирается отвечать, как он тихо произнес:

— Я помню свою первую любовь. Слишком хорошо. — С этими словами медленно обернулся ко мне и заглянул в глаза. — Эленор, прости меня.

Я непонимающе посмотрела на него:

— За что?

Он нежно взял мои руки в свои и прижал их к своему лицу. Движением было таким чувственным, что совершенно не сочеталось с видом андабата передо мной. Этот жест не принадлежал воину, он принадлежал моему близкому другу, от осознания этого мое сердце сжалось. Тихо вздохнув, Брендан прикрыл глаза:

— Я так скучал по тебе... Эленор...

Я молча смотрела на парня, не в силах сказать ни слова. Он был безумно не похож на

того малышку, что я помнила. Не удивительно, десять лет сделали из него взрослого мужчину. Но все равно стало обидно, раньше я думала, что узнаю своих друзей сразу: в толпе, в темноте, из дали, но узнаю. Брендана и Этана... Ох, Этан. Этана я и вовсе не видела больше в ту ночь. Ту ночь. Сколько прошло времени... Сколько всего изменилось. И сейчас Брендан, этот парень... Нет. Этот мужчина, воин, андабат — самый близкий человек для меня. Единственная часть моего детства.

Возможно, кому-то незнакомому, проходящему мимо и скользящему по нашим отношениям взглядом, покажется, что это странно. Странно прижиматься к парню, которого не видела десять лет. Странно чувствовать с ним связь. Странно ощущать родное тепло от его тела и то, что ты безоговорочно доверяешь ему каждой клеточкой, каждой мыслью. Такому человеку я скажу: «проходи же мимо, иди дальше, не останавливайся». А еще: «мне жаль тебя». Мне жаль, ведь ты не знаешь значения слова «дружба». Дружба, настоящая дружба, не может начаться вчера, а закончиться завтра. Дружба, она либо есть, на века, на всю вашу жизнь, либо ее нет. И у нас с Бренданом она была. И наверное, во многом решающим фактором стало то, каким страшным для нас стал последний день детства.

— Ты расскажешь мне все? — Попросила я. — Где ты был? Как ты стал андабатом? Ты не знаешь где Этан?

Вопросов было слишком много, но не все могли сорваться с моих губ. У меня не хватало решимости вспомнить ночь нашей первой встречи, в Электроточке и после нее. И я совершенно точно не могла думать о том, что между нами произошло... Я целовалась с Бренданом, это так же невероятно как то, что мой друг нашелся спустя столько лет!

Брендан вышел из оцепенения и медленно, открыв глаза, опустил мои руки, но держать не перестал. Он внимательно посмотрел на меня.

— Расскажу, но не сейчас. Сейчас не время.

— А Этан...

— Я пытался его найти, но тщетно. Но я не оставляю попыток. Теперь не оставлю.

Я грустно вздохнула и кивнула. Пока что мне этого факта было достаточно. В конце — концов на меня и так в один миг обрушилось столько...

— У меня такое ощущение, что это сон. — Тихо озвучила я свои мысли, смотря на носки школьных туфель. — Будто все это невозможно, нереально. И я сейчас уйду спать, а когда проснусь, все это окажется лишь ночной фантазией. И ты испаришься. Как тогда...

— Ну, — Подал голос Брендан. — Если хочешь, я могу переночевать с тобой, чтобы мое прекрасное лицо стало первым, что ты увидишь. Думаю, девушки будут непротив.

Я засмеялась и, посмотрев на довольное лицо парня, стукнула его по коленке:

— Самодовольный индюк, ты все еще любишь себя.

— Что-то вечно. — Пожал он плечами. Затем, задумавшись о чем-то, нахмурился. — Ты совершеннолетняя. — Я кивнула, хотя подтверждения не требовалось. Не понимаю, что его так беспокоит. — Ты Кандидатка. Я так успел и так опоздал...

Теперь настал мой черед хмуриться:

— Не понимаю, о чем ты?

Он грустно посмотрел на меня:

— Ты очень красивая, Эленор. Избранная каста много отдаст за тебя. И чем выше ты заберешься, тем сложнее будет тебя вытащить.

— Избранная каста? Ты о церемонии принятия? Что в этом плохого? Ты думаешь, я не смогу с тобой видеть? Но андабаты очень уважаемы, тебе не стоит об этом беспокоиться!

Он нежно погладил меня по щеке:

— Не бери в голову, я что-нибудь придумаю. Пусть все идет, как идет.

— У меня от твоих тайн уже голова кружится. Ты говоришь как гусеница из «Алисы в стране чудес».

— «Все чудесатее и чудесатее» — Проговорил он с улыбкой фразу из сказки, которую мы в детстве зачитали до дыр. Затем парень наклонился ко мне и, уткнувшись лбом в макушку, глубоко вздохнул. — Тебе пора. — Глухо проговорил он.

Действительно, еще немного и на мои поиски отправят отряд с Ричардом во главе. И это в лучшем случае. В худшем — править миссией «найти и убить» будет миссис Маклаффин, а я и так в последнее время нарушала все мыслимые и немыслимые правила.

Парень еще раз вздохнул и, резко отодвинувшись от меня, встал. Лишившись тепла его тела, я почувствовала себя довольно зябко в одном платье с голой спиной.

— Миледи. — Он подал руку, за которую я с готовностью взялась. — Позвольте, я провожу вас до академии.

— Покорнейше благодарю, месье. — Поддержала я игру. — Только вам придется держаться на почтенном расстоянии, иначе неспящие сплетницы академии не дадут мне есть спокойно спать, есть за ужином и просто жить. Мне и так придется объяснить мой эффектный уход из комнаты досуга. И вряд ли они поверят в историю про друга детства. О чем я? Я сама не могу в нее поверить!

— Не говори им.

— Что?

— Что мы дружили. Что мы из одного городка. Ни в коем случае никому не говори, хорошо?

Я пожала плечами:

— Тоже потом расскажешь?

Он усмехнулся:

— Именно так.

— Ладно. — Кивнула я.

— А еще, я принесу тебе подарок. Тебе очень понравится.

— Потом? — Фыркнула я.

— Потом.

Мы засмеялись. Его тихое «до встречи, Эленор», сказанное мне напоследок, еще долго звенело у меня в голове, заставляя улыбаться. С этой улыбкой счастья я и заснула. Мне ничего не снилось. Ничего. И это было прекрасно.

Брендан

Кровь стучала в моих висках так, что в голове шумело. И происходящее на арене не имело к этому никакого отношения. Я просто не мог успокоиться.

С момента расставания с Эленор прошло 43 часа. И никогда в моей жизни время не текло настолько медленно, будто кто-то заморозил все часы мира. С другой стороны, я был не против, чтобы время вообще остановилось, ведь решение я так и не мог найти. А Церемония для Хранительниц начиналась уже завтра. Точнее, с учетом того, что сейчас пробьет полночь, уже сегодня.

Абрахам, как Главный, вышел на середину арены и без помпы и долгих прелюдий

проорал, чтобы каждый из присутствующих, а их, помимо Юниоров, было достаточно, смог его расслышать:

— Вы все знаете правила. Вас — двадцать два. Защитниками станут только одиннадцать. Остальных вынесут отсюда вперед ногами.

Да, мы все знали правила. В прошлом году мы даже лично присутствовали на этом побоище, гордо именуемом «Посвящением в Защитники». Какова ирония, чтобы носить статус Защитника, тебе необходимо убить своего друга. Хорошо, что у меня нет друзей. Кроме одного. Я кинул беглый взгляд на Реми, стоявшего у моего левого плеча, оценивая его состояние. Он был прекрасный боец, но слишком добр для того, чтобы вовремя всадить меч в грудь бывшего однокашника. Но прямо сейчас его лицо не выдавало и следа волнения или сомнений. Как и у остальных. И это верное решение. Здесь мы были гладиаторы. Не друзья. Не враги. Просто люди, которые должны выжить. «Убей, или убьют тебя». Вот оно — главное правило моего детства и юности, ставшее лейтмотивом жизни монстра во мне. И сейчас я собирался его как следует накормить.

Абрахам, который не так давно стал одним из Главных и выбил себе бывшее место своего отца, подошел ближе к нашей ровной шеренге, и, остановившись напротив меня, встретился со мной взглядом:

— В этот раз жребия не будет. Противники уже определены.

Ни один мускул на моем лице не дрогнул, но глубоко внутри я напрягся. Это был посыл. Что он хотел этим сказать?

Толпа возбужденно зашелестела за нашими спинами. Среди них все: Правящие касты, которые ищут себе новых людей, приближенные к Королю, посланные во все уголки мира, в каждую точку, где сегодня в полночь начинается кровавое посвящение, чтобы найти среди этого месива бриллиант, лучшего воина, а также просто те, кто жаждет потешить себя знатным зрелищем.

Когда назвали первую пару, я понял, что битва может стать сложнее, чем я думал. А еще, сомнений нет, я знаю, кого мне поставили в соперники. И я знаю, кто этого захотел.

— Нитто Драган, Юстоф Карл. Первые. — Дрэг и Карл — двое товарищей. Они не единожды спасали друг другу жизнь и вряд ли дошли бы до конца, если бы не держались вместе.

Юниоры вышли в центр, не смотря ни друг на друга, ни на зрительский зал. Будут ли они драться? Выбор есть. Андабатам-Юниорам, можно сказать, оставляли три пути:

Драться со своим противником, и, либо победить, либо умереть. Это была не битва до первой крови, это была битва до последнего вдоха. Даже если жребием (Как было раньше — мы должны были тянуть костяные пластины с номером участника церемонии.) вам выпало драться с кровным братом. Отказаться от битвы и умереть. Вызвать на бой одного из Защитников, присутствующих в зале. В этом случае дерется лишь тот, кто бросил вызов, второй считается тем, кому улыбнулась Фортуна. Здесь все верили в Фортуну и надеялись на нее. Казалось бы, чем не вариант? Но вокруг арены никогда не собирались те, кого можно было легко победить. Это были дьяволы в формах андабатов. И главным демоном сегодня был Абрахам. Так что вызвать кого-то из них на ринг было равносильно второму варианту: вовсе отказаться от драки и принять смерть.

Первые бойцы встали друг напротив друга. Драган и Карл. С какого возраста они стали

друзьями? Я не знаю, я не замечаю таких деталей. А еще я не замечал раньше, как они, оказывается, похожи. Темноволосые, смуглые, одного роста и одной комплекции. В освещении арены они были почти как близнецы. Как братья. Не кровные, но все же братья.

Томас рядом со мной будто прочитал мои мысли и тихо прошептал:

— «Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их».*

Кажется, слова из Нового Завета стали определением всей нашей жизни. Потому что в нашей жизни нет и не может быть родных и близких.

Карл и Драган оголили мечи и стали медленно кружить по периметру, очерчивая своими движениями ровный круг на песке. Никто не решался нанести первый удар.

Публика нетерпеливо зашуршала, будя во мне нетерпимое желание обернуться, ворваться в толпу и свернуть их шеи. Голыми руками. Зубами. Затем в толпе зрителей послышались отдельные слова, реплики, крики:

— Убей его!

— Начинайте!

— Чего ждем?!

— Танцевать вышли?!

Многие из них потратили свои деньги, делая ставки на одного из фаворитов. И им хотелось утолить свой азарт. А еще, им очень не терпится увидеть нашу кровь. Этим аристократическим крысам. Этим трусам, которые мечтают растащить нас себе в услужение, чтобы мы прикрывали их ничего не стоящие души. Я скривился от омерзения, думая о такой перспективе.

Лязг мечей, сомкнувшихся друг с другом, привел толпу в возбуждение. Драган нанес первый удар, потому что знал, что Карл бы не смог этого сделать. Слишком малодушен. Он был на год младше своего противника. Но удар этот, хоть резкий и красивый, не мог нанести Карлу вреда, и был легко парирован. Так они продолжали наносить друг другу удары, как будто были на тренировке, а не арене.

Это продолжалось недолго. Кажется, у них просто сдали нервы. Драган сделал бросок вперед всем корпусом, вытягивая руку вперед резким и быстрым движением. Он не прикрывал себя, открывая грудь сопернику. Карл сделал то же самое, синхронно, как в танце. Он тоже не стал ставить защиту. Они крикнули, оба. И в этом крике не было желания победить, злобы, ярости. В нем было всепоглощающее отчаяние. Два зеркальных отражения столкнулись между собой. Драган упал замертво. Карл оказался на долю секунды быстрее.

— Победитель — Карл Аргус. — Абрахам провозгласил и так очевидный факт, заставляя зрителей биться в истерике. Кого-то из-за зря потраченных денег, кого-то из-за удачно сыгранной ставки, а иных просто за компанию. Такие первобытные зрелища всегда действуют на аристократов как белена для лошади. — С победой, мальчик. — Абрахам стукнул Карла по плечу. Ублюдок.

Карл не смотрел никуда, его взгляд остекленел. Он вернулся в шеренгу, как будто ведомый чем-то потусторонним. За его спиной Защитники уже уносили тело.

Битвы продолжались. Абрахам, называя чужие имена, все еще продолжал смотреть на меня. Имена друзей, товарищей и тех, кто оставил в своей душе хоть каплю теплых чувств к своим приближенным. Лицо Томаса оставалось непроницаемым, лишь бледнело с каждой схваткой все больше и больше, напоминая полотно. Даже губы парня побелели.

Каждое новое тело, убираемое с ринга, давало Абрахаму возможность смотреть на меня,

говоря взглядом черных глаз: «Ты. Скоро ты убьешь его».

Он ненавидел меня с детства, и у него на это было достаточно причин. Главные из них имеют два цвета: Рыжий и Седой. Седой, именно так называли Виктора, андабата, довольнс рано потерявшего цвет волос. Именно он забрал меня из дома Эленор в ту ночь. Он был почитаем в их кругах и отчего-то проникся ко мне подобием отеческих чувств. Чем я заслужил? Не имею ни малейшего понятия. Но то, что он завел себе любимчика и покровительствовал мне (Что, впрочем, не играло мне на руку, заставляя терпеть даже больше иных.), не осталось незамеченным у Абрахама. Он завидовал положению Седого, а может и тому, что именно меня он обучал, делясь своими навыками. Да только вот Седому он отомстить не мог, а мне — пожалуйста. Именно Абрахам наградил меня многими из коллекции шрамов, еще в период, когда я был подростком. Рыжий — тот урод, которому я вмазал битой в памятную ночь. Напарник Седого и... Отец Абрахама. Один раз, когда мне исполнилось 17, я победил его отца, публично. Это была случайность, везение, Фортуна, если хотите, но позор отца Абрахам принял как свой и возненавидел меня пуще прежнего. А затем его стало бесить то, что я становлюсь лучше. Становлюсь легендой среди Юниоров, хоть этого мне не было нужно, у меня были иные цели. Но именно об этом мечтал Абрахам. А я забрал у него все: учителя, кумира, славу. И сегодня он захотел забрать у меня остатки моей человечности.

Десять битв были слишком долгими и слишком стремительными одновременно. Смотреть на то, как люди ломаются изнутри, убивая близких себе, было слишком даже для меня. Но знать, что твоя очередь приближается...

— Последняя битва на сегодня! Брендан Матео и... Реми Сантес. — Черные глаза светились изнутри. Лицо Абрахама обычно не выражало ничего, кроме злости или раздражения, но теперь оно сияло от ликования. Его можно понять, ведь Абрахам ждал этого момента десять долгих лет. Он хочет, чтобы я убил брата. Потому что знает, что я сильнее.

Я сделал твердый и уверенный шаг вперед, по песку, застилающему арену, уже основательно залитому кровью моих бывших товарищей. Он, белый, впитывал ее, как будто питался этим жертвоприношением. Еще шаг. Еще. Еще и еще. Вышел в центр арены, больше похожей на сцену. Сценой она, по сути, и была. Только вот актеры здесь умирали не по сценарию, и не в шутку. Толпа была возбуждена, они ждали этой битвы. Сколько на нас поставили? Сколько поставили на то, что они из нас умрет? Сколько стоит нынче человеческая жизнь в этом мире?

Я посмотрел на Реми. Он смотрел в пол, на свои черные пыльные ботинки, точная копия моих, даже размер. Интересно, а мы выглядим как братья? Вряд ли.

Реми явно не хотел встречаться со мной взглядом, но, все же, почувствовав мое внимание, поднял глаза. Уголок губы моего друга дрогнул, будто он находил ситуацию смешной и изо всех сил держался, чтобы не рассмеяться и не сострить в своем стиле. Реми всегда улыбался и видел юмор там, где его не было. В отличие от меня. Как мы вообще с ним сошлись? Помню, что я долго и упорно игнорировал его, как и всех окружающих. Но лишь Реми мое поведение не пронидало. Он был непробиваем в своем энтузиазме завести дружбу. На кой черт я ему сдался? Сейчас, стоя напротив него на ринге, я почти разозлился на этого парня. Если бы он не сунулся ко мне, если бы оставил в покое, если бы не поддержал меня и не стал моей правой рукой в нашем деле, если бы он... Не стал для меня лучшим другом...

В моей жизни было всего два человека, которых я мог назвать лучшими друзьями. Этан,

которого я потерял десять лет назад, и Реми, которого я должен был потерять сейчас. Эленор я не мог ставить с ними в общий ряд, она была другая. Она не была мне другом, она... Сейчас это неважно.

Толпа снова завопила, требуя крови. Шум трибун, из фонового, превратился в нарастающий гвалт рассерженных голосов. Что они требуют? Не разобрать. Да и в гробу я видел все их слова. Кичливые ублюдки, все сплошь — трусы.

Абрахам посмотрел сначала на зрительный зал, взмывающий вверх вокруг арены, а затем снова на нас:

— Они заплатили не за то, чтобы вы смотрели друг на друга, как пара любовников. Деритесь.

Я не двинулся с места. Реми на секунду закрыл глаза и сделал короткий вздох. Когда он снова открыл их, он был полностью спокоен и решителен. Только вот решимость его была вовсе не нацелена на победу:

— Сделай это, Брендан. Ты должен выйти отсюда. Мы оба это знаем. Ты, не я.

Я все еще смотрел на Реми. Вот так просто? Он решил, что может вверить свою жизнь мне? Чтобы я один продолжал наш путь? Вот же глупый щенок.

Медленно отвернулся от него к Абрахаму:

— Я хочу бросить вызов Защитнику. — Зал накрыла оглушительная тишина. Все замерли, жадно ловя мои слова и не веря в них. Кажется, в этой тишине я мог слышать мерное биение моего сердца. Оно снова замедлялось, в ожидании схватки. Зверь зарычал. — Я вызываю на бой Абрахама Гривас.

Периферическим зрением я видел, как Реми, выйдя из оцепенения, дернулся ко мне, но я поднял правую руку, не давая ему сделать опрометчивого поступка.

— Это безумие, он сожрет тебя! — Рявкнул Реми.

— Подавится. — С усмешкой ответил я. Ни один мускул на лице Абрахама не дернулся, но я видел, что он не ожидал такого поворота событий. Он хотел видеть, как я всажу меч по рукоятку в грудь Реми, думая, что этим сломаю меня. Но, как оказалось, я больше не могу терять друзей. Наверное потому, что я только недавно, 43 часа назад, нашел светлый проблеск надежды в своей жизни и не мог снова дать ему погаснуть, убив единственного, кто по эту сторону баррикады.

Поняв, что Реми не собирается уходить, я резко обернулся к нему:

— Убирайся. Прямо сейчас. Ты задерживаешь нас. Помнишь? У нас еще дела.

Реми будто не мог сделать ни единого шага, но Абрахам уже вырос рядом с нами, толкая его плечом:

— Шуруй отсюда, дитя Фортуны, тебе круто повезло. — Он встал лицом ко мне. — А тебе нет. Признаться, я думал, что ты умнее, Матео.

Не дожидаясь моего ответа, он резким движением оголил свой меч и вскинул его, приветствуя толпу:

— Вас ждет отличное зрелище! Я не буду убивать его быстро! — Зычно крикнул он, а его взгляд все больше наливался кровью, становясь почти плотоядным.

Расстояние между мной и Абрахамом постоянно менялось: метр, два метра, три метра, метр. Мы ступали по мягкому песку, и я постоянно уклонялся от выпадов. Абрахам будто проверял меня. Как тыкать палкой в гнездо с осами или змеями, проверяя, дразня, выжидая. Я бы лучше сохранил дистанцию, но рыжий демон был со мной не согласен.

В отличие от прошлых поединков, на этот раз никто не нарушал тишину. Будто они боялись пропустить что-то, если скажут одно лишнее слово. Когда в последний раз Юниор вызывал кого-то из Защитников? Не знаю, это явление слишком редкое. А когда он побеждал? Нет... Побеждал ли он вообще? Это возможно? Сейчас узнаем.

Сколько длилась наша битва? Наверное, долго, потому что жаркий и едкий пот уже застилал мне глаза. Противником воин был отличным, не зря он был одним из главнокомандующих. Что еще хуже, он был одним из лучших мечников. А правила не разрешали применять нам иные техники, кроме меча. И если я мог бы дать ему фору, сойдишь мы в рукопашную, здесь мне стоило постоянно быть начеку.

Тут тактика Абрахама изменилась, возможно, он нашел мои слабые места, о которых не знал даже я. Он заставил меня уклониться от обманки и, заметив брешь в моей защите, он молниеносно ринулся вперед, пуская меч, как продолжение своей руки, вперед, в мое сердце. Этот удар почти застал меня врасплох, но я сумел в последний миг уйти корпусом в сторону, дав мечу вспороть черную форму.

— В следующий раз это будет твоя утроба. — Прошипел Абрахам.

Обычно я не отвлекаюсь на разговоры, но в этом случае его гнев был мне лишь на руку:

— Ты слабее своего отца. Я не оставлю тебе шансов.

Абрахам, как ожидалось, побагровел, будто вся кровь в его теле прилила к лицу, грозясь вырваться наружу. Отец — его слабость. Я — его слабость. Его это — его слабость. Очень много слабостей передо мной.

Он совершил еще один бросок, подсказанный не разумом воина, а сердцем, я его видел и был к нему готов, но следующий, уже заставил меня сделать шаг назад, и я поскользнулся на песке, чувствуя, что острое лезвие меча полоснуло меня по предплечью. Выступила кровь. Отлично.

— Моя сталь почувствовала твою кровь, мальчишка. Теперь ее ничего не остановит.

— У меня нет цели воевать со сталью, Абрахам. Мой противник — это ты.

Парировал очередной удар, меча со звоном сошлись и разошлись, высекая искры друг из друга, но не видя больше крови. Ноги прочно вгрызались в песочную поверхность арены.

Глаза Абрахама стали почти безумными, как у бешеного животного. А бешеных животных принято усыплять.

— Ты сдохнешь. И знаешь что? Спасибо тебе за такую возможность, убить тебя своими руками, ублюдок. И ты...

— Брендан! Быстрее! У нас еще дела! — Крик Реми ворвался в мое сознание, прерывая проклятия оппонента. Я не смог сдержать усмешки. Он как всегда вовремя. И он прав, действительно, так много времени уходит в пустую.

Прямо сейчас, глядя на него, я понимал, что не смогу проиграть. Потому что я дерусь за слишком многое и слишком многих. На кону свобода, наша свобода. Моя ухмылка привела Абрахама в еще большее неистовство, и он с диким первобытным криком ринулся на меня, замахиваясь мечом. Он начал наносить удар за ударом, заставляя меня отступать и обороняться. Я смотрел так внимательно, что глаза от напряжения стало сводить. И... Резко я отступил сильнее, чем должен был для защиты от очередного удара, пропуская Абрахама вперед по скользкому, обгабренному кровью песку, тот по инерции сделал лишний полушаг, в то время как мое лезвие уже поймало тусклый свет, заносимое моей рукой для удара в шею Абрахама. И он нашел ее. Это была моя единственная атака за всю битву. И она сделала свое дело. Кажется, у прозвища Дракон есть смысл. Дракон не разменивается по пустякам, он

выжидает, чтобы нанести один смертельный удар. Абрахам этого не знал.

Из горла бывшего Главнокомандующего вырывались булькающие и хлюпающие звуки, быстро смешавшиеся с кровью, которая большими пузырями рвалась наружу. Кажется, он хотел что-то сказать. Я рывком выдернул меч из его шеи. Тело Абрахама с глухим звуком упало на колени, а затем ничком на песок, подняв клубы пыли.

Я не стал возвращаться в строй и направился к выходу.

У меня слишком мало времени.

*Цитата Реми — Евангелие от Матфея.

Глава 5. Цветок апельсина.

Элеонор

На следующий день после церемонии и нашей встречи с Бренданом андабаты уехали. В отличие от нас, их Посвящение начиналось практически сразу после бала, но когда именно и как оно проходит, он мне не сказал. Вообще друг всячески уклонялся от любых тем, касательно их обучения. Все его слова и фразы на эту тему были либо туманны, либо скупы и больше напоминали мне нехотя брошенные в воду маленькие камушки, вылетающие из его рта. И я не стала наставить, не желая портить момент. Ведь, я надеялась, мы увидимся снова. И у нас еще будет много, много времени, чтобы узнать каждую деталь жизни, проведенную вдалеке друг от друга. Сбудется ли это? Брендан не успел попрощаться со мной, не сказал ни слова больше. Иногда мне действительно казалось это сказкой, которой, к сожалению, пришел конец. Я корила себя за то, что мы так мало времени провели вместе, что я не узнала его сразу. А еще в голове было слишком много вопросов, на которые у меня не было ответов.

Тем временем приближалась церемония принятия, а, значит, я должна была расстаться с подругами и со стенами академии. Мы все устали от них, от этого городка, но и немного боялись выходить за привычные пределы. Больше всех переживала Стелла. В один момент, за два дня до церемонии, она просто бросила вышивку, над которой работала, на пол, и, уткнув лицо в колени, горько зарыдала. Я, Джул и другие девочки обнимали ее, успокаивали, утешали. Я клялась всем дорогим, что мы не потеряем связь, и была уверена, что исполню свое обещание. Хоть мы и не знали, что нас ждет и по каким семьям нас распределят: пока мы живем на одной планете, я обязательно найду своих подруг.

Больше всего пугала неизвестность. Почему-то никто из нас ни разу не слышал о том, что стало с Кандидатками прошлых лет. Они просто испарялись. Да и что будет на церемонии? Если для Церемонии Принятия был отрететирован каждый шаг по ступеньке, то здесь нам ни сказали ни слова, кроме раздражающих правил. Они были просты и лаконичны, можно было записать одним предложением: «Выходи под своим номером, не говори ни слова, молчи, снова молчи».

Когда наступил день церемонии, академия стала похожа на пчелиный улей, без умолку жужжащий. Для церемонии нам не давали свободу выбора в одежде, украшениях. Большое количество прислуги, превосходившее, наверное, численность всей академии, не то что выпускниц, носилось вокруг нас с самого утра. Нас отмывали, мазали всем, что хотя бы теоретически могло заставить нашу кожу «сиять», терли скрабами каждую клеточку тела, рискуя оставить нас не то что без сияющей кожи, а вообще без нее. Нам подбирали духи, наряды, делали прически. Черт, они позаботились даже о подборе белья, только я не понимала, к чему мне это черное кружево, которое и бельем то назвать нельзя? И чулки с широкой резинкой, крепившиеся на пояс с бантами... Все это раздражало. В результате я стала похожа на фарфоровую куклу. Мои глаза, густо накрашенные от век до ресниц, стали такими широкими, будто я была крайне удивлена всему происходящему. Такое обилие косметики заставляло меня чувствовать, будто на меня нацепили маску. И мне постоянно хотелось ее снять со своего лица.

Длинные волосы завили в крупные локоны. Платье было ярко-зеленого цвета, лишь под

грудью и до середины бедра меня обтягивало черно-прозрачное кружево. Тугой жесткий корсет шнуровался со спины длинными лентами и делал талию осиной, а грудь пышной, приподнимая и стягивая ее. Юбка спереди оголяла колени на ладонь и состояла из нескольких слоев материи, делая каждое мое движение шуршащим. Остальная часть подола была неровной. Он хаотично струился по ногам, оставляя за мной шлейф прозрачно-зеленой ткани. На обе руки мне надели по золотому толстому браслету с узором из переплетения черные и бирюзовых камней, чем вызвали скептическую ассоциацию с наручниками. Затем меня поставили на высокие черные каблуки и, когда я думала, что пытка закончилась, мне на голову водрузили венки из флердоранжа. В далеком прошлом такие цветы в волосах, похожие на цветы померанцевого дерева, были символом свадебного убора невесты. Но я не помнила о такой традиции на Посвящении. Я с удивлением дотронулась до венка и поняла, что цветы настоящие.

— Леди, не трогайте, пожалуйста. — Пролепетала одна из двух оставшихся девушек, поправляя мне и без того идеальную прическу. Вторая наглаживала на мне платье, избавляя его от несуществующих складок. Или от существующих, но они же явно были задуманы дизайнером.

— А у остальных тоже есть венки?

Девушки переглянулись.

— Возможно. Но такой только у Вас.

Я хотела еще задать пару вопросов, как в комнату ворвалась мисс Маклаффин:

— Уже вышла шестая девушка, седьмая на подходе, вы подготовили Эленор? О! — Она заметила меня. — О! Эленор, ты прекрасна, голубушка. Ты — наше главное сокровище сегодня.

Я вскинула бровь. Я больше привыкла слышать от нее «ты моя главная головная боль», что же это за порыв нежности, синдром прощания с ученицами?

— Я могу увидеть подруг?

— Что? Нет, милая, нельзя, уже твой выход. — «Твой выход», как будто на сцену. — Подправьте ей губы. — Скомандовала она напоследок и девушки быстро нанесли мне еще один слой алой помады.

Затем меня взяли за руки, вытянули и быстро провели по коридору в концертный зал. У самого входа в закулисы нас остановил Ричард.

— Эленор. — Я обернулась к мужчине и хотела как всегда присесть в шуточном поклоне, но замерла на пол пути, а моя улыбка так и не коснулась губ. Лицо доброго библиотекаря было безумно печальным. Он мрачно и с нескрываемым сожалением оглядел мой наряд и остановился на цветочном венке, сжав губы еще сильнее. Он взял меня за руки и заглянул в глаза. — Ты очень красивая.

— Разве это то, что ты хочешь сказать? — Спросила я.

Он лишь покачал головой и, быстро наклонившись, крепко обнял меня и, по-отечески прижавшись губами к моему лбу прошептал:

— Милая Эленор, я желаю тебе счастья. Ты действительно достойна его.

Мои глаза защипало, и я быстро-быстро хлопала ресницами, сдерживая подступающие слезы.

— Эленор, Ричард, пора! — Услышала я сзади нетерпеливый голос мисс Маклаффин.

В подтверждение ее слов из зала послышался мужской голос:

— А сейчас девушка, которую уже многие из вас знают как цветок Флердоранжа.

Нежная, юная, прекрасная, но, в отличии от настоящего цветка апельсина, она, подобно дикой розе, имеет шипы!

В зале послышался дружный смех, как будто для зрителей подняли табличку с надписью «Смеяться». Я же попыталась понять, о чем или ком голос вообще говорит. Как будто выставляет кого-то на...

— Эленор Флердоранж!

Что? Я не ослышалась? Тяжелый бордовый занавес взмыл вверх и разъехался по бокам, ослепляя меня открывшимся светом софитов, направленных на меня, стоящую в центре огромной сцены. Я заморгала тяжелыми от туши ресницами и еле сдержалась, чтобы не прикрыть рукой глаза. Хотя больше мне бы хотелось просто уйти со сцены.

— Итак, Эленор, лот № 8. — Ко мне подошел мужчина во фраке и зеленой бабочкой, в цвет моего платья. Из кармана пиджака у него торчал цветок флердоранжа. Интересно, он меняет аксессуары к каждой девушке, появляющейся на сцене? Мужчина бесцеремонно взял меня за руку и провел вперед по сцене, продолжая свой монолог. — Многие из вас заметили ее появление на Церемонии Посвящение под номером 22, как последнюю, отсюда и повальная путаница в заявках. Как оказалось, маленькая мисс прикрывала подругу, не пожелавшую выходить последней. Как вы понимаете, наш Флердоранж еще и бесстрашный, а также верный цветок.

По залу вновь пронесся смех, а я злобно посмотрела сначала на него, а затем на присутствующих в зале. Одно из сегодняшних правил, вдалбливаемых нам с самого детства: молчи. Но одно из них я уже нарушила, верно?

Выдернув руку из цепких объятий мужчины, я вскинула подбородок и присев в изящном реверансе, встала, смотря на публику сверху вниз. Они хотят концерт? Они его получают.

— Мое имя Эленор МакАртур. — Мой голос заставил всех буквально замереть. — Это имя дали мне мои родители, и у меня нет необходимости приобретать другое. — Я повернулась к остолбеневшему мужчине. — Продолжайте, если такова традиция. Но называйте меня именем, которым меня крестили, а странные прозвища оставьте тем, кому это интересно.

Я снова развернулась к залу, используя старый прием: смотреть поверх толпы. Всегда, выходя на сцену, я смотрела сквозь них всех, минуя лица и взгляды, устремленные ко мне. Сейчас я уткнулась взглядом в противоположную стену, на которой были изображены многочисленные узоры.

— Кхм. — Раздалось сбоку, сбитый с толку ведущий снова вошел в свою роль. — Мисс... Эленор МакАртур, как вы понимаете, не любит правила. Одна из самых бойких девушек этой Академии. Из интересов: книги, спорт и верховая езда. Особые навыки: прекрасные успехи в области кулинарии, лучшие спортивные достижения на потоке, также мисс МакАртур прекрасная наездница. С большей частью данных, а также с оценками по дисциплинам и комментариями вы можете ознакомиться в ваших каталогах.

Каталогах? Я не ослышалась? Перестав изучать цветы на стене, я посмотрела в толпу сидящих людей, уже более внимательно. У них в руках действительно были какие-то брошюры, довольно большого формата, которыми некоторые лишь начали шелестеть, кидая на меня заинтересованные взгляды, другие же уже внимательно что-то изучали. Увидеть отсюда содержания этих страниц было нереально.

— Сочетание ума, силы характера, физического здоровья и красоты, как вам этот экземпляр? И... Один немаловажный факт. — Театральная пауза заставила зрителей

притихнуть, обратив внимание на ведущего. Тот зажмурился от удовольствия, а затем хитро посмотрел на присутствующих. — Девушка девственно чиста!

Кровь прилила к моему лицу. Что он сказал? Он только что сказал со сцены о том, что я девственница?! Но зачем этим людям эта информация?! Кончики пальцев закололо, я чувствовала, как они немеют, а ведущий не унимался, довольный произведенным эффектом:

— Мисс Эленор Макартур, дамы и господа! Торг открыт!

С последней фразой зал резко наполнился шумом, все присутствующие наклонились друг к другу и что-то обсуждали, доказывали, объясняли. Некоторые даже махали руками или зачитывали строчки из брошюры, ведя по ним пальцами. Мне захотелось схватиться за виски, которые наполнились пульсирующей болью. Я чувствовала, как под слоем пудры и тонального крема мне становится дико жарко.

— Кто начнет? — Дав время для первых разговоров, начал ведущий.

Вверх взметнулась карточка с номером «27» и мужчина, державший ее, произнес:

— 10 миллионов.

— Оу, прекрасное начало и отличный выбор мистера Брауна! 10 миллионов долларов за Эленор Макартур! 10 миллионов раз...

— 30 миллионов. — Заявил мужчина, сидящий близко к сцене, настолько, что я даже разглядела его лицо: темные длинные волосы и такая же борода обрамляли суровые черты лица. Меня передернуло. Только сейчас, глядя в его холодные глаза, смотревшие на меня не отрываясь, я стала понимать суть происходящего. Я чувствовала, как кожа покрывается мурашками, но вряд ли от холода. Меня буквально парализовало от осознания того, что меня продают как лот. Продают как картину. Нет, мы шли примерно к этому, мы знали, что так и будет, но знать и чувствовать — это разные вещи. Между ними оказалась слишком большая пропасть, кажется, я не могла ее перепрыгнуть.

А тем временем из зала все вскидывали руки с табличками, на которых, помимо номера, были еще различные символы — семейные гербы. И раздавались цифры, много цифр. Цены за живого человека. За меня.

— Небывалый ажиотаж, это, как и предсказывалось, изюминка сегодняшнего вечера! Эленор Макартур и цена от мистера Ламберте — 150 миллионов долларов! Кто сможет поднять планку?! Никто?! 150 миллионов долларов раз, 150 миллионов долларов два... — Рука ведущего уже поднялась вверх, чтобы объявить о конце сделки, а я даже не хотела смотреть в сторону того, кто назвал за меня последнюю ставку, как главные дверь в зал распахнулись, впустив высокого молодого мужчину в черно-зеленой одежде. Воротник его пиджака был поднят, на руках — перчатки, лица я рассмотреть не могла.

— Стойте, Гейт! — Крикнул он, обращаясь, очевидно, к ведущему. — Начали без меня? Как грубо. — Он усмехнулся, идя резким шагом по проходу и сияя саркастичной улыбкой.

Очевидно, его появление вызвало у всех не меньший шок чем то, что я посмела нарушить обет молчания. О, или то, что я, черт возьми, невинна! Ведущий, точнее Гейт, если верить пришедшему, так и замер со своим черным лакированным молотком.

— Мистер Батори. Какой неожиданный сюрприз. Неужели вы решили поучаствовать в этот раз?

Мужчина поморщился:

— Нет, я просто проходил мимо из ЛостВуда и подумал, почему бы не зайти на огонек?

Я забираю эту девушку. Сколько?

— Последняя ставка 150 миллионов долларов.

Мужчина кивнул.

— Даю 500. Есть желающие что-то сказать? — Он окинул взглядом присутствующий в зале. Те молчали. Все взгляды были прикованы к этому молодому человеку, бесцеремонно появившемуся здесь. Мужчины смотрели чуть ли не со злостью, а девушки с нескрываемым восхищением. Тот, не дождавшись ответа, кивнул. — Подготовьте ее, я оставлю карету.

Так и не удостоив меня ни одним взглядом, он развернулся и вышел из зала.

— Продано. — Раздалось в зале, осипшим голосом Гейта, и я услышала удар молотка, объявивший о завершении торгов по лоту. Неужели моя судьба только что ушла с этим глухим стуком?

Дальше все происходило очень быстро. Мне так и не дали попрощаться с подругами и сказать, куда я направляюсь. Да что там, мне даже не сказали, куда я еду. Это был самый настоящий аукцион, только в качестве лота выставлялась живая девушка. Все не так, как мы себе представляли. Даже в самых странных фантазиях я не думала, что буду чувствовать себя проданной. Или преданной. Разницы в словах — одна буква, а выражают они так много.

На меня надели новый черный плащ и посадили в карету, запряженную четверкой черных лошадей, с задвинутыми наглухо шторами. Помимо меня в ней было еще двое старых андабатов, не склонных к общению.

Я не знаю, сколько мы ехали, путь в тишине и в никуда показался мне вечностью, но вдруг снаружи раздался какой-то шум. Затем карета резко остановилась, отчего я чуть не упала на своих провожатых. Андабаты переглянулись, один из них повернулся и открыл окошко рядом с кучером:

— Эй, что... Черт, оставайся здесь с ней! — Бросил он своему напарнику и выскочил из кареты. Я напряглась, теперь за стенами кареты явно слышались чужие шаги и даже, кажется голоса. Там явно был кто-то чужой. В следующую секунду у меня был шанс в этом убедиться, потому что обе дверцы кареты резко распахнулись. Но никто не появился. Все было тихо. Андабат кивком показал мне оставаться на месте, а сам медленно высунул лицо в одну из дверей.

— Сюрпри-и-и-из! — С крыши кареты перед ним свесился парень в бандане. То, что он висел вверх ногами, не помешало ему резким движением ребром ладони по горлу оглушить андабата и заставить его вывалиться из кареты без сознания. Затем взгляд парня нашел меня и, приставив руку козырьком к виску, он буквально пропел: — Привет, принцесса, служба спасения прибы...

Он не успел договорить, как я быстро схватившись за верхнюю перекладину кареты, притянула к груди согнутые в коленях ноги и, резко их выпрямив, заехала ему прямо в лицо. Удар был действительно мощным и неожиданным для него, потому что с криком боли парень исчез из поля моего зрения. Не дожидаясь, пока он опомнится, я метнулась к андабату и выхватила его меч. Если вы думаете, что я собиралась пуститься в драку с похитителем и, возможно, не одним, то спешу вас разочаровать, мы не в блокбастере, где девчонка может голыми руками задушить кого угодно. В том, что это был один из похитителей, я не сомневалась. В последнее время случаи пропажи девушек участились, многие пытались выжить, продавая девушек на черном рынке рабов, и в моей голове мигом

пролетели все самые красочные истории на эту тему! Эти сказки, внезапно ожившие, придали мне смелости а мозгу находчивости. Да, Кацу отлично меня натренировал, но драться со знакомым — это одно, я не знаю, как повела бы себя в реальном сражении. Тем более меч, принадлежащий моему «защитнику», был гораздо тяжелее моего обычного оружия. Так что проверять свои боевые навыки рискну только в крайнем случае. Зато одного у меня не отнять — на лошадях я ездила с 4-х лет.

Стараясь не смотреть на завалившегося на козлы кучера, опасаясь увидеть кровь, я, ведомая адреналином, метнулась к четверке лошадей, все еще привязанных к экипажу. Животные волновались, нетерпеливо выбивая копытами по земле и фырча. Освободив одну из лошадей с помощью меча, я вскочила на нее и, не дожидаясь новых впечатлений, пришпорила животное, с криком погнав вперед. Сзади я услышала крики и ругательства, причем ни одного голоса, но это лишь подстегнуло меня:

— Но, но! — Пришпорила я коня, ударив по бокам каблуками. — Но, мой хороший, пожалуйста, пожалуйста, быстрее! — То ли молила, то ли кричала я на скакуна.

В какой-то момент, когда страх чуть улегся, я рискнула обернуться: за мной скакал всадник на такой же лошади из упряжи. Он был весь в черном и с банданой на лице, не знаю, тот ли это, кто оглушил моего охранника, или уже другой, но узнавать это при более близком знакомстве я не планировала.

— Но, вперед! — Снова крикнула я на лошадь. Без седла и в задранном платье нестись в неизвестном направлении было безумно неудобно. Безумно хотелось отстегнуть теплый плащ, но казалось, что даже секунда отвлечения сыграет против меня. В конце концов, когда ты едешь, чтобы спасти свою жизнь, проблема с одеждой не кажется особенно серьезной. Я снова оглянулась и заметила, что расстояние если и сократилось, то ненамного. Я мало уступала преследованию, что предало мне сил и надежды на спасение. Но, очевидно, судьбу мои навыки наездника не волновали.

Сначала я и не поняла, что произошло, но с диким ржанием моя лошадь резко остановилась и встала на дыбы. Я вцепилась ей в гриву, ткань платья заставила меня скользить по спине брыкающегося и взбесившегося животного. Причина оказалась банальна: пугливое животное увидела, как на лесной дороге стремительно проползает змея.

— Тпру, тпру, стой! — Попыталась я успокоить скакуна. Меньше всего я хотела останавливаться, но и разбиться на смерть было бы не лучшим выходом из ситуации. Хотя черт его знает.

Сзади я уже слышала ржание другого жеребца, а затем моих ушей достиг и голос наездника:

— Эленор! — Мое имя — последнее, что я услышала. Испуганной лошади удалось скинуть меня со спины и я, зачерпнув руками воздух, стала падать.

Глава 6. Слишком много информации.

Брендан

Я не знал, кто дышит тяжелее, я, или это глупое животное подо мной. Дура Эленор разбила Реми нос и сейчас на всех парах неслась прочь. И откуда у девицы из женской академии столько прыти? Чем она там занималась? Ко всему прочему, выбранная мной лошадь уступала ее скакуну. Знал бы, что предстоит погоня, взял бы Молнию.

— Давай, давай! — Я снова пришпорил лошадь, пытаюсь добиться от нее большей скорости. Но тут я заметил, что конь Эленор встал на дабы. Мои руки похолодели, и я с замиранием сердца следил за тем, как девушка пытается удержаться на взбесившемся животном.

Расстояние между нами быстро сокращалось, но мне надо было еще быстрее, надо было быть рядом прямо сейчас!

— Эленор! — Закричал я. Но в этот момент лошадь взбрыкнула особенно сильно, руки девушки разжались, и она сорвалась со спины животного. Доля секунды — и я был рядом, успев ухватить подругу под руки и резко подтянуть на своего коня. — Но! — Направил я его дальше от спятившего животного. Я удобнее подхватил Эленор и, остановившись, посмотрел на нее. Глаза закрыты, девушка была без сознания, но скорее всего от испуга. Она точно не успела повредить себе ничего. Дыхание было сбивчивое, к покрасневшему и мокрому лицу прилипли волосы. Я глубоко вздохнул. Что в детстве, что сейчас, она не давала мне покоя своими выходками. Как-то в шесть лет она на спор полезла в торфяник за болотным багульником, и я ее еле оттуда вытащил. Похоже, что-то вечно.

Прижав девушку крепче, я развернул коня и осторожно поехал обратно. Времени оставалось совсем мало, и все из-за этой бестолковой. С одной стороны я злился на нее, хотя бы потому, что она только что могла на смерть разбиться. Но с другой, я был безумно горд за эту бунтарку. Сам виноват, стоило ее предупредить...

Доехав до кареты, я заметил старания Реми: экипаж стоял у обочины дороги, все еще запряженный двумя оставшимися конями. Кучера и анадабатов не было видно, наверняка он связал их и спрятал в карете. Сам Реми восседал на козлах с невозмутимым видом. Со стороны все казалось вполне безобидно, если здесь вдруг решили затеряться путники.

Заметив меня, Реми спрыгнул с сидения и подбежал к лошади:

— Слушай, а ты умеешь умирять девушек. Или ты так мстил за мой нос? Не стоило, милый. — Он подхватил у меня Эленор, давая возможность спуститься. — В таком виде она мне нравится больше, рыжий бесенок. — Сказал он, разглядывая девушку, которая и правда уже выглядела умиротворенной. Оказавшись на земле, я отобрал ее обратно. Если она очнется, то может снова покуситься на нос моего друга.

— Где андабаты?

Парень хитро сверкнул глазами над банданой:

— В карете, от-ды-ха-ют. Утомились мальцы. Кстати, я узнал карету. — Он кивнул на герб на дверце. — Лорд Батори. Это не шутки. Я вообще не знал, что он принимает участие в

торгах, не то что...

Я нетерпеливо дернул плечом:

— Пошли, мы должны отвести ее в убежище, и так заминка вышла слишком долгой.

Реси кивнул, и мы направились знакомой тропой в лес.

Было пройдено более половины пути, нарушаемого только редким треском сучьев под ногами и криками лесных птиц, когда Эленор заерзала и довольно сладко зевнув потянулась. Более чем уверен, что она думает, что проснется от странного сна в своей постели. Мы с Реми быстро переглянулись. Тот отчаянно замахал на меня руками, в духе: «Разбейся сам!».

— Доброе утро, Эленор. — Сказал я. — Как спалось?

Голубые глаза широко раскрылись, а тело моментально распрямилось в моих руках, вытянувшись в струну. Я не стал давать ей надежды засветить мне чем-нибудь и скинул девушку в траву:

— Думаю, нам стоит перестать так встречаться. Не то чтобы мне не нравилось кидать тебя на землю, но... — Я спустил бандану с лица и волос, и глаза девушки, итак огромные, распахнулись еще больше.

— Брендан?! Какого черта ты творишь! Что вообще происходит?!

— Я обязательно расскажу тебе все но...

— Потом? — Завопила она. — Нет уж, хватит оставлять все на «потом»! Немедленно говори, что ты придумал. И это еще кто?! — Воскликнула он, вскакивая с земли и указывая на смеющегося за моей спиной Реми. Тот тоже развязал бандану и, подмигнув Элли, представился, галантно поклонившись:

— Реми, к вашим услугам, миледи. Можно Рем. — Обольстительно улыбнулся парень.

Она жеста не оценила, а лишь хмыкнула:

— Я бы присела в изящном реверансе, если бы была на светском рауте, а не в лесу. Классный нос, Рем. — Фыркнула она, окинув взглядом его лицо. Друг поджал губы от досады, притронувшись к действительно сильно опухшей части лица. Я не смог сдержать улыбки.

— Боролся с демонами. С ведьмой. Рыжей. — Буркнул Рем, что Эленор проигнорировала.

— А ты чего скалишься? Я жду объяснений! — Девушка, надев свое излюбленное, упрямое выражение лица, скрестила на груди руки и сурово взирала на нас, как на провинившихся школьников.

Меня это уже начинало бесить. Я только нашел ее, я только что спас ее, а она опять усложняет. Ее строптивый нрав сводил меня с ума. Как можно быть такой вредной?!

— Если ты сейчас же не пойдешь с нами, я опять взвалю тебя на плечо. Все разговоры будут в убежище.

Она фыркнула:

— Ты всегда так решаешь проблемы, гном? — Бросила она в меня детским прозвищем, смотря на меня снизу вверх. Она ничуть меня не боялась и осознавать это было непривычно. В последнее время меня если не боялись, то хотя бы опасались абсолютно все.

Реми, от этой картины или слов девушки, заржал, но, когда я бросил на него взгляд, поднял руки в успокаивающем жесте и сделал вид, что закрывает рот на замок.

Я снова повернулся к рыжей бестии:

— Послушай. Ни одна женская академия не выпускает своих учениц просто так. Я спас

тебя, просто поверь мне. Пожалуйста.

Она внимательно всматривалась в мое лицо, закусив нижнюю губу.

— И что это за убежище, о котором ты говорил?

— Тебя надо спрятать, там будут наши друзья.

— Я не хочу туда.

Я был готов завывать. Рем же уже успел расположиться под деревом, жуя сорванную травинку и взирая на нас снизу вверх.

— А что, у тебя есть другие предложения?

Она кивнула:

— Я пойду к Кацу.

— Кацу? — Вскинул я брови. — Это кто еще такой?

— Я. — Раздалось за моей спиной.

Эленор

В детстве я очень много читала. И выбор для чтения не отличался женской направленностью. Поэтому я мечтала не о принце, а о приключениях: пиратское судно, ковбойские разборки на Диком Западе, драки на мечах... Но вот когда мои желания стали резко исполняться, я не уверена, что испытала долгожданное счастье. Мой лучший друг, спустя 10 лет, врывается в мою жизнь и организует мое похищение из экипажа спонсора. И да, это мое «спасение». И теперь я должна идти туда, не знаю куда, потому что там будет безопасно? И кто это решил? Нет уж.

— Я не хочу туда. — Вскинула я подбородок.

Брендан всем своим видом выказывал нетерпение и накатывающую злость. Его дружок, устроившись на земле, в открытую потешался над происходящим. Надо было ему еще и глаза подбить.

— А что, у тебя есть другие предложения?

Я живо кивнула, моментально предоставляя вариант, возникший в моей голове:

— Я пойду к Кацу.

— Кацу? — Вскинул брюнет брови. — Это кто еще такой?

— Я. — Раздалось совсем рядом.

Я дернулась от неожиданности, а Брендан, резко развернувшись, завел меня за свою спину, выхватывая меч. Реми мгновенно нарисовался рядом, также с мечом наголо. Когда мне удалось найти прореху между сомкнувшимися плечами парней, я увидела, как из-за дерева медленно, выставив руки перед собой ладонями вперед, выходит Кацу.

— Кай! — Воскликнула я и хотела ринуться к другу, как Брендан остановил меня. К моему удивлению, рука второго парня также выросла передо мной, препятствуя дальнейшему движению.

— Как ты нас нашел? — Спросил Брендан, хмуро взирая на Кацу. Тот опустил руки.

— Шел за вами от экипажа. — Пожал он плечами. — Решил выждать, пока Элс не очнется. Потом понял, что вы знакомы.

— Решил выждать? — Заулыбался Реми. — А что, «тяночка» рискнула бы напасть?

Только поистине японское спокойствие помогло Кацу не заткнуть этого парня. Он обладал действительно очень красивой и нежной внешностью, при этом всегда был аккуратно одет, что давало окружающим поводы для шуток. Но поскольку шутить так над моим другом

позволялось только мне, я пнула Рема сзади колени, заставив покачнуться.

— Ай, бесенок, ну сколько можно?!

Кацу улыбнулся, а Брендан рявкнул:

— Зачем ты шел за Эленор?

Я прошипела от негодования и, ткнув его плечом, вылезла перед парнями.

— Меня все это достало. Кай, — я повернулась к японцу. — Это мой друг детства Брендан, это недоразумение природы — Реми.

Кацу кивнул:

— Классный нос, Реми.

Тот чуть не закипел от злости, отворачиваясь и бубня что-то про то, что мы с ним друг друга стоим.

— Ребята, это Кацу. Мы знакомы с... 12 лет. — Припомнила я. — Теперь, когда мы все тут поняли, что друг другу не враги, давайте разбираться.

Я встала спиной к Брендану и Томасу, ближе к Кацу. Брендан на мое движение нахмурился и пристально посмотрел на меня своими темными глазами, но ничего не сказал. Он сунул меч обратно в ножны, чему последовал и Томас. Я заметила, что оба меча принадлежали андабатам. Значит этот юркий и на вид весьма молодой мальчик с веселыми карими глазами и каштановыми волосами, тоже один из воинов? Не подумала бы.

Брендан внимательно посмотрел на меня, сделал один вдох, который, как будто, дался ему с трудом, и размеренно произнес:

— Элеонора. Прямо сейчас люди, которые тебя ждут, могут забить тревогу. Либо те, кого мы потрепали — очнутся. В любом случае тебя начнут искать. Поэтому нам необходимо попасть в убежище. Можешь взять с собой своего японца, но если ты не согласна идти по хорошему, я завяжу тебе рот, чтобы не орала, и снова взвалю тебя на плечо.

Знаете, а ведь он не шутил.

Мы миновали лес и неожиданно вышли в Серый квартал, в его самую захолустную часть. Наконец мы дошли совершенно настоящего, и, с виду, нежилого замка. Точнее, я решила, что это замок. Наверняка это сооружение носит какое-нибудь название в стиле «крепость», «форт» ну, или что-то такое. Но эти взмывающие вверх колонны, местами развалившиеся, настойчиво напоминали мне книжки про принцесс.

— А где дракон? — Выдала я, когда мы, миновав главные ворота, прошли в огромный двор, двинувшись куда-то влево.

— Какой дракон? — Непонимающе обернулся Реми, лишний раз убеждаясь в моей неадекватности.

— Ну, знаешь, каждому замку полагается дракон. Он должен охранять сокровища, или принцессу или хоть что-нибудь.

Рем не успел вслух усомниться в моей вменяемости, как с громким, действительно громким, визгом «Бренд!», на наш путь выскочила брюнетка, разряженная в пух и прах.

— О, а вот и дракон. — Сказала я прежде, чем успела подумать. Впрочем, как обычно. Реми захохотал и стукнул меня по плечу, как «своего парня».

А голосистая девушка сверкнула в мою сторону почти черными глазами. Я видела такие только у цыганки-гадалки, когда смогла сбежать из академии в приезжий цирк. Интересно, если я незаметно плюну через плечо от сглаза, она расстроится? Стоп... Я присмотрелась. Да ведь это ее я видела тогда, на карнавале! Озаренная догадкой сразу покосилась на Реми...

Тогда я его не особо рассмотрела, но вроде он. У нас тут воссоединение семейства? Какая радость!

— Брендан! — Снова воскликнула она, возвращая свое внимание парню, на котором, к слову, уже успела повиснуть. Эта сцена вызывала во мне довольно странные чувства... С одной стороны: какое мне дело до отношений друга детства? С другой... Почему-то мне захотелось вцепиться ей в волосы. — Где ты был?! Ты никому ничего не сказал! Я места себе не находила!

Вокруг нас начала собираться публика: с разных сторон стекались люди, в основном молодые, я бы не дала им больше 25–27 лет. Также большую часть составляли парни. На всякий случай вцепилась в рукав Кацу.

— Катина, я буду признателен, если ты все-таки запомнишь, что я не делал этого раньше и буду в будущем отчитываться перед тобой или кем бы то ни было еще.

Какой грозный парень. Я издала смешок, чем вызвала еще один злобный взгляд девушки. Нет, правда, если бы у меня был амулет от сглаза, он бы изошелся треском или вовсе расплавился.

— Кого ты с собой притащил? — Не скрывая раздражения в голосе, спросила Катина.

— Твоего советчика по стилю, и вот несколько замечаний: поменьше оборок на юбке, смени помаду и держи рот закрытым — тебе так больше идет. — Рывкнула я.

Брендан вздохнул с видом, будто держит на плечах весь этот бранный мир. Затем, осознавая, что разговора избежать не получится, он обернулся вокруг и жестом позвал всех куда-то вперед. Найдя взглядом меня, он отошел от Катины и протянул руку.

— Пошли. — Я, проигнорировав протянутую ладонь, взяла за руку стоявшего справа от меня Кацу, который моментально переплел пальцы с моими. Брендан кинул злой взгляд на наши плотно сжатые руки, и, резко развернувшись, ушел вперед. Мы пошли следом. Минув грязный старый полог из каких-то тряпок и шкур, оказались в просторном помещении.

На стенах висело множество погашенных факелов, а единственный источник тепла и света исходил от огромнейшего камина, ярко полыхающего в конце этого зала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перед ним и размещались местные люди, оставляя, однако, пространство в центре. Именно туда уверенным шагом и направлялся Брендан.

— Это и есть убежище? — Шепнула я Реми. Почему-то эта обстановка заставляла меня говорить в пол голоса.

— Это его официальная резиденция. На самом деле наше убежище гораздо... Глубже. — Улыбнулся парень прежде чем подойти к группе каких-то ребят.

Отлично, они тут все загадками говорят? Надеюсь, мы не под землю путь держим? Мы с Кацу замерли в нерешительности, но затем я потащила его следом за Бренданом. В конце концов, это он нас сюда приволок.

Все же встав чуть подалеже от него и взглядов окружающих, которых избежать все равно не получилось бы, мы замерли с Кацу рядом с компанией поприветливее. Друг ободряюще сжал мою руку, я, с улыбкой посмотрев на него, сжала руку друга в ответ.

— Друзья. — Резко начал Брендан, привлекая внимание окружающих. — Я и Томас, действовавший исключительно по-моему приказу, сегодня напали на экипаж, чтобы освободить близкого мне человека. — Брендан указал рукой на меня. — Эленор Макартур.

Мое имя вызвало неожиданный всплеск эмоций среди присутствующих.

— Мы никого не убили. — Продолжал Брендан, не реагируя на всплеск активности. Эта

новость меня обрадовала. Я так и не поинтересовалась, что случилось с моими провожатыми. — Но карета принадлежала...

— Одному из этих напыщенных ублюдков из избранной касты, которые растягивают девушек и женских академий! — Воскликнул возникший как черт из табакерки Реми. Возможно, мне показалось, но он специально перебил Брендана. Тот явно хотел сказать что-то более важное. Парни переглянулись, и я совершенно точно увидела молчаливую дуэль между ними. Я видела такое же поведение между Бренданом и Этаном, когда они прикрывали друг друга.

Чуть помедлив, Брендан кивнул:

— Да.

— Мы не вытаскиваем девчонок, у избранных, это против правил! Она принесет нам беду! — Прошипела дракониха, сверкая на меня глазами.

Брендан даже медленно развернулся к ней, но не успел ничего сказать, как светловолосый парень с мягкими чертами лица выкрикнул, сверкая белозубой улыбкой:

— Катина, хватит ревновать! Я готов утешить тебя в твоем горе. — Затем он задорно ей подмигнул, заставив остальных в комнате засмеяться. Я тоже позволила себе улыбку, веселость парня была заразна.

Когда смешки стихли, вперед выступил один, как я думаю, из самых старших здесь парней. Высокий и широкоплечий, с длинными, связанными в хвост русыми волосами, он производил впечатление лидера.

— Брендан, у тебя острый ум, но горячие голова и сердце. Девушка действительно можешь навлечь беду, да и где ты предлагаешь ее спрятать? Она просто не выживет здесь.

Катина снова фыркнула:

— Ну да, куда леди из женской академии до нашего быта.

Голос опять подал Рем:

— Не выживет? Да она даст фору здешним бойцам! Глядите, как бестия разукрасила мое прекрасное лицо! — Неподдельная грусть в его голосе выдала новую волну смеха в зале.

— Эй, как тебе не стыдно, я думал это охранники! — Раздалось откуда-то из глубины помещения.

— Нет, с ними справиться было гораздо легче! — Ответил брюнет. — А затем она вскочила на коня и мчалась, пока Брендан ее обратно не приволок.

По залу пронесся одобрительный гул, заставляя мои щеки наливаться румянцем. Хорошо, что здесь было достаточно темно.

Брендан, до этого молчавший, сделал шаг вперед:

— Я не уверен, что вы правильно меня поняли. Я рассказал вам это, потому что должен был. Возможно, это действительно повлечет последствия, за которые я буду отвечать. Но оставлять Эленор здесь я не намерен. Она не боец. Поэтому она останется здесь до тех пор, пока я не позабочусь о лучшем месте для нее.

Неожиданно вперед выступил Кей:

— Ты можешь об этом не переживать, я спрячу ее у себя.

Брендан зло сжал губы, прежде чем ответить, смерив Кацу очередным тяжелым взглядом:

— Почему я должен тебе доверять?

— Потому что на протяжении последних лет с ней рядом был я, а не ты? А вот почему мы с ней, — Кей прям-таки надавил на это словосочетание. — Должны доверять тебе, явно

беглому андабату, или даже отступнику, и твоим друзьям — это хороший вопрос. Ответишь?

— Я не стану тебе ничего объяснять.

— Не проблема, объясни ей. — Кей указал кивком на меня. — А если нет, то я просто забираю ее. Ваши игры в революцию нас не особо интересуют. — Японец взял меня за руку, намереваясь уйти отсюда. Я не успела и пискнуть, как за другую руку меня схватил Брендан.

— Она никуда не пойдет! — Рывкнул он.

Я была зла. Я была чертовски зла. Почему здесь так активно решается моя судьба в обход моего же мнения? Казалось, что я смотрю на развитие спектакля про кого-то другого. А сценарий пишет этот наглый и самоуверенный брюнет, гордо стоящий перед всеми. Я вырвала руки у обеих парней:

— Так, стоп! — Резко развернувшись лицом к Брендану, я зло на него посмотрела. — Ты, гном! — Выдала я, прежде чем подумала. Может он тут и большой дядя, но для меня он мальчик, с которым я дралась традиционно пару раз в неделю. — А может, я сама буду решать, что для меня лучше? И ты, наконец, объяснишь, что здесь происходит? Вы от кого-то прячетесь? Что за революция?

Я видела по лицу парня, как он начинает закипать. Я вообще была удивлена, что он все еще сохранял такое спокойствие, прежний Брендан уже дышал бы паром как чайник. Конечно, глупо сравнивать ребенка с этим юношей. Прошло уже много лет, но больше я о нем, кроме детства, ничего и не знала.

— Я расскажу тебе... — Начала Брендан.

— Потом? — Фыркнула я.

— Сейчас. — С нажимом произнес он. — Но наедине.

Выдержав небольшую паузу, в течение которой я внимательно вглядывалась в его черты лица, выискивая знакомые, я медленно кивнула.

— Томас, — Обратился Брендан к одному из присутствующих. — Проводи Кацу. Остальные: возвращайтесь к делам. Скоро ужин. Встретимся внизу.

И почему здесь все так стремятся «вниз»? Господи, главное, чтобы там не находился первый круг ада. Хотя, кажется, я туда уже попала.

Всех вниз, а Элс — наверх! Проведя меня по бесчисленным коридорам этого замка, Брендан открыл передо мной массивную дверь, за которой оказалась витиеватая лестница, устремляющаяся в башню. За еще одной дверью, которую Брендан на этот раз открыл ключом, оказалась комната. Довольно простая спальня, принадлежавшая, как я поняла, брюнету. Посреди комнаты стояла широкая кровать из красного дерева с резным изголовьем. Постельное белье было идеально заправлено. Малое количество предметов интерьера состояло из комода перед кроватью, стола, стула, большого шкафа. Еще одна дверь вела в неизвестном направлении. Огромное окно украшали слишком массивные темные шторы. В комнате все гармонировало и пребывало в идеально чистоте. Глядя на Брендана, не сказала бы, что хозяин так печется о порядке. Я вспомнила вечное состояние «гнезда» моей кровати в академии и битвы с нянечками за чистоту, и не знала, устыдиться мне или посмеяться.

Заметив мою усмешку (Я все-таки выбрала второй вариант.), Брендан поинтересовался:

— Что тебя веселит?

— Твоя чистоплотность. Никогда бы не подумала.

— Я редко здесь бываю. Убирает здесь Катина, не я.

Улыбка сползла с моего лица, оставив на своем месте лишь безразличное выражение. Брендан засмеялся:

— Не переживай, она хороший человек. Но, если хочешь, можешь сама здесь убираться. — Предложил он, скидывая свой пиджак и кидая его на стул.

Вообще-то, я подумала, что она здесь тоже спит. Интересно, так ли это? Судя по тому, что я видела, то вполне вероятно. Или же она усердно над этим работает.

Я фыркнула:

— То есть ты своровал меня потому что услуги Катрины в качестве горничной тебе надоели?

— Я не воровал тебя, а спасал.

— Ну да, может, мне легче было бы в это поверить, если бы ты все-таки аргументировал свое поведение?

— Я скажу чтобы нам принесли ужин и чистую одежду для тебя. Эта дверь ведет в ванную комнату. Она приближена к старой-новой. По крайней мере есть теплая вода. Можешь умыться. Располагайся, я сейчас вернусь, и мы поговорим.

Я хотела поспорить, но после скачек, леса и прочих приятных событий этого дня, чувствовала, что ванна мне действительно необходима. Поэтому, приняв рекомендации относительно того, где я могу взять полотенце, и расстроено вспомнив, что все мои вещи остались в карете, я пошла в ванную комнату.

Довольно миниатюрная, она, как и спальня, имела все необходимое. Глянув в зеркало в железной оправе, я недовольно сморщилась. Волосы были растрепаны, а на вспотевшем лице застыла пыль с дороги. Оглядев себя полностью, не обнаружила никаких сюрпризов. Разве что пара ссадин и синяков на ногах, да порванный подол платья.

Раздевшись, я включила воду и с удовольствием забралась под ее горячие струи. Тщательно отмыв каждый сантиметр тела и вспенив волосы мужским шампунем, пахнущим, кажется хмелем, я вышла из душа. Полотенце оказалось достаточно большим, чтобы я смогла укутаться в него, не рискуя смутить Брендана, если он, конечно, вернулся. Хотя, скорее я рисковала смутить себя, но надевать заново грязную одежду мне не хотелось еще больше чем смущаться. Немного обтерев волосы, я завернулась в мягкую махровую ткань и выскользнула из ванной комнаты. Брендан действительно уже был в спальне: стоял у окна и смотрел на небо, на котором уже появились звезды. Услышав, как с тихим щелчком закрылась дверь, он обернулся:

— Уже все? Тут у... — Наткнувшись на меня взглядом, он запнулся, но быстро продолжил. — Ужин. Кушай, пока горячий.

Он моментально заинтересовался своими ногтями.

— Спасибо. Что там с одеждой?

— Ах да. — Он подошел к шкафу. — Я пока отдам, попрошу постирать твои вещи, но женской одежды твоего размера... Сейчас здесь только Катрина, да и ту я не нашел, так что пока что наденешь что-то из моего? Утром я об этом позабочусь.

Он достал из шкафа пару вещей и положил их на диван, замер, снова наткнувшись на меня взглядом. Пару секунд мы просто смотрели друг на друга. Я заправила мокрую прядь за ухо и улыбнулась:

— Я думаю, что наш зрительный контакт неловко затянулся. — Брендан не нашел что сказать. — Я вернусь в ванну, переоденусь.

— Стой, переодевайся здесь, мне надо все равно спуститься вниз.

С этими словами он вышел из комнаты, ая лишь с улыбкой покачала головой. Неужели Брендан смущен? Как долго я спала? Хотя... Мои руки замерли прежде, чем я дотронулась до предложенных вещей. Мы же целовались! Черт, это я должна быть смущена! События последних дней настолько выбили меня из колеи, что я и думать забыла о... Вот и ладненько, не думай об этом, Эленора! Элеонора Макартур, не смей, я сказал! Ну все, теперь поздно... Щеки окрасились в цвет спелого томата и загорелись. Ладно, это же Брендан, чего мне стесняться?

Наскоро переодевшись в кофту с длинными рукавами, которые пришлось закатать по локти, я проигнорировала брюки. Кофта и так была мне как платье, а в брюках я рисковала разбить лоб, запутавшись в штанах уже на первом шаге. Я забралась с ногами на кровать, на которой стоял деревянный поднос с нарезанным хлебом, сыром, мясом и тарелкой чем-то напоминавшим рагу. От этого блюда шел пряный аромат, услышав который мой желудок заурчал. Я схватила еще горячую тарелку себе на колени, и, вооружившись ложкой, с удовольствием начала есть. Это действительно было овощное рагу с кусочками мяса и большим количеством специй. Я уже приканчивала тарелку, как в комнату вернулся Брендан, неся с собой две дымящиеся кружки.

— Чай. — Пояснил он.

Я кивнула и, поставив тарелку на место, взяла два куса хлеба и накрыла их ломтиками мяса и сыра, протянула один из бутербродов парню:

— Меняю на напиток. — Улыбнулась я. Тот с усмешкой поставил мою чашку на поднос и принял у меня мини-сэндич. — Еда потрясающе вкусная. — Уверила его я. — Спасибо.

— На здоровье. — Произнес парень, откусывая чуть ли не половину бутерброда и запивая глотком чая. Я последовала его примеру, с удовольствием чувствуя, как от горячего напитка по всему телу пробирается тепло и уют. Лишь когда с подноса была съедена последняя крошка хлеба, и мы увидели дно своих больших чашек, Брендан соизволил начать разговор.

— Давай сначала ты ответишь на несколько моих вопросов?

— Как скажешь.

— Что ты помнишь про ту ночь? — Спросил он.

Мне не надо было уточнять, какую ночь он имеет в виду.

— Крекеры. — С готовностью ответила я.

Брови парня взлетели вверх, поздоровавшись с парой свисающих с челки прядей черный волос.

— Крекеры?

— А ты не помнишь? Когда мы пришли к машинам, нам дали колючие пледы, горячие чашки с очень сладким травяным чаем и соленые сырны крекеры. — Я откинулась на кровать рядом с Бренданом, закинув одну руку под голову, и задумчиво посмотрела в потолок. — Ты не отпускал меня тогда. Мы укрылись пледами, сложили два вместе, потому что я не хотела сидеть под ними по отдельности, и пили чай. И ели крекеры. — Я сглотнула комок в горле. Эта ночь преследовала меня всю мою жизнь. Но я ни с кем о ней не говорила. Даже со Стеллой. Тем более со Стеллой. Я повернулась на бок и встретилась взглядом с Бренданом. — Спасибо. — Сказала я то, о чем думала всю свою жизнь. Это было большое спасибо. Спасибо, что вернулся за мной. Спасибо, что защищал меня. Спасибо, что был рядом. Спасибо, Брендан.

Брендан не ответил мне, и я продолжала, снова скользя взглядом по комнате:

— Конечно, я помню машины. Огромные, я видела их перед этим только на картинках и по рассказам отца. Эти зеленые гиганты дико пугали меня, как и люди в форме, но я не хотела тебе говорить, никогда бы не признала перед тобой, что трушу. — Услышав смешок со стороны парня, я улыбнулась и сама. — Я помню... Маму.

Никогда и ни с кем я не говорила о родителях.

— В общем, — Я сглотнула. — Я думаю, что помню абсолютно все.

— Хорошо. Ты знаешь, почему это произошло?

Я пожала плечами:

— В ту ночь террористические акты были на всем юге страны. О нападение на города, стало поздно известно в верхушке и когда на помощь пришли андабаты, мало кого удалось спасти. — Выдала я версию, которую нам рассказали в Академии.

— Хорошо... Что ты знаешь о Катастрофе?

Я удивленно моргнула:

— Катастрофе? Ну, то что знала всегда и что узнала на уроках истории в Академии.

Брендан сделал движение рукой, веля мне продолжать рассказ. Я пожала плечами и заученным тоном, будто читая выжимку из учебника, проговорила:

— ВТК, или Великая Технологическая Катастрофа — это миг, когда мир поглотила тьма. Солнечные колебания изменили атмосферу и сделали Землю непригодной для использования техники. В один момент изменилось все: отключилось телевидение, перестали работать мобильные телефоны и, этот... Пауки... Паутина... Интернет, да! Грубо говоря, человечество отмотало назад множество лет развития. Государством были приняты экстренные меры для создания необходимых условий жизни людей. Все особо опасные объекты были уничтожены. Остались самые необходимые, они могут функционировать, но только в экстренных целях. Ну и конечно доступ к ним имеют только высшие эшелоны власти.

Я повернулась к Брендану и тот мне одобрительно кивнул:

— Хорошая ученица, — Погладил он меня по голове. — Никогда бы не подумал.

Я обиженно ударила его по ладони.

— Так к чему этот экскурс в историю?

Брендан устремил взгляд вперед и, пожевав нижнюю губу, ответил:

— Это сложно представить, поверить еще сложнее, но я хочу, чтобы ты серьезно отнеслась к моим словам.

Я повернулась на живот и, положив подбородок на скрещенные руки, обратилась в слух.

— Тогда, несколько десятков назад, эта ВТК... Это не природная катастрофа. Она была тщательно спланированной операцией, созданной правительством всех правящих стран.

В комнате повисла тишина, во время которой шарики в моей голове медленно перекатывались. Я нахмурилась:

— Ты шутишь? Кто может отключить ВСЕ? И, главное, зачем? Стирать достижения всего мира без серьезной причины, достигнутые таким кропотливым трудом человеческого мышления. Гениями! От былого величия остались сейчас лишь жалкие крохи, мы же просто деградировали. Кто специально спровоцирует деградацию?

Брендан терпеливо выслушал мою смесь вопросов и возмущения и продолжил:

— Те, кому необходима власть, конечно. В какой-то момент миром начала править четвертая власть, сми, массмедия, информационные войны были страшнее сражений. Люди стали сами себе хозяевами, ценили свое мнение. Независимые люди с собственным мнением

никому не нужны. И многие захотели вновь создать иерархию...

— В мире всегда была иерархия.

— Но не такая осязаемая и видимая. Касты просто переписали весь мир под себя, под свои желания. Эленор, все работает, понимаешь? Все работает без угрозы для жизни. И работало всегда.

— Но... Но зачем?

— Представь верхушку фанатиков, которые хотят безграничного подчинения. Всегда были люди, которые хотят поработить весь мир. История стирала их с лица земли, когда им противостояли более сильные, сплоченные противники. И еще, это, чаще всего, была идея одного ума, родившаяся в одном воспаленном создании. Нет, потом они конечно обретали союзников и сеяли семя своей идеологии, но люди все равно боролись за чужую идею.

— Ты имеешь в виду кого-то вроде... Эм... Наполена, Гитлера? Тех, кто хотел захватить единоличную власть?

— Да, именно. А теперь представь, что в каждой стране есть такой Наполен, или Гитлер, которой хотел власти и процветания лишь арийской нации и нещадно губил все на своем пути. И все они объединяются, ведомые одной идеей. У них уже есть власть, есть силы, но они жаждут большего. Жаждут переписать историю, переписать судьбы людей и весь мир — под себя.

В комнате было достаточно тепло, но я все равно озябла и стала растирать плечи. Брендан заметил это и, оборвав свой рассказ, встал с кровати.

— Ну ка, привстань, — Я послушалась и он вытянул из под меня большое одеяло. — Вот так. — Пробормотал парень, накрывая меня, как ребенка. — Может, продолжим завтра? День был трудным.

Я помотала головой, удобнее устраиваясь под одеялом.

— Нет, я все равно сейчас вряд ли засну, и я хочу знать все. — Мои слова совсем не подтвердил зевок.

Брендан улыбнулся:

— Врушка. — Но все-таки вернулся на свое место рядом со мной.

— И что же сделали все эти люди, когда нашли друг друга? И как они нашли единомышленников? Создали группу по интересам в Фэйсбук? — Вспомнила я название сети, которая была популярна у наших ровесников до Катастрофы.

Брендан пожал плечами:

— Ни малейшего понятия. Нашли, наверное, потому что изначально были одного уровня. Богатые, жадные, приверженцы старых традиций. Любители тех времен, когда по дому рассекает многочисленная прислуга, исполняя любое желание хозяина. Лю-бо-е. — Растянув последнее слово на слога, Брендан поморщился. — Что они сделали? Многие Эленор. Они погрузили мир в мрак, отрицая все достижения человечества и возвращаясь к старым устоям. Оставляя у себя все и забирая у растерянных людей привычное. Если раньше те, кто был у власти, жаждали, например, денег, и не могли усмирить свои аппетиты, то позже они стали желать абсолютно всех благ в единоличном владении. Позже они захотели поменять поколения, воспитать молодую кровь так, как им было необходимо. И не знаю, но догадываюсь, чья извращенная фантазия придумала устроить Зачистку...

Я уже боялась дышать, ловя каждое слово Брендана, следя за движением его губ и серых глаз, рассеянно смотрящих за племенем в камине из под длинных ресниц. Как я должна была относиться к происходящему? Поверить в вселенский заговор? Это было невысказано и просто

не укладывалось в моем сознании. Это было страшно. Страшно еще и потому, что Брендан заставил меня поверить в этом, каждой новой фразой собирая пазл в моей голове.

Парень указательным пальцем потер бровь и, вздохнув, продолжил:

— Зачистка — это что-то списанное с «Майн Кампф». После спровоцированной катастрофы люди стали потеряны и изолированы друг от друга. Не было телевизионных новостей, не стало Интернета, телефона. В такой обстановке можно делать все, что захочется, была бы сила. И она была. Множество самых жестоких убийц стали войнами. Стали теми, кто без зазрения совести отняли детей у матерей. Они убивали целые города, уничтожая старое поколение, поколение, которые знало достаточно. Они переписывали историю, оставляя детей, из которых вырастили первых андабатов и рабынь. Система терпела изменения многие годы, но суть ее не менялась: зачистки происходят и сейчас. Небольшие поселения остаются без взрослых жителей, за ночь превращаясь в города-призраки. Детей увозят и юных мальчиков отдают в обучение военному искусству. Так мир получает самых сильных воинов, защитников, тех, кто будет защищать интересы своих хозяев — андабатов. Ими становятся те, кто выжил, конечно. А монархи заключают браки друг между другом, убивая низших и рождая высших.

Брендан, наверняка не осознавая того, провел рукой по кофте, обрисовывая пальцами то место, на котором был его первый шрам. Вечное напоминание о дне, когда его мир изменился навсегда.

— И наш город?.. — Тихо, на выдохе, сказала я.

Парень кивнул:

— ВестХилл — жертва зачистки. Не знаю, как происходит выбор очередной цели. Считаю, что мы просто попали в дьявольскую лотерею и нам не повезло. Но тогда нас не спасли, нас забрали для услужения. На меня надели черную форму, на тебя и других девочек — школьные платья, чтобы вырастить лучших из лучших, а потом продать с аукциона как кукол.

Кончики пальцев похолодели, в горле пересохло. Я вспомнила липкие, алчные взгляды спонсоров, разглядывающих нас как товар на витрине, и облекающих это в заботливые фразы. Что бы со мной было, если бы не Брендан?

— Что?.. Что происходит потом? После аукциона? Ты знаешь?

— Всегда разное. Мало с кем остается связь. Кому-то повезет, их берут в семью порядочные люди, иногда даже растят как дочерей, или компаньонки для своих детей. Нянек, гувернанток, даже учителей, если девушка особенно умела в чем-то. Иногда из них делают прислугу, что тоже неплохо. Но чаще они становятся рабынями. Настоящими рабынями, которым можно приказывать полаять, попрыгать, посмеяться, одеть в любую одежду. Унижать. Или их можно трахать. Одному, с друзьями, так, как хочет твоя извращенная фантазия. А потом можно передарить. Или просто сразу купить как подарок. И не забывай, что большая часть из вас девственницы. А это очень дорогой товар.

Я закрыла разгоряченное лицо холодными руками и вспомнила то количество докторов, которое тщательно обследовало нас и записывало все показания. Для нашего блага, да? И слова того ведущего...

— Не знаю что страшнее, жить как сексуальная рабыня или смерть. Я знаю несколько семей фанатиков, которые скупают девушек, чтобы принести их в жертву своим внутренним демонам. Или... Эй. — Моих плеч коснулись две теплые ладони. — Эленор, прости, хватит на сегодня, ладно?

Я не поняла с чего он так решил, пока не почувствовала, как он собирает слезы с моих щек. Они струились и струились из глаз, щипали солью царапину на щеке. Я шмыгнула носом и, резко подавшись вперед, уткнулась в кофту парня, обнимая его за талию.

— Тише, девочка. Прости меня. Прости. — Ох, за что же ты просишь прощения, Брендан? За то, что спас меня от неизвестной участи? Я не стала говорить этого, лишь крепче обхватила руками его тело, вцепляясь пальцами в мягкую ткань кофты. Затем страшная мысль проникла в мою голову. Оттолкнувшись назад, я посмотрела на друга:

— Стелла и Джулия! Брендан, как же Стелла и Джул?! И другие девочки! Мы должны что-то сделать, верно? Должны! Все произошло недавно, мы обязательно успеем! — Я попыталась выпутаться из одеяла, показавшегося мне теперь не уютным и теплым, а жутко тяжелым, давящим, оно бесило меня. Сильные мужские руки остановили мои попытки, я непонимающе посмотрела на их обладателя.

— Мы никуда не пойдём. Не сейчас. Не время. — Ответил Брендан на мой немой вопрос. — Нам нельзя совершать опрометчивых поступков. Спасая тебя — мы рисковали привлечь лишнее внимание, спасая множество девушек — мы станем открытой оппозицией. Пока что этого сделать нельзя.

— Мы должны! — Сверкнула заплаканными глазами я, понимаю, что в них вновь собираются слезы. Слезы злости, обиды и понимания, что он прав. — Мы должны! — Мой голос сорвался на хриплый крик и я, с громким, грудным рыданием, снова прижалась к парню, а он гладил меня по поддрагивающим плечам.

— Мы обязательно найдем способ. Если им можно помочь, мы это сделаем. Я обещаю тебе, Элли. — Он еще долго тихо шептал мне на ухо успокаивающие слова, в которые я безумно хотела верить. Так, укачиваемая в руках друга детства, под его голос, я не заметила, как уснула. Не знаю, были это обрывки сна или я действительно просыпалась, но каждый раз, когда я приоткрывала тяжелые веки, я видела ониксовые глаза моего друга, смотревшие на меня из под густых ресниц.

Проснувшись я одна, комната все еще была погружена в кромешную тьму из-за задвинутых плотных штор. Брендан объяснил, что они для того, чтобы извне не увидели свет в башне. Зевнув, я встала и прошагала босыми ногами к окну. Подняв тяжелую ткань, я убедилась, что сейчас утро и посеменила к ванной комнате.

Глаза после вчерашних слез были чуть опухшими, я брызнула лицо холодной водой и взяла зубную щетку Брендана. Как только я начала чистить зубы, в ванной возник ее хозяин.

— Эй, подвинься. — Брендан бесцеремонно пихнул меня бедром от раковины и, взяв из рук щетку, ополоснул ее, набирая новую порцию пасты и отправляя ее в рот. Я понимаю, что в условиях войны ему явно было не до гигиены, да я и не брезглива, но все же!

— Фто ты, тьфу — Я сплюнула остаток пасты изо рта. — Что ты творишь, я могу хотя бы утром побыть одна? И почему ты не сделал этого раньше?

— Йа, убешал на несколько минут. — Прошамкал парень, начищая свои 32, и, выплюнув и прополоскав горло, с обворожительной улыбкой добавил: — Кто виноват, что ты проснулась сразу, как наша постель опустела?

«Наша постель» из его уст звучало как что-то, что может заставить девушку, воспитанную в стенах женской академии, покраснеть. Чтобы скрыть смущение и раздражение от того, что я смущена, я ткнула его в ребра, и, наклонившись к раковине, снова ополоснула лицо и рот.

Когда мы спустились вниз, на кухне уже было несколько человек, среди которых и

Реми.

— Эй, привет бестия! Хороший наряд!

Я не выказала смущения, которое во мне хотел вызвать этот парень:

— Да, я знаю, что он идет мне больше чем ему. — Кивнул я через плечо в сторону появившегося на просторной кухне Брендана. Тот лишь с усмешкой взъерошил мне волосы. Пора отучать его от этой привычки.

Ответив на приветствия остальных присутствующих, я уселась на один из резных стульев:

— Вы что-то готовите? Может помочь?

— Нет, на сегодня уже все готово, но в следующий раз мы не будем столь обходительны. — Засиял улыбкой Реми.

Утренняя идиллия была нарушена громким криком моей старой знакомой:

— Ты! Это все ты виновата! — Катина, как фурия влетела в кухню, привлекая к себе всеобщее внимание. — Я знала, что ты принесешь нам проблемы! — С этими словами она, буквально меча глазами молнии, кинула на обеденный стол газету и пару листовок, небрежно сорванных с какой-то поверхности.

Я непонимающе протянула руку к бумагам, но Брендан перехватил меня, вытаскивая газету. На обложке было мое лицо, занимавшее почти всю полосу. Стандартное фото по грудь, которое делали перед выпуском для всех учениц. Мое лицо смотрело на нас серьезным взглядом и еле улыбалось искусственной улыбкой.

Вчерашний блондин-весельчак присвистнул. Я посмотрела на Брендана, но его лицо не выражало ничего. Кажется, дело действительно было плохо. На остальных ребят я не решалась даже взглянуть, опасаясь увидеть в их, доброжелательных секунду назад, лицах осуждение.

— Пригрели змею. — Зло бросила девушка, сверля меня взглядом.

— Уймись, Катина. — Сказал Брендан.

— Что там? — Тихо спросила я.

— Ищут тебя, — Ответил Реми, который уже изучал листовки с таким же портретом.

Парень протянул одну мне, я увидела под фото надпись: «Внимание, пропала девушка! Эленор МакАртур, выпускница «Женской Академии мадам Девере» была похищена на пути в принявшую ее семью Батори. Всем нашедшим девушку или имеющим малейшее представление о ее местоположении — немедленно сообщить в ближайший полицейский участок. Вознаграждение: 1.000.000 долларов».

Я пробежалась глазами по строчкам, но не видела их. Я в розыске?

— Кругленькую сумму за тебя обещают, бестия. И на что ты так Батори сдалась? — Задумчиво произнес Реми.

Я растерянно посмотрела на него.

— Я не знаю. Вы говорили, что привилегированным не нужны купленные девчонки...

— Очевидно, мы ошибались. — Жестко произнес Брендан, сворачивая газету. — Сколько за тебя заплатили? И кто это был?

Я поежилась:

— Не знаю. Имя как здесь — мистер Батори. Молодой мужчина. Он пришел в зал в середине торгов и перебил последнюю цену. А затем также внезапно ушел, распорядившись, чтобы меня забрали...

— Сколько? — Снова спросил Брендан.

— 500.

Катина ахнула, а я обвела взглядом присутствующих.

— Что? Он за живого человека платил, а не за бутылку вина.

Он в листовке обещал и того больше, чего они так удивляются? Жмут деньги карман, бывает...

— За время существования аукциона сумма не превышала сотни. — Ответил на мой вопрос Брендан, совершенно безразличным голосом и не глядя на меня. — Катина, что в городе?

Та передернула острыми плечами.

— Не знаю, я сразу прибежала сюда, как увидела это. — Она с отвращением кивнула на газету.

— В городе, пригороде и окрестностях — везде планируется поиск. — На кухню с невозмутимым видом вошел Кацу, тоже держащий в руках заветный экземпляр газеты.

— Больше, больше макулатуры! — Веселился блондинчик, которого Реми наконец лишил безымянности, назвав Томасом. — Сможем не тратиться на розжиг для печи зимой.

Кацу, как и все присутствующие, даже не улыбнулся, продолжая:

— Это Эйден Батори. И он подключил всех. Местные наряды полиции уже собираются, ждут лишь ордена на обыск жилых кварталов. В том числе привилегированного. Думаю, с властью Батори, операция начнется не позднее сегодняшнего вечера. Я пришел за Эленор, я смогу ее спрятать.

— Отлично! — Усмехнулась Катина, облачиваясь на столешницу. — С самого начала нельзя было это организовать? Пусть катится, или все испортит.

Брендан же зло посмотрел на японца:

— Во-первых, тебя сюда никто не приглашал, может, прекратишь внезапно появляться рядом со мной? Во-вторых, ты сам из привилегированных, с чего мы должны тебе доверять? И в-третьих: я позабочусь о Эленор.

— Послушай, Брендан. — Начал Кацу холодным спокойным тоном. — Я уверен, что мы оба знаем о репутации Батори. И если он чего-то хочет, он это получит. И сейчас он действительно хочет Эленор. Поэтому я не дам тебе в одиночку решать судьбу близкого мне человека.

О нет, эти двое снова завели спор. У меня уже неисчезающее чувство дежавю.

— Эй, ребята, я тут все еще есть. Может, хватит в очередной раз решать мою судьбу?

— Вот свою бы судьбу и решала, нечего влезать в наши! Теперь мы все под угрозой, все сможет всплыть наверх, имя и планы каждого из нас! — Снова завопила Катина.

— Мне надо уйти, сейчас же. Объявите собрание, когда я вернусь — мы все обсудим. Рем, присмотри за Эленор, она может наделать глупостей. Кацу, можешь остаться до вечера.

Весь день я носилась по комнате как тигр по клетке. Кацу испарился вслед за Бренданом, дав обещание вернуться к собранию.

В обед, когда я развлекала себя тем, что сидела на подоконнике и смотрела в потолок, в комнату поднялся Рем. В руках он держал уже знакомый мне поднос с едой:

— Я могла бы спуститься. — Сказала я, спрыгивая на пол.

— Ну, я решил, что нам лучше будет поесть вдвоем.

Я понимающе вздохнула:

— Они бунтуют?

— Не то чтобы... Просто Брендан нарушил правило, которое сам же и поставил. Пока что мы действуем подпольно, а такой жест — это как открытое объявление войны. В нем могут увидеть наше негодование и недовольство традициями. С другой стороны, это могут списать просто на разбой. Но вот если тебя найдут здесь, с андабатами...

Я опустила глаза в пол, брюнет же, заметив мое расстройство, пару раз хлопнул меня по колену:

— Эй, это уж точно не твоя вина. Все хорошо будет, и не в такие передрыги впадали. Скорее все растеряны из-за того, какой ажиотаж поднял Батори. Давай, не грузись этим, ешь. Ты так и не позавтракала сегодня.

Я последовала совету парня и подошла к столику, на который он поставил поднос с двумя тарелками дымящегося супа и хлебом.

— Спасибо, Рем. — Сказала я, усаживаясь за него. Большая часть обеда прошла в молчании. Всевозможные мысли роились в моей голове, но больше чем идей выхода из ситуации было вопросов, на которые я не знала ответа.

Вечером, когда все собрались в зале, я тоже вышла к прибывшим, очевидно опоздав к началу. Брендан снова стоял на своем месте, уже завершая рассказ о сути проблемы. Заметив меня, он кивком показал Реми, чтобы тот продолжил, а сам взял меня под локоть и выпроводил меня из зала.

— Какого черта? — Прошипела я. — Я тоже хочу здесь быть.

— Мы с тобой поговорим в комнате.

— Брендан, ты очень много берешь на себя, ясно? Сначала ты пытаешься решать за меня, а теперь ты хочешь, чтобы я даже не присутствовала при этом!

— Эленор, в этом зале люди, которые рискуют своей жизнью и карьерой, собирая крупинцы информации и ежедневно борясь с желанием броситься в на своих хозяев. Нам нельзя вызывать подозрений и больше всего они не хотят рисковать. Видеться сейчас тебя — это не самая лучшая мотивация для моих парней.

Я вырвала локоть, который все еще держал брюнет, из его хватки.

— Что ж, когда решите мою судьбу, позови.

Я бросилась в комнату, из которой и так сегодня не вылезала, но замерла на лестнице. Меня буквально осенило. Честное слово, если бы над моей головой загорелась лампочка — я бы не удивилась. Да я сама засияла и чуть ли не запрыгала на месте. Развернувшись на 180 градусов, я побежала обратно в зал. С разбегу я миновала висящие вместо дверей ткани, едва не запутавшись и не растянувшись на полу.

Мое вторичное появление не осталось незамеченным:

— Эленор, мне кажется, мы все обсудили?

— Стой, стой! У меня идея! Выслушайте меня!

— Эленор. — Сквозь зубы проговорил Брендан, теряя терпение.

— Я обещаю, что если присутствующие здесь не поддержат идею, я не покажу свой нос ни на одном вашем суперсекретном собрании! — Я сложила руки перед грудью в молящем жесте и отчаянно захлопала ресницами. Остальные парни лишь потешались над происходящим и, как и я, ждали решения Брендана. Он смотрел на меня очень уже подозрительно. Оно и понятно: если я согласилась на такие условия, грозящие смертью моему природному любопытству, значит, я в себе уверена. А я и была. Очевидно, его любопытство тоже никуда не ушло, потому что он, вдохнув, махнул рукой, давая мне

возможность высказаться. Я проглотила комментарии о его «царском» жесте и, захлопав в ладоши, выскочила к камину.

— Парни! Я верно поняла, что Батори — не последняя, если не одна из ключевых фигур? — Юные андабаты, сведущие в этом, закивали утвердительно. Я довольно улыбнулась. — То есть если у нас будет человек, максимально приближенный к нему, человек, за которого он отдал бешеное количество денег и жаждет вернуть, это будет нам на руку, верно?

Толпа возбужденно загалдела, а я, довольная реакцией, уже хотела озвучить свой план, как крепкая мужская рука резко схватила меня за запястье. Брендан грубо развернул меня к себе лицом:

— Ты с ума сошла, дура? Мы не знаем, зачем ты понадобилась Батори и узнавать не собираемся. Ты не будешь рисковать собой и даже носа не покажешь отсюда, ты поняла меня?!

С каждым его словом, голос Брендана становился все громче и злее, а мои глаза сужались.

— Да что ты говоришь? — Фыркнула я. — Ты сколотил эту банду для чего? Для борьбы? Вы все ждете каких-то указаний неизвестного человека, совершаете варварские набеги, но этим вы ничего не меняете! Я предлагаю реальный план! Я смогу с этим справиться! Я ХОЧУ это сделать, Брендан!

Руку Брендана, все еще сжимающую мое запястье, неожиданно накрыла рука Реми. В момент спора я и не заметила, как он появился рядом:

— Слушай, брат, во-первых, ей больно. — Брендан, как будто очнувшись, резко отпустил мою руку. Запястье, незащищенное даже тканью, действительно сильно покраснело. Я не стала его растирать, хотя очень хотелось коснуться горячей кожи. — А во-вторых, она дело говорит. Если она вернется к Батори и вотрется в доверие, мы сможем получить...

Рем не успел договорить, как оказался прижатым к стене. Я вскрикнула, все остальные пришли в движение: кто вскочил, кто сделал шаг по направлению к Брендану, держащему за отвороты черного пиджака своего друга. Взгляд Брендана в эту секунду был действительно жестоким. Я замерла. В тишине, накрывшей зал, отчетливо раздался шепот брюнета, пропитанный яростью:

— Жизнь Эленор не будет подвергаться опасности ни на йоту. Запомнил?

Реми, помедлив, кивнул. Через несколько секунд, который Брендан смотрел в глаза своему другу, он отпустил его и, не говоря ни слова, быстро вышел из зала.

Я шумно выдохнула и, справившись с оцепенением, подскочила к брюнету, все еще стоявшему прислонившись к стене.

— Рем... — Я дотронулась до его плеча, а парень, переведя взгляд с места, где скрылся Брендан на меня, слабо улыбнулся.

— Испугалась? Не надо. С ним... С ним такое бывает... — Он снова посмотрел в сторону выхода обеспокоенным взглядом. — Но слушай, твоя идея, она действительно крутая и смелая. Ты смелая. — Парень снова улыбнулся мне, уже более открыто. Я ответила на его улыбку.

— Спасибо. Я пойду за ним, а вы обсудите мою идею.

Оставив пострадавшего с толпой мятежников, я побежала к выходу из поместья.

Брендан нашелся у реки, которая служила своеобразным порогом между лесом и Серым

Кварталом. Он сидел, облокотившись на ствол плакучей ивы, чьи ветки мягко касались воды. Глаза парня были плотно закрыты, а руки прижаты к вискам. Все тело явно было напряжено, как будто он боролся с сильнейшей головной болью.

Я прочистила горло и тихо позвала его:

— Брендан?

Он дернулся и вскинув голову посмотрел на меня, будто не узнавая. Затем, признав, потер лоб и распрямил спину.

— Я даже не хочу знать, как ты нашла меня. — Проворчал он.

Я пожалала плечами:

— Ты всегда сбегал к воде, когда ссорился с родителями.

— Опасно иметь друзей детства, они слишком много о тебе знают. — Недовольно проговорил парень, хотя я уверена, что уловила в ворчании скрытое удовольствие. Перешагнув через лежавшее на берегу бревно, я подошла к Брендану и села рядом, облакачиваясь спиной к его боку. Я сразу почувствовала, как он напрягся, но личное пространство ему оставлять не собиралась.

— Ну, — Я сорвала травинку между нами и стала крутить ее в руках. Страх жизни номер один: порезать палец о острый край травы. Ненавижу это. — Раз мы так хорошо друг друга знали, думаю, тебе не стоит говорить, зачем я искала.

Даже не смотря в его лицо, я видела, как на его красивом лбу появляется морщинка раздражения.

— Эленор, — Начал он, а затем, запнувшись, резко, но аккуратно взял мою руку, держащую травинку. — Это я сделал?

На тонком запястье стали появляться отчетливые следы пальцев. На моей коже все всегда появлялась с чудовищно быстрой скоростью. Я мягко взяла его широкую ладонь в свою и посмотрела в лицо:

— Это ничего, не переживай.

Судя по лицу парня, он явно был со мной не согласен, но промолчал, лишь сжал в ответ мою ладонь в своей. Парень отвернулся к воде, а я почувствовала, как мою ладонь нежно гладит его большой палец. Успокаивающими движениями он вырисовывал узоры и линии, а я, поддавшись им, расслабилась. Закрыла глаза и опустила голову на плечо друга.

Мы долго молчали. Я слушала, как изредка рыба с плеском появлялась на поверхности воды, чтобы снова спрятаться в ее глубине. Когда я была в одном шаге от того, чтобы задремать, глубокий и тихий голос Брендана нарушил тишину:

— Когда ты убежала, я сразу побежал за тобой. Этан хотел идти со мной, но я велел ему бежать домой, предупредить родителей, и моих тоже. — Брендан замолчал, его рука перестала ласкать мою, а лишь крепче сжалась, окутывая ее теплом, почти жаром. — В ту ночь я так и не попрощался с родителями. Я думаю, это к лучшему. Наверняка я бы уже не застал их... — Слово «в живых» повисло в воздухе. Я легонько сжала руку парня, крепче прижимаясь к его плечу. — А иногда, я думаю, что мог бы успеть. Я же не знаю правды, не знаю, что там произошло. — Он закрыл глаза и откинул голову на ствол дерева. — Я не помню вкуса кекера, не помню что я пил. Я помню тебя и помню, как уговаривал тебя поспать и, когда ты наконец поддалась, долго гладил по волосам. А когда проснулся, тебя уже забрали. Я тогда взбесился как дикий зверь. Я был в незнакомом месте с парнями, примерно моего возраста, а от тебя осталась только бандана. Я сразу стал махать руками и даже успел разбить пару носов, прежде чем получил это. — Брендан отпустил мою ладонь и

немного закатал кофту. Рядом с поясом штанов тянулся длинный шрам с рваными краями. Я не понимала, от чего он мог появиться. Похож на удар плетью, но откуда тогда эти зазубрены? Я только потянула руку, чтобы дотронуться до него, как Брендан одернул кофту. — Не надо. В общем, это первый. Потом было 10 лет учений. И каждый гребаный год остался следом как у меня в памяти, так и на теле.

Теперь я поняла, почему даже в жару Брендан не снимает своих кофт с длинными рукавами и горлом, закрывающими максимальный процент тела. Брендан развернулся всем корпусом ко мне:

— Ни в коем случае не подумай, что мне жаль себя, и уж точно не смей меня жалеть. — Он пристально смотрел мне в глаза, и я видела, что он действительно этого не хочет. Но было сложно справиться с собой. Смотря на Брендана, я все еще видела юного парня, и знать, что с ним сделали что-то ужасное, было очень сложно. Я отвела взгляд от темных глаз, таких знакомых и таких чужих. — Я говорю тебе это для того, чтобы ты поняла... Хотя, я сам ничего не понимаю. Я изменился, Эленор. Мне иногда кажется, что я сошел с ума. Да это и правда так... Я псих. Меня будто двое. И как только тот, второй, зверь во мне почувствует запах крови, гнев сразу застилает мне глаза. И это страшный гнев, расчетливый и спокойный. — Брендан снова вцепился руками в волосы. — Я бы хотел, чтобы ты держалась от меня подальше и уж точно я не хочу, чтобы ты видела, кем я стал, Эленор.

Я не знала что сказать. Я была не уверена, что до конца понимаю его.

— Ты думаешь, что я могу испугаться? — Начала я. — Вот уж вряд ли. — Я посмотрела на свое запястье со следами от его сильных пальцев. — Думаешь, что можешь причинить мне боль — Брендан сжал руки в кулаки. — Ты причинишь мне боль, если оставишь меня сейчас, после того, как нашел. Я... Брендан, очнись! У меня нет близких людей в этом мире! Ни одного близкого человека! — Я схватила его лицо в свои руки и с силой повернула к себе, заглядывая в глаза. — Кроме тебя. Я не знаю, что было с тобой, я не знаю, кем ты стал сейчас. Прошло много времени, все изменилось, все меняется, Брендан, но я приму это. Потому что ты мой друг. Ты единственная часть моего прошлого, светлого прошлого, и я вижу в тебе того вредного и дерзкого мальчишку, который не боялся оставить на мне синяк. — Фыркнула я.

Брендан улыбнулся:

— Боялся. Я очень боялся тебя обидеть, но ничего не мог с собой поделать.

— В смысле?

— Ну, — Брендан улыбнулся той самой хитрющей улыбкой и слегка прищурил глаза, которые в темноте блестели как драгоценные камни. Нет, мой мальчишка никуда не пропал. — Это был единственный шанс вызвать твои эмоции, ты со мной совсем отказывалась общаться, уделяя все время Этану. Кстати, с ним я тоже из-за этого дрался.

— Оу. — Глубокомысленно выдала я. — То есть ты так хотел моего внимания, что все время доканывал?

Брендан закатил глаза:

— Элли, ты всегда была умной, если дело не касается отношений. Можно подумать, ты не знала, что нравилась мне.

Я ошалело уставилась на Брендана. Признание? Спустя 10 лет? Да еще от кого! От моего персонального дьявола.

— Откуда я могла знать это?! Ты ни разу не сказал мне доброго слова за все детство! Мы и обнимались то только тогда, когда дрались!

Я недовольно надулась, а Брендан, засмеявшись, потрепал меня по голове, разметав рукой челку.

— Ну вот, теперь знаешь. Впрочем, об этом знали все, в том числе и Этан.

— Нет, я думала, тебе нравится Стелла! Нет, я была в этом уверена!

— Ну, я действительно боялся, что ты что-то узнаешь и воспользуешься этим козырем.

И мне было стыдно такое чувствовать. Ну, и раз уж сегодня вечер откровений, скажу, что я всегда считал тебя красивее Стеллы. И красивее любой девушки в городке. — Последнюю фразу Брендан проговорил, глядя мне в глаза и, буквально обволакивая меня своим проникновенным голосом и мягким взглядом. Смутившись, я отвернулась и потеряла левой рукой шею.

— И не рассчитывай, мне нравился добрый Этан. — Пробубнела я под нос, вызвав его смех.

— Я знаю.

— Он дарил мне подарки.

— О, кстати, те конфеты были от меня. И ленты, я стащил их у сестры, но, когда объяснил зачем, мне даже не влетело. Вся семья только посмеялась надо мной, а Патрисия называла меня не иначе как Ромео. — Я снова посмотрела на парня, который улыбался улыбкой довольного, объевшегося сметаной кота. У меня же был вид как у выброшенной на берег рыбы. Он приоткрыл один глаз, оставив второй прищуренным и добавил: — И твой любимый плюшевый медведь.

Я воскликнула, всплеснув руками в воздухе:

— Терри?! Не может быть! Ты высмеял его!

Брендан пожал плечами.

И опять минуты прошли в молчании, не в тягостном, а приятном. Уверена, каждый из нас придавался накрывавшим воспоминаниям о детстве. Но любые приятные воспоминания о тех днях неизбежно возвращались к фатальной ночи... Не только для меня. Для Брендана, для Стеллы, Этана... Где же Этан? Где Стелла? Подумав о них, я моментально выплыла из неги волшебного, счастливого прошлого. Это была сказка, а нам надо жить в реальности.

— Брендан, я хочу пойти в Академию, оттуда меня отправят к спонсорам.

— Нет.

— Если ты мне запретишь, я убегу. И найду тех, кто мне поможет.

— Тебе никто не поможет, они меня не слушаются.

— Тогда я убегу одна! Ясно?

— Я запрю тебя в башне, ясно? — Парировал парень, сохраняя невозмутимый вид. Чем спокойнее был он, тем больше злилась я.

— Мерзкий гном! Я сказа что убегу, значит убегу! Я не буду сидеть сложа руки и тем более прятаться! Я в розыске, а значит спокойной жизни все равно не бывать, так пусть хоть польза будет!

— Эленор, верхние никогда не охотятся за нижними. Тем более Батори! По твоему описанию и словам японца, тебя купил младший из клана — Эйден, и поверь, если бы хоть один слух о нем стал правдой — ты сама бы не захотела идти к нему. — Немного помолчав и смерив меня взглядом, он добавил, со сталью в голосе. — Я не знаю, почему ты так сильно им нужна, и это меня пугает. Поэтому я тоже последний раз повторяю: ты останешься там, где скажу тебе быть я. В безопасности.

Я вскочила на ноги и посмотрела на парня сверху вниз, сжимая и разжимая кулаки, я

выкрикнула:

— Упертый баран! Как ты не понимаешь, что я никогда не была слабачкой! И не стала ей сейчас! Я смогу за себя постоять в случае опасности! Я отлично подхожу на эту роль, да сам Бог послал меня сюда, для того, чтобы сражаться наравне со всеми! А ты не хочешь этого видеть! Ну и оставайся слепцом, тебе меня не удержать!

Я развернулась, чтобы убежать от реки, но сделала лишь шаг вперед. Брендан, успевший вскочить на ноги, резко развернул меня и завалил на траву. Я не успела опомниться, как уже была прижата сильным мужским телом к холодной земле. Парень перехватил мои руки прижав над головой.

— Послушай, смелая Эленор! — Вкрадчиво произнес он, внимательно вглядываясь в мое лицо пронзительными серыми глазами. — Какая бы сильная ты не была, я остаюсь мужчиной, а ты девушкой! Девушкой, которая была заперта в женской академии и не высывала носа из закрытого городка! И я сильнее тебя! Так что учись закрывать свой милый ротик и следить за языком! — Сказав о моем «ротике», он кинул на него взгляд.

От этого взгляда меня бросило в жар. Только сейчас я осознала, как близко находится его лицо к моему, когда он говорит, его губы практически соприкасаются с моими, а горячее дыхание щекочет мою кожу.

Точно в таком же положении мы уже находились. В такой же темноте. Также близко. И в прошлый раз это закончилось...

Я сглотнула и облизала неожиданно пересохшие губы. Проследив за моим движением, Брендан шумно выдохнул воздух и посмотрел мне в глаза. Я повторила его выдох, смешав наше дыхание. Все тело стало покалывать от напряжения, скользившего от кончиков пальцев по каждой клеточке тела. Сердце заколотилось, как у загнанного зайчонка, в висках зашумело. Меня накрыло такой волной эмоций, которые я, думала, что никогда не смогла бы испытывать. Смятение, восхищение, растерянность, какой-то страх, предчувствие чего-то особенного и даже... Желание? Господи, я действительно хочу поцеловать Брендана? Нет... Я хочу поцеловать Брендана, **опять?**

Лицо парня, с чуть свисающими по бокам прядями темных волос, было все еще наклонено надо мной, и я не знаю, разыгралось ли мое воображение, но мне показалось, что он чуть подался вперед. Медленное, манящее движение, на которое я хотела откликнуться и, думаю, сделала бы это. Но неожиданно большая рыба с громким плеском нарушила окружавшую нас тишину и атмосферу. Я вздрогнула, а Брендан чуть отстранился от меня.

Он отпустил мои руки и встал, затем подал руку мне.

— Пошли домой, уже холодно.

На смену ушедшему оцепенению, ко мне снова подкатила злость. Я проигнорировала его руку и поднялась сама, опираясь на землю. Отряхнув платье, я развернулась, не глядя на парня, и пошла в сторону замка.

— Эленор! — Крикнул он. Я не собиралась разворачиваться. — Не та тропинка.

Я слышала смех в его голосе, но все же промолчала, сворачивая на верную тропинку с гордо поднятой головой.

Глава 7. Дракон

С памятного разговора у воды прошло две с половиной недели. За это время все в стенах этого "форта" были чем-то заняты, мои же дни и ночи ограничивались стенами крепости и прилегающей территории. Ночевала я там же, в башне, где ночевал Брендан? Не имею ни малейшего понятия. Отношение людей ко мне было неоднозначным, с одной стороны, они были очень добры, веселы, приятны, а с другой, будто растеряны, не знаю, как со мной поступить и о чем со мной говорить. Но я по крупицам собирала их доверие и расположение, показывая, что я не кисейная барышня проездом. Странно, с Катиной они не пытались общаться как леди. К слову о ней, вот кто терпеть меня не мог. Не удивительно, если учесть, что все свободное время Бренда проводил со мной, а у нее на него были взгляды. Самые что ни на есть откровенные, томные, эротичные взгляды в прямом смысле слова. Брендан же был как чертов коршун, буквально повсюду. А если его не было рядом, то поблизости маячил Реми. Единственной отдушиной и лучом света в этом темном царстве рутины стали тренировки. Настоящие занятия, вымоленные у Брендана. И прямо сейчас я в эпицентре этих событий. Как я в это вляпалась? Все просто.

17 дней назад

— Эй, Бренд! — Окликнула я парня, когда мы лавировали между коридорами этой крепости. Он счел необходимым показать мне все запасные выходы из этого здания, но вот про таинственный «нижний уровень» мне никто ничего не говорил. — Как на счет того, чтобы ты меня тренировал?

— Нет.

— Мне же надо себя защищать?

— Нет.

— В смысле?! Ты хочешь, чтобы в случае опасности меня грохнули первой?! Вы меня тут как отвлекающий маневр держите, или вроде того?

— Нет.

— Ар-р-р-р! Ты невыносим! — Я так разозлилась, что чуть ли не вписалась в очередной поворот.

Поцелуя с каменной стеной избежать удалось, но я все же оступилась и, чтобы прочнее зафиксировать горизонтальное положение в воздухе, вцепилась за парня. Тот подхватил меня под локоть и остановился. Он внимательно посмотрел мне в лицо. Затем вздохнул, положил обе руки на мои плечи и сказал что-то менее односложное чем «нет»:

— Элеонора. Если ты окажешься в опасности, рядом с тобой будем либо я, либо Реми, либо кто-то еще, кто о тебе позаботится.

Я цокнула:

— Вот еще! Им больше делать нечего, как в нянек играть? Я и так чувствую себя пятой ногой для собаки, не заставляй меня ощущать себя обузой!

— Ты не обуза, ты скоро отсюда уедешь.

Мои глаза распахнулись:

— В смысле? Куда? С тобой?

Он нахмурился:

— В безопасное место и нет, я с тобой не поеду.

Я сделала шаг назад:

— Нет, Брендан, хватит уже. Ты управляешь мной как пешкой на шахматном поле, сколько можно?

— Элеонора, это не обсуждается, здесь тебе не место.

— Потому что я девушка?

— Именно поэтому.

— А Катина значит, переодетый мужик?

— Это другое...

— Потому что ты с ней спишь? — Напрямую спросила я. Здорово, я убиваю двух зайцев: ставлю его на место и задаю вопрос, который бы не решилась задать в другой ситуации. Почему меня волновал ответ? Понятия не имею.

Брендан молчал несколько томительных секунд, за которые мое сердце, кажется, успело пропустить добрую порцию ударов. Нет, правда, сколько надо времени чтобы ответить на такой вопрос? Он вспоминает есть ли у него секс с черноглазой ведьмой? О да, наверное, он у них действительно «незабываем», раз вопрос вводит парня в ступор:

— Нет.

Вух.

Это мое сердце сделало кульбид. Ого. Я правда волновалась. Черт возьми. Только не это. Хотя, правда, что с меня взять? Этот парень был первым, кто меня поцеловал. Ясно, что я растеряна. И ничего больше. Надеюсь.

— И это здорово, потому что, скажу по секрету, она какая-то нервная у вас. — Пробормотала я полную нелепицу, лишь бы что-то сказать, пока он так внимательно изучает мое выражение лица.

— Твой отъезд все равно не обсуждается. Это будет не сейчас, нужно время, ни один день и ни одна неделя, так что у тебя будет время привыкнуть к этой мысли.

— Да? Хорошо. Тогда пусть это делает Кацу. Он всегда это делал, когда тебя не было. Мы занимались на катанах.

По лицу моего друга заходили желваки. С Кацу у них была взаимная антипатия. Хотя, скорее, это Брендан его не любил. Японец, с присущим ему спокойствием, воспринимал его... Никак. Мне Кай сказал, что реакция Брендана — ревность. Нет, не та, что между парнем, девушкой и пухлыми амурами, раскидывающими вокруг пары сердечки и стрелы. А ревность иного плана, детская, дружеская. Потому что Кай был рядом с его другом это время и Брендан будто хотел наверстать упущенное и не любил приходы Кая хуже тертой редьки и морковки (Ее Бренд с детства не переносил). Ну, я эту теорию приняла, и активно ее использовала. Срабатывало безотказно.

— Хорошо. Я буду с тобой заниматься. Каждый день. Но только чтобы доказать тебе, что ты девушка, и тебе нечего делать среди нас. — Резкость тона Брендана неприятно резанула слух.

— Договорились. — Сверкнула я глазами в ответ.

Сейчас

Импровизированный зал представлял собой обширное помещение, застеленное матами. В воздухе пахло пылью, кожей и духом периодически проходящих сюда выплеснуть гнев на висящие груши отступников. Именно здесь я нарезала круги, как бешеная, прыгала, скакала,

уклонялась, снова бегал. К концу «школы выживания от Брендана» я, обычно, даже ложку держать не могла. Он делал все это специально, изнурая, измождая, издеваясь над моим бранным тельцем. К спарингам мы приступили совсем недавно, но я имела козыри в рукаве: дуэли с Кацу не прошли с даром. Хотя, честно признаться, драться с Брендом было все равно, что стегать березовое веточкой динозавра с криком «кыш, противный».

Сегодняшняя тренировка началась всего 30 минут назад, но по-моему лицу и телу уже градом струился пот. Брендан не давал мне права на передышку. Так сказать: «Что, девочка, хочешь драться с мальчиками? Тогда получай». Серьезно, я читала эту мысль в каждом его движении. Получалось у меня, думаю, неплохо, хотя Бренд явно так не считал. Но в последнее время парень не отдавался нашим тренировкам полностью, тело его двигалось на автомате, а мысли витали где-то далеко отсюда. Впрочем, это было мне лишь на руку.

Чудом увернувшись от очередного удара, я резко развернулась и ударила парня вытянутой ногой в живот. Следующую секунду мы оба замерли и смотрели друг на друга: он в недоумении, я — с нарастающим восторгом, шумно дыша. Я действительно достала его?!

— Да-а! — Завизжала я, прыгая на месте. — Да, да, да... черт! — Воспользовавшись моей радостью, Брендан сделал мне подножку, и я оказалась лежащей спиной на матах.

— Бой еще не окончен, рано празднуешь победу. — Проговорил парень, взирая на меня сверху вниз. Затем он развернулся, устремляясь к столу с полотенцами и водой, но я, ведомая адреналином, резко вскочила на ноги и, сделав молниеносный шаг правой ногой, схватила его за одежду и под локтем. Резко повернувшись, и присев, я захватила правой рукой правое плечо Брендана: тщательно и быстро исполняя все его указания. Не давая парню, уже начавшему сопротивляться, время на обдумывание моих действий, я быстро наклонилась вперед, выпрямляя ноги, и скручивающим движением бросила его влево и вниз. Когда парень оказался на спине: я сделала вид, что бью его ребром ладони в горло.

— Ты тоже спиной не поворачивайся.

На этом можно было бы поставить красивую точку, но Брендан схватил меня за руку и дернул на себя. Мои ноги скользнули по матам, и я упала лицом на парня, перекатившись, он буквально подмял меня под себя:

— Эленор, ты большая умница, но не забывай, что физически — любой парень сильнее тебя. Это природа.

Я попыталась не вспоминать, что уже была прижата его телом к земле, и чем это чуть было не закончилось. Я шумно выдохнула от обиды и... И, ладно, хорошо. Одна из проблем наших занятий — игнорировать то, что мой учитель был обезжиренной грудой мышц. Очень красивой. Чрезмерно красивой. А еще он был моим другом, и я чувствовала с ним невероятную эмоциональную близость. Но чтобы что-то большее?

Я изучала его лицо довольно долго. Дольше, чем необходимо держать человека на лопатках для нравоучительности момента. Его грудь была на моей груди, ноги крепко зажали мои бедра. Он дышал спокойно, размеренно. Если бы не капельки пота на лбу и висках, мне бы показалось, что только я пыталась здесь заниматься.

Темные глаза Брендана смотрели глубоко внутрь меня. Они всегда смотрели прямо в душу. Я откашлялась, прочищая горло, и чуть подвигала запястьями, который Брендан прижал к матам:

— Как считаешь, мы сможем прожить хоть один месяц, чтобы ты не прижимал меня к каким-либо поверхностям?

Попытка разрядить атмосферу и зарядить напряжение, которое витало в воздухе точно

также, как вездесущая, не оседающая пыль, прошла более-менее успешно.

Брендан будто от гипноза очнулся, несколько раз моргнул и, отпустив мои руки, рывком поднял себя. Он протянул мне руку, я, поразмыслив с секунду, взялась за предложенную конечность. Я тщательно отряхнулась, кто знает, чьи ноги по этому настилу ходили:

— Нет, правда, это становится уже привычкой, Бренд. Думаю, для следующего раза стоит придумать что-то новое. Например, ты можешь зажать меня у...

Я хотела накидать пару симпатичных вариантов, но поняв, что смешно только мне, а со стороны парня подозрительно тихо, подняла глаза. Брендан скрестил мощные руки на груди, лицо напряжено так, что даже жилы на шее вздулись.

— Эй, я шучу.

Тишина.

— Брендан, это шутка.

Тишина.

— Я все взвесила и тщательно проанализировала: это был юмор, определенно. А теперь улыбнись, пожалуйста, пока я не решила, что ты хочешь меня убить.

— Элеонора. — Наконец выдохнул парень. Я любила, то, как он произносит мое имя. Это было по-особенному, с теми неповторимыми звуками, произносимыми в нашем городке. Весь мой дом был в моем имени, скатывающемся с губ Брендана. — Ты смешлива, эмоциональна, наивная, эксцентрична, непоседлива и своенравна.

Ого! А вот это я не очень люблю. Вроде не оскорблял этими эпитетами, а сказал так, будто грязью облил. И с чего он вообще это начал?

— Пропустим тот момент, где я доказываю тебе обратное, призывая на помощь всю мощь аргументации. И перейдем к тому, зачем ты мне это говоришь?

— Потому что ты должна понять, что шутки не всегда уместны.

— Я что, задела твое эго, мистер?

— Я здесь не причем. Просто тебе пора подумать о том, чтобы перестать играть в отступника и вернуться к женским забавам. Прошло уже...

— Стоп, стоп, стоп. — Я вскинула обе ладони перед каменным лицом. — Ты что, опять меня выгоняешь? Да иди ты! Я только что уложила тебя на лопатки! Я смогу...

— Да я бы убил тебя, если бы все было по-настоящему.

Разговоры и время с Бренданом — это сплошной бег по кругу. Дежавю за дежавю. Только что ощущение, что все это уже происходило — не врет.

Прямо сейчас мне не хотелось снова влезать в эти дрызги.

— Знаешь что, Бренд... Хотя, ничего! — Я развернулась, одарив его напоследок самым злым из возможных взглядов, и, кипя всей душой, быстрым шагом пошла к выходу.

— Ты сама захочешь уйти! — Крикнул он мне вслед.

Что он имеет в виду? Позже, я об этом узнала.

Я не разговаривала с Бренданом за ужином, проведя все время с Реми и другими ребятами. Мой демонстративный игнор веселил окружающих и злил Брендана, чего я, впрочем, и добивалась.

Сегодня я заметила, что многие лица за столом поменялись, кого-то я видела впервые. Интересно, сколько всего повстанцев? Рем рассказывал, что их число растет с каждым годом. Борцы за угнетенных, не солидарные с устоями, революционеры, мечтатели, мстители, просто горячие головы. Все они собираются в стаи, чтобы нарастить мощь и дать

отпор. Интересно, к какой группе относится Брендан? Что им движет?

Я украдкой глянула на него, отламывая кусок от черного хлеба. Он сидел во главе стола и хотел усадить меня рядом, но я села дальше, протаскив с собой за рукав хихикающего Реми. Этим сразу воспользовалась Катина, усевшись на мое место, она подливала парню напитки и подкладывала еду. Заметив, что она, спеша услужить, кинула ему в тарелку нарезанную кружочками жареную морковь, я довольно усмехнулась.

— Что за дьявольская аура и зловещая ухмылка? — Поинтересовался Рем, театрально поежившись как от холода.

— Катина накидала Брендану морковь. Он ее ненавидит. — Пропела я.

— Катину или морковь? — Умильно поиграл бровями брюнет.

Я захохотала, рискуя подавиться только что отправленной в рот ложкой картофеля. Я все же закашляла, заботливый Рем пару раз стукнул меня по спине и протянул свой стакан. Я благодарно приняла напиток и сделала пару глубоких глотков. Я выпила стакан до дна, прежде чем поняла, что по моему горлу прокатилась волна жара. Я закашлялась снова, на этот раз еще более отчаянно, из глаз полились слезы.

— Черт, Реми, что ты пьешь?

Тот пожал плечами:

— Виски.

Кто в здравом уме дает запить виски?

— Аааай, дай запить, — Прошипела я махая руками перед ртом, будто это могло спасти положение. Кареглазый выхватил у кого-то за столом стакан и, убедившись, что там ягодный компот, протянул мне. Я жадно осушила посудину и потерла вспотевший лоб. Не выдержав, я озвучила свой вопрос: — Кто же дает запивать виски? Как вообще можно пить эту гадость? — Я с отвращением уставилась на стакан, как будто из него могла выползти змея.

— Ты никогда не пила виски?

— Я вообще не пила алкоголь. Только бокал вина один раз. — Надулась я.

— Уже вижу, — Рем прикоснулся ко моей щеке, моментально ставшей пунцовой и горевшей огнем. И одернул ее, сделав вид, что обжегся. — Ацц! Горячо!

Он потряс рукой в воздухе, заботливо на нее подув.

Я толкнула его в плечо и захныкала:

— Горячо ему. Мне кажется, я сейчас вся сгорю!

Брендан

Элс прекрасно чувствовала себя в нашей разношерстной компании, и о чем я переживал? Нет, конечно, я бы не хотел вести ее на нижний уровень, но здесь она была в своей тарелке. К слову о тарелках... Какого хрена в моей делает морковь? Я выцарапал вилкой эту сладкую дрянь. Попытался прислушаться к тому, о чем оживленно болтали Реми и Элли. В один момент они оба бросили взгляд исподтишка в нашу сторону и прыснули. Ведут себя как дети. Ладно рыжая, но Рем то куда?

Элеонора недовольно сморщила носик, по губам я прочитал:

— Катина, Катина. Катина-Скотина. — А затем снова дружный смех от рифмы. Нет, серьезно, дети. Мало мне было одного щенка, теперь еще второго прибило. Шпиц рыжий. Маленький, крикливый и кусачий. Я усмехнулся.

— Ба! — Томас, севший рядом, перекрестился, с суеверным ужасом глядя на меня. — Все это видят?! Или у меня глюки?! Дракон улыбается!

— Точно улыбка, по-моему, больше оскал. — Усмехнулся Серый Уил.

— Не все и сразу, у него мышцы атрофировались за годы мрачного существования. — Нравоучительно заявил с того конца стола Реми, хитро мигая карими глазами. — Потихонь, понемножку, и даже настоящую улыбку Дракона сможем увидеть.

— Ох. Заткнитесь. — Бросил я, кинув взгляд на Элеонор. Та упорно меня не замечала, обмахиваясь ладошкой. Ее лицо было чуть покрасневшим, не заболела ли?

Элс облизнула нижнюю губу и в этот момент наши глаза встретились. Никто из нас не стал отводить взгляда. Но затем она хмыкнула и, вздернув нос, снова отвернулась. Вот же мелкая...

— Ты сегодня придешь? — Это ко мне? Ах, Катина.

— Нет.

Девушка поджала губа и бросила раздраженный взгляд черных глаз на рыжего эльфа. С этим следует что-то сделать. Катина слишком своенравна и спесива.

— Из-за малявки? — Спросила девушка в лоб, понизив голос.

— Катина, когда ты успела стать моей женой? — Так же прямо поинтересовался я.

Девушка разозлённо бросила ложку на стол, а затем нагнулась ко мне и, схватив за руку, яростно прошипела рядом с ухом:

— Тебе кажется, что этот ребенок тебе нужен, но это все бред и несбыточная мечта. Хочешь поиграть в принца? Валяй, тешься. Но эта девчонка тут и недели не протянет, она с тобой недели не протянет. Как долго сможешь показывать ей свое добренькое личико, Брендан? А если покажешь настоящего, то что тогда? Я скажу тебе, что будет, она подтянет свои дорогие юбки и убежит к представителям высшей касты, да хотя бы к тому же аристократу-японцу. Он и то достойная партия. А я всегда буду рядом, и ты это знаешь. Мы одинаковые, мы подходим друг другу. Поэтому останови все это, пока не поздно, Брендан. Не затягивай, не ломай жизнь себе, нам и малявке. Отправь ее отсюда от греха подальше. И мой тебе совет, не надо играть в рыцаря на белом коне, мы оба знаем, что ты — Дракон. От таких как ты принцесс и спасают, Брендан.

Выдав эту тираду, брюнетка резко выпрямилась, встала из-за стола и удалилась из столовой. Катина — настоящая змея, я всегда это знал. Проблема в том, что даже осознавая этот факт, я также знал, что все ее ядовитые слова — правда. И этот яд уже распространился по моему телу.

Я снова посмотрел на Элеонору. Она показывала Питу что-то на его ладони, водя маленьким пальчиком по его огромной руке. Гадала по линиям? Реми заинтересованно выглядывал из-за ее плеча. Смех. Звонкий, как звон колокольчиков. Чистый, как звучание родника. А затем Рем уже тычет у нее перед лицом своей рукой с широко расставленной пятерней, заявляя, что ему необходимо узнать свою судьбу. Эта картина, веселая и счастливая, дала небольшую надежду на то, что Элс могла бы остаться. Могла бы прижиться. Я бы смог ее защищать. Но что бы я сделал, если бы передо мной поставили выбор: защитить Элеонор или действовать в интересах дела? Один раз я уже поставил под удар нас всех, и мы все еще под прицелом. Ситуация сложилась хуже, чем я представлял, Элеонор все еще ищет. Она даже не может выйти в город и не понятно, когда все утихнет. И то, что я сделал это, было нонсенсом. Я никогда не действовал по эмоциям, а теперь... Я могу заявлять что угодно окружающим и самому себе. Но как бы я на самом деле поступил в безвыходной ситуации? Я не знаю ответа.

И, главное, я действительно был чертовым Драконом. И даже если я брошусь защищать

Элеонору, остается вопрос: кто же защитит ее от меня?

Элеонор

Мы с Бренданом сидели в башенной комнате и сверлили друг друга глазами. Точнее, это я пыталась просверлить череп парня насквозь, он же смотрел на меня спокойной и изучающе. Как врач-психотерапевт, которому привезли буйного пациента, и он ожидает очередного срыва.

Позиций в детской игре «я-тебя-игнорирую-потому-что-ты-упырь» я не сдавала, и не сдала бы долго, если бы Брендан не стал играть в другую милую игру, шантаж «я-ответчу-на-все-твои-вопросы». Мое любопытство, то самое, что сгубило кошку, могло сгубить и рыжую лисицу. И Брендан это прекрасно сдал.

Наконец я всплеснула руками и упала на кровать, принимая поражение и сразу начиная допрос:

— Как обучают андабатов? — Задала я вопрос, который мучил меня уже очень долгое время.

— Ты не хочешь этого знать. — Заявил Бренд. Ну вот, начинается. Нарушение правил, желтая карточка. Еще одна и вылетит, игрок фигов.

— Если я спросила, значит, я хочу услышать ответ.

— Долгая история.

— Какое совпадение, у нас как раз предостаточно времени для долгих историй. Я же заточена в этом замке на сколько?.. Хм... На лет 80? Столько я в лучшем случае еще проживу, да?

Брендан вздохнул. Или все отмазки кончились, или он просто понял, что я могу парировать их дольше, чем он придумывать достойные аргументы.

Он взял из поленицы пару дров и закинул их в камин. Затем парень взял деревянный стул, весьма грубо сколоченный, и, повернув спинкой ко мне, уселся, расставив ноги и положив руки на спинку:

— Коротко о первом годе, или то, что я помню: мало еды, мало пригодных для жизни условий. Много работы и обучения во всех сферах военного искусства. Также много парней, примерно одного возраста, которых с каждым месяцем становилось все меньше. И много андабатов. Андабатов, о которых ходили легенды и которыми мы восхищались в детстве, как героями, если помнишь. Но не все они были такими... Мужчина, который был в твоём доме. Один из них, старший — Виктор. Он стал мне как отец, думаю. Его заслуга точно есть в том, что я выжил. Хотя его же вина и в том, что меня многие возненавидели.

Только я обратилась в слух, как в дверь забарабанили:

— Брендан!

— Я занят! — Рывкнул парень. Даже его голос изменился, из тембра друга-рассказчика, он стал командным, внушительным.

— Но... — Раздалось за дверью.

Брендан вскочил и в три шага преодолев расстояние до двери резко распахнул дверь:

— Что тебе непонятно в фразе «я занят», Кроули?

За ней оказался один из парней, которого я чаще всего видела за разбором новостей и газет.

— Пират вернулся!

Видя лишь широкую спину Бренда, я все равно ощутила, как атмосфера вокруг него изменилась:

— Торрент? Я сейчас.

Не дожидаясь объяснений, он снова захлопнул дверь перед носом гонца.

— Ты можешь быть и помягче со своими друзьями. Кто такой Пират?

— Можно сказать — это наша разведка. В одном из направлений... Он знает больше всех о достижениях прошлого.

— Местный археолог?

— Вроде того. Мы живем в интересное время, всю мудрость похоронили вместе с нашими предками, поэтому тот, кто знает все о прошлом — знает все о будущем.

— Ох, Гном, это одна из самых мудрых вещей, которые я от тебя слышала. — Впечатлилась я, театрально приложив руку к сердцу. Затем задумалась, побив указательным пальцем себя по нахмуренному лбу: — Погоди-погоди... Нет, это самая мудрая вещь, определено!

Тот фыркнул:

— Ты идешь со мной?

— А можно?

— Если я спросил, значит можно? — Ого, мне что, вернули мою же шпильку? Уважаю!

Меня не надо было просить дважды, так что я мигом бросилась вслед за вышедшим парнем. Какое-то время он вел меня по изгибам крепости, а затем наконец остановился и, толкнув перед собой огромную дверь, прошел внутрь.

Не смотря на внушительную дверь, зал за ней оказался совершенном маленьким, хоть и с высоким потолком. Вообще, архитектор этой крепости явно был пьян, хотя, может такого рода помещение и несет в себе какой-то функционал.

Внутри зала оказалось трое людей, два из них, при виде нас с Бренданом, кивнули и вышли, остался третий. Парня я видела впервые, и это 100 %, потому что такое чудо я бы запомнила. Серо-голубые глаза, широкая улыбка с небольшой щелью между передними зубами, которая ничуть его не портит, а даже наоборот, вьющиеся светло-русые волосы, завязанные в высокий хвост и... И вот тут началось. По лбу у него тянулась черная полоска, справа от нее отходило ярко-оранжевое стекло. Проще описать это так: очки без одной половины. Но он ее точно не потерял, это было задумано. За левое ухо был заправлен черный шнур, его конец торчал из раковины. В руках парень держал... Телефон!

— Брендан, салют! — Воскликнул он жизнерадостно, а затем посмотрел на меня. — Ого, а это кто?

— Не играй в наивность, тебе наверняка уже все растрепали. — Поморщился Бренд.

Парень хитро улыбнулся, растягивая свои губы чуть ли не до ушей с примочками в них:

— Надо же мне было поиграть в вежливость. Привет, Эленора, я — Торрент.

Вот бывает, что человек тебе нравится сразу, слету и безоговорочно. Вот и этот странный парень во мне будил такие же эмоции.

— Приятно познакомиться, имя у тебя странное. Впрочем, как и внешний вид.

Тот загоготал и отложил мобильный на стол. Только сейчас заметила, что на столе перед ним был чемодан, в который с легкостью можно было уместить меня. Из его недр

торчало... Я не могу вам сказать. Нет, никаких секретов, просто я понятия не имею что это все такое!

— Мое имя — Колман. Но все называют меня Торрент в силу моей деятельности. Еще меня называют Пират.

— И что у тебя за область действий такая, что тебя так страшно клеймили? — Поинтересовалась я.

Парень посмотрел на Брендана, как на хозяина: «Можно мне или нельзя?». Брюнет ответил сам:

— Торрент — это понятие из старого-нового мира. Специальный интернет-протокол, с помощью которого люди обменивались необходимыми файлами напрямую. Часто в обход законов и прочего, поэтому их именовали «пиратскими» системами. Колман делает для нас тоже самое. Он гений в своем деле. — Для убедительности Брендан ударил Пирата по плечу. Зная Бренда, его стороны эту ласку можно было называть почти прилюдным признанием в любви. — С помощью этого парня мы добились множества информации, и не только ее.

Брендан кивнул на чемодан.

— Ну, я только мозг, руками работают в основном другие. — Добавил Торрент.

Если Пират хотел поскромничать, то вышло как-то коряво. В стиле: «я всего лишь гений, а эти рабы вокруг делают грязную работу». Я прыснула. Тот понял иронию и развел руками:

— Иными словами: зарабатываю место отдельный котел в Аду, с бесплатным вай-фаем и вином.

— Мне кажется, что любое слово, выскочившее из твоего рта я слышу, как предложение согрешить. Торрент, Иисус будет тобой не доволен!

— Главное, чтобы был доволен Брендан. — Подмигнул мне парень

— Оу, то есть его боевых навыков ты боишься больше чем геенны огненной? — Я окинула Брендана оценивающим взглядом. — Впечатляет, парень, ты умеешь запугивать.

Я прошла ближе и стала с интересом разглядывать вещи в чемодане. Пара из них были выложены из него на стол. Ах ты ж розовые розы и сиреневые палисадники!

— Это пистолет! — Крикнула я, указывая на стройный ряд черного оружия.

Глупо, знаю. Эти двое наверняка были в курсе, что это такое и дополнительная информация им не требовалась:

— А ты впечатлительная, да, Рыжик? — Хихикнул Пират. — Зато за тобой ухаживать легко. Показал ствол, и ты уже заинтересована.

— Не хочу критиковать твои навыки дон жуана, но заигрывать с девушкой при помощи оружия — моветон. Рискуешь быть неправильно понятым и получить вместо влюбленной девицы, убегающую прочь истеричку.

— Учту, а что вам, девушкам, тогда нравится?

— Нам?

— Например, тебе?

— Я вам не мешаю? — Мы с Пиратом оглянулись на Брендана. Затем переглянулись, пожали плечами:

— Мне нет. — Честно призналась я.

— Мне тоже. Абсолютно. — Добавил Пират, смотря на вожака кристально-честными глазами.

Брендан вклинил свое тело между нами:

— Докладывай. — Бросил он, почти рыча. Ого, какие мы злые.

— Сэр, есть, сэр. — Отрапортовал Пират. Нет, он мне решительно нравится! — Все заказы выполнены, даже с излишком. Но у нас возникла проблемка. Определенно возвращаемся к первоначальному плану, нам необходим человек в Сантониуме, приближенный к королевским. Что у тебя с этим?

— Выгорит. Направления будут со дня на день. На арене произошло кое-что... — Парень бросил взгляд на меня. Вот зачем было меня приглашать, чтобы все равно недоговаривать?! — Непредвиденное. Поэтому меня точно определяют куда к высшим.

— Супер. Еще кое-что, Сайтон и Батори, эти две семейки нам тоже нужны.

Вот! Во-о-от! Тут Брендан окончательно пожалел, что взял меня с собой!

— Батори?! — Оживилась я.

— Даже не думай. — Процедил Брендан.

— Но все сходится! — Возмутилась я.

— Наш разговор напоминает мне трех мартышек, одна ничего не видит, другая ничего не слышит, ну, а третья — ничего не говорит. — Выдал Пират. — Я, вас, ребята, совсем не понимаю.

Я была готова уже озвучить свой неоправданно свернутый план Торренту, когда тяжелая деревянная дверь распахнулась, впуская Реми и еще нескольких парней:

— Брендан, они пришли. Андабаты.

Не было и секунды промедления:

— Торрент, собери вещи, не дай Бог что-то оставить. Вы, двое, возьмете все и отнесете вниз. Реми, позаботься о Элс.

— А если в Убежище будут...

— Проверь, перед тем, как вести ее туда.

Возразить хоть слово, или издать протестующий писк мне не дали. Реми схватил мое запястье и рванул на себя. Да так, что я запуталась в собственных ногах и экстренно восстанавливала равновесие. К моему удивлению, мы не побежали ни к одному из известных мне выходов, а взяли курс вниз, по одной из каменных лестниц.

— Ты ведешь меня в подвал? — Изумилась я.

Реми хмыкнул:

— Бери выше... Тьфу, точнее ниже! — Туманно и как-то чрезмерно весело ответил парень. Вообще вся ситуация, которая явно имела «сигнал красный», его ничуть не пугала, а наоборот, будоражила. Ох уж мне эти психи и их обострения.

Меня же начинало пробирать до костей, но тоже не от страха, теплая рука друга не дала мне до конца его осознать. Дело в том, что с каждой пройденной ступенькой я ощущала, как нас все сильнее обволакивает холод и принимает в свои объятия темнота. На мне были просторные кофта и брюки, принесенные Бренданом для тренировок, и в базовые функции этого наряда явно не входила полезная миссия — греть. Поэтому очень скоро я начала выбивать трель зубами. В подвал мы все-таки попали, миновав огромную, мрачного вида дверь. Чтобы открыть ее, Реми пришлось ощупать поверхность вдоль и поперек, пока он с торжествующим криком наконец не обнаружил какую-то ручку. Галантно пропустив меня вперед, в полную неизвестность и мрак, парень закрыл за нами дверь и малейший намек на освещение.

— Как мы будем здесь ориентироваться? — Прошептала я, держась за рукав парня, как Кацу за свою катану.

— Я мог бы осветить наш путь своим энтузиазмом и разогнать белоснежной улыбкой эту тьму египетскую, но есть предложение получше. — Раздался справа и сверху голос парня, предположительно оттуда, где зависла его голова. Не сама, конечно, а в прочной сцепке с шеей и плечами, но в этой дремучей темноте можно было предположить что угодно.

Что-то щелкнуло, и из рук мятежника выстрелила полоска света, освещающая вокруг достаточное количество пространства. Портативный фонарик! Как это потрясающе удобно. Выяснить, откуда у него этот простой, но все же действенный источник света, я не собиралась, да и времени не было. Парень уже пробирался вперед.

Под нашими ногами периодически что-то шуршало и хлюпало. В воздухе невыносимо пахло сыростью и плесенью, мне казалось, что моя одежда в долю секунды пропиталась влажным воздухом. Несколько раз бледно-желтый свет фонаря выхватывал огромные куски паутины. Какие-то были похожи на безумные пыльные кружева, другие на битые стекла, испещренные трещинами, но все еще державшимися друг за друга стеклянными боками.

— Крыс здесь хотя бы нет? — Печально протянула я, стараясь держаться к Реми как можно ближе. Не так страшна смерть от меча андабата, как возможность попасть на обед к огромному подвальному пауку.

— Понятия не имею, не замечал. — Произнес Реми, но тут же продолжил, не дав мне порадоваться. — Может, их сожрали пауки? Их видел, они просто огромные!

Я шумно сглотнула, переваривая информацию. Да, парень умеет ободрять! Оказавшись в дальнем углу более чем широкого подвального помещения Реми быстро отодвинул в сторону один из стоявших там деревянных ящиков, наклонился и с силой потянул за большое железное кольцо, прятавшееся под ним.

— Нам сюда. Осторожнее, леди, лестница.

— Еще лестница?! Мы идем в гости к Аиду?* Сказал бы раньше, я бы тортик прихватила. Что-нибудь в виде котла с мучениками или что они там любят.

— Нет, мы идем в **настоящее** убежище, Эл.

Я не стала выяснять детали и засыпать юного отступника вопросами, потому что это было, во-первых, ни к месту и ни ко времени, а во-вторых, я и сама была в паре лестничных пролетов от того, чтобы узнать правду.

Как бы объяснить, где мы оказались? Предположим, это была канализация. Вдали явно прослеживались петляющие ходы. Некоторые из них были узкими, другие широкими, иные заполнены водой.

— Надеюсь, мы не поплывем? — Поинтересовалась я, с опаской глядя на темную воду сомнительной чистоты. — Забыла купальную шапочку в академии.

Реми юмора не оценил и, взяв меня за плечи, впихнул в подобие подземной бойницы. Она была узкой и продолговатой, хорошо, что я не страдаю клаустрофобией.

— Так, чертенок. Ты стоишь здесь, не рыпаешься, ждешь меня. Иначе Брендан снимет с меня скальп, а он дорог мне как память.

— А ты?..

— Я проверю ход и вернусь за тобой. Это будет очень быстро. Ты и не заметишь! — Последняя фраза Реми зацепила мой слух уже на излете, парень стремительно удалялся, унося с собой свет фонарика.

Я со вздохом оперлась спиной о ледяную стену позади себя, но тут же отшатнулась. Мое воображение живо нарисовало, как по ней, а затем и по мне, бодро бегают представители

местной живности. Например, сколопендры. Что может быть ужаснее сколопендр? Брр.

Глаза медленно, но верно, смирились с тем, что их хозяйка загнала их в подземелья и довольствовались малым, привыкая к обстановке. Я уже видела очертания бойницы, более темные, чем остальное пространство, и даже кусок площадки, открывающийся мне. Прислушавшись к звукам, я уловила, что к бегущей воде одного из тоннелей прибавились чьи-то торопливые шаги, почти бег. Реми, как и обещал, вернулся быстрее, чем я успела придумать себе самые страшные виды смерти в этом царстве мрака.

— Реми, а ты можешь быть пунктуальным, когда... — Начала я, делая шаг навстречу фигуре парня, которая поравнялась с выбоиной, но сразу осеклась. Не вовремя понимая, что человек, которого я приняла за друга, вышел со стороны, противоположной той, в которую удрал Реми. Мой рот моментально закрылся, я сделала шаг назад, на этот раз врезаясь спиной в кирпичное препятствие, но не сильно волнуясь о наличии на нем насекомых. Было поздно, человек остановился и обернулся на звук моего голоса. В руках у него был странный источник света — продолговатая палка, отдающая неонем на небольшое расстояние от фигуры. Но ее радиуса охвата было достаточно, чтобы осветить меня и моего встречного. Я справилась с первым испугом и быстро осмотрела фигуру — высокий парень или мужчина был одет в форму отступника. Черная одежда, темный, кажется болотно-зеленый, плащ с капюшоном и бандана, прикрывающая нижнюю часть лица. Наряд тот еще, но он вызвал волну облегчения, прокатившуюся по моему позвоночнику и вырвавшуюся шумным выдохом.

— Ты напугал меня до чертиков! Кем бы ты ни был. И, собственно, кто ты? Я тебя раньше не видела. Впрочем, я тут не так давно... Я...

Язык мой — враг мой. Это говорили мне подруги с самого раннего возраста. А уж когда я начинаю волноваться, то лопачу без умолку и представляю собой редкую находку для шпиона. Вот и сейчас я уже начинала представляться незнакомому человеку, который и не планировал отвечать мне вежливостью. Я не видела его лица, но была уверена, что глаза тщательно изучают меня. Он сделал шаг в бойницу.

— Элеонор МакАртур. — Произнес мужской голос мое имя, продолжая мой монолог. Голос был спокоен, но в условиях абсолютной тишины, окружающей нас, звучал громко.

Я прищурилась, тщетно пытаюсь понять, кто передо мной:

— Мы знакомы? Кто ты? — Я быстро перебирала в голове варианты тех, кого я успела увидеть за последнее время, но вряд ли хоть один из них был передо мной.

Мужчина протянул руку вперед, я хотела его оттолкнуть, но неловко взмахнула рукой и зацепилась за острую железку, торчащую из стены. Раздался звук рвущейся ткани кофты и вместе с этим плечо пронзила боль. Черт, надеюсь, она хотя бы не ржавая, только столбняка мне не хватало для полного спектра ужасов подземелья! Я зашипела, а мужчина, помедлив, достал из кармана что-то и протянул мне. Платок.

Я взяла его и приложила к ране, чувствуя, что он моментально пропитался кровью. В свете от прибора в руках отступника было видно, как красное пятно расплзается по белой ткани. Да уж, неплохо я приложилась, «героиня»:

— Спасибо. — Буркнула я и почувствовала, как чужая рука дотрагивается до моих волос.

Я удивленно посмотрела на человека перед собой, тот отвел руку с палкой от своего лица, ближе ко мне, провел пальцами по прядям, а затем произнес:

— Вернись к Батори.

Я опешила. Вообще-то, я бы и рада, но, во-первых, Брендан моего мнения не разделяет, и, во-вторых, почему я должна слушать человека, который даже не представился?

— Элли! — Звук голоса Реми, на этот раз определенно его, разнесся по подземному коридору и, подхваченный эхом, ударился о стены.

Мужчина передо мной резко повернулся в сторону бегущего к нам парня, его свободная рука рванула к поясу и сжалась на эфесе меча. Это не похоже на долгожданную встречу между двумя мятежниками, ратующими за одно дело. Шаги Реми гулко стучали по каменному полу, смешиваясь с брызгами воды, когда он, очевидно, наступал в какие-то лужи.

— Это последнее предупреждение, оставь мятежников. — Бросил мне человек и, резким взмахом руки погасил подобие фонаря.

Меня моментально обступила ослепляющая тьма, пока место буквально исчезнувшего во мраке парня не занял подоспевший Реми. Парень тяжело дышал, он посветил мне в лицо фонарем, а затем посветил перед собой:

— Черт, Элли, я чуть ли не потерял нужный ход. — Парень посмотрел на руку, которую я все еще зажимала платком. — Ба! Что это?! Брендан меня убьет. Это точно. Как считаешь, он даст мне шанс убежать? Эй, прости, я несу бред. Тебе больно?

Я вглядывалась в обеспокоенного брюнета и поняла, что он не видел моего визитера. Стоит ли ему рассказывать? Может, это был один из отступников, который считает меня балластом и помехой? Могу ли я его за это осуждать? Тем более, стоит мне заикнуться и эта история посеет подозрения среди своих. Нет, я не могу этого сделать. Тем более, что этот человек явно не хотел сделать мне ничего плохого, поскольку у него были все шансы, а он ими не воспользовался. Я сильнее сжала руку на повязке, чувствуя пульсирующую боль.

— Все в порядке, я просто задела какую-то железяку.

Реми покачал головой:

— Это не будет основанием для пощады... Эх, напишите на моем надгробии что-нибудь смешное. Или пафосное. Или пафосно-смешное. Пошли, бедовая, надо будет тебя перевязать.

Я заподозрила неладное, увидев, что у Реми ноги мокрые выше колен. На нашем пути действительно была чертова вода, которая бурлила в сточных канавах. Но Реми вручил мне фонарик и, заставив меня пискнуть, подхватил мою тушку на руки, галантно пронеся над этой водной преградой. Спустя пару таких барьеров, и несколько витиеватых поворотов, когда я точно поняла, что в жизни не найду дорогу обратно самостоятельно, мы наконец дошли до места назначения.

— Это город? Город под землей? У ВАС ГОРОД ПОД ЗЕМЛЕЙ?! — Я изумленна уставилась на то, что открылось моим глазам. Множество людей, среди которых были и женщины, и дети, сидело в небольших кругах. Они что-то ели, варили на конфорках, кто-то спал, другие занимались оружием или стругали что-то по дереву.

— Скорее это военный лагерь, да и не такой уж он большой. Потом насмотришься, пошли, отведу тебя к Брианне. И закрой рот, это не культурно! — Потешался над моим изумлением парень.

Реми двинулся в сторону одной из палаток. Воздух в ней насквозь пропитался ароматами трав. Засушенные пучки цветов, растений и веточек весели, привязанные к балками палатки. Я вдохнула воздух поглубже, не понимая, нравится мне смесь этих запахов или нет. Она была необычной, резкой, но одновременно успокаивающей.

Сама Брианна оказалась молодой женщиной, с русыми волосами, заплетенными в тугую длинную косу. Как я узнала на личном опыте, она заведовала здешним лазаретом. Заприметив меня и кровоточащую руку, она бросила толочь что-то в деревянной ступе и буквально превратилась в курочку-наседку, которая кудахтала надо мной и моей раной. Право, это же всего лишь царапина! Думала я, пока ее не начали зашивать...

— Это же надо умудриться! Так сильно распороть руку.

— Я вообще очень везучая. Даром, что рыжая. — Пробормотала я, стискивая зубы.

Брианна хмыкнула:

— Если голова бедовая, то неважно, какого цвета на ней волосы растут.

— Ну, спасибо. — Обиделась я, но тут же тяжело задышала, когда руку обожгло болью.

Меня что, огнем лечат?!

— Терпи, красавица. Нельзя так оставлять. Шрамы только мужчин украшают, а девушек портят. Хотя, он и так останется, но я сделаю его менее заметным.

Я лишь сжала зубы и тут заметила, что все еще сжимаю в руке платок. Он был большой, красивый и, до встречи со мной, девственно-белый. Лишь по бокам его окаймляла тонкая темно-зеленая полоска. В одном из углов я заметила наличие вензеля из трех прописных букв, но разобрать можно было только «Э». Ну, почти Элеонора!

Когда на руке у меня уже красовался белоснежный бинт, а снующий рядом с палаткой Реми (Он действительно был иногда похож на щеночка!) получил возможность забрать меня, мы проследовали к самой большой компании людей. Как я поняла, это был центр лагеря, что-то вроде общего костра, но без костра. Здесь все собирались на ужин. Странно, но на лицах людей было спокойствие, не то, что я видела наверху. Сколько времени прошло с тех пор, как мы сбежали из замка? Под землей создавалось странное впечатление, будто понятия минут и часов здесь вовсе отсутствовало.

— Откуда здесь свет?

— Генератор. Правда вот он изживает свое и начинает все чаще давать перебои. Но Торрент и ребята что-нибудь еще придумают. У них головы золотые, а мозги и вовсе бриллиантовые.

Я попала в жанр фэнтези, ей Богу. Мы с Реми устроились на одном из тканевых настилов. Люди все прибывали, и я с интересом оглядывала их. Мужчина, похожий на егеря при дворце, своей одеждой и бородой, с хохотом рассказывал что-то группе людей вокруг. Женщины копошились вокруг котелков, как ведьмочки вокруг зелий. К слову, их снадобья пахли просто потрясающе. Мой желудок жалобно заурчал, реагируя на ароматы.

— Сейчас будем ужинать. — Вступил в диалог с моим желудком Реми.

— А как же Брендан? И остальные?

— Я думаю, что сегодня он не придет, но все хорошо. Не переживай, это не первый раз.

Когда все остальные расселись в центре по группам, мы начали трапезу. Я не задавала вопросов, потому что так была увлечена чечевичной похлебкой, что не могла реагировать на происходящее с должным вниманием. Она была очень горячей и безмерно вкусной.

— Как же это вкусно! — Проорчала я, поглощая горячую еду. Она была такой горячей, что в уголках глаз выступили слезы. Я проморгалась, но менее активно закидывать ее не стала.

— Да уж, это тебе не паек будущего андабата. Мы с Бренданом ели такую дрянь, ух! — Проговорил Рем.

— Например? — Поинтересовалась я.

Реми задумчиво пожевал губами, уставившись в свою тарелку, как будто блюда, возникающие в его памяти, возникали в ней:

— Ну-у... Например, плесневелая картошка, на вкус как... Не знаю что. После такой еды парочка человек слегло, но выхода не было. А когда мы четыре месяца выживали в лесу, приходилось есть змей и белок. Впрочем, это было вкусно. А уж кролики...

Выражать сомнения о том, что змея вообще может быть вкусной, я не стала. Люди вокруг оживленно болтали, одна из женщина вблизи нас принесла несколько темных пледов и накрыла детей. Впрочем, они были не очень довольны и ворчали, что им и так тепло. На самом деле, детей тут было много:

— Откуда они все? — Спросил я, посмотрев на брюнета.

Тот не стал спрашивать, кого я имею в виду. Он выдержал небольшую паузу, наверняка взвешивая ответ и решая, понравится ли он их лидеру, а затем все же произнес, понизив голос:

— Ну, не все отступники — андабаты. У многих есть семьи и близкие. Здесь есть те, у кого не сложились отношения с правящими кланами. У них не было другого выбора. Есть из них те, кто сбежал, чтобы не стать жертвой системы. Зачастую поэтому нас иногда и называют крысами, это не оскорбление, просто многие из мятежников — дети подземелья.

Иллюстрируя его слова, мимо нас промчались двое юрких мальчиков, лет пяти-шести. Реми успех легонько шлепнул одного из них, который чуть не задел какой-то монумент, по светлому затылку.

— Не бегайте в центре, сколько раз говорил. — Проворчал парень, но не убедительно, а с улыбкой провожая ребят взглядами. Те тоже не придали словам, вроде как грозного андабата, большого значения. Лишь озорно улыбнулись и помахали ему, продолжая лавировать среди построек. — Но самая большая часть... Особенно детей... В общем, мы их сюда привели... Наши силы пока невелики, но и не малочисленны. Одной из главных задач для нас стало спасение людей, которым грозит Зачистка. Иногда нам удается добыть информацию до нее, тогда все проходит более-менее неплохо. Здесь как раз те, кто ушел с нами. Но некоторых мы переправляем в другие земли. Если не успеваем, то забираем хотя бы детей...

— Хочешь сказать, что андабаты вам их просто так отдают? — Скептически спросила я, тоже переходя на шепот.

— Ну, не просто так, но мы умеем вежливо просить. — Подмигнул мне Рем и при этом так хищно оскалился, что сомнений в их "вежливости" у меня не осталось. — Раньше андабаты не ожидали сопротивления, у нас было преимущество и все проходило более чем неплохо. Но теперь они нас ждут. Мы стали терять людей. — По тону и взгляду Реми я поняла, что он знает каждого из тех, кто не вернулся.

— Почему люди молчат? Это же варварство!

— А скажи, ты сама-то об этом знала? Вот и они не знают. Точнее не все. Эти твари выбирают самые бедные захолустья.

Я нахмурилась:

— Но ВестХилл...

— ВестХилл не подходит, ты права. — Ответ на этот вопрос появился откуда-то сверху. Мы с Реми не заметили, как склонились близко друг к другу над своими тарелками с едой, почти касаясь лбами, говоря обо всем этом и вздрогнули, глянув вверх.

— Брендан?! — Удивленно воскликнул Реми, отрывая меня от миски, в которой я растирала кусочки картофеля о бортики. Так меня приучил есть отец: все мягкие овощи, корнеплоды и крупы я расталкивала до кашеобразного состояния и смешивала. Отчего-то эта привычка не ушла из моей жизни, как многие другие. Так казалось вкуснее.

К нам действительно подошел сам Дракон, изредка кивая людям.

— Все нормально? — Брендан присел передо мной на корточки. Конечно же, его взгляд сразу заметил, что у моей кофты теперь толком нет рукава (Брианна оттяпала его). Вместо него вокруг плеча обмоталась белая повязка. Если я скажу, что бинт — это дань моде, он поверит? Судя по потемневшим глазам — вряд ли. — Что это?! Реми!

Шов на руке то ли разошелся, то ли просто не мог удержаться мою горячую кровь, но она уже успела окрасить бинты в алый цвет. Я задумчиво провела по пятну указательным пальцем.

— Я нечаянно, когда мы бежали сюда, Брендан. — Ответила я вместо друга. — И ради всех святых, хватит уже трястись над каждой моей царапиной, как будто я фарфоровая. Ты на тренировках украшаешь меня синяками и похуже.

Бренд остро посмотрел на меня своими темными глазами, будто сканируя на предмет лжи, но ведь я и не соврала, верно? Просто не рассказала об обстоятельствах.

Брендан сел рядом со мной:

— И о чем же вы говорили?

— Как раз о том, что ВестХилл стал жертвой зачистки, но...

Брендан кивнул, перебивая меня. Затем оценивающе глянул в мое лицо и снова посмотрел перед собой, на людей вокруг:

— Да. ВестХилл не вписался в общую схему. Я уже думал об этом, ни один раз. Мы не были бедны, хотя и зажиточным тамошних людей тоже назвать сложно. Мы были самодостаточны, а единственным отличием от всех населений является то, что ВестХилл — самый дальний уголок страны от Сантониума.

— И какие у тебя мысли на этот счет?

— Какие бы не были — все мои. — Хмыкнул парень и щелкнул меня по кончику носа.

Реми рядом с нами закашлялся и сделал вид, что подавился куском хлеба. Очевидно, проявления подобного рода ласковых чувств для его друга и лидера были непривычным зрелищем. Брендан «заботливо» перегнулся через меня и пару раз хлопнул друга по спине, выбивая не то что кашель, но и остатки легких. Прошипев неискренние слова благодарности и выразив желание остаться при своих внутренних органов, Реми снова стал жевать.

— Ладно. Тогда расскажи, что происходит наверху? Что случилось? — Поинтересовалась я. Мысли о ВестХилле засели в моей голове, но раскрутить Брендана не то, чтобы он поделился соображениями, я не могла. Слишком упертым и скрытным был этот баран.

— Все отлично. — Скупно бросил он, но затем стрельнул глазами в Реми, показывая, что ему готов выдать более подробную версию событий.

От разговора (точнее, от моей обвинительной речи) нас спас четвертый участник.

— Держи, угощайся, тебе полезно. — Брианна, появившись над моей головой, подала мне большую чашку, от которой шел пар. Заглянув в нее, я обнаружила какао с пушистым зефиром, которое пахло не только шоколадом, но и корицей, а также еще каким-то пряностями. Кажется, я даже уловила красный перец.

— А мне сладенький какао, Бри-и-и? — Протянул Реми, улыбаясь слаще этого напитка.

— Обойде-е-ешься. — Пропела женщина, перекидывая косу с одного плеча на другое.

— Спасибо. — Искренне улыбнулась я.

— Не за что. Позже еще раз перевяжем твою рану. — Она кивнула на мою руку и устроилась рядом.

Когда все вокруг нас насытились, а новость о том, что наверху что-то произошло, прокатилась волной из уст в уста и посеяла в их умах тревогу, еле различимую по складкам на лбах и будто поддержанных пеленой грусти глазах, все замолчали. Но это длилось недолго. Сначала раздался один голос, пропев строчку, незнакомую мне, но, очевидно, знакомую всем окружающим. Затем к нему присоединился второй, третий, и вот все присутствующие запели. Грустную, лиричную песню, напоминающую балладу:

У меня пистолеты в моей голове и они не пропадут,

Духи в моей голове и они не пропадут...

Сегодня вечером я смотрел на звезды,

И я думаю, ох, я так скучаю по яркому солнцу,

Я буду мечтателем до конца, до того дня когда умру,

Но они говорят ох, как хорошо умереть молодым,

Но мы здесь все странные,

И возможно, мы не хотим меняться.*

Эта песня как нельзя лучше подходила к моменту, а голоса, мужские и женские, смешивались в неповторимый хор, хор людей, желающих что-то изменить. Каждое слово шло от сердца, глубоко из груди. Падкая на подобные моменты, я почувствовала, как начинает щипать нос, предвещая скорые слезы. Чтобы избежать этого, я уткнулась в чашку какао. Зефир уже давно сплавился и витал на поверхности белесыми пятнами, напоминая о себе. Я глотнула шоколадный напиток и еще раз посмотрев вокруг. Реми подпевал, как и Бри, методично раскачиваясь из стороны в сторону, а пальцами выбивая ритм на своем колене. Как жаль, что с нами нет Стеллы с ее прекрасным голосом или Джулии, с ее фантастическим даром не попадать ни в одну ноту, а еще лучше — обеих. Где они сейчас?

Я посмотрела на парня, сидевшего рядом. Брендан не открывал рта, он смотрел на меня. Не говоря ничего, протянул руку и позволил мне приникнуть к его груди, чтобы спрятать непрошенные слезы. Его запах уже успел стать родным. Снова. И как я могла «захотеть уйти» от этого? Будто прочитав мои мысли, губы Брендана осторожно коснулись моей макушки, а затем тихий шепот прошелестел над ухом:

— Ты не должна здесь быть, Элли. Что-то происходит, и мы не можем понять что. Но

это что-то плохое. И когда это нас настигнет, ты не должна оказаться под ударом.

— Я не хочу прятаться. Я хочу стать сильнее. И сражаться. — Ответила я и моя уверенность слилась с последними звуками песни, разнесшейся глубоко под землей.

Брендан

Облава на убежище в этот раз носила странный характер. Это не было зачисткой Серого квартала или демонстрацией силы. Ищейки-защитники искали что-то, или кого-то... До моего распределения оставались считанные дни и первоочередной задачей стало понять, отчего Сантониум начал гудеть, подобно улью.

Как ни странно, подобные побегии были рядовыми событиями в жизни отступников. Только вот уметь так жить и мириться с подобным раскладом вещей — две большие разницы. С каждым разом это все больше выводило меня из себя, жизнь «крыс» для своих людей — это не то, чем можно гордиться. Тем более что таких городов становилось все больше. Не все они находились под землей, но всех мы пытались спрятать подальше, чтобы руки, взгляды и тем более мечи королевских Защитников не могли до них дотянуться. Пират делал все возможное, чтобы обеспечить им достойную жизнь, но с каждой вылазки он и его команды возвращались все более бледными. Они работали на износ, хоть и не признавались в собственной усталости. Сегодня он вернулся из города сбежавших в скалах, на обратном пути перевыполнив все возможные поручения. И теперь собирался вместо отдыха запереться в своей электронной норе и разбираться с очередными устройствами. Ему уже удалось самостоятельно делать пули для некоторых стволов, но целью своей жизни он ставил обойти систему Сантониума.

Прямо сейчас я и Элс шли между палаток, которые раскинулись под Мертвым Городом. Можно сказать, что это был истинный город, с его людьми, в котором, вопреки названию, кипела жизнь.

— Правда, странно? В «Мертвом» городе жизнь ярче, чем наверху. — Улыбаясь произнесла Элеонора, ткнув тонким пальцем в потолок. В который раз этот рыжий эльф озвучивает мои мысли. Я накрыл ее голову капюшоном кофты, которую насильно накинул на девушку перед этим.

— Не привыкай к этому. Это только с виду здесь все бодро и живо. Им тоже живется нелегко.

Элеонора вынырнула из глубокого капюшона и засопела, забавно сморщив носик:

— Можно подумать, я не понимаю, что жизнь под землей не является пределом мечтаний этих людей. Но у них есть мечта, за которую они борются. И, что еще более важно, они есть друг у друга. У меня нет никого.

Девушка не пыталась давить на жалость, она просто говорила то, что думала, проследив синими глазами за семьей из четырех человек. Я вздохнул:

— Элеонор...

Я был в начале очередного монолога на тему: «Тебе пора собирать манатки, Элеонора», но, похоже, они достали девушку так, что она сделала что-то по-настоящему ребяческое. Элли отскочила от меня:

— Нет, хватит! Достал! Я знаю, что ты хочешь сказать, но совершенно не хочу этого слушать!

— Меня не волнуют твои желания, я все равно скажу, потому что ты должна понять, что...

Она зажмурилась, закрыла уши ладонями и во всю силу, намеренно фальшивя затянула песню:

— У Мэри был барашек!!! Пушистый, белый был, как сн-е-е-ег!*

— Нет, молчи. — Я стал озираться. Люди уже начали смотреть на нашу пару. Вообще-то, напоминаю, я был их лидером. Этот статус явно не предполагал публичных концертов.

— Везде и всю-у-уду тот барашек готов был следовать за не-е-ей!!!

— Серьезно, Элеонора. — Проворчал я, пытаюсь замаскировать это под улыбку, как будто держу все под контролем и кивнул мимо проходящим Саймону и Яксли. Парни еле сдерживали смех. Даже покраснели от натуги. Ну ничего, пара дополнительных вылазок избавят их от чувства хренового юмора. — Не будь ребенком, ты меня позоришь.

— Однажды в школу увязаться за ней не побоялся, но другие дети — ну смеяться! — Между прочим, будучи ребенком Элеонора отлично пела, просто прекрасно, но то, что она делала сейчас, больше напоминало надрывное бляение этого самого барашка — героя песни.

— Если ты не замолчишь, я...

— Барашек в школе — как смеш...

Я резко наклонился и прижался к губам девушки, обрывая ее песню. Когда я отодвинулся, синие глаза уже были широко распахнуты и смотрели на меня, выражая крайне шоковое состояние.

— Т-ты... ГНОМ! — Завопила девушка, но я выставил перед ее лицом указательный палец, заставляя утихнуть.

— Будешь кричать, я тебя снова поцелую.

Угроза подействовала. Девушка мигом закрыла ротик и продолжала хранить обет молчания до палатки. «Отличный рецепт для успокоения строптивицы» подумал я, провожая ее взглядом. Да только сердце, которое билось как после ударной кардионагрузки, намекало, что этот рецепт грозит мне самому отчаянным беспокойством. Черт. Зачем я это сделал?! Что мной двигало?!

Рыжая девчонка оказывала на меня все большее влияние и изолировать ее было просто военной необходимостью. Я с силой потер лицо, будто этим жестом мог стереть с себя не только навалившиеся проблемы, но и эмоции, что вызывала во мне девушка. Девушка. Именно так, не девчонка из детства, какую я помнил, а красивая, яркая, искренняя девушка. Она так не похожа на всех, кем я окружал себя эти долгие годы.

И звери в моем сознании, которых все сложнее держать на цепях и не пустить на волю, рычали сильнее, как будто чувствовали себя в опасности рядом с ней.

Бежать.

Бежать.

Не мне. Она сама должна от меня бежать.

Иначе может быть поздно.

Элеонора

Меня разбудили громкие мужские голоса, звучавшие перед коричневой палаткой, выделенной мне местными обитателями. Собственно, я провела здесь, вдали от солнца, уже много, очень много времени. Но оно не было потрачено впустую. Я тренировалась как проклятая, а иногда мне даже разрешали вылазки за территорию. На что-то крупное меня не брали, конечно, но Реми, от широты души, выдал мне комплект одежды по их мятежной моде (пришлось перешивать самый маленький из имеющихся), и в этом виде согласился

«нмячнться со мной», как он сам выражался.

Также я успела подружиться и с Пиратом, он же Торрент, он же Колман. Парень мог поспорить с Реми за звание самого смешного и жизнерадостного отступника. К слову, в системе противоборствующих людей он оказался не из жадности мести или желания разрушить мировые устои, а исключительно «ради науки». «Хвостатый» парень с жадностью торгаша выискивал различные изобретения Старого-Нового мира, вникал в их устройство и делился своими знаниями с соратниками. Однажды Торрент, будучи в прекрасном расположении духа, даже впустил меня в свою Святая Святых — одно из ЭлектроГнезд, как он самых их называл. Там, помимо него, трудилось еще несколько человек. И это в данный момент времени, насколько я успела понять, гениев среди мятежников хватало. Интересно, что многие из них, как и Колман, имели специфичную внешность. Например, здесь была девушка с серыми волосами, как вам? И мужчина с бородой, а-ля «я волшебник, где моя волшебная палочка»?

Так вот, в один из дней Пират долго и упорно объяснял мне предназначения тех или иных приборов, любовно поглаживая кнопки и экраны. Я же чувствовала себя участником фантастического романа.

— А как вам удается находить все это? — Развела я руками под конец экскурсии.

Надежду понять суть окружающих предметов я потеряла еще час назад на электронном манке. Зачем им манок уток в борьбе против андабатов — понятия не имею. Зато с оружием у меня проблем не было, как оказалось, у меня к этому чуть ли не магический дар. Все, что мне давал Пират, ложилось в руку с легкостью и в нужное положение, как будто я родилась с автоматическим электрическим арбалетом или пистолетом. А уж как я научилась метать ножи! Честное слово, ученик (я), превзошел учителя (Реми), по всем показателям. Мне нравилось ощущать вес оружия и осознавать, что оно может защищать. О том, что эти «игрушки» могут быть использованы не только для защиты думать не хотелось.

В ответ на мой вопрос Торрент постучал себя согнутым указательным пальцем по виску, намекая на умственную деятельность, что легла в основу его приобретений:

— Некоторые из устройств — аналоги. Многие даже лучше, чем оригиналы. Все это изобретения мои и моей команды. А откуда берем оригиналы? Воруем, конечно. Наши люди есть везде... Впрочем, если раньше парочку списанных кольтов было можно не заметить, то теперь, со всеми этими волнениями вокруг знати и отступников, каждая вылазка угрожает стать для кого-то последней.

Парень прошелся вдоль стеллажей, забитых коробками с инструментами и деталями. Клубки разноцветных проводов торчали, как спагетти из тарелки. Опять я что-то сравниваю с едой, да? Простим мне это.

— Многое для боевой экипировки мы отобрали, когда устраняли зачистки. — Неожиданно парень резко остановился и обернулся ко мне, да так, что, не схвати меня электро-мальчик за плечи, я бы либо врезалась в него, либо в полки. — Я обязан тебе показать кое-что шедевральное. Это моя любовь и самая шикарная коллекция, которую ты когда-либо сможешь увидеть. Когда я думаю о своих малыша в деле, у меня стоя... Кхм. В смысле я безмерно радуюсь. — Проглотил Пират похабное сравнение, заставляя меня хмыкнуть.

— И что же это? Судя по уровню твоего... Возбуждения, как минимум склад боеголовок. — Вернула ему я с процентами.

— Не-е-а. Но тебе все равно понравится. Ты же любишь лошадей?

— Откуда ты знаешь?

— У меня свои источники. Так вот, считай, что у меня есть свой табун шикарных лошадок, но таких, каких ты не видела. — Честное слово, у Торрента горели глаза, при воспоминании об этой таинственной коллекции. Того и гляди оранжевый визор (Теперь я знала, как именуют эти полуочки!), который парень не снимал, запотеет. — Если андабаты королевства увидят нас на них, они обделаются!

— Смотри сам не выпрыгни из штанов от счастья. — Хмыкнула я, за что была захвачена в плен его наглыми ручищами. К слову, руки у Колмана были длинные, как и тонкие пальцы, позволяющие легко работать с мелкой техникой.

Следующий этап мести был в том, что мои волосы начали тщательно взъерошивать, а затем и натирать макушку запястьем, наверное, желая выпустить электричество или искры из огненно-рыжей головы. Я, зажата между его рукой и туловищем, отчаянно хохотала и пыталась брыкаться в неудобном положении. За такой сценой нас и застал Брендан.

Этот темноокий сразу разворчался, что мы превратили лабораторию в место игр, на что Торрент нагло заявил, что все точки, где появляюсь я, превращаются в цирк.

— Предлагаю брать Элли с собой на задания, она насмешит их до смерти.

— Чем это? — Нахохлилась я, тщетно пытаясь придать гнезду на голову вид причесанных волос.

— Волосами цвета морковки. — Показал мне язык парень, поправляя визор.

Такие встречи с Колманом, что показывал мне то или иное чудо старого-нового мира продолжались, пока он не удрал на очередное свое паломничество до одного из городков мятежников.

Но я определенно отвлеклась... Вернемся в настоящее. А именно — голосам. Не в голове, у палатки. Они явно спорили, даже не пытаясь вести себя тише. В мой сон медленно пробрался низкий тембр Брендана:

— А у тебя есть другие идеи, самурай?

О, самурай? Значит Кацу тоже здесь? Ни одна канализация не является препятствием для дружбы! Я разлепила веки и в сознание, помимо голосов, проник и тускловатый свет от генератора, который здесь не отключался. Интересно, сколько сейчас времени? Ощущение, что я спала час-два от силы.

— Да, есть, пусть поживет у меня. — Как всегда спокойный голос японца. Хм, кто поживет? Неужели я? — Сейчас в доме только я и сестра. И кое-какая прислуга, но я об этом позабочусь. Думаю, что хотя бы на время это самое безопасное место.

Брендан замолчал, взвешивая все «за» и «против».

— И как мы ее перевезем?

— Двинемся сейчас. Времени мало.

— Это слишком заметно. Они устраивают облавы на повозки.

— Ты предлагаешь провести ее по воздуху?

— Ее лицо на каждом столбе, мать твою. Можешь быть серьезнее?

Ну да. Время шло, а ажиотаж вокруг меня не проходил. Батори бросил немалые средства на поимку потерянной девушки, и это пугало.

Я присела на кровати. От неудобного положения правая рука успела затечь и онеметь, я сжала и разжала пальцы, в попытке разогнать кровь. Конечность откликнулась на мои действия неприятным ощущением покалывания.

— Ребята. — Кацу и Брендан продолжали спорить между собой, не уделяя мне и

взгляда. — Ребят. — Повторила я, теряя терпение. — Парни, черт возьми! — Неужели это случилось и они замолчали? — У меня есть неплохая идея.

— Когда ты проснулась? — Нахмурился Брендан.

— Достаточно давно, чтобы понять, что переезжаю. — Фыркнула я, поворачиваясь к Кацу и тыкая в него пальцем. — Ты, модник, раздевайся.

Кай скептически вскинул брови и усмехнулся:

— Хорошая идея, мне нравится.

Я в нетерпении хлопнула в ладоши:

— Я серьезно, Кацу! Дай мне свою одежду! Я переодеваюсь в парня! Сам можешь взять вещи Брендана. — Я благородно махнула рукой в сторону застывшего как истукан парня.

Кацу с Бренданом переглянулись.

— Почему бы и нет. — Улыбнулся мне он.

Когда я закончила приготовления перед парнями предстал милovidный и невысокий мальчик.

— Оу. — Брендан посмотрел на меня. — Дежавю. Почти как... В ту ночь.

Я поежилась и удивленно посмотрела на него. Мне совершенно не понравилось это сравнение.

***Перевод песни Spirits канадской музыкальной группы The Strumbellas.**

***Детская песня «У Мэри был барашек».**

Глава 8. Будешь моим врагом?

Глава 8. Будешь моим врагом?

Уже две недели я не видела Брендана. Думаете, он исполнил свое обещание? Ну, то, в котором он пытался убедить меня, что я сама захочу уйти и не возвращаться. Да, это так. Вот только ушла я не навсегда, а захотела уйти, чтобы вернуться более сильной. Да и так ли виноват в этом Брендан? Может я сама? Или это судьба? Впрочем, обо всем по порядку.

Жизнь в особняке Мори стала похожей на сборник сонетов, так любимых Стеллой. Для меня же все они были однообразными и скучными. Заметив мою хандру, грозившую перерасти в агрессию, Кацу, со вздохом нагруженного ишака, предложил мне выйти с наступлением темноты из дома и проверить ребят из Убежища. Я не то что просто согласилась, а одетая как молодой паж короля мужского пола, через две минуты уже стояла у входа, выбивая ногой нервный ритм в нетерпении. Кай наотрез отказывался выходить со мной из дома в свете дня и без соответственного костюма «мелкого мальчишки», как меня нарекли ребята. Когда мы добрались до заброшенного замка, в который снова переместились некоторые из мятежников, когда стало безопаснее, был поздний вечер.

Первым, кого мы встретили во дворе, был Реми. Он сидел прямо на земле и водил лезвием меча по точилу. Заметив нас он отложил свое занятие. Я действительно скучала по нему все это время и сразу кинулась парню на шею:

— Ре-е-еми-и!

— Эленор, Кацу, вы откуда здесь? — Рем выглядел ошарашенным.

— Эм... Кацу устроил мне прогулку. Даже заключенные имеют на это право. А что, что-то произошло? — Я внимательно посмотрела на брюнета, но он отвел взгляд.

— С чего ты взяла? Все нормально.

— Хм. — Мы с Кацу переглянулись, тот пожал плечами. — А где Бренд?

Взгляд Реми забегал еще сильнее. Не быть ему игроком в покер:

— Не знаю, я не видел его сегодня.

— Рем, что-то случилось? — Повторила я свой вопрос с нажимом.

— Да нет же, чего ты заводишься? Пойдем лучше на кухню, я голодный жуть, расскажешь, чему тебя научил наш самурай. Или ты сидела как леди и ничего не делась? Смотри, как бока отъела на рисовой диете. — Парень ущипнул меня за бок, заставляя захихикать от щекотки.

— И ты туда же. — Закатил глаза Кай, реагируя на прозвище и упоминание о «рисе».

Я заулыбалась. Может, и правда показалось? Нервная я стала, дерганная.

— Идите, я заскочу в башню и подойду.

— Стой! — Реми схватил меня за руку. — Эм. Да черт... Элли, давай ты останешься здесь?

— С чего бы это? — Я прищурилась, вглядывалась в лицо парня. Или все же не показалось? Неужели... Неужели с Бренданом что-то случилось? Я кинула взгляд на башню: света не было, да и вряд ли я бы увидела его за задернутыми шторами. Но тревога уже подкатила ко мне и не торопилась отпустить. — Что-то с Бренданом?

Я вцепилась в руку парня, а его взгляд стал еще печальнее. Я похолодела, а воображение живо нарисовало мне Брендана, лежащего на кровати в весьма плачевном состоянии. Не

говоря ни слова, я стрелой понеслась к лестнице.

— Элли, стой, не надо! Подожди!

Куда там, подгоняемая беспокойством, я за пару мгновений оказалась у двери и рывком распахнула ее, вбегая внутрь. Ну, мое воображение меня не подвело, Брендан действительно был на кровати. И действительно в плачевном состоянии. Как иначе назвать, то, что на нем была голая Катина?

Взвизгнув, брюнетка скатилась с парня и прикрыла краем одеяла грудь.

— Оу, у нас гости? — Хмыкнула она, заметив меня и мигом возвращая себе наглость. Будто это не она визжала как поросенок.

Брендан присел на кровати. Не кстати я заметила, что даже сейчас на нем была водолазка. Наверняка он и моется в ней. Эта шутка показалась мне безумно смешной. Такой смешной, что, подумав об этом, я не смогла сдерживать смешок, прикрыв ладонью рот. Затем смешок начал перерастать в смех. Смех в хохот. Потом под взгляды этих двоих я чуть ли не согнулась пополам, заливаясь истерическим смехом.

— Что ты ржешь, дура, чего ты вообще сюда вломилась? — Прошипела Катина, шурясь на меня своими черными глазами.

Я стерла с уголков глаз слезы от смеха и, переведя дух, выдавила из себя:

— Извините. — Покачав головой, я развернулась и, по-царски махнув рукой вверх сказала: — Продолжайте, ребята.

Прикрыв за собой дверь, я прижалась к ней спиной и стала глубоко дышать. Уловив за дверью какой-то громкий треск и голос, я вздрогнула и отодвинулась от деревянной поверхности как от огня. Просто я опасалась услышать еще что-то, что-то, что мне не хотелось бы принимать.

Я пронеслась вниз, перескакивая через несколько ступенек, рискуя свернуть шею. В мгновение ока добравшись до низа, я пронеслась мимо сидящего на последней ступени Кацу и стоявшего над ним Реми.

— Эленор! — Рем схватил меня за рукав, не давая вырваться наружу.

Я дернула руку:

— Пусти немедленно, Реми!

— Эленор, извини.

— Ты то что извиняешься?! Ай, не важно!

Мне удалось отцепить от себя парня, и я все же выскочила в темную и спасительную свободу. За спиной слышался голос Кацу, но остановиться уже не могла, слезы застилали мне глаза, и я больше всего не хотела, чтобы кто-то их видел. Растирая горячие капли по лицу, натянула капюшон как можно ниже и, добравшись до людной улицы, чуть сбавила шаг.

Собственно, чего я реву? Он мне что-то обещал? Нет. Если кто-то и выдумал что-то, то это я. Сама и виновата. Дура. Мы же с ним не пара, друзья — не более. И вряд ли те поцелуи, которые уже были между нами, что-то значат. В первый раз он вообще не знал как меня зовут. Неужели я стала одной из тех дурочек из академии, которые строят себе воздушные замки с первым мужчиной, который обратил на них внимание? Фу, противно. Еще и умчалась оттуда, как последняя истеричка. Но если я все это понимаю, почему мне так жжет в груди?

Грызая себя в собственных мыслях, в спутанном клубке которых не возможно было разобраться, я не заметила, как столкнулась с вышедшим из бара мужчиной. На меня пахнуло кислым запахом алкоголя, сдобренным дешевыми сигаретами.

— Смотри куда прешь, малец!

— Извините. — Буркнула я, не поднимая взгляда. Я хотела проскочить мимо, но мужчина не дал мне этого сделать.

— Ты как со старшими общаешься? В глаза не смотришь?! — Он вцепился мне в плечо своей огромной рукой с грязными и широкими ногтями. — Вот дети пошли, рука как крылышко цыплячье.

Мужчина тряхнул меня, а на вторую мою руку опустилась еще одна мужская рука: более тонкая и чистая, но не менее отвратительная для меня. Я бросила косой взгляд на новоприбывших: двое, наверное, друзей моего нежеланного препятствия подошли к нам из бара. Все трое улыбались, но улыбки их не были приятны. Наоборот, у меня противно засосало под ложечкой.

Худой цокнул:

— Действительно, эй ты что, язык проглотил?

— Извините, мне пора идти. — Проговорила я, делая голос как можно более мужским.

Третий парень, самый молодой из компании, до этого хранивший молчание, прищурился:

— И голос такой тонкий. — Как в замедленной съемке я наблюдала, как он отпихнул рукой толстого и стянул с моей головы темный капюшон. Я дернулась еще раз, но руки по обеим сторонам только крепче вцепились в меня.

— Ба! — Пробасил громила. — Девчонка!

Следом за этим глубокомысленным изречением он издал нечленораздельный смешок.

— Поразительная наблюдательность. — Злобно бросила я. — А теперь пустите!

Очередная попытка вырваться потерпела очередное фиаско. В ответ на это они лишь заржали. Я оглянулась по сторонам и как на зло ни одной живой души не увидела. Да и потом, могла ли я звать на помощь? Рисковать быть узнанной не хотелось. Но быть в окружении пьяных мужчин не хотелось еще больше. Пока я лихорадочно соображала и искала выход из ситуации, молодой схватил мой подбородок и грубо повернув к себе лицом присмотрелся:

— Красотка! Блин. И лицо какое-то... Знакомое.

Я похолодела, а он цепким движением поднял мой подбородок выше, заставляя на него упасть свет от фонаря. Не дожидаясь момента прозрения, я резко ударила его голенью промеж ног. Удар пришелся точно в цель, заставив парня согнуться и завывать. Я же, пользуясь секундным замешательством, скорее по инерции, чем сознанием, вспомнила последние уроки Брендана и сначала быстро ударила по колену толстяка, а затем, когда он чуть ослабил хватку, принялась за второго. Я крутанула предплечье вверх и наружу, за руку вцепившегося в мое плечо худого противника. Когда его плечо оказалось под моим локтем, я со всей силой прижала его кисть и резким движением поворота корпуса и движения руки вверх вдарила по его локтевому суставу. Судя по стону и обалдевшему лицу противника — тренировки не прошли даром.

— Ах ты сучка драная! — Прошипел парень, оправившийся от удара в пах, и вцепился мне в волосы, больно дернув голову назад. От резкой боли в затылке из глаз разве что искры не посыпались. — Дратья вздумала, дрянь мелкая?! Нашла с кем связаться, пигалица!

Он сильнее натянул мои волосы, грозясь выдрать их вместе со скальпом и ударил меня в живот. Он хорошо приложился, потому что не смотря на плотный балахон и кожаную куртку, я почувствовала, как из меня выбили воздух. К этому моменту очухались и другие

участники его компании.

Один из них попытался схватить меня за руку, но я, шипя, как гюрза, перехватила его запястье и с со всей возможной силой дернула его к своему бедру. Предплечьем я стала давить на его локоть, а затем размахнулась и нанесла удар в локоть, в надежде попасть в лучевой нерв и вывихнуть его грязную клешню. Но в момент, когда мой кулак должен был соприкоснуться с локтем этого упыря, меня снова рванули за ворот куртки, сбивая дыхания. Удар получился сильный, но смазанный, однако моя цель все равно заорала.

— Шлюшка!!! Она мне чуть руку не сломала!

— Тащи ее сюда, Тод.

Судя по тому, что меня грубо поволокли за здание, Тод послушался. Ну что, теперь настало время кричать? Жалея, что не сделала этого раньше, я набрала грудь воздуха и заорала:

— Помо...агкх... — Еще один удар кулака снизу в живот заставил меня не только заткнуться, но и мои ноги подкоситься.

— Заткнись, тварь. Иначе хуже будет.

В следующую секунду я увидела перед собой лицо Тода:

— Действительно, лучше молчи, мы же не хотим испортить такое красивое личико. — Сказал он, мерзко ухмыляясь. Я не смогла упустить такую возможность и плюнула ему в лицо. Он осклабился и, вытеревшись, сильным ударом руки наотмашь заставил меня упасть на колени в грязь подворотни, в которую они меня приволокли. Я заметила, что мы отошли совсем недалеко от места роковой встречи, скорее всего, сюда сливают отходы в ресторане, о чем говорили и несколько мусорных баков за моей спиной. Может здесь есть дверь на кухню? Или если я смогу побежать к спасительному свету...

Мою голову снова пронзила боль: рывком за волосы меня заставили лечь на спину, ударившись о землю. В поясицу затекла вода из лужи, правая сторона лица начинала неметь, ощущение мерзости и нереальности происходящего почти вогнали меня в отчаяние. Почти.

— Ты блять можешь не рыпаться? Тогда все гладенько пройдет и мы разойдемся. — Он вытянул из брюк ремень. — И лучше не ори, не просто так же ты пацаном нарядилась? Небось изменяла кому и возвращаешься с постельки, нет?

Поняв, что кроме яростного взгляда, ответа от меня парень не дождется, он приказал остальным придержать меня, а сам наклонился и крепко затянул мне руки за спиной. Я брыкалась, лягалась, пыталась кусаться, но их было трое. Слова Брендана о том, что я девушка, и мне не сравнится с мужчинами сами возникли у меня в голове. Слишком страшное подтверждение его правоты.

Я шумно задышала стреляя глазами от одного мужчины к другому. Приняв передышку как акт подчинения, Тод погладил меня по щеке:

— Умница, девочка. — Я отвернулась, но он повернул мое лицо к себе и впился поцелуем. Он протолкнул свой язык в мои плотно сомкнутые губы и я почувствовала вкус дешевого пойла и мяса. Приоткрыв рот, я со всей дури вцепилась зубами в его язык.

— Убери от меня свой мерзкий отросток! — Завопила я, отплеываясь.

— Сука! — Заорал он, слегка шепелявя и не заморачиваясь в разнообразии ругательств.

Мужчины за ним заржали, этим еще больше раззадоривая этого кабеля.

— Допрыгалась, шлюха. Если еще что-то выкинешь или хоть слово пикнешь я тебя вырублю. Мне плевать, трахать тебя можно и в отключке.

Я, конечно, не послушалась и завизжала, вложив в крик все последние силы. Удар ботинка пришелся мне опять же по правой стороне, заставляя меня завалиться на левый бок. Все перед глазами смазалось, и я тяжело закашлялась, чувствуя что по губам заструилась горячая кровь. Потом на мне стали расстегивать брюки, а затем и стягивать джинсовую ткань. Я пыталась дергать ногами, но вряд ли это доставляло им какие-то неудобства. Ремень до боли сжимал руки, не давай возможности сделать еще хоть что-то.

— Ой, тише-тише, красавица, что за слезы.

Только после его лживо-мягких слов я поняла, что к крови на моем лице теперь примешиваются и струящиеся слезы. Я поджала губы и громко всхлипнула, мысленно понимая, что сил еще хотя бы раз завопить у меня нет.

— Какие красивые ножки. — Гаркнул кто-то из стоявших надо мной.

— Да уж наверное не только ножки. — Ответили ему и чужие руки прикоснулись к моим трусам. Тут я как наполненная вторым дыханием закричала что есть мочи и лихорадочно заколотила голыми ногами по раздевающему меня Тоду.

— Заткните ее! — Зашипел он и на этот раз пинок пришел со стороны остальных участников потасовки. Потасовки? Изнасилования!

Сапог оказался больше и тяжелее и мощным ударом по ребрам впечатал меня спиной в стену. Я то ли завывала, то ли зарыдала, то ли закашляла. Теперь я просто не ощущала своего тела: просто убийственная слабость и боль в каждой клетке. Перед глазами все плыло, я была готова потерять сознание, что, впрочем, было не так уж и плохо. Я не хотела знать что со мной произойдет. Уже где-то на грани между забытьем и страшной реальностью я услышала знакомые голоса, называющие мое имя и, кажется, склонившееся надо мной лицо Брендана. Брендана? Нет, это бред. Откуда ему тут взяться? Но надежда моя заглушила голос разума и я еле слышно, но, надеясь, что он услышит меня и поможет, прошептала заветное имя:

— Брен-дан...

Кажется, моей шеи коснулась чья-то рука, кажется, надо мной склонилось чье-то лицо, кажется...

Я медленно подняла отяжелевшие веки и свет больно резанул меня по глазам. Но, к сожалению, это была не единственная боль. Тупые и ноющие волны распространялись по всему моему телу и начинались с лица. Даже малейшее мимическое движение отзывалось болью. Голова тоже раскалывалась, а виски выстукивали сигнал S.O.S.

К слову о лице, на нем явно было что-то инородное. Медленно подняв правую руку, я осторожно потрогала себя. Правая часть состояла из пластыря и, очевидно, бинтов. Лоб мне тоже перевязали, как и часть живота. Но вроде я не чувствовала, что что-то сломано. Значит, легко отделалась?

Или же... Вспомнив последние события, я буквально похолодела, а затем меня кинуло в жар. Легко ли я отделалась? Я не знаю, что произошло потом. Я осторожно, стараясь не двигаться на всякий случай, посмотрела по сторонам. Это моя комната в особняке Кацу. Когда меня сюда притащили? Что было потом? Одни вопросы.

Я сжала и разжала кулаки, а затем подвигала обеими руками. Убедившись, что они функционируют, я проделала тоже самое и с ногами. Также неплохо, лишь голень правой ноги ноет и колено левой. Но все-таки кости целы. Тяжелее всего пришлось ребрам, они надсадно ныли, когда я дышала. Я со скоростью самой старой в мире улитки приподнялась

на локтях, вытягивая свой торс из под одеяла и успела поставить одну ногу на пол, как дверь тихо раскрылась и в комнату вошел хозяин дома. Встретившись со мной взглядом, он замер на пороге. Секундная сцена молчания и вот он уже оказалась у моей кровати:

— Эленор! Очнулась! Стой! То есть, лежи! Не вставай. — Парень взял мою освободившуюся ногу и за лодыжку вернул ее на место, а затем аккуратно вернул меня в горизонтальное положение.

Я попыталась улыбнуться его суетливости, но губы больно загудели, грозя раскрыть ранки, уже покрывшееся толстой корочкой.

Лишь когда парень успокоился и сел рядом с моей кроватью, я прохрипела:

— Привет.

Он шумно выдохнул, как будто то, что я умею говорить, стало для него великим открытием и счастьем:

— Привет, Элс. — С улыбкой ответил он. От этой нежной улыбки друга мне почему-то захотелось зарыдать. Вот такая я стала сентиментальная.

— Как ты себя чувствуешь?

Я одарила парня скептическим взглядом:

— Ощущение, как будто меня пыталась изнасиловать тройка грязных извращенцев... Погоди-ка... Так ведь так и было!

Кацу хмыкнул:

— Юмор не пропал, и то хорошо. Переформулирую вопрос: насколько отвратительно ты себя чувствуешь?

— Терпимо.

— Ты чего-нибудь хочешь?

— Воды... — Попросила я. Он взял кувшин с водой, уже стоявший на прикроватной тумбочке и наполнил стакан.

— Может поискать трубочку? — Неуверенно спросил он, глядя на мое лицо. Хотела бы я тоже на него посмотреть. С другой стороны, зачем мне такие потрясения? Еще будут кошмары сниться.

— Сойдет, только помоги. — Парень придержал меня за плечи и помог медленными глотками осушить стакан спасительной жидкости. Правда ощущение пустыни во рту никуда не делось. — Еще.

— Давай чуть притормозим, ладно? Сейчас вернется Кейко и мы тебя покормим.

— Окей, врач тут ты, но если я после выживания в драке умру от обезвоживания — это будет конец карьеры вашей семьи. — Пробурчала я, заставив друга рассмеяться.

Он нежно погладил меня по левой стороне лица.

— Как ты нас напугала.

Я помолчала, а затем рискнула узнать чем все закончилось:

— Что... Что произошло в итоге?

— Когда ты убежала, я хотел пойти за тобой. Но появился Брендан...

Брендан
(ранее)

Когда дверь за Эленор закрылась, я стряхнул с себя Катину, вызвав ее недовольный вопль.

— Эй, ты что?!

— Проваливай. — Велел я брюнетке, затем встал с кровати и стал одеваться.

— Какого черта ты делаешь?! Брендан! Я с тобой говорю!

Пальцы Катины вцепились мне в запястья, я лишь отмахнулся от навязчивой брюнетки.

— Это все из-за нее, да? Из-за рыжей дряни?!

Катина схватила первое, что попало под руку — настольные часы и с силой швырнула их о шкаф.

— Ненавижу эту мразь! Зачем ты ее сюда приволок! — Продолжала кричать девушка, по чайной ложке съедая мое и без того не безграничное терпение. — Всех с ума свела, рыжая шлюха. Ты с ней трахался уже? Отвечай!

А это она зря. В следующую секунду я взял девушку за горло и прижал лопатками обратно к кровати.

— Катина, я не поднимал руку на девушку, но если из твоего рта вырвется еще хоть слово в адрес Эленор, я сделаю для тебя исключение. И если ты еще раз будешь говорить со мной в таком тоне, пеняй на себя. — Не знаю, было ли это блефом с моей стороны, и смог ли бы я ударить Катину, но точно знаю, что любые оскорбления в адрес Эленор выводили меня из себя. — Поняла?

Девушка стрельнула на меня черными глазами и нехотя кивнула. Я отпустил ее и, встав, покинул комнату. Спустившись вниз, я обнаружил громко спорящих Реми и Кацу, японец держался за ручку двери, намереваясь уходить. Скатертью дорога.

Заметив меня, оба замолчали и бросили одинаково злые взгляды. Впрочем, выражение лица Реми скорее было осуждающим. Эленор рядом с ними не было, наверное, ждет своего самурая во дворе. Это к лучшему.

— Что за шум, а драки нет? — Нарочито бордо проговорил я.

Кацу проигнорировал мои слова и повернулся к Реми:

— Так ты со мной?

Тот кивнул:

— Захватчу куртку.

— Куда собрались? — Поинтересовался я, облакачиваясь спиной на перила и скрещивая руки на груди.

— Не твое дело. Я на улице, не хочу оставаться в этом доме. — Кацу вышел.

Внятного ответа от него я и не ожидал, Реми же, быстро натягивая куртку, бросил:

— Мелкую искать.

Он уже схватился за дверную ручку, как я в мгновение ока пересек прихожую и вцепился в его плечо:

— В смысле искать? Она только что была здесь!

— В том смысле, что она почему-то не захотела оставаться на просмотр сеанса эротического кино от тебя и выскочила наружу.

— Почему вы ее не остановили? Я с вами.

Рем хотел что-то еще сказать, но передумал. Я же быстро натянул ботинки и вышел за парнями. Кай, увидев меня, поморщился как от зубной боли.

— Думаю, что ты последний, кого ей надо сейчас видеть.

— Молчи, такаяки*.

Выйдя на одну из основных улиц, мы остановились. Вряд ли она могла далеко уйти. Хотя бегают она...

— Кацу, может, пойдешь домой? Вдруг она вернулась в поместье?

Кацу пожевал губу.

— Сомневаюсь, что это так, но проверить стоит. Я скажу сестре, чтобы ждала ее и, если ее не будет, вернусь.

Реми кивнул и проводил взглядом стремительно удаляющуюся спину японца.

— Мы разделяемся?

Я покачал головой:

— Не думаю, мне нужен ты, чтобы ее не убить при встрече.

Реми кивнул:

— Или чтобы она тебя не пригрызла.

— В общем, ты здесь, чтобы предотвратить смертоубийство. — Хмыкнул я, и мы двинулись вперед по улице.

— Здесь не так уж много мест куда можно пойти... Тем более в это время... Правда, здесь одни...

Слово «уроды» или любой подобный синоним застряло в воздухе, заставляя меня сильнее переживать и злиться. Куда не кинь взгляд, в старом и грязном квартале, выбранном нами для форпоста мятежников по понятным причинам, ночью работали лишь бары и заведения с сомнительной репутацией. По одному здесь редко ходили, а жители, не желающие иметь что-то общее с криминалом, давно создали свой собственный комендантский час и не высывались на улицу в темное время суток, не рискуя нарваться на неприятности.

— Неугомонная девчонка, нашла время для побега. — Зло бросил я, сплюнув на дорогу.

Реми косо посмотрел на меня:

— А что бы сделал ты?

— Что я? При чем здесь я? Я похож на слабую девчонку с отсутствующим инстинктом самосохранения?

— Нет, ты похож на влюбленного идиота. Что бы сделал ты, если бы застал мелкую в постели с другим?

Я сжал челюсть так, что рисковал скрошить зубы.

— Меня это не касается. — Ответил я, хоть картинка Эленор с другим мужчиной перед глазами подействовала на меня как на быка тряпка матадора.

Реми хмыкнул:

— Ага, охотно верю. На хера ты вообще это сделал?

Я понимал, о чем он, но не знал, что ему ответить. Да и о чем он? Почему я спал с Катиней? Потому что всегда это делал. Просто секс, как род разрядки, если хотите. Но когда я увидел Элеонору я подумал, что это к лучшему. Слишком много неверных ашгов я допустил, шагов к ней навстречу. И лучше она поймет на каком я дне сейчас, чем сделает все эти шаги и окажется в самом низу рядом со мной.

Так зачем же я «это сделал», как сказал Реми? И сделал бы еще раз? Потому что не хотел, чтобы Эленор думала обо мне, как о парне? Я не тот, с кем должна быть эта девушка. Не тот, кого она знала и уж точно не тот, кто достоин быть рядом с ней. Потому что испугался? После нашего поцелуя во мне все буквально перевернулось. Мы и так ходили на грани. Каждый раз, когда я видел ее, я превращался в мальчишку, как будто моя жизнь возвращалась назад. Когда мы не имели проблем и забот. Когда я был влюблен в соседскую девчонку. Потому что боялся потерять кого-то еще? У меня не было близкого человека с детства, и мне не нужно было, чтобы в мою жизнь входил кто-то настолько хрупкий и

непорочный как Эленор. И, главное, я не хотел, чтобы Эленор узнала насколько я изменился. Каким отвратительным чудовищем сделала меня жизнь и насколько низко я собираюсь упасть. Когда она смотрела на меня своими глазами, чистыми, как два горных озера, и бездонными, такими, что если я нырну, то уже не смогу выбраться на поверхность. И столько в ней было света... Я не мог все это испортить, испачкать чистоту ее души своим руками, заляпаннами в чужой крови.

Да, у меня много причин. Но, одновременно, я будто все их притянул за уши, отрицая очевидный факт: я не могу выбросить эту рыжую девчонку из головы. Из сердца. Я просто не мог позволить себе такую роскошь, как любовь.

Почему? Почему я встретил ее сейчас? Меня будто прокляли боги, если они есть. Если есть на небе хоть один, руководящий нашими судьбами, то у него отвратительное чувство юмора.

— Черт возьми, ну где она?! — Реми вывел меня из транса, в который сам же и ввел своим вопросом. Он ударил носком грубого коричневого ботинка по стеклянной бутылке, заставив ее покатиться вперед по дороге. — МЕЛ-КА-Я! — Заорал он во все горло приложив руки ко рту как рупор.

Никакого ответа, двое прохожих испуганно оглянулись на смутьянов в нашем лице.

— Пошли. Еще две улицы.

Слоняясь по улицам городка отщепенцев мы тщетно пытались увидеть следы девчонки.

— Должно быть, она вернулась домой. — Произнес Рем с плохо скрываемой надеждой.

Мне тоже хотелось так думать, но почему Кацу не вернулся? Может японец захотел отомстить и помучить меня? Вряд ли. В любом случае в голове не укладывалось, что с Эленор может что-то случиться. Я действительно не мог себе этого представить. Пока не услышал крик, заставивший все во мне остекленеть.

Мы с Реми моментально остановились и, переглянувшись, бросились вперед, туда, откуда послышался звук. Рядом с баром, из которого доносилась музыка, мы остановились, но больше ничего не было слышно.

Я напряженно всматривался по сторонам и кивком указал Реми на проход сбоку заведения. Он кивнул, и мы обогнули стену здания, осторожно ступая по грязи. Зайдя за еще один поворот, мы оказались во внутреннем дворе, огороженном кирпичной стеной и забитом мусорными баками. У стены самого дома я заметил картину, от которой кровь моментально ударила мне в голову.

Эленор в кофте и куртке, но с голыми и босыми ногами, лежала на боку. Длинные рыжие волосы сбились из под ворота и разметались по грязной земле. Лицо было то ли грязное, то ли в кровоподтеках, а руки сцеплены за спиной ремнем. Над ней переговариваясь и посмеиваясь стояло трое ублюдков, один из которых расстегивал штаны.

— Эленор! — Прорычал я, кидаясь вперед.

Подонки дрогнули и обернулись, Томас что-то крикнул, но я уже не слышал ничего: в висках стучало от гнева, который заполнил меня полностью, наливая глаза кровью, а легкие гневом, вместо кислорода. Он был похож на раскаленную лаву, черную, несущую смерть. И я позволил ему править мной.

Клетки открыты. Звери вырвались на свободу.

Мощным ударом в челюсть вырубил самого ближнего к нам, с наслаждением уловив звук ее хруста под моей рукой. Следующий был больше, но совершенно бесполезный, мне пришлось пару раз уклониться от его ударов, но затем, пробравшись ближе, я впечатал свой

кулак в его подбородок снизу и раскоординировав противника нанес удар ногой с разворотом. Остался еще один. Я медленно развернулся к нему, он так и стоял, с расстегнутой ширинкой и явно не въезжающий в такую резкую смену ролей.

Когда я посмотрел на него, его лицо мигом лишилось всех красок. Он вскинул руки:

— Эй, парень, мы просто пошутили. Это ваша подружка? Мы ничего не планировали, она сама... — Проямлила эта паскуда.

Из моего горла вырвался почти животное рычание, и я ринулся на ублюдка, ударом заваливая на землю. Кинувшись сверху, я наносил мощные удары по его лицу, стараясь с каждым движением просто вбить его в землю.

— Брендан, Брендан, стой! — Реми вцепился в меня и попытался оттащить от парня, переставшего подавать признаки жизни. Кажется, он уже не дышал. — Ты убьешь его!

— Я этого и хочу! — Зло бросил я в ответ. — Я убью их всех, этих ублюдков! Прямо сейчас!

— Брендан! Нам надо помочь Эленор!

При звуке ее имени красная пелена медленно стала сползать у меня с глаз, уступая место страху. Я отбросил от себя Реми и развернулся к лежащей на земле девушке. Ее грудь медленно и неровно вздымалась, будто она боролась за каждый вдох.

Я с силой разжал руки, отпуская свою жертву, и подойдя к Элли кинулся на колени рядом с ней:

— Эленор. — Прошептал я. — Эленора... Элли.

Вся правая сторона лица была в крови, губы тоже были разбиты, слипшиеся волосы прилипли к вискам. Кровь сплела пряди когда-то нежных как шелк волос в темные мокрые жгуты. Девушка еле приоткрыла глаза и посмотрела на меня из под опущенных ресниц:

— Брен-дан... — Прошептала она, пальцы руки девушки еле дернулись, будто желая дотронуться до меня. Очевидно, пока я разбирался с этими уродами, Реми освободил ее запястья, на которых теперь были красные следы от ремня. Я прикрыл ее маленькую ладонь своей, всматриваясь в лицо. Сердце закровоточило, при взгляде на эту картину.

— Я убрался, он выживет... Возможно... — Сказал Реми.

— Очень жаль. — Бесстрастно ответил я, все мое внимание занимала только девушка. — Надо отнести ее домой.

Я с ужасом понимал, что не знаю, как ее нести. Все ли у нее в порядке? Не поврежу ли я что-то? Но выбора все равно не было.

Я осторожно подхватил Эленор на руки, взяв под ноги и под спину. Она еле слышно застонала от боли, а я готов был закричать в голос от беспомощности. От того, как я не успел. От того, что было бы, если бы я задержался еще хоть на минуту. От того, что это все из-за меня.

— Накрой ее ноги. — Реми моментально стянул с себя куртку и прикрыл ноги девушки, на которых уже помимо грязи стали появляться гематомы.

— Неси ее к Кацу, он врач.

Озвучил Реми мысль, которая промелькнула и у меня в голове. Если бы Кацу был сейчас рядом. Кацу, а не я. Я лишь машина, которая может в любом момент сорваться с катушек и начать убивать. Держа это маленькое, худое тело в своих руках я лишний раз убедился, что ей рядом со мной не место. И в тоже время именно сейчас я отчетливо понял, что самое страшное в моей жизни: это потерять ее. Снова.

Всю дорогу до дома Кацу я разговаривал с девушкой, уже потерявшей сознание. Она не

слышала меня, но это успокаивало. Я извинялся, я просил, я молил, я обещал, я снова извинялся. Вспоминал истории из детства, называл ее рыжим эльфом, сказал, что по выздоровлению накормлю ее пиццей до отвала и даже приглашу Кацу.

Реми шел рядом и молчал, никак не реагируя на бред, рвущийся из моего рта.

Когда мы добрались до места, Кацу дома не оказалось, очевидно пошел искать нас. Зато была его сестра, которая, встретив нас с недовольным лицом, испуганно воззрилась на девушку в моих руках.

— Элли! Что произошло?! Быстрее, проходите! — Он распахнула перед нами дверь, и я внес Эленор в комнату.

— Ложите ее на диван! Ох, нет, лучше сразу в ее кровать, здесь не будет удобно. Быстрее давай, шевелись, на второй этаж, первая дверь! — Запричитала девушка, унесшись в другую сторону.

Когда мы с Реми добрались до комнаты, она нагла нас, неся огромную аптечку.

Следом в комнату залетел Кацу, еще в куртке и ботинках, очевидно, только вернувшийся:

— Твою мать. Кейко, теплая вода и полотенца, давай. Вы двое, убирайтесь вон. — Распорядился он, на ходу стаскивая с себя куртку.

— Я хочу знать, что с ней все в порядке. — Сказал я.

— А почему я должен тебе врать? Или похоже будто с ней все в порядке? — Спросил японец, кивнув на неподвижно лежащую девушку.

На это мне было нечего возразить.

— Мы подождем здесь. — Сказал я ему.

— Брендан, я понимаю твое беспокойство, но ты только мешаешь, так что выйди. — Японец стал осторожно раздевать девушку.

— Может, я могу чем-то помочь? — Не сдавался я.

— Можешь. Выйди отсюда. — Гнул свою линию парень.

— Брендан, пожалуйста. — Произнесла Кейко. Я и не заметил, как она появилась в комнате.

Я сдался и вышел из комнаты, следом за мной ее покинул и Реми. Мы спустились вниз и мой друг упал на диван.

— Дерьмовый день. — Вынес вердикт он.

Я стал ходить по комнате, маяча перед его глазами.

— Слушай... — Не выдержал парень. — С ней все хорошо, окей? Настолько, насколько это может быть в данной ситуации... Так что прекрати мельтешить и изводить себя, этим ты никому не помогаешь.

Я проигнорировал его слова. Через какое-то время в гостиной появилась Кейко.

— Все хорошо, у нее ничего не сломано, только сильно избита. Синяки и ссадины, пару рассечений, но Кацу сказал, что шрамов не останется. У нее жар, но внутреннего кровотечения нет.

— Крепкая девочка. — Улыбнулся Рем.

— Да... Элли такая. Пойдемте на кухню, заварю чай. Кацу тоже стоит попить. Вы хотите чего-нибудь? — Поинтересовалась девушка.

Мы отказались от еды, но брюнетка все равно поставила на стол помимо чашек с чаем бутерброды. Скорее всего, она делала их, чтобы просто занять руки.

Я взял предложенную мне фарфоровую чашку с многочисленными узорами и бездумно

их рассматривал, в то время как Рем и Кейко переговаривались на отвлеченные темы. Когда я наконец глотнул горячий напиток, я почувствовал непривычный вкус трав:

— Что здесь? — Прервал я друзей на середине очередного диалога. Кейко вздрогнула от звука моего голоса, но даже не посмотрела в мою сторону.

— Успокоительный сбор. Зверобой, мелисса, ромашка, чабрец, пустырник. — Как заученный текст выдала состав девушка.

— Вкусно. — Произнес я, делая еще один глоток.

Она не ответила. Спустя две чашки чая и тарелку бутербродов, которые умял Рем, на кухню спустился Кацу. Кейко сразу метнулась к чайнику, чтобы заварить брату этот целебный напиток. Я встал из-за стола:

— Как она?

— Спит. И нам пора. — Кацу посмотрел на часы, расположенные на стене над входом в кухню. — Хотите остаться здесь?

Реми покачал головой в отрицании и встал со своего стула:

— Нет, у меня еще дела. У тебя тоже, Брендан.

Элеонор

Я внимательно дослушала историю до конца, ловя каждую деталь. Как оказалось, видение в виде Брендана — это не галлюцинация. Значит головой меня припечатали не сильно. Да и мое облегчение, вызванное тем, что парни успели до того, как насильники сняли штаны, было таким сильным, что раны на теле показались совершенно пустяковыми.

— Что ж... Все хорошо, что хорошо кончается. — Вынесла я вердикт истории.

Кацу посмотрел на меня почти раздраженно:

— Я думал вызывать врачей из клиники. У тебя был жар и мне кажется, к вечеру он вернется. Ты вся в ушибах, и я молюсь, чтобы не было никаких осложнений, особенно по женской линии, много ударов пришлось на живот. А ты говоришь, что все хорошо?

— Полегче на оборотах, Кацу. Я благодарна, что ты меня выходил и безумно счастлива, что мой лучший друг — врач. Но это уже случилось. Прости, что я радуюсь, что меня не изнасиловали.

— Черт, Элс, я не это имел...

Дверь распахнулась и в комнату влетела Кейко:

— Элли! — Она кинулась к кровати с целью обнять меня, но затем передумала, опасаясь сделать больно и лишь схватила руку, двигая от меня Кацу. — Я услышала голоса, как я рада, что ты очнулась! Рем и Брендан постоянно заходят, они места себе не находят. Похожи на черного пса и щеночка, которые вечно суют свои морды к нам. Я уже не знаю как объясняться со слугами. Не то чтобы я должна была им что-то докладывать, но... Боже, милая, как мы все перепугались.

Наслушавшись «охов и ахов» Кейко и ворчания Кацу я намекнула им, что хотела бы еще немножко тишины. И лишь когда двери за братом с сестрой закрылись, я крепко зажмурилась, а из глаз моментально полились слезы. Как будто кто-то нажал выключатель, и все эмоции вырвались наружу. Кошмар произошедшего не прошел для меня без следа. Да, облегчение, что со мной ничего не сделали, было колоссальным, но страх все равно меня сводил с ума. Мерзкое ощущение чужих рук на мне не покидало. Только когда вконец обессилив от бессильных и тихих рыданий, я снова провалилась в сон без сновидений.

— Кейко, даже не пытайся, я не хочу пить твою отраву. — Поморщилась я.

Подруга нахмурила хорошенький лобик и сузила глаза:

— Ты думаешь, я поверю, что ты спутала слова отравы и отвар?

— А что, второй раз такая отмазка уже не считается? Эх... Ну тогда считай, что я не за тем выживала, чтобы погибнуть от календулы.

— Здесь нет календулы! Это чай. И, между прочим, главное в нем не только то, какие травы ты добавляешь, а какие чувства ты вкладываешь! Так что замолчи и принимай мои чувства, немедленно!

Целый день Кейко пыталась опоить меня «особыми травами», которые «точно поднимут меня на ноги». Ее страсть к использованию всевозможных растений в медицине сводила меня с ума. И если ее действительно вкусные чаи я пила с удовольствием, то конкретно этот «эликсир силы» попросился обратно из моего организма после первого глотка. Наверное организм опознал горько-кислую и вяжуще-терпкую смесь как первосортный яд и пытался меня спасти. Я была с ним полностью солидарна и всеми правдами и неправдами отказывалась от очередной порции зелья.

На этом споре нас и застал Брендан. Он появился в комнате тихо, даже не знаю, давно ли он стоял в открытых дверях, наблюдая за мной и Кей. Заметив, что я перестала смеяться и смотрю куда-то за ее спину, подруга обернулась. Увидев парня, она сразу вспомнила про то, что на кухне у нее варится куриный бульон.

— Оставлю вас ненадолго. И Брендан, попробуй залить в эту вредину хоть немного чая. — Напутствовала она андабата, а я лишь показала уходящей девушке язык.

Брендан пропустил Кейко, встав в проходе боком, но в комнату так и не проходил.

— Ты нечисть, что ли? — Поинтересовалась я после нескольких мгновений возникшей тишины.

— Это оскорбление или повышение в звании с гнома?

— Это наблюдение. Ты порог только по приглашению переступаешь?

Брендан прошел в комнату.

— Я не был уверен, что ты захочешь меня видеть.

— А я и не хочу тебя видеть. — С лучезарной улыбкой заявила я, желая поиздеваться.

Парень потер щеку, стоя над кроватью и шаря взглядом по стенам. Хм. Вид у него едва ли лучше моего. Под глазами залегли темный мешки, сами глаза чуть красноватые, с сеточкой лопнувших капилляров. Волосы взъерошены больше обычного, мятая одежда. Он откуда вернулся? Он вообще спал?

— Послушай. — Он сел на колени перед кроватью и посмотрел мне в лицо. — Я очень виноват перед тобой. Я...

Жестом я прервала его монолог раскаяния.

— Брендан, успокойся. Ты ни в чем не виноват. Совершенно. Более того, если бы не ты, эта история закончилась бы более плачевно. Так что я тебе признательна. Спасибо, что пришел мне на помощь. Опять.

Брендан снова потер лицо, на этот раз обеими руками, будто стирая с себя наваждение. Он часто так делал, когда пытался привести в порядок мысли в своей голове.

— Зачем ты это говоришь? Мы оба знаем, что...

Я снова перебила парня, ай-яй Эли, какая невежливость!

— Мы оба знаем, что это была моя ошибка. Пойти ночью одной по Мертвому Городу. О чем я вообще думала?

— Но пошла ты туда из-за меня!

— И это тоже была моя ошибка! Я сделала очень глупо, пошла на поводу эмоций, которым точно не должна была поддаваться и не имела на это право, так что, пожалуйста, хватит тыкать меня в это лицо.

— Что значит, не имела права? Эленор. Я должен сказать, я и Катина...

— Черт возьми, Брендан! — Я давно ходила на грани крика и вот, при упоминании этой темы, сорвалась. — Я не хочу слушать о ней, я не хочу слушать о вас и уж тем более не хочу слушать о том, что там между вами происходило! Да, я не имею право на... ревность. — Выплюнула я злополучное слово, вертящееся на языке. — И я не имею право на тебя. Ты друг детства, который спас меня от неизвестной участи, и на том спасибо. А тот поцелуй... Он ничего не значит. Кхм... Точнее, те два поцелуя.

— Эленор, послушай меня, когда ты застала нас в комнате, ты не так поняла мой мотив...

— Оу, вот только избавь меня от этого, ладно? Я прекрасно понимаю мотивы парня, который лежит в постели с голой девушкой. Пардон, с голой девушкой, которая на нем восседает. Сейчас ты что хочешь, чтобы я узнала подробности? Прости, меня это не интересует и не волнует.

Молчание. Я смотрела перед собой, но чувствовала, что взгляд темных онисовых глаз парня направлен прямо на меня. В такие моменты Брендан казался мне опасным хищником, который внимательно следит за жертвой, выжидая. А его неподвижность — лишь краткий миг, когда животное собирает силы, чтобы перейти на решающий бег и напасть. Отчего я стала так думать о своем друге? Нет, я не боялась его, ничуть. Но чем больше я его узнавала, тем чаще видела в нем это. Будто подтверждая мои мысли, Брендан заговорил. Его голос звучал в пустой комнате приглушенно, хрипло. Как будто слова застревали в горле:

— Все изменилось, Элеонора.

Не сдержавшись, я хмыкнула:

— Серьезно? Все меняется за десять лет? Вот уж не знала. Я же наивно предполагала что тебя засолили на стадии развития десятилетнего пацана. Но спасибо, что пояснил.

— Пожалуйста, хватит. Выслушай меня. — Глаза парня потемнели, а тон изменился, вынуждая меня захлопнуть рот. Я в ожидании посмотрела на друга. — Изменился не только наш мир, изменился я. Знаешь, почему меня называют Дракон? Я сам не дам точного ответа, но догадываюсь... Потому что от мифологического монстра, наводящего страх на людей древности, во мне больше, чем от человека. Нас учили тому, что эмоции и чувства — лишняя обуза. Это знание в нас вбивали кнутами и делами. Убей, или ты сам будешь убит. Исполни приказ, или ты будешь убит. Не задавай вопросов, или ты будешь убит. И, как ты понимаешь, я выжил. Теперь я понимаю, что ценой выживания стала моя душа. Она будто раскололась, и второй моей частью стали монстры. Или Зверь. Или Дракон, если хочешь... И я спокойно иду на поводу у своих демонов, когда они этого хотят. Я привык к ним, я живу с ними. Беру что надо, делаю, что считаю нужным, без всяких «но» и «если». Слова «мораль», «совесть» и уж тем более «счастье» или «любовь» давно стерлись из моей жизни. Они обесценились, стали пустым звуком. Я просто живу... Нет, существую, ради своей цели. Но с твоим появлением, Элеонора... Ты — свет, от которого больно. Ты — мое прекрасное, но утраченное прошлое, к которому я не могу вернуться. И чувства, что ты во мне вызываешь, давно для меня утрачены. Я не хочу выпускать их на свободу, но они будто сильнее меня. А они не должны быть сильнее, не сейчас. Поэтому, когда ты находишься рядом, мне страшно.

Я знаю, что могу причинить тебе боль. Если не своими руками, то руками своих врагов. Когда мне надо было уехать, все мои мысли были о том, что с тобой происходит и в безопасности ли ты. Я приставлял к тебе людей из отступников, но и этого было мало. Я думал и думал о тебе, когда должен был думать о деле...

— Ты хочешь сказать, что я — помеха?

— Я пытаюсь сказать, что ты — самое лучшее, что со мной было до десяти лет и после двадцати. — Он улыбнулся, грустно, нежно. А затем покачал головой и посмотрел на полку с книгами в комнате. — Но я не могу на это отвлекаться. А ты не должна быть рядом. Я способен только разрушать, Элеонора.

— Странно слушать это от человека, который стал во главе движения, чтобы создать новый мир.

— И все же больше всего я боюсь, что рано или поздно ты пострадешь именно от моей руки. Ты просто окажешься рядом, когда я в очередной раз потеряю самообладание. И больше никогда не будешь смотреть на меня так, как прежде. Ты не заметила? Ты все еще улыбаешься мне, как будто ничего не было. Как будто я друг из твоего детства. И если это изменится...

— Не изменится, Брендан. Друзья однажды — друзья навсегда. Помнишь? — Напоминала я ему фразу, которую так часто любили говорить я, он и Этан, если ссорились. Она была нашим детским, особым примирением. Казалось, что если мы произносим эти слова, они, как магия, рушили все стены из обид и непонимания, заставляя нас прощать друг друга.

Брендан не ответил. Я осторожно взяла парня за руку:

— Просто позволь мне понять тебя... Снова. Эй... Никогда не поздно остановиться.

— Нет, Элеонора. В том и дело, что точка невозврата давным-давно пройдена.

Темные глаза Брендана выглядели как два омута. Или это разыгралось мое воображение, или я правда видела в них пугающую и затягивающую тьму. Одно можно было сказать наверняка: Брендан верил в то, что говорил. Он будто потерял себя прежнего и не делал попыток найти. Я сглотнула и провела большим пальцем по тыльной стороне его грубой руки, чувствуя бугорки мелких шрамов.

— Ты же сказал, что все изменилось, Брендан. И это правда так. Ведь теперь я с вами. Я с тобой, понимаешь?

Он упрямо замотал головой. Честное слово, этот пугающий всех и вся андабат и мятежник порой вел себя как ребенок. А говорит, что ничего старого в нем не осталось...

— Когда я подумал, что могу тебя потерять. Когда я увидела тебя там, ты не представляешь... А дальше будет только хуже. Ты просто не понимаешь, на что они способны. Не ввязывайся в это.

— Я хочу быть там, где ты. Я не боюсь. Ни тебя, ни кого бы то ни было еще.

— Слова маленькой и глупой девочки. Знаешь что? А впрочем, смотри сама.

Брендан резко отпустил мою руку и выпрямился во всей свой немалый рост. Когда он возвышался так надо мной, сидящей на постели в одной сорочке, его фигура будто занимала собой все пространство комнаты. Он стал быстро расстегивать железные пуговицы кителя, в котором пришел.

— Ты что делаешь?! — Удивленно спросила я, смотря как он скидывает верхнюю одежду и берет за низ своей неизменной черной водолазки.

Брендан посмотрел прямо мне в глаза:

— Ты же хочешь узнать меня? И что со мной было? Пожалуйста. — Он резким движением стащил через голову водолазку и...

Господь Всевышний. Тело парня, от шеи и ниже, было похоже на карту побоев. Каждый сантиметр украшали шрамы. Казалось, что Брендан был не цельным человеком, а собранным из множества мелких и больших кусочков. Только вот на что он надеялся, показывая мне их? На отвращение? Какой же он дурак.

— Если ты рассчитывал меня этим напугать, то сочувствую, парень, твоя попытка потерпела крах. — Морщась, я привстала на кровати и протянула руку. Брендан сразу напрягся и перехватил ее.

— Не надо.

— Почему? — Не к месту я вспомнила, что даже с Катиной в постели он был в водолажке.

— Я никому это не показывал и не думаю, что тебе приятно будет дотрагиваться до этого. Тебе и так вероятно приснятся кошмары этой ночью.

Проигнорировав слова парня, я коснулась одного из рубцов, самого большого, тянущегося от груди к низу живота, Брендан вздрогнул, но не отодвинулся. Я осторожно провела кончиками пальцев. Было страшно дотрагиваться до него, но не от брезгливости, как считал Брендан, а от страха навредить ему. Как будто эти десятки... Сотни шрамов были еще свежими ранами. Как столько может уместить на себе тело человека?

— Шрамы украшают мужчину.

— Возможно, но не эти. Эти — показатели моего бессилия, позора, и того, кем я стал. Они безобразны.

Я покачала головой:

— Безобразны шрамы души, а не тела. А таких у тебя нет, что бы ты мне не говорил. — Увидев в его лице тень сомнения, я продолжила: — Эти шрамы говорят мне лишь об этом: ты — воин. У тебя сердце победителя, а не труса. Поэтому ты должен бороться, даже если противником являешься ты сам. Это самая сложная битва в твоей жизни, но я уверена, ты справишься.

Брендан чуть помедлил, но все же отодвинулся и быстро вернул черную ткань водолазки на прежнее место.

Тут светлая (или безумная) мысль озарила мою голову.

— Брендан! Сейчас самый удобный момент отправить меня к Батори! — Я чувствовала, что мои глаза начинают фанатично блестеть.

Парень, который потянулся было за кителем, что кинул на низ кровати, замер. Не дав ему возразить, я продолжила:

— На меня напали. Я вся в побоях, которые зафиксируют в академии. Мы скажем, что меня украли, с неизвестной мне целью, а затем испугались шумихи и выкинули. Так меня и нашли Мори, выходили, узнали мою подноготную и отправили восвояси!

Я просияла. Лично я сама себе казалась матерым сказочником, а-ля Вильгельм и Якоб Гримм в одном флаконе. Брендан моего воодушевление не разделил. Его глаза так прищурились, что образовали тонкую темную полоску из ресниц:

— Мне кажется, что лекарства, которыми тебя тут пичкают, плохо на тебя влияют. Что за бред ты несешь?

— Нет, правда. Подумай сам, картинка складывается идеально. Это нападение нам только на руку. — В моем тоне была горячность и поспешность, будто чем быстрее и

эмоциональнее я говорила, тем больше шансов было его убедить. — Ты же сам хотел спрятать меня, Брендан. Если хочешь что-то хорошо спрятать, то положи это на видно место, разве не так? Помнишь, как я обдурила тебя в игре прятки, когда просто села спиной на лавочке и просидела так до конца кона? Ты не замечал меня.

— Мне было девять лет! И это далеко не игры.

— Я понимаю это, Брендан. — Я заглянула парню в глаза, пытаюсь вложить в свое предложение всю возможную силу. — Но это то, чего я хочу.

Глава 9. Здравствуйте, лорд Батори

Глава 9. Здравствуйте, лорд Батори.

— Подъезжаем, мисс! — Крикнул кучер в окошко.

— Спасибо, Жан! — Поблагодарила я.

Как вы поняли, «битву за сказку» я выиграла. На мою сторону встал пришедший меня навестить Рем, а затем я надавила на болевые точки Брендана в стиле «Если бы не ты, то я бы не пошла в Мертвый город...». Запрещенный прием, согласна, но он помог мне двинуться к цели. Стоит ли сказать, что моя версия похищения, подкреплённая рассказом Кейко, прошла в академии на «ура»?

Сегодняшнее настроение было как нельзя более волевое и замечательное, наверное это из-за ожидания предстоящих действий. Я успела познакомиться со всеми сопровождающими, в том числе и андабатами (В этот раз их было четверо, трое из которых сидели со мной и один снаружи, рядом с Жаном).

Я выглянула в окно и заметила, что кучер миновал главные ворота и везет меня уже по территории особняка к парадному входу. Для этого нам пришлось огибать внушительных размеров фонтан, украшавший двор Батори. Я не успела рассмотреть все, лишь заметила, что по сторонам раскинулся сад, заполненный цветущими деревьями. Выйдя из экипажа, я оглянулась и с удовольствием потянулась вверх, разминая затекшее после сидения тело.

Я посмотрела на возвышавшееся передо мной поместье Батори. Поистине роскошное здание. Говорят, что это всего лишь летняя резиденция наследника их семейства. Страшно представить размах и великолепие основных особняков. Оглядывая многочисленные окна, я цепким взглядом заметила движение в одном из них, на третьем этаже прямо над главным входом. Но когда я остановила взгляд, на окно уже опустили штору, так что я не смогла разглядеть любопытного.

Главные двери распахнулись, и ко мне на встречу вышел взрослый мужчина в типичной форме дворецкого из дорогого поместья: черный фрак, белая рубашка, лакированные туфли и даже очки, блестевшие на солнце.

— Мисс Макатур? — Улыбнулся он мне приятной, располагающей к себе улыбкой.

Я кивнула:

— Добрый день, можете называть меня Эленор.

— Не уверен, что хозяину это будет по душе. — Снова улыбнулся очаровательный старичок, на этот раз взгляд, сверкнувших под очками светло-голубых глаз, показался мне даже хитрым.

— А мы ему не скажем. — Поддалась я охватившему меня настроению. Со мной вечно так: если люди располагают меня к себе, то это навсегда. И наоборот: если я кого-то невзлюбила, то пусть он хоть в шоколад вымажется и вишенку на нос поставит — носа не поверну. — А как я могу к вам обращаться?

— Себастьян. — Представился мужчина и слегка поклонился, прижав правую руку к груди.

— Приятно познакомиться. — Искренне произнесла я.

— У вас есть багаж? — Он посмотрел назад, где у кареты все еще стояли андабаты.

— Нет. — Я пожала плечами. — всю основную часть моих вещей должны были

отправить к вам сразу после церемонии. Правда живая посылка немного задержалась.

Себастьян кивнул:

— Те ваши вещи давно ждут вас в комнате, я проведу вас прямо сейчас. — А затем обратился к людям за моей спиной. — Вы свободны.

Я тоже обернулась и помахала парням:

— Пока, ребят, пока Жан. Спасибо!

Андабаты и кучер явно смутились, глядя на меня, машущую как мельница. Себастьян попытался замаскировать смешок под кашель. Он определенно мне нравится.

Мы прошли в особняк, миновав огромный холл, поднялись по одной и устремляющихся вверх лестниц на третий этаж.

— На первом этаже кухня, столовая, зал для торжеств, второй этаж — игровые залы, гостевые, также там есть комната отдыха, библиотека. На третьем в основном комнаты для гостей. На четвертом — спальни и комнаты для хозяев. Мистера Эйдена и ваша находятся друг напротив друга в южном крыле. Позже вам проведут более подробную экскурсию.

Ну, меня не заковали в цепи, не надели ошейник, да и пыточной камеры я за время экскурсии не заметила. Вроде, мне даже рады. А Брендан переживал...

— Да, было бы неплохо. А новичкам карту с компасом не выдают? Я не найду западное крыло без этих предметов первой необходимости. — Убежденно заявила я, когда мы проходили по очередному повороту длинного коридора этого необъятного поместья.

Морщинистое лицо Себастьяна снова озарила теплая улыбка.

— Думаю, вам так только кажется с непривычки, мисс Макартур. — Он остановился перед дверью и, открыв ее, пропустил меня внутрь.

— Эленор. — По привычке исправилась я и шагнула в комнату, замерев на пороге.

Уже то, что моя спальня находится на этаже не с прислугой, ну, или хотя бы не на гостевом этаже, заставило меня удивиться. Получить местечко так близко к хозяину особняка, да и моей жизни (он же ее купил!), было странно. Тем более после всех рассказов о Батори, я рассчитывала в этом доме на роль горничной, но никак не на такую спальню. Она одна занимала, наверное, место нашей общей комнаты в Академии. Все было подобрано в пастельных тонах: от слоновой кости до темно-бежевого, кое-где проглядывались персиковые оттенки.

В центре расположилось по-настоящему царское ложе: большая кровать с резной высокой спинкой была обрамлена со всех сторон прозрачным и невесомым на вид балдахинном. Подойдя к нему я, не удержавшись, провела рукой по ниспадающей драпировке: это оказался нежнейший шелк. На самой кровати были многочисленные одеяла и расписные золотыми нитями подушки. Она представляла собой золотисто-бежевое пушистое облако, по ошибке залетевшее в распахнутое окно четвертого этажа.

Оторвав зачарованный взгляд от этого предмета мебели, я огляделась вокруг. У изножья кровати расположился сундук, а по бокам две маленькие тумбочки, на каждой из которых стояли вазы с живыми цветами.

Огромное окно украшали массивные занавески с кистями, сейчас раздвинутые по бокам, дав солнечным лучам возможность свободно освещать комнату. Рядом с окном был небольшой столик и стул. На столе я заметила набор для письма из плотной бумаги.

У дальней стены возвышался внушительных размеров шкаф. И где мне взять столько одежды, спрашивается? Рядом с ним была очаровательная раздвижная ширма для переодевания. В другом углу разместился туалетный столик с зеркалом. Вот тут моя челюсть

совсем грозила упасть: он был полностью заполнен косметикой, парфюмерией, а также всевозможными украшениями.

— Здесь кто-то жил раньше? — Поинтересовалась я.

Себастьян отрицательно покачал головой:

— Нет, все здесь было подобрано хозяином специально для вас, мисс... Элеонор.

Я удивленно посмотрела на него. Должно быть это шутка?

— Та дверь, — Дворецкий расцепил руки, спрятанные до того за спиной, и жестом указал влево, на белую дверь с вырезанными на ней цветами. — Ведет в вашу ванную комнату. Все предметы первой... — На этом Себастьян странно запнулся и, как мне показалось, снова сдержал смех. — ..необходимости там уже есть. Но если вам что-то понадобится: не стесняйтесь. Ваша одежда уже в шкафу, некоторые вещи в сундуке.

Затем он достал из нагрудного кармана круглые часы на цепочке.

— Обед будет через два часа, может вы проголодались в дороге и вам прислать что-нибудь перекусить?

Я покачала головой:

— Нет, спасибо, я подожду. Пока я бы приняла душ и переделалась.

— Тогда я пришлю к вам вашу горничную, она поможет принять ванну и...

— Ой нет! — Я замахала руками в отрицательном жесте, почти испуганно. — Никаких горничных, пожалуйста. Я сама.

Себастьян почтительно кивнул:

— Как скажете. За вами пришлют к обеду. — Произнес он и удалился, прикрыв за собой дверь.

Я снова обернулась лицом к богатому интерьеру и вздохнула. Что я должна чувствовать, когда готовилась к камерке для Золушки, а получила прекрасные апартаменты для принцессы и пару горничных в нагрузку? Облегчение? Наверное. Но почему-то оно не приходило. Это все страшные истории друзей так въелись в мое сознание, что я жду подвоха. Но не считайте меня неблагодарной, просто, когда тебя покупают за кругленькую сумму — становится действительно не по себе, какой бы золотой не была клетка покупателя.

Я, на ходу расстегивая пуговицы синего дорожного платья из плотного материала, прошла в ванную. Она моментально ослепила меня белизной и изяществом. И выбором. Теперь мне стал понятен смешок Себастьяна. На полках можно было найти буквально все. Создалось впечатление, что кто-то просто зашел в магазин и скупил весь товар, на радость продавцам, которые теперь моли месяц не работать. Шампуни, бальзамы, скрабы, пены, гели, всевозможное мыло, крема и стройный ряд белых махровых полотенец заставили глаза разбегаться. Впрочем, моя усталость с дороги и напряженность предыдущих дней были сильнее удивления. Быстро наполнив ванну водой, я щедро налила в нее пены, пахнущей темным шоколадом, и забралась в горячую воду, от которой уже поднимался ароматный пар.

Проведя по меньшей мере пол часа окруженная влажными клубами пара, и тщательно отмыв каждую клеточку своего тела, на котором все еще виднелись ушибы и синяки, я вылезла из ванны, обернувшись полотенцем. В шкафу меня ждал очередной сюрприз: помимо моей одежды этот монстр из дерева был заполнен другими нарядами моего размера. Я все больше проводила параллелей между мной и куклой. Неужели хозяин поместья приобрел для себя новую игрушку? Проигнорировав богатые убранства, я достала свое простое темно-зеленое платье и, надев его, подошла к туалетному столику. Расчесав еще мокрые волосы, я завязала их лентой в небрежный хвост.

Стрелка часов подбиралась к обеденному времени, да и мой желудок давал о себе знать, завтрак-то я пропустила. Руководствуясь этим, я спустилась вниз и, наткнувшись на одну из горничных, попросила указать мне дорогу в столовую. Девушка провела меня, отвечая на все мои вопросы. В итоге я узнала, что зовут ее Салли, и она работает здесь уже 2 года, хоть особняк и пустует большую часть времени и это в первый раз, когда «молодой хозяин» находится в доме дольше летнего сезона. На все вопросы она отвечала будто с желанием, но явно смущенно. В итоге, я оставила ее в покое, умеряя свое любопытство. Когда мы добрались до столовой, Салли посадила меня во главе стола.

— А когда подойдет мистер Батори? — Задала я очередной вопрос.

— Он в отъезде. Но когда узнал, что вы нашлись, сразу поехал обратно. Он будет на ужине.

— Оу. Тогда, зачем столько всего? — Я обвела рукой ломившейся от угощений и блюд стол. Под количеством еды не было видно скатерти.

— Мистер Батори велел приготовить как можно больше, чтобы вы выбрали для себя что-то.

Я ахнула от такого расточительства.

— Но... Кхм. Может тогда кто-то пообедает вместе со мной?

Девушка посмотрела на меня, как будто я резко перешла с родного языка на суахили. Несколько секунд она чего-то ждала, возможно, что я скажу, что это шутка. Осознав, что я действительно жду ответа на свое предложение, она опустила глаза и, поклонившись, отрапортовала, почти тараторя:

— Простите, но нам нельзя есть вне кухни. Простите. Извините. Я... Я позову Себастьяна.

Не дав и слова вставить, девушка выскользнула из столовой, причем шла она спиной вперед, постоянно извиняясь. Я почувствовала стыд, неужели ее так испугала моя просьба? Может, с ними плохо обращаются?

Мой желудок возмущенно заурчал и велел оставить все загадки «особняка с призраками» на потом. Как говорится, война войной, а обед по расписанию. Может, это и хорошо, что таинственный Батори отсрочил нашу совместную трапезу, кто знает, полезет ли мне кусок горло при таком соседе? Задавшись целью наесться впрок, чтобы в случае чего за ужином не налегать на еду, а отдаться общению с хозяином поместья, я усердно застучала столовыми приборами. Уже к десерту, который состоял из великолепного фруктового салата со свежей клубникой и взбитыми сливками, подоспел Себастьян и уволок меня на обещанную экскурсию.

Как оказалось, слуги поместья живут во флигеле, пристроенном к северному крылу здания у заднего двора. Себастьян даже рассказал, что некоторые из них имеют семьи. Правда вот это уходило в разрез с моей теорией о плохом обращении с персоналом. Как оказалось, Батори (по крайней мере, младший), был очень даже добрым и щедрым человеком. Это неплохо, с учетом того, что люди, которые работали на высшие касты, делали это до смерти. Не знаю почему, но это факт — если ты нанимался в услужение, ты был верен своему хозяину до последнего вздоха, иначе тебя ждал трибунал. Возможно это из-за того, что высшие слишком рьяно хранили свои секреты.

Забавы ради я принялась считать каминные в поместье, добравшись до третьего этажа насчитала их шестнадцать. Ого. Это с учетом того, что в этом доме было электричество, позволенное привилегированным.

Вообще, если бы меня просили описать наш мир и быт, я бы привела в пример торт. Да-да, вечно голодная Элеонора может провести тысячу ассоциаций с едой. Но кроме шуток, Новый мир — это огромный торт в несколько этажей. Судите сами: нижний этаж — самый огромный и плотный корж, основание, на котором все держится. Безусловно — это простые смертные, низшее сословие. Наверняка он не особо вкусный, а так, обычный бисквит с кремом из дешевого масла. Дальше идет прислуга высших и люди, подобные директорисе. Они как будто связь между обычными людьми и правящими. Корж выше, а точнее, четыре следующих коржа — Правящие кланы с первого по четвертый ранг. И чем выше, тем изящнее этот десерт. И тем больше у них благ. Ну и, конечно же, верхушка — великолепный Сантониум. Им правил первый ранг — род О'Доннелов и сам король Кигана. В моем воображении Сантониум сиял и искрил днем и ночью, как золотой шар. А если это торт, то только маленькое пирожное, тающее во рту. Мы, андабаты и хранительницы, могли по воле случая оказаться на одном из множества слоев этого торта. Лорд Батори был на втором ранге, и лишь от него зависело, стану я подобной правящим, или прислугам.

Интересно, а где находились люди из Серого квартала или из Мертвого города? А такие города, наполненные изгоями, были повсеместно. Воры, наемные убийцы, просто преступники. Те, кто ступил на кривую дорожку осознанно или те, кого туда толкнули другие люди или обстоятельства... Все они были там. А мятежники? Кто они теперь?

Из мрачных размышлений меня вывел голос Себастьяна:

— Задний двор в вашем распоряжении. Там есть сад, озеро, качели. В это время года можно найти там птиц. Также у нас есть конюшни и голубятня, если вас это интересует.

При слове «конюшни» мои глаза загорелись, а затем я сникла. Как много я бы отдала, если бы Звездочка была со мной. Моя милая, любимая лошадка.

— Здесь я вас оставляю. — Наш рейд заканчивался на четвертом этаже, у моей комнаты. Поблагодарив Себастьяна, я сделала вид, что спешу к себе, но, дождавшись, когда шаги на лестнице стихнут, я уверенно подошла к одной из массивных, темно-коричневых дверей.

Я поняла, что она ведет именно в ту комнату, из которой на меня сегодня смотрели по прибытию. Возможно, это просто была горничная, а может и нет... Я прислонилась к двери ухом: тишина. Задумавшись на мгновение, решила постучать, что тоже не привело ни к чему. Приличная леди должна была развернуться, но, увы, мое любопытство всегда было сильнее манер, и я, взявшись за двойные ручки, открыла двери, толкнув их от себя.

Это оказался кабинет в насыщено красных и коричневых цветах. Богатый, как и все в этом доме. Стол из красного дерева был далек от порядка. Кипы различных бумаг и документов почти хоронили под собой его поверхность. А книги! Они же были повсюду! Две неровные стопки лежали прямо на полу, еще пара томов на небольшом диване, повернутом к камину. Плотные шторы были задвинуты и единственный свет исходил от напольного торшера, мягко освещавшего стол. Сделав шаг внутрь, я прикрыла за собой двери и, тихо ступая по узорчатому ковру, прошла вглубь комнаты.

— Надеюсь, эта лампа просто не выключается, а не говорит о том, что хозяин временно отлучился... — Пробормотала я себе под нос, осматривая полки, полные книг и даже сувениров из разных стран.

Но все мое внимание вновь возвращалось к столу. Если есть что-то важное в кабинете — это документы, верно? Я кинула взгляд на дверь и, решившись, подошла к столу. Но успела лишь протянуть руку, как двери-предатели распахнулись. Я сделал несколько шагов обратно, к стене, как раз вовремя.

Вошедшим оказался тот самый человек, которого я видела на аукционе. Эйден Батори. Он внимательно, с легкой улыбкой на губах, осматривал что-то в своих руках, но затем поднял взгляд и встретился с моими глазами. В его, оказавшихся пронзительно зелеными, глазах я увидела удивление, сменившееся чем-то... Искренним. Похожим на счастье от решенной загадки. Или мне показалось? По крайней мере, я почувствовала себя чуть ли не воровкой и его восторга не разделяла.

Следующую чудовищно длинную минуту мы оба молчали, разглядывая друг друга, как два напряженных животных. Сейчас я увидела, что это не мужчина, каким он показался мне в зале, а парень. Определенно старше меня, но вряд ли намного. Красивый, высокий, с пепельно-русыми волосами, в темной рубашке с поднятым воротом и парой расстегнутых пуговиц. Он напоминал смесь благородного юноши прошлого века и современного повесу, разбивающего женские сердца в свободное от ничего-не-делания время. А еще он был чертовски знаком.

Может ощущение, что я уже видела его, а может какая-то особая аура парня сыграли со мной злую шутку, ох, или как на счет того, что я была буквально поймана в его кабинете? В общем, мой живот скрутило в тугий узел. Но я все равно не могла отвести взгляда от парня и не осознать, что он был невероятно хорош собой.

На губах лорда Батори появилась хитрая ухмылка:

— Заблудилась, Флердоранж? — С улыбкой змея-искусителя поинтересовался он, положив бумаги, которые держал перед этим, на стол и поворачиваясь ко мне.

Я вспыхнула, услышав ставшие ненавистным прозвище с того злополучного вечера.

— Эленор МакАртур. — Проще я.

Вообще-то я не определилась какой линии поведения должна придерживаться. Но разыгрывать послушную рабыню было без толку, после сцены, что я устроила на церемонии. Да и вообще, судя по всему, спонсоры не покупали «кота в мешке», и знали нашу подноготную. А значит строить из себя святую означало навлечь большее количество подозрений.

— Э-ле-о-нор. — Медленно, почти шепотом, подходя ко мне вплотную и заставляя отступать, пока мои лопатки не прикоснулись к полке, произнес он, будто пробуя мое имя на вкус.

Надо отдать должное, что-то во мне встрепенулась от того, с каким наслаждением он произносил мое имя.

— Элеонор. — Повторил он, внимательно глядясь в мое лицо, будто впитывая каждую черточку.

Это мне не понравилось, категорически. Я придала предмету его внимания самое волевое выражение. Затем его взгляд, наконец, остановился на моих глазах, которые, как я надеюсь, смотрели с вызовом, а не страхом. Этот парень внушал мне странные чувства. Очень странные. Я совершенно, ни на долю не знала, чего можно от него ожидать.

— Именно так. — Ответила я. — У вас прекрасно получается, продолжайте в том же духе.

Он засмеялся и повторил свой вопрос:

— Ну, и что ты здесь делаешь, Эленор? Заблудилась?

— И как вы догадались. В этом поместье столько пустых комнат, пока до своей доберешься — посидеешь.

Он проигнорировал мой ответ и поднял руку, заставляя меня отшатнуться. Батори лишь

улыбнулся в ответ на мое нервное движение, и, не отрывая взгляда от моего лица, костяшками пальцев легонько провел по щеке. Я хотела отвернуться, но вместо этого замерла под его прикосновением. Это было что-то... Это было не так. Просто не так.

Затем он опустил руку и взял кончик шелковой ленты, которой я завязала волосы в небрежный хвост. Аристократ намотал ее на два пальца и потянул на себя. Лента предательски растаяла под его пальцами и распустила бант, вскоре вовсе освободив волосы, давая им упасть на спину. Эйден запустил обе руки в мои волосы и, пропустив их через пальцы, опустил по обе стороны моего лица, затем, притянув одну прядь к лицу, он поцеловал локон.

Мурашки. Миллионы, миллиарды, мириады мурашек по коже головы и рук. Что происходит?

— Не заплетай волосы, мне так больше нравится. — Прошептал он. Затем резко отстранился и, махнув в воздухе лентой, развернулся на каблуках. — Это я оставлю себе. На ужине меня не будет, не скучай, Эленор. Чувствуй себя как дома, и старайся больше не плутать, а то мало ли кто еще на тебя наткнется. — Усмехнулся он напоследок.

И только когда дверь за ним закрылась, я шумно выдохнула. Что. Это. Было.

Во-первых... Я дотронулась рукой до щеки, кажется, я все еще чувствовала прикосновение его пальцев. Кожа оказалась очень горячей. Мда, он заставил меня покраснеть. И пульс подскочить. И тело... Господи, заткнись, Элеонора. Вот до чего тебя довела жизнь в изоляции с девушками.

Во-вторых... Он просто ушел? И все?! Я не получу даже маленького разноса за проникновение в эту обитель? Хм. Я обвела мрачным взглядом стол, очевидно, здесь нет никаких тайн, за которые бы ему стоило опасаться.

Мне велели чувствовать себя как дома. А жаль. Если бы здесь была «комната, в которую под страхом смерти нельзя заходить», как в сказке про Синюю Бороду, стало бы проще понять, куда конкретно мне следует попасть...

Я уже хотела уходить вслед за хозяином поместья, как взглядом зацепилась за то, что парень принес в кабинет. Не может быть.

Я взяла в руки несколько небольших фотографий, на каждой из которых была я. Одно фото я узнала: оно из Академии, этот же снимок и украшал сводки новостей и колонку «внимание розыск» всех газет. Но остальные... Я насчитала еще шесть снимков с различных мероприятий. Это был последний Рождественский бал, фотограф запечатлел мое выступление в роли Ромео на театральной постановке (А что вы хотели, у нас не было парней!) — та еще умора. Снимок с весенних спортивных состязаний и я на Звездочке (это та самая любимица — рыжая лошадь). Волосы под моей жокейкой распустились и развиваются почти также, как грива у лошади. На губах застыла счастливая улыбка. Тут же были два снимка с последнего события: я спускаюсь по лестнице в синем платье, а затем танцую рядом с Бренданом. Бренд. Я взяла этот снимок и внимательно, даже жадно всмотрелась в лицо парня. Неужели со стороны мы смотрелись так?.. Так... Страстно. Мне безумно захотелось забрать фотографию себе, но я никак не смогла бы объяснить ее пропажу Батори. Одно лишнее слово, и я бы смогла подставить отступников, даже такая мелочь. Я нехотя вернула снимки на стол.

Затем я все-таки просмотрела несколько бумаг и пергаментов, в хаосе лежавших тут и там. В основном это были бытовые бумаги, ведающие о делах этого и прочих имений Батори. Несколько договоров о сделках, с таким количеством нулей, что они не вмещались в

одну строчку. Мда, Батори зря время не теряют. По официальной версии их семья наложила лапу на всю торговлю между нашими землями и чужими. Помимо короля Кигана, владеющего Сантониумом и всеми нами, таких земель было еще три. Мы — Западники. Не между государствами не было особой связи, они просто придерживались одинаковых порядков и принимали существование друг друга, просто находились на других частях света и не лезли в дела соседей, если это не касалось торгово-рыночных отношений. Правда, ходил слух, что принцессу Сантониума хотят выдать за принца с Севера — Альмода... И, насколько я могла верить тем же слухам, это один из самых жестоких властителей. Никто не знал, что может принести нам этот альянс, поэтому, по словам Брендана, они не могли этого допустить.

Также на столе Эйдена Батори я обнаружила множество книг, о истории Сантониума, биографии и родословной королевской семьи. Глядя на эти книги я еле сдержала рефлекторный зевок... Никогда этим не интересовалась и откровенно засыпала на уроках истории Запада. Хоть и следовало знать о месте, где ты живешь. А вот Батори, похоже, был весьма заинтересован во всех ветках семейного древа королевской семьи. Даже сборник легенд и небылиц здесь есть. Может, ищет свои корни, чтобы пробраться на верхушку? Я хмыкнула и выскользнула из кабинета.

До библиотеки я все же добралась, и, обнаружив на одной из полок представителей русской литературы, нашла среди них «Героя нашего времени» — Лермонтова. Эта книга была одной из моих любимых и всегда подбадривала, а заряд мотивации мне сейчас действительно необходим. Решив не возвращаться к себе в комнату, я уселась поперек большого шоколадно-коричневого кресла, расположенного здесь же, в библиотеке. Время до ужина я провела совместно с Печориным, в очередной раз жадно вчитываясь в текст. Здесь меня и нашел вездесущий Себастьян, пригласив к столу.

Я с удивлением заметила, что за страницами книги действительно минуло 5 часов, а ужинали здесь в 7. Как и обещал Эйден, трапеза прошла в приятном спокойствии. Честно признаться, некая дрожь в моих коленках все же присутствовала. Вдруг он нарушил бы обещание и мне пришлось смотреть на него весь вечер? Но нет.

Я снова разговорилась с прислугой, которая хоть как-то разбавляла мое общество. Этот огромный и величественный особняк, казалось, совсем не обитаем. Нет, людей тут было в достатке, они часто появлялись на моем пути, подобострастно кланяясь, но более жилыми от этого стены поместья не выглядели. Да и я пока что развлекалась только тем, что ела по расписанию. Я здесь умру от скуки и одиночества и поселюсь призраком в главной башне. Толстым призраком, располневшим на барских харчах. А что, хоть какое-то разнообразие для этих стен.

После ужина я вернулась в библиотеку за книгой, но зайдя в кладезь литературы, замерла. Хозяин, питающийся девичьими сердцами (А как иначе? Обед и ужин он пропустил, а выглядит прекрасно, как эльф, и появляется из неоткуда) сидел в кресле, которое я недавно покинула и листал книгу. Присмотревшись, я увидела синюю обложку: «Герой нашего времени». Ну, окей, дочитаю в другой раз. Я хотела развернуться и уйти, но молодой мужчина проговорил, не поднимая взгляда от раскрытой книги:

— Как невежливо, Эленор.

Я поджала губы, а затем, напустив на себя самое приветливое выражение, снова обернулась к парню:

— Я просто не хотела вас отвлекать. — Чинно произнесла я.

— Ты уже это сделала. — Он поднял глаза от книги и посмотрел на меня. Пронзительно зеленые глаза снова заморозили меня. Я не солгу, если скажу, что чтобы оторваться от его взгляда, требовалось приложить усилия. — Проходи. За этим пришла?

Он громко закрыл книгу и поиграл ей в воздухе, так что золотые буквы на корешке заблестели. Я кивнула и подошла к парню.

— Лермонтов, значит. — Он без зазрения совести осматривал меня, пока я пересекала комнату.

Остановившись в паре метров от кресла, я снова кивнула, напоминая самой себе китайский болванчик.

— Одна из моих любимых книг. — Сообщила я зачем-то.

— И нравится ли тебе Печорин?

— Думаю, в более раннем возрасте я была в него влюблена. — Усмехнулась я, но ответ был искренним. Действительно, мое первое знакомство с этим персонажем сопровождалось влюбленностью к его сложному образу.

Эйден улыбнулся и задумчиво посмотрел на книгу, которую все еще держал в руках.

— Любишь литературу?

Я снова поджала губы. Странный вопрос, если мы встретились в библиотеке. Нет, я сюда поесть пришла, просто дверью ошиблась. Затем в голове у меня всплыли фотографии, запечатлевшие меня с книгами. Да, недолго длилась игра в милашку.

— Вам ли не знать этого. — Отчеканила я, сверкнув глазами.

Он удивленно на меня посмотрел, а затем засмеялся:

— О, да. Так и думал, что ты обязательно засунешь свой любопытный носик в снимки.

С сияющей улыбкой он встал с кресла, положив томик Лермонтова на соседний столик. С кошачьей грацией он двинулся ко мне, я же собрала волю в кулак (Да и просто сжала кулаки.) и на этот раз не двинулась с места. Что за привычка, сокращать расстояние между людьми? Почему он не может более уважительно относиться к понятию «зона комфорта»?

— Себастьян сказал, что ты поставила себе цель найти общий язык со всем персоналом. — Продолжал парень.

Пара зеленых глаз, окаймленных темными ресницами, пристально вглядывались в мое лицо. Может, он владеет гипнозом? Иначе почему глядя на мужчину, которого я определенно должна опасаться, или хотя бы остерегаться, я готова стечь лужей в свои туфли? Сложно было игнорировать то, насколько он красив. Наверное, я никогда в жизни не видела настолько красивых и безупречных парней. Просто так родиться таким было невозможно, так что Батори явно произошел от лукавого. Возможно именно это заставляло людей вроде меня растеряться. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Это элементарная вежливость. Впрочем, пусть бы и так, это что под запретом?

— Возможно. — Кивнул он.

Я хмыкнула.

— Тогда Вам следовало выдать мне свод правил по прибытию.

— Ты их сама поймешь, методом проб и ошибок.

Парень бросил на меня еще один выразительный взгляд, от которого на этот раз мне захотелось опрометью броситься из библиотеки. Что за ужасающая энергетика.

— И что же будет за нарушение этих правил? — Поинтересовалась я.

Он пожал плечами и равнодушно произнес:

— Наказание.

Я сглотнула, но не собиралась выдавать волнение. С равнодушным видом я прошла мимо него, едва не коснувшись его плеча и взяла со стола книгу.

— Чтобы я смогла избежать такой страшной участи, вам следовало все же объяснить мне, на каких правах я здесь нахожусь.

— На правах гостыи, которая не смеет уйти без моего на то желание.

— Похоже на статус пленницы.

— Называй так, как тебе будет угодно.

— И все же? — Я развернулась к Батори и посмотрела ему в лицо. — Зачем я вам? Вряд ли вас интересуют уроки верховой езды или услуги компаньонки. Горничных здесь больше, чем следовало бы, поэтому...

— Ну, это не все, чем ты можешь быть полезна. — На этот раз невероятные глаза парня сузились, четко-очерченные губы изогнулись в лукавую улыбку. — Может, я хочу, чтобы ты родила мне рыжих детишек.

Что-о?! Мой рот распахнулся, но ничего адекватного из него не могло выйти, более того, я едва ли не начала заикаться:

— В-вы... Да что Вы себе!..

— Тише-тише. — Посмеиваясь, парень поднял ладони вверх. — Не задохнись. Это всего лишь шутка. Для того, чтобы я увлекся тобой в этом смысле, тебе следует быть чуть постарше и опытнее. Меня совершенно не интересуют дети, я люблю женщин, так что твоя невинность в безопасности.

Я была на грани взрыва:

— Что?! Я не... — Я снова захлопнула рот и сжала зубы, почти уверенная, что они заскрипят от негодования.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кричать о том, что я «не ребенок» было глупо, это бы означало, что я готова к отношениям с мужчинами. И я готова (Наверное... Скорее «да», чем «нет»... В общем, я подумаю об этом в другой раз!). Но уж точно не с этим высокомерным, заносчивым, наглым аристократом. Я сделала глубокий вздох и спокойно произнесла:

— Вы совершенно правы. Я не обладаю достаточным багажом подобных знаний, и, если честно, рассчитываю, что так и останется. По крайней мере Вас в роли учителя я не рассматриваю. И также я искренне советую Вам быть осторожнее с любовью к «опытным женщинам», которые прыгают из постели в постель, собирая различные заболевания.

Эйден запрокинул голову и неожиданно сочно расхохотался:

— А ты действительно забавна и остра на язык. Ну, ладно, убедила. Я пересмотрю свои взгляды на счет чистых девиц. В конце концов, будет приятно самому сделать из тебя «опытную» девушку, согласно моим же вкусам и интересам.

— Нет! Я не это имела в виду, я... — Заметив, какой насмешкой искрятся глаза моего оппонента, я поняла, что он шутит. Или понадеялась. Что точно стало ясно: если я не закончу этот разговор, он может зайти в места, из которых мне уже не выбраться. — Ладно. Это было отличное начало знакомства. Пожалуй, я пойду.

Но моему желанию благополучно добраться до комнаты не суждено было сбыться. Рука Батори выросла передо мной, упираясь ладонью в книжный стеллаж.

— Ах да, прости мне мои манеры.

— Точнее их отсутствие. — Не сдержалась я, но тут же прикусила язычок.

Эйден издал короткий смешок:

— Мое имя Эйден Батори, и я счастлив видеть тебя наконец здесь, Элеонора.

— Очень много новой информации. — Не сдержала сарказма я. — К сожалению, я не уверена, что готова ответить Вам взаимностью, мистер Батори. И ваша рука перед моим лицом явно этому не способствует.

Вместо того, чтобы убрать свою руку, вставшую передо мной живым шлагбаумом, он схватил меня за подбородок, довольно грубо, и поднял мое лицо, заставив посмотреть себе в глаза.

— Если ты хочешь более исчерпывающей информации, то я готов ответить на любые твои вопросы. А ты в свою очередь расскажешь мне историю своего отсутствия. Что случилось по пути сюда?

— Я уже все рассказала в Академии. — Напряглась я.

Он положительно кивнул:

— Но мне бы хотелось услышать это от тебя.

— Заставляете девушку снова переживать свое похищение? Снова показываете свои манеры?

— А ты снова показываешь свои очаровательные зубки, принцесса?

— И вы снова забыли мое имя? А с виду такой молодой, но уже склеротик. — Театрально ужаснулась я, не желая первой сдавать позиции в этой глупой игре.

— Я разрешаю тебе общаться ко мне на «ты», принцесса. — Проигнорировав мой выпад произнес парень, делая акцент на слове «разрешаю». Теперь он полностью стоял передо мной, почти вплотную, спасибо хоть руку с лица убрал.

— Что вы, не стоит, слишком большая честь для меня. — Похлопав глазами, я прижала руку к лицу, в немом восхищении.

— Хорошая из тебя артистка.

— Это не главное мое достоинство.

— И какое еще достоинство может быть у девушки, вечно сбегавшей из академии и пропавшей в итоге без вести? Чем ты занималась на свободе, не поделишься? Или покажешь? У меня в спальне есть все удобства для демонстрации твоих... Способностей. Там же можем начать делать из тебя...

Я не знаю когда наш странный диалог перерос в такое постыдное и беспочвенное оскорбление. Также я не имею понятия, как моя рука взметнулась вверх и отвесила звонкую пощечину по лицу этого самодовольного богатея. Но я точно знаю, что звук ее, пронесшийся по библиотеке, стал настоящей музыкой для моих ушей.

Парень даже не поморщился, а лишь прищурился. В следующую секунду я была прижата лопатками к книгам всем его телом, а его правая рука крепко вцепилась в мою талию.

— Не стоило этого делать. — Прошипел он мне в лицо.

— А что, я нарушила какое-то из списка ваших незыблемых правил? — Выдохнула я в ответ. Мое дыхание смешалось с его, от чего молодой лорд стал дышать более хрипло. Его рука сильнее сжала мою талию и мне пришлось податься вперед, буквально впечатываясь в его бедра.

— Я озвучу тебе лишь одно, главное правило, принцесса. И не буду повторять, так что запоминай: — Он наклонился к моему уху, и хрипло зашептал, вызывая волну дрожи по всему телу и мурашки на шее, и я лишь надеюсь, что это от испуга... — Отныне и навсегда, ты принадлежишь только мне.

— Потому что ты меня купил? — Смотря прямо перед собой, прошелестела я.

— Нет, потому что ты то — чего я хочу.

— У меня для тебя плохие новости. — Я с силой толкнула парня от себя, и тот, не ожидавший наличия какого бы то ни было отпора, не то что такого, сделал пару шагов назад. — Это не взаимно.

Он улыбнулся:

— Это лишь пока.

Я фыркнула:

— Да скорее Ад покроется льдом, чем я...

— Шшш... — Парень накрыл мои губы указательным пальцем и когда я замолчала, нежно погладил мою щеку. Второй раз за день жар от его прикосновения прошел по моему позвоночнику. Я сразу отвернулась, противостоя желанию ударить его по руке. — Не надо давать таких поспешных обещаний при дьяволе.

— Дьяволе? Много на себя берешь.

— Ошибаешься. Устроить твою личную преисподнюю мне точно под силам, принцесса. — Он наклонился и подняв с пола книгу, протянул ее мне. Когда я взяла ее, он с поклоном попрощался: — Приятного вечера, принцесса.

Мне захотелось зарычать и разнести все книги в комнате, начиная с Лермонтова, но вовремя вспомнила, что мертвые писатели и поэты ни в чем не виноваты. Выждав какое-то время я вышла из комнаты. В библиотеке оставаться желания не осталось.

Сердце после инцидента еще долго выбивало дробь в моей груди. Я не понимала свои ощущения рядом с этим парнем. Всего две встречи тет-а-тет, а у меня уже кругом голова. Его поступки и слова были алогичны, я совершенно не могла предположить, как он поступит в иной момент. Он будто находился на обеих сторонах спектра сразу, соединяя в себе добро и зло. Или его обаятельная сторона была лишь маской? В любом случае, ни одна из улыбок этого типа не вызывала во мне ни йоты доверия. Более того, где-то на уровне подсознания я определенно боялась Эйдена Батори.

Глава 10. Неуклюжая

Глава 10. Неуклюжая.

Эйден Батори сидел во главе стола, над ним стоял Себастьян и тихо отвечал на какие-то вопросы. Заметив меня, оба замолчали. Эйден встал и подошел к другому краю стола, жестом указывая на стул, очевидно показывая мне мое место. Я, помедлив чуть у входа, все же зашла в зал и, позволив парню галантно отодвинуть мне стул, села. Он вернулся на свое место. Все происходило в тишине. Себастьян уже удалился, а на его место подоспели две служанки, каждая из которых поставила перед нами горячие блюда, вдобавок к уже имеющимся на столе. Я опять мысленно посетовала на изобилие еды, более чем уверена, что это слишком много.

— Спасибо. — Улыбнулась я девушке.

Переложив одну из горячих булочек из плетеной корзинки в свою тарелку, я взялась за вилку и нож. Стейк из лосося и гарнир из риса и овощей выглядел потрясающе аппетитно. Но не успела я отрезать и кусочка, как приборы замерли в моих руках.

— Почему ты не надеваешь платья, которые я тебе купил?

Эйден опирался о стол одним локтем, в приподнятой руке он держал бокал белого вина. Точно такой же стоял рядом со мной на идеально сервированном столе. Задав вопрос, парень залпом осушил свой бокал, не отрывая от меня взгляда.

— Я оценила заботу и благодарна за внимание. Но мне больше нравятся мои платья.

— Хочу тебя в следующий раз увидеть в чем-то новом. — Ответил он, ставя меня перед фактом. Не дождавшись ответа на свою реплику, он подал знак рукой, подзывая находившуюся в зале прислугу. К нему сразу подошла девушка и долила вина в опустевший бокал. Он взял его и поднял, направляя на меня. — Выпьем за знакомство?

Я последовала его примеру, подняв свой высокий стакан с соком. Он покачал головой:

— Вино, Эленор.

Я отрицательно покачала головой:

— Я не пью алкоголь.

— Я не спрашивал об этом. — О, вот это тот самый момент когда мне надо бояться? Эти смешливые глаза вдруг блеснули неподдельным характером. Я ответила ему упрямым взглядом. Мы все еще держали каждый свой напиток, смотря друг на друга. — Возьми бокал. — Повторил парень со сталью в голосе, а затем, уже мягче, добавил. — Эленор, это очень хорошее вино, мягкое, от него тебе ничего не будет. Как виноградный сок.

Я хотела сдать, тем более что в действительности я не была рьяной противницей легкого алкоголя, но почему-то это стало делом принципа. Я посмотрела на бокал в его руке, затем на свой. Медленно я поставила сок на стол, затем также медленно, смотря в зеленые глаза, взяла бокал с вином. Парень улыбнулся, чувствуя свою победу. Он поднял бокал чуть выше, я же с очаровательной улыбкой, медленное и плавно наклонила свой бокал. Тонкой струйкой на пол заструилось светлое вино. Лицо парня медленно темнело, но улыбка с него не сошла. Выглядело жутко.

— Упс. — Произнесла я с улыбкой. — Я такая неуклюжая.

По лицу парня буквально прошла рябь, сменяя выражение самоуверенного спокойствия на саркастичность, помешанную со злобой. Он поднес бокал к губам и с наслаждением

отпил из него, прикрыв глаза. Затем он взял салфетку и притронулся ей ко рту. Встал, обогнул стол и подошел ко мне.

Он возвышался надо мной, а я чувствовала исходящую от него опасность и потрясающий аромат дорогого парфюма. Нашла о чем думать. Я подняла голову и посмотрела на него со скучающим видом.

— Ты поужинал? Зачем же стоять над душой?

— У рыжих нет души. — Это звучало так по-детски, что я чуть не прыснула.

— Оу, точно, всегда забываю этот факт своей биографии.

— Вставай.

— Я еще не поела.

Он молча взял мою тарелку и ее содержимое оказалось на полу. Вместе с вином моя ыба составила прекрасный дуэт.

— Упс, я тоже неловкий. Как у нас много общего! Теперь вставай. — Он схватил меня под локоть и дернув вверх поставил на ноги.

Не выпуская руку из своих тисков, он стремительно вышел из зала, потащив меня за собой. У меня конечно было желание задать вопрос куда он меня ведет, но я вполне логично предположила, что и так это узнаю. И зачем я лезла на рожон? Ах да, отсутствующие стоп-сигналы и жажда перечить всему, что меня окружает. Скажу больше, отчего-то все во мне буквально подмывало перечить именно Эйдену Батори, которого я видела всего-ничего.

Выйдя из гостиной через дверь, в которую входили слуги, и миновав короткий коридор с единственным поворотом, мы оказались на кухне. Что ж, могло быть и хуже. По крайней мере мое изображение уже рисовало себе подвал с камерой пыток. Хотя... Печь, разделочные ножи... Чем не средства для наказаний?

Присутствующий персонал удивленно смотрел как их хозяин втоптал меня в душное помещение.

— Хочешь покормить меня? — Поинтересовалась я.

— Мы же выяснили, что ты уже наелась. Внимание! — Он обратился к поварам и прочим присутствующим. — Мисс Макартур изъявила желание быть ближе к вам и приготовить ужин.

Оу, кулинария, серьезно? Это наказание? Я хмыкнула. Он бросил на меня пытливый взгляд, сверкнув изумрудными глазами:

— Что-то не по душе?

— Напротив. — Я вырвала свою руку и изобразила перед ним поклон, характерный служанкам, чуть отводя правую ногу в бок. — Премного благодарна. Это честь для меня.

Эйден повел рукой:

— Не стоит. Затем возьмешь на себя обязанности Луизы, она тебе все объяснит. Желаю успехов.

Он резко развернулся и вышел из душевного помещения, держа спину прямо. Я выпрямилась и посмотрела на присутствующих, молча следившим за разыгравшейся сценой. Открыто улыбнувшись женщинам (а на кухне, похоже, была только их территория), я засучила рукава платья:

— Итак, мне фартук полагается?

Два часа я провела в обществе кухарок, которые не знали, как ко мне относиться. Когда на кухню забегала очередная горничная или мясник приносил свежее мясо, они тоже первые пять минут проводили в немом созерцании того, как я, урча под нос песни, месила тесто или

делала из него лебедей. Скажу честно, готовить я умела, этому нас обучали тщательно, со всеми необходимыми экзаменами. Но вот хлопотать над утиным конфи, с каким-нибудь хитро выдуманным соусом вряд ли стала бы. А вот выпечка стала моей любовью, возможно, в связи с тем, что воспоминания о том, как я пеку с мамой пироги, булочки и пирожки, стало одним из немногих светлых мгновений моего детства. К сожалению, сейчас, через 10 лет, я с трудом могла вспомнить даже лица родителей, лишь общие детали. Отчего так? Не знаю. Может, защитная реакция, а может...

Я тряхнула головой, отгоняя неприятные мысли, а затем сдула упавшую на глаза прядь.

— Не устала? — Я посмотрела на Эльру.

Низенькая женщина в теле, с мягкими чертами лица, была здесь главной. И именно она быстрее остальных оттаяла ко мне. Ну, в общем, ей понадобилось минут пять. Сразу, когда Эльра поняла, что я могу отличить базилик от тмина, она принялся меня в свои ряды и выдала накрахмаленный и чистенький передник.

— Нет, я даже рада, что здесь оказалась. — Это была чистая правда, в очередной раз проводить день в одиночестве мне совершенно не хотелось.

Эльра добродушно хмыкнула и потуже завязала на широкой талии узел передника:

— Экая ты, мисс, странная. И откуда ты такая упала. — Фраза была риторической, а если и нет, рассказывать свою подноготную я не хотела.

Как выяснилось, всем слугам было велено ждать «важную гостью». Перед моим появлением (еще тогда, когда оно ожидалось впервые), весь дом был вымыт до блеска, а моя комната обставлялась с особой тщательностью.

Как сказала Эльра, лорд Батори, когда не дождался моего приезда, весь изошелся от тревоги и «рычал на всех, как собака цепная». Такая реакция показалась мне странной. Да, я обошлась парню не дешево, но чтобы пережить? Со средствами, доступными Батори... Он мог скупить весь следующий выпуск девушек пансионата, а на сдачу обеспечить своим прапрапраправнукам безбедное существование или построить пару новых городов. Батори были самой богатой кастой, после Короля, хоть и не занимали «верхний слой тортика». Для такого им следовало заключить удачный брак. Например, если бы Эйден женился на принцессе... Отчего-то эта мысль стала мне неприятной.

— Что же? Лорд Батори такой суровый? — Как бы невзначай поинтересовалась я.

Эльра разделявала мясо огромным тесаком, с треском разламывая кости большими руками. Да, суровая женщина.

— Суровый? Ну, сама думай: множество слуг ему тут своей жизнью обязаны. Кого из приюта взял, кого из Серого квартала, да от грязи отмыл. Сейчас бы спились или померли где-нибудь, а нет — живут припеваючи. Семьи создавать разрешает. Младший господин — замечательный человек. Нам очень повезло с ним, даже не сомневайся. Так что не обижала бы ты его.

Я? Обижала? Его обидишь... Впрочем, если все действительно так, как говорит Эльра, то тогда откуда все эти сплетни о Батори? Люди рисовали его образ, как властного демона, спускающегося на крыльях ночи, дабы сожрать на ужин одну из девиц высшего общества.

— Замечательный то он замечательный, да только не весной. Да и в сентябре лучше не подходить. — Хихикнула маленькая и юркая служанка, которая в основном выполняла функцию «принеси — подай». На вид девушке было лет шестнадцать.

— Будет тебе, Софи! — Повысила на нее голос повариха. — Язык у тебя без костей, тьфу.

— В смысле? — Не стала упускать случая я.

— А никакого смысла. — Проворчала Эльра и огромный кусок мяса полетел в белое блюдо, ставя точку в нашем диалоге.

Я же поставила мысленную галочку узнать подробности от этой болтливой Софи. Жаль, что она уже поменяла пластинку и упоенно вещала о том, какой внешностью обладает Батори.

— А глаза! Ну никогда я не видела таких ярких зеленых глаз. Будто трава летом! — Ну, я была склонна сравнивать глаза этого парня с кошачьими, но это, скорее, из-за его поведения. Сам же цвет действительно был насыщенным, глубоким, как два драгоценных изумруда. — Вообще, я думала, что он тебя сюда как невесту везет или любовницу, а вот и нет. Не послал бы он невесту на кухню с тестом ковыряться. Только с чего тогда принимал как принцессу — непонятно.

Рассуждения Софи заставили меня сначала поежиться, от слова «невеста», потом перекреститься, от статуса «любовница», а затем и вздохнуть, потому что я сама понятия не имела, на кой черт я сдалась Батори, и в какие игры он затеял играть. Я любила загадки, игры также, но когда у меня нет даже намека на условия и правила — это становилось проблемой. Я лишь пожала плечами:

— Сама не знаю. А что еще он хочет от меня? Он говорил про обязанности девушки... Не помню, как ее зовут. Она сразу вышла и выглядела расстроенной. Кудрявая такая.

София коротко и довольно рассмеялась:

— То была Луиза. Она у нас личная служанка молодого господина, чем сильно кичилась постоянно. А он взял и вшух. — Девушка прищелкнула пальцами. — Лишил ее привилегий. Ясное дело, она убежала. Сейчас плачет небось.

Судя по тону девушки, Луизу она совсем не жаловала. Я же замерла посреди кухни с грязной посудой в руках, которую несла в раковину:

— То есть как личная служанка? И что она делала?

— Всякое. Она подает ему еду, чай и перекусы, когда он работает. Убирает его покои и кабинет. Заботится о его гардеробе, следит за его чистотой, выполняет мелкие поручения. Вообще-то обычно личная прислуга еще и оказывает помощь в одевании и причёсывании, да только молодой господин от услуг Луизы отказался. И правильно, эта бестия его еще и изнасиловать могла бы.

— Луиза! Что б тебя! — Прогремела Эльра.

Неугомонная Луиза подождала, пока Эльра снова отвернется к плите и показала ее спине розовый язык.

— Ох, а еще ванну готовит, кажется. Ну, я все не знаю, спросишь у Луизы, когда она смирится с тем, что Батори ее променял на тебя.

Перспектива подготавливать для Батори ванну меня окончательно вдохновила на подвиги. Хочешь личную обслугу? Ну что ж, пусть получает.

Эйден

За все двадцать три года моего существования это было самое веселое время. Две недели мы с моим дорогостоящим приобретением играли в игру «достань меня, если сможешь». Ну что сказать по итогам? Покупка рыжей бестии — это определенно удачное вложение.

Я удостоился чести пить чай с солью, есть блюда с ингредиентами, которые «наверное

попали туда по ошибке». В моем кабинете убирались так тщательно и с таким остервенением, что я несколько часов пытался найти тот или иной документ. Также я чуть не сломал шею, поскользнувшись на обтертом чем-то полу («Я хотела вымыть его до блеска!» — выдала она мне после моего фееричного падения). А уж почему все носки оказались связаны между собой в длинную елочную гирлянду — вообще мистический вопрос. А сколько энтузиазма и неумной фантазии просыпается в моей горничной, когда она видит мои рубашки... Мм!.. В общем, девушка делала все, что я избавил ее от статуса «личной служанки» и была готова взяться за любую другую работу.

Я, в свою очередь, лишать себя такого развлечения не был намерен, а поэтому стойко и мужественно терпел эти мелкие пакости. Более того, я даже с удовольствием подарил Элеонор возможность их делать денно и нощно, потому что я щедрый хозяин. Точнее сказать: я требовал ее внимания постоянно, вызывая даже ночью. Ее заспанное и недовольное лицо, а также взгляд моргающих от яркого света синих глаз, которым она убивала меня самыми недостойными леди способами, приносили небывалое удовлетворение. А я многого и не просил, всего-то принести стакан воды! Или почесать спинку... Ну да, в 3 часа ночи, но что же делать, если меня в конец одолела жажда? А уж спина может зачесаться по любому расписанию! Тем более, что я щедро предложил ей поселиться в моей комнате, чтобы долго не бегать. Она вежливо отказалась. А жаль.

В общем, она оказалась невероятно забавным человеком. И не только это. Элеонор Макартур обладала невероятной притягательностью. Ее бурный нрав вкупе с детской непосредственностью, а также добротой и прямодушием не могли не впечатлять. С каждым днем я открывал ее с новой стороны, справляясь о ней у слуг, следя за работой, за манерами.

Прямо сейчас я вызвал девушку, предвкушая откровенную забаву. Дело в том, что каждый раз, когда она находилась в моих покоях, ее взгляд испуганно метался от меня к двери ванной комнаты. Чем ее так пугает обитель шампуней, я не мог понять, пока этот секрет не выдала мне Софи. Не со зла, просто эта девочка было слишком говорливой. Решив, что я не могу разочаровать Элеонор, я был вынужден воспользоваться полным комплексом услуг своей служанки.

— Вы что-то хотели? — Будничным тоном поинтересовалась девушка.

Я сделал вид, что увлечен книгой и скучающе бросил, перелистывая страницу:

— Да, будь добра, приготовь мне ванную.

Тишина. Я бы сказал, что она затянулась. Сколько прошло времени? Уже можно перевернуть страницу или еще рано?

— Что? — Наконец раздался голос девушки.

Я поднял на нее глаза, имитируя удивление:

— Ванну намери мне. Что-то не так?

О, по ее лицу было видно, что именно не так. Однако она молча повернулась и гордой походкой, какая бывает не у каждой представительницы знати, проследовала в ванную комнату.

Оттуда послышался звук воды, текущей из крана. Я не торопился, растягивая момент. Затем, осознал, что эта бестия вполне может заменить парочку из моих средств и заставить меня мыть голову лосьоном для бритья. Не смертельно, но неприятно. Со вздохом я встал и, скинув пиджак, пошел в ванную.

— О боже. Что это? — Я смотрел на огромное облако пены, под которым, теоретически, должна быть моя ванна.

Элеонора лучезарно улыбнулась. Девушка стояла в одном из своих нелепых школьных платьев, закатав длинные рукава. Ее руки были влажные и смуглая кожа чуть блестела. Невыносимо захотелось посмотреть, как выглядит все ее тело, покрытое каплями влаги. А волосы? Ее необычайно яркие волосы... Какой оттенок они приобретают в воде? Стоп, это я сейчас подумал? Господи, проблема еще более серьезная, чем мне казалось по началу. Для кого это станет испытанием большим, для нее или для меня?

— Это ваша ванна! — Просияла девушка, заправляя пряди рыжих волосы за уши. Захотелось выправить их обратно.

Я чуть наклонился, посмотрел на бортик ванной:

— Хм, вроде и правда она. За этим. — Я обвел рукой творение девушки. — Как-то и не разглядел. И как здесь мыться по-твоему?

Девушка поджала пухлые губы и посмотрела на меня грустно-грустно, и искренне-искренне. Не верю!

— Я делала ванную впервые и хотела как лучше. Я перестаралась? Вам не нравится пена?

— Я даже не знал, что у меня есть пена. — Честно признался я.

— У вас и не было, я принесла. Давно еще. Вы меня обеспечили таким количеством банных средств, что я решила поделиться. — Чертеночек в обличие девушки зачерпнул немного пены, и с улыбкой подул на нее, довольно выдав: — Клубничная!

Белые хлопья мыльной пены уже стали валить из ванны, как будто каша из горшочка в знаменитой сказке, и падать на пол. Так и хотелось крикнуть «Горшочек, не вари, мать твою!».

— То есть все продумала? Многоходовая операция? — Усмехнулся я.

— Не понимаю о чем вы говорите. — Снова проняла меня своей «искренностью» Элеонора.

Ну что ж. Я этого, конечно, не хотел, но «око за око», «зуб за зуб», «обнаженка за пену».

— Ладно. — Я равнодушно пожал плечами и принялся расстегивать пуговицы рубашки. — Пена, так пена.

Глаза девушки, только что искрящиеся смешинками, подозрительно прищурились:

— Ты что делаешь? — Она следила за моими пальцами, как за змеей, которая угрожала напасть.

— Вообще-то раздеваюсь. Ты рассчитывала, что я буду мыться в купальном костюме?

— А ты не хочешь подождать, пока выйду?

— А кто тогда будет меня мыть? — С садистским удовольствием я видел, как личико девушки преобразается.

До Элеоноры медленно и плавно доходило происходящее. Скинув рубашку, я потянулся к поясу.

— О господи! — Пискнула она и сильно сжала глаза. Для большей безопасности веки она прикрыла ладонями и (чтобы уж наверняка!), развернулась на пятках спиной ко мне.

Хохот буквально рвался из моей груди, и я изо всех сил пытался сохранить невозмутимость. Ее наивность и красные от смущения щеки были для меня чем-то новым и безмерно приятным.

Избавившись от одежды, я подошел к девушке и, наклонившись, прошептал, почти касаясь губами ее ушка:

— Ты пропускаешь все самое интересное, принцесса...

Ее дыхание сбилось, замерло на секунду:

— Я думаю, ты себя переоцениваешь... — Также шепотом ответила она, все еще прижимая тонкие пальцы с аккуратными ногтями к глазам.

Плечи Элеонор напряглись, губы были чуть приоткрыты. Я почувствовал, как приятно пахнет девушка: корицей, травами и чем-то, что невыносимо хотелось назвать запахом солнца. Моя рука дернулась сама по себе, в желании провести большим пальцем по ее кубам, почувствовать насколько они нежные. Отлично, мое тело уже не принадлежит себе.

Лишь услышав плеск воды, когда я, фырча и откидывая пену, которая норовила залезть мне в нос, глаза и все доступные места, забрался в ванную, девушка осторожно обернулась. Сделав щель между пальцами левой руки, она убедилась, что я не отсвечиваю голыми частями тела, и убрала руки.

Я кивнул на мочалку и, удобнее устроившись в пахнущем клубникой пространстве, прикрыл глаза. Элеонора чуть помедлила, затем, с тяжким вздохом, она сделала пару шагов в сторону полок с пенно-мыльными средствами. Долго и упоенно она что-то выбирала (может, искала среди банок с мылом яд), а затем все же оказалась рядом.

— Что так долго? Пена скоро совсем осядет. — Не открывая глаз заметил я.

Перспектива увидеть голого мужчину в прозрачной воде придала рыжей Элеонор скорости и вот, на мои плечи уже опустилась влажная мочалка. Девушка принялась с остервенением тереть их, желая снять верхний слой эпидермиса.

— Можно нежнее? — Промурлыкал я.

Сверху меня фыркнули и проворчали что-то невразумительное, но мочалка в ее руках сбавила обороты. Иногда влажные и горячие пальцы девушки касались моей кожи. Я чуть сжал руками бортики в ванной. Это невыносимо.

Мочалка проложил влажный путь по моей руке, скользнув туда и обратно. Затем еще секунда промедления, нерешительность, и теплые мыльные струи уже бегут по моей груди. Я почувствовал на плече щекотку, когда прядь длинных волос девушки дотронулась до него. И опять этот запах. Она так близко. Я открыл глаза.

Лицо девушки было собранным, как будто она занималась важным делом. Впрочем, она наверняка вскрыла все трудовые резервы, чтобы сдержать себя и не утопить своего хозяина. Хозяин.

Заметив, что я смотрю на нее, она смутилась и ее глаза чуть забежали:

— Что-то не так? — Буркнула она.

Я не стал отвечать. Я перехватил руку, которую она уже хотела убрать, и сжал тонкое запястье. Синие глаза расширились в изумлении. Рыжая лисичка замерла в ожидании опасности. Я действительно был опасен, может, она чувствовала это?

— Мне надо кое-что проверить. — Тихо и серьезно произнес я.

Не отрывая взгляда от ее лица, я медленно притянул ее руку к себе и прижался губами к мокрой коже тыльной стороны ладони. Все во мне замерло. Натянулось. Оглушало. Я также медленно оторвался от ее руки. Не выпуская ладони, погладил ее большим пальцем, нащупывая тонкие переплетения линий.

Девушка, казалось, прибывала в некоем подобие транса. Шоковое состояние продолжалось несколько мучительно долгих секунд. А затем ее щеки вспыхнули ярче, чем ее волосы, и дальше все произошло в считанные секунды. Она с силой потянула руку на себя, выпуская мочалку. Сделав неловкий шаг назад, Элеонора взмахнула руками, зачерпывая воздух, и стала наклоняться назад. Я схватился за бортики и буквально выбросил себя из

воды, чтобы схватит ее. Скользкое дно медной ванны не дало мне прочно устоять на ногах и я, потянув девушку за собой, с плеском упал обратно, с силой приложившись кобчиком. Вокруг нас взмыли остатки пены и потоки воды, выливаясь за борта на пол.

— Ты в порядке? — Выдохнул я в волосы девушки.

Молчание. Я чуть отклонился, пытаюсь заглянуть ей в лицо. Глаза девушки были распахнуты настолько, что почти напоминали два круга. Ее взгляд был направлен на свои же руки, которые ладонями упирались в мою грудь. Ноги девушки остались «за бортом» нашего корабля чистоты, зато попой она удобно устроилась у меня в паху. Платье намокло, плотно облекая тело. Ее волосы в воде были гораздо темнее, приобретая цвет крови. Запах ее кожи стал сильнее. Кажется, мое легкие скоро откажутся вдыхать что-то иное. Ее тело показалось мне невероятно маленьким. И невероятно удобным, как будто созданным для того, чтобы находиться у меня в руках.

Девушка подняла на меня глаза, на ее лице были капли воды. Я поднял руку и стер их. Затем дотронулся до ее влажных волос, выпуская одну из прядей, спрятавшихся за ушком, на свободу. В общем, развлекался как мог, пока она не оправилась от ситуации и не вцепилась мне в лицо. Впрочем, обошлось без рукоприкладства.

— Я хочу извиниться. — Произнес я, осознав, что мое дыхание ничуть ни лучше, а голос охрип. Девушка все еще молчала, она даже не шелохнулась. Только грудь вздымалась, выдавая ее тяжелое дыхание. — За то, что сказал тебе в одну из первых встреч. Я хотел тебя позлить. И, возможно, оскорбить. Со мной такое... Бывает.

Брови чуть нахмурились, будто она вспоминала, что я имею в виду. Затем лоб снова разгладился. Вспомнила. Руки на моей груди чуть дрогнули, посылая этим мимолетным, ничего не значащим прикосновением волну возбуждения по всему моему телу. Это было сумасшествием.

Элеонора не спрашивала причин моего, порой, грубого поведения, она просто кивнула, принимая слова сожаления.

— Элеонора. — Позвал я ее и дождался, пока девушка снова посмотрит на меня из под густых ресниц. — Если ты сейчас не уйдешь, я не смогу сдерживаться.

Это была чистая правда, выданная с улыбкой, как шутка. Но на девушка угроза подействовала и ее буквально смело из ванной. При этом она снова чуть не поскользнулась на лужах вокруг нас и мне опять пришлось встать, чтобы не дать ей повторить фееричное падение. Прочно встав на обе ноги, она обернулась, и даже открыла рот, чтобы что-то сказать, но я тоже стоял. Голый. Во всей красе. Под «всем» я имею в виду и то, какое действие на мой организм произвел запах Элеонор и ее тело в моих руках. С птичьим криком девушка развернулась и понеслась в сторону выхода.

— Элеонор! — Бросил я ей вслед. Девушка остановилась, держа спину прямо. По ее одежде струилась вода, капая на плитку и собирая лужи вокруг ног. — Я освобождаю тебя от обязанностей личной служанки.

Пара секунд бездействия и с радостным возгласом девушка поворачивается ко мне лицом, явно чтобы высказать свою признательность. Да только я все еще голый. Улыбка на ее лице преобразается в шок, глаза распахиваются и с уже не радостным возгласом она снова разворачивается, опрометью вылетая из ванной, едва не соскользнув на мокрой плитке. Опять.

— Не за что! — Бросил я вдогонку. Настроение было превосходным.

Элеонора

После случая в ванной поведение Эйдена Батори изменилось кардинально. Я не скажу, что он когда-либо со мной плохо обращался, нет. Даже во времена моего «великого услужения господину» он стойко терпел все мои выходки. Лично я бы давно сама себя выпорола, но он лишь посмеивался. Но после нашего «купания», юный аристократ стал уделять мне слишком много... Внимания. Наше стычки превратились во что-то новое. Будто он... Нет, не важно.

Хотя были и другие моменты, когда Эйдена накрывала меланхолия: он мог пройти мимо без привычных подколов или шуток. Он не пытался задеть меня или заставить покраснеть жестом или словом. Он будто не видел меня и мир вокруг. В такие дни он много времени проводил в саду. А порой и вовсе уезжал из поместья. Но сегодня был не такой момент. Увы.

Я спускалась по лестнице, как меня окликнул до боли раздражающий голос (Ох, я кривлю душой. Я не слышала Эйдена уже неделю и все во мне встрепенулось, когда в доме раздался его низкий голос):

— Принцесса!

Я не собиралась тормозить, в конце концов, сколько можно бороться лишь за то, чтобы тебя называли по имени?

— Принце-ес-са-а. — Позвал снова голос, добавляя в свой тембр патоки и растягивая слова.

Идем вперед, не пытаемся убыстрить шаг, просто идем вперед.

— Элеонор. — Голос прозвучал очень близко, и я нехотя обернулась.

— Оу, Эйден, ты звал меня? — Я удивленно похлопала ресницами.

Он лишь хмыкнул, вставая на одну ступеньку со мной, а в зеленых глазах буквально забегали искры задора:

— Ты только больше развлекаешь меня, показывая свой характер, принцесса.

— Рада, что смогла угодить. — С сарказмом ответила я. — Это все, что ты хотел мне сообщить? Тогда я, пожалуй, пойду.

Я не успела даже отвернуться от парня, как сильные руки прижали меня к стене, отбрасывая попытку спастись бегством в стенах поместья.

— Не уходи. — Его голос стал еще ниже, еще более бархатным. Сейчас я заметила, что глаза парня стали темнее, глубже. Он блуждал по моему лицу, изучая каждую черточку, как будто вырезая ее в своей памяти. — Я так давно тебя не видел.

— Всего неделю. — Прошептала я осознав, что дыхание постыдно сбивается. Поведение Эйдена отличалось от его обычных игр. Он мог игриво поцеловать мне руку, или прядь волос, но теперь...

— Целую неделю. — Он наклонился ближе ко мне. Легкие забыли, что такое дышать. — Чертовски длинную неделю. Семь бесконечных дней. Я думал, что я сойду с ума... Я так скучал.

Осознав, чем это может закончиться, я сразу отвернула от парня лицо, но это определенно был неверный ход. В следующее мгновение я почувствовала горячее дыхание у моего уха. Губы Эйдена коснулись мочки, а затем их сменили зубы, слегка сжав и оттянув ее. Завершив начатое нежным и чуть влажным поцелуем, губы парня двинулись дальше, оставляя дорожку из поцелуев на чувствительной коже шеи. Я судорожно втянула носом воздух

— Хватит. Пожалуйста. — Выдохнула я. Мои веки были настолько плотно сжаты, что перед глазами вместо темноты, стали расходиться светлые круги.

— Почему же? Тебе это нравится, мне это нравится, тогда почему же я должен прекращать? — Услышала я шепот у своего уха.

Я вспыхнула от этих слов и распахнув глаза развернулась лицом к наглому парню, одаривая его самым злым взглядом на который вообще была способна:

— Мне, это, что? — Членораздельно проговаривая слова переспросила я. — Послушай, Батори. Если ты правда думаешь, что девушкам нравится такое поведение, то у меня для тебя плохие новости: ты умрешь в одиночестве. Никто не будет терпеть такие мерзкие, животные повадки. Ты самодовольный болван, да к тому же еще и извращенец.

На лице парня появилось искреннее удивление:

— Извращенец? Я же ничего тебе не сделал. Может это у тебя мысли какие-то... Не такие... — Со сладкой улыбочкой заявил Эйден.

В следующую секунду я поняла, что проклятый каблук все же сыграл свою роль. Поворачиваясь, я почувствовала, как он предательски надламывается. Мгновение и я уже потеряла координацию и стала падать вперед лицом. Я не уверена, что даже успела испугаться, хотя сердце точно дрогнуло. Я зажмурилась, и почти сразу почувствовала как сильные руки рванули меня к себе и мгновения полета вниз, к неизбежным синякам, если только к ним. Затем меня вдавило в чужое тело, подбородок вписался во что-то твердое, а губам же досталось меньше. Когда я поняла, что падение прекратилось и осторожно приоткрыла глаза, я увидела перед собой лицо Эйдена. Он лежал на спине, прижимая меня к своей груди, наши ноги все еще были на лестнице, а верхняя часть тел приземлилась под ней. Но это мелочи. Главное: мои губы были плотно прижаты к губам Эйдена. И именно удар об его подбородок я почувствовала. Мои глаза стали расширяться вместе с тем, как губы парня стали растягиваться в улыбке. Затем я почувствовала мимолетный поцелуй на своих губах.

— Ну и кто из нас извращенец? Теперь ты просто обязана выйти за меня замуж, принцесса. — Произнес парень не скрывая довольного выражения с лица.

Я как ошпаренная отскочила от довольного Эйдена, выбираясь из кольца его рук.

— Дурак. — Бросила я.

Он лишь засмеялся и закинул одну руку за голову, продолжая лежать на полу и смотря на меня снизу вверх.

— Так ты обращаешься со своим спасителем, принцесса? У меня уже два очка! Я дважды спас тебя от падения! Знаешь, с этого момента я действительно могу сойти за рыцаря, как думаешь?

— Я думаю, ты сильно приложился головой и бредишь. — Выдала я, с очаровательной улыбкой. Со стороны гостиной послышались монотонные удары часов, намереваясь пробить 12 раз и сообщить о наступлении полудня. Я посмотрела в сторону звука, а затем снова перевела взгляд на пол. — Ты вставать не собираешься?

— Только если ты мне поможешь.

Я нехотя протянула руку и Эйден, ухватившись за нее, встал. Встал очень близко ко мне, так, что моя грудь, сдавленная корсетом, соприкасалась с его телом. Теперь он смотрел сверху вниз, все еще не отпуская моей руки и продолжая улыбаться.

— Спасибо. — Сказала я тихо, поднимая лицо и встречаясь взглядом с зелеными глазами.

— В любое время. — Мягко ответил парень. Так, смотря друг на друга, мы простояли пару мучительных секунд, от которых у меня отчего-то сбилось дыхание.

Я бы хотела спросить, ушибся ли он, или сказать что-то большее, ведь как ни крути, а неблагодарной меня не назовешь. И я уверена, что с моим везением точно сломала бы шею, но продолжать диалог в такой близости к Эйдену, не сводящему с меня взгляда, было выше моих сил. Я разорвала зрительный контакт и, развернувшись, поковыляла обратно вверх по лестнице: мне явно необходимы новые туфли. И нервная система.

В комнате я сбросила проклятую обувь и ничком упала на кровать, утонув в многочисленных одеялах.

— У-ууу-ууу! — Зажмурившись, завопила я в шелк, который приглушал крик моей души и волны исходящего негодования. Для убедительности, я несколько раз постучала ногами по кровати и, вскочив, принялась колошматить одну из подушек. — Противный, мерзкий, наглый, гад! — Выдавала я с каждым ударом. Подушка относилась к моим действиям с философским спокойствием. Я снова упала на кровать.

Мысли путались, этот Эйден действительно казался мне невыносимым. То он ведет себя как сталкер, затем оказывается редкостным гадом, а потом вдруг милашкой. Сколько можно? Чертов оборотень.

Я прикрыла глаза рукой и передо мной сразу возникла картинка нашего падения с ее эпичным финалом. Рука с глаз медленно поползла по лицу, дотронувшись до губ. Ох, это еще что такое? Об этом ну вообще думать не надо! Не раздеваясь, я забралась под одеяло и, свернувшись в под ним, попыталась заснуть.

Удалось это мне почти сразу, но ненадолго. Уже через час или около того я открыла глаза от невыносимой жары. Избавившись от одеял, я снова окунулась в сон, но на смену жаре пришел холод. Затем меня начала мучить жажда. Как итог: я встала с первыми петухами, обозленная на весь мир и с жуткими синяками под глазами.

Умывшись и переодев платье, я, постоянно зевая, вышла из комнаты. Ведомая зовом желудка я сразу пошла на кухню, с желанием съесть все, что попадется на глаза и будет выглядеть более-менее съедобно.

Рассвет за окном только-только занимался, поэтому на кухне не было ни одной души, что, впрочем, меня только порадовало. Налив стакан молока, я добавила к ним сладкие булочки, приготовленные забавной мисс Тодд. До завтрака вполне пойдет. Уничтожив запас сдобы, я вымыла за собой стакан и вернула его в резной шкаф. Не смотря на всю модернизированность помещений этого дома их внешний вид был выдержан в старом стиле. Я подняла руку и провела по лакированной поверхности дерева одного из шкафчиков, пробежавшись пальцами по линиям, которые должны были символизировать возраст.

Оторвавшись от дверцы шкафа я обернулась и вздрогнула. Совсем близком ко мне, ближе расстояния вытянутой руки стоял хозяин дома: от резных шкафчиков до стен.

Эйден был в домашних брюках и футболке, очевидно, сам недавно проснулся. Руки его были в карманах, на лице уже прилипшая хитрая улыбка, в глазах — искры, а на голове нечто максимально взъерошенное. Это нечто мне моментально захотелось поправить, но я на корню пресекла эту мысль.

— Ты такая пугливая у меня, знаешь.

— Кто виноват, что ты передвигаешься как приведение? Мог бы дать знать о своем присутствии, а не подкрадываться.

— Я хотел, но не успел, ты обернулась.

Ох, даже не хочу знать как именно он хотел сообщить о себе.

— Тогда повесь себе на шею колокольчик. И чего это ты такой счастливый? —

Подозрительно прищурилась я. — Убил кого-то с утра?

— Какой черный юмор, принцесса. Нет, просто я рад тебя видеть. Знаешь, думаю этой ночью я спал особенно сладко.

— Не уверена что хочу знать почему.

— Но я все же сообщу, что это из-за нашего первого поцелуя. Такое... трепетное чувство... Особенно меня очаровало то, что ты первая поцеловала меня. Ты из девушек старого-нового порядка, да? А с виду и не скажешь!

Я покраснела и закрыла уши руками:

— Я не слышу, не слышу тебя!

— Не надо меня слушать, я уверен, что картинка и так возникла у тебя перед глазами. Только в следующий раз, когда захочешь меня поцеловать, пожалуйста, не надо кидаться с лестницы, это опасно. Просто попроси. — Продолжил гнуть свою линию Эйден, издевательски улыбаясь.

Я отняла ладони от ушей, понимая, что этот детский жест никак не спасет меня от его наглых речей и перешла в наступление.

— Эйден, твоя фантазия слишком безумна. Ты все-таки сходи к доктору, падение явно сказалось на твоих умственных способностях.

Парень никак не среагировал на мой выпад, а затем, помедлив, выдал:

— Эленор, ты заметила, как похожи наши инициалы? Эйден Майкл Батори и Эленор Брайан Макартур. Думаю, сама судьба нас свела.

Он говорил это с таким серьезным видом, что я не знала, плакать мне или смеяться.

Тут раздался стук в дверь:

— Входите. — Крикнул Эйден. После его разрешения в кабинет вошли двое: Себастьян и пожилой мужчина в очках и коричневом костюме.

Эйден широко улыбнулся и вышел на встречу гостю:

— Арчибальд, как я рад вас видеть.

Мужчина улыбнулся в седые усы:

— Я бы тоже был рад тебя видеть, если бы мне не пришлось залатывать тебя с каждым появлением тут. Что опять? Свалишь на Дикого?

Спросил мужчина, упоминая кличку любимой лошади Эйдена. Батори провел мне экскурсию по своей конюшне и продемонстрировал лошадей, разрешив ездить верхом в любое время. И я этим с удовольствием пользовалась. Правда к Дикому я не рисковала подходить, думаю, строптивное животное любило и уважало только своего хозяина.

— Нет, все гораздо проще. Но можно сказать я тоже укрощал одно дикое животное. — С этими словами Эйден бросил игривый взгляд в мою сторону.

Так внимание гостя привлекла и моя персона:

— А это та самая очаровательная леди? Про нее говорят наверху.

Я смутилась, Эйден же ответил кивком:

— Мисс Эленор Макартур, моя гостья.

Я удержалась от закатывания глаз, фырканья, пинка и прочей реакции на слово «гостья», скорее пленница.

Я присела в реверансе, мужчина слегка кивнул мне в ответ:

— Арчибальд Кейн, доктор семьи Батори.

— Доктор? — Я посмотрела на Эйдена. — У тебя что-то случилось?

— Боевые раны. — Подмигнул мне парень. — Ничего страшного, Эленор. На самом деле не стоило даже беспокоиться, это все Себастьян.

Себастьян продолжил стоять с невозмутимым видом, ничуть не высказывая мнения по вопросу, суть которого я пока не понимала.

— Он беспокоится, и правильно делает. — Ответил Доктор, проходя в кабинет и кладя на столик свой чемодан. — Я тебя здесь посмотрю, раз «ничего такого».

— Себастьян, проводи Эленор. — Попросил Эйдан дворецкого, подходя к диванчику, попутно снимая пиджак.

Я растерянно посмотрела на него, а затем на врача:

— Нет, подожди, это от падения с лестницы?

Эйден послал мне лукавую улыбку:

— А что, чувствуешь себя виноватой, растяпа?

— И не надейся.

— Эленор, выйди. Или хочешь посмотреть на мое тело? — Поиграл бровями парень, снова повторяя свою просьбу. Или приказ?

— Раскусил, я всегда об этом мечтала.

Парень пожал плечами и, избавившись от пиджака, принялся за пуговицы рубашки. Медленно расстегивая каждый из перламутровых кругов он смотрел прямо на меня, с играющей на губах улыбкой.

— Ну-ну, потом будешь производить впечатление, давай быстрее, у меня еще вызов. — Прервал сеанс стриптиза голос доктора.

— А я думал ты останешься на обед. — Произнес парень, садясь на диван. Когда я увидела его спину: ахнула. Она была красно-синей. Очевидно, рубашка не защитила его от встрече с лестницей, да еще и с таким грузом в виде меня.

Доктор цокнул:

— Когда же это кончится.

Эйден весело усмехнулся:

— Боюсь, с появлением в моем доме Эленор это только начинается. — С этими словами Батори оглянулся и хитрая улыбка на его лице сменилась хмурым выражением. — Эленор, это всего лишь синяки, что ты побелела вся?

Я сделала каменное выражение лица:

— Тебе показалось. И раз уж моя моя помощь не нужна, пожалуй удалюсь. До свиданья, джентльмены.

Я кивнула обоим мужчинам разом, не желая приседать перед ними в очередной раз. Тем более, что у меня ныло колено, не знаю, связана ли эта боль с падением, но вот этикет ее только усугублял. Так что перетерпят.

— Доброе утро, принцесса! — В мой сон без предупреждения, стука, весточки, почтового голубя и телеграммы ворвался до противного бодрый в такую рань мужской голос и солнечные лучи, которые хозяин голоса впустил в мою комнату, открывая нараспашку тяжелые шторы.

Я поморщилась от зарезавшего глаза света и прикрыла глаза, застонав.

— Что ты делаешь в моей комнате? Подрабатываешь горничной? — Проворчала я хриплым ото сна голосом. Очевидно, у хозяина поместья снова была стадия, которую я

именовала «гипервозбуждением». Он носился так, как будто подзаряжал свои жизненные батарейки пот Сантониума.

— Красавица, ради тебя я готов подрабатывать кем угодно, но не сегодня. Сегодня у нас важный день. Моей домашней Золушке настало время превратиться в настоящую принцессу. Так что, — Он похлопал в ладоши. — вставай-вставай.

Я решительно ничего не понимала да и не хотела. Мое сознание упорно хваталась за остатки сна и каждое сказанное Эйденем слово будто звучало все глуше и глуше. Очевидно парень это заметил, потому что с меня неожиданно слетело одеяло.

— Что? Твою мать! Батори! Ты что творишь!

Не знаю что взбесило меня больше: способ пробуждения как таковой, холод, моментально охвативший меня, оставленную без пуховой защиты, или то, что этот извращенец в очередной раз застаёт меня практически в неглиже. Хотя, возможно, вариант «все и сразу» будет кстати. Я схватила из под спины подушку и вместо того чтобы прикрыться ей на эмоциях запустила ее в ухмыляющегося парня.

— Ну вот ты и проснулась, я очень рад. Умывайся и спускайся, завтрак уже готов, потом приедут платья.

— Платья? — Я вскинула бровь, переведя взгляд от огромного шкафа, заполненного нарядами на все случаи жизни, на хозяина поместья. — Еще? Зачем?

Эйден уже направился на выход из комнаты.

— Не позавтракаешь — не узнаешь! Вставай, я жду тебя! Не спустишься через 15 минут принесу тебя за обеденный стол в пижаме. — Он повернулся у двери и улыбнулся, осматривая меня с ног до головы. — Хочу заметить, чертовски очаровательной пижаме.

Я стала искать рукой вторую подушку, точнее, снаряд, но не успела, Эйден уже ретировался с огневой линии. Я же нехотя встала, направляясь в ванную, совершенно не сомневаясь: стоит мне опоздать и он выполнит свою угрозу.

Приведя себя в порядок, я спустилась в столовую. Эйден уже сидел за столом, в руках у него была газета, которую он сразу отложил, заметив меня.

— И что же за событие нас ждет?

— Завтрак сегодня необычайно вкусный, не находишь

Я закатила глаза и села за стол. Понятно, что быстрого ответа на свой вопрос я не добьюсь, тогда предпочитаю поесть молча. Я потянулась за тостом, но меня моментально опередила рука Эйдена, выхватывая кусок поджаренного хлеба, на который я нацелилась.

— Детский сад. — Буркнула я, беря другой кусок.

Эйден озорно усмехнулся и с треском, демонстративно откусил большой кусок хлеба, украсив свою рубашку сухими крошками.

— Аристократия, какие манеры. — Хмыкнула я.

— Достойны подражания? — Поинтересовался парень.

— Восхищения! — Поддержала я.

— Уважения? — Поинтересовался Эйден.

— От-вра-ще-ни-я. — Пропела я, намазывая тост джемом.

Эйден хмыкнул и протянул мне газету. Взяв ее, на первой странице я обнаружила фото мероприятия, судя по количеству людей в масках: бал-маскарад.

— Ежегодная «Ночь тайны» — феерия роскоши и шика. Кто станет Королевой? — Прорекламиривала я кричащий заголовок и перевела взгляд на Эйдена. — И?

— И, это то самое событие, на которое тебе необходимо платье. Сегодня принцесса

станет королевой.

Я открыла основную статью, в которой напоминалось о ежегодном бале-маскараде в честь Основателей Сантониума. Из традиций было снятие масок в полночь, а также выбор Короля и Королевы. Очень оригинально, я даже не удержалась от фыркания на прочтении этих строк, чем привлекла любопытный взгляд Эйдена. Тут же говорилось, что титул уже два года подряд доставался девушке, по имени Анжелика Эванс и прилагалась фотография с коронации за прошлый год девушки, с длинными пшеничными локонами и сверкающей улыбкой. Она получила корону в 16 лет, во время дебюта, а затем никому ее не отдавала. Значит сейчас ей 18. Хм. Автор статьи выражал вопрос, который «безумно волнует нас всех: достанется титул мисс Эванс и в этом году, или же кто-то другой заберет его?»

Внешний вид девушки мне ни о чем не говорил, светская хроника меня волновала также, как родословная королевской семьи, но имя Эванс я все же слышала. Они, а также Леруа, Эверей и Мортиары оказались в первом ранге, вместе с королем и принцессой, за какие-то неведомые миру заслуги и входили в главный совет. Только вот Эвансы обладали большей властью за счет того, что их семья имела о-о-очень древние корни, простирающиеся к Основателям. А основной деятельностью была религия. То есть под их юрисдикцией находились абсолютно все церкви, церквушки и часовеньки нашей необъятной родины, вместе со всеми их служителями.

— Надеюсь ты шутишь и мне не придется тягаться за дешевую диадему с «Мисс Белоснежные зубки».

— Делать тебе ничего не придется, просто придеешь туда со мной.

— Ой, только не надо говорить, что твоего очарования хватит на нас обоих.

— Нет. — Он пожал плечами. — Просто уверен в твоём очаровании на все 100 %.

Я подняла лицо и с сомнением посмотрела на собеседника, перебирая варианты в голове: шутит он, шутит, или может...шутит? Но Эйден спокойно смотрел в тарелку и размеренно работал столовыми приборами, отрезая кусочек бекона.

Фыркнув, я стала листать газету, мало ли удастся найти крохи новостей о мятежниках, во что я мало верила. Незнакомые мне люди смотрели с черно-белых страниц, улыбаясь или пытаясь изобразить солидное выражение лица. На странице криминальной хроники я остановилась. Жирные буквы заголовка кричали о том, что «Ворон» вернулся. Весь материал по диагонали пересекало черное перо. Весьма художественный ход для еженедельного газетного издания и тем более для такой рубрики. Заинтересовавшись, я пробежала глазами по строчкам.

«Таинственный убийца, не оставляющий никак следов, кроме черного пера ворона, снова нанес удар. На этот раз он пришелся в самое сердце distinguished семьи Эверей. В субботу старший сын и наследник, тридцатилетний Брайан Эверей, был найден мертвым в своем поместье. Подробности смерти не уточняются.

Напоминаем, что не так давно печальным набатом прогремела новость о убийстве наследника клана Маргамор — Уильяма. Разлетевшись по окрестностям Сантониума и за его границы».

— Не следует тебе это читать. — Заметил Эйден, но попыток отобрать у меня чтиво не сделал.

Да он черт возьми даже не мог видеть, что именно я читаю! Все-таки было в нем что-то дьявольское, определенно. Он медленно намазывал слой джема поверх слоя масла, который уже был на булочке. Как ему удастся есть столько сладкого и при этом иметь идеальный и

подтянутый внешний вид — секрет, в котором, я уверена, замешены ведьмы, маги и колдуны, что, опять же, говорит в пользу предыдущей теории.

— Кто-то выкашивает именитых наследников?

Он пожал плечами:

— Видимо.

— И что, знать не боится?

— Шутишь? Они в ужасе и панике. Уверен, некоторые лишились сна и выставили у покоев канвой. А на розыск убийцы задействовано столько защитников, что ни в сказке сказать, ни... Пером ворона описать. — Мрачно усмехнулся парень.

— И бал все равно будет?

— Безусловно, и более пышный, чем прежде. Отменить его — признаться в страхе. А у Правящих всегда было больше тщеславия, чем трусости. Они все придут, даже те, кто игнорировал это ежегодное мероприятие раньше, и будут, лживо улыбаясь и крепче сжимая ножки бокалов с шампанским дрожащими руками, искать в каждой маске опасного убийцу, не доверяя друг другу и себе. — Эйден наглядно продемонстрировал на своем бокале вина, как сильно будут дрожать руки аристократов, а затем поднял его в воздух, отсалютовал мне, и осушил.

— А ты сам не боишься? По возрасту и статусу ты подходишь под вкусы этого маньяка в перьях. — Я пыталась выдавать это как шутку, но поняла, что даже меня пугает такое предположение.

По губам аристократа скользнула снисходительная улыбка, и я расценила ее за молчаливый ответ. Еще раз кинув взгляд на статью, я аккуратно сложила газету и положила ее на подоконник. Мда. Кто-то производит свою собственную зачистку. Но кто? Наемник из Мертвого Города? И один ли он? О том, что в это могут быть замешены отступники думать не хотелось. Я нахмурилась и снова покосилась на газету. Благоразумно решив, что мрачные мысли негативно скажутся на моем пищеварении, я задвинула Анжелику Эванс, маскарад и ворона подальше и принялась за трапезу. Когда последний кусочек тоста отправился в рот и был залит глотком молока, я сыто улыбнулась. И чуть не вздрогнула, когда Эйден заговорил, поразительно молчавший все время:

— Наелась?

— Угу-м.

— Тогда пошли. — Он смял салфетку и кинув ее в тарелку встал, подходя ко мне и предлагая руку.

— К чему такой пафос. — Проворчала я.

— Ты умеешь танцевать вольту? — Он, как обычно, проигнорировал меня.

— Я умею танцевать все старое и бесполезное. — Фыркнула я. — Круг интересов в закрытой школе для девочек не оставлял другого выбора, знаешь.

— Хорошо, научи меня.

Я дважды моргнула.

— Что?

— Вольта, я, ты, учить. — Произнес парень как питекантроп, изучающий новые слова, с усмешкой глядя на меня и сопровождая слова тычками пальцев с себя на меня, а затем на просторный холл. Так вот почему мы завтракаем здесь? Очень удобно.

— Погоди-погоди... — Я попыталась сложить в голове 1+1. Ответ упорно не сходился, заставляя меня с подозрением смотреть на парня передо мной. — Ты хочешь, чтобы я

поверила, что сам Батори, элита второго ранга, столько лет избегал балов и не танцевал главный для них танец? Или он для вас слишком крестьянский? Или веселый? — Продолжала допытываться я.

Эйден остался невозмутим:

— В детстве у меня не было на это времени.

— Ладно. — Я подошла к парню, он встал передо мной. — Ладно. — Повторила я, оценивая перспективы.

До чего же он высокий. Младший Батори был не таким огромным, как Брендан, но все же его плечи не были узкими, как у большинства знакомых мне аристократов. Батори вскинул одну бровь, мол «что за задержка?».

А медлительность была вполне оправдана. Батори был чрезмерно активен, едва ли не притопывая ногой, как конь на старте. Что можно ожидать от этого извращенца, когда я окажусь в его руках? Язык тела, на котором люди говорят в танцев, гораздо более откровенен, нежели язык слов.

Будто осознав мои мысли, Эйден чуть наклонил голову на бок и его уголки губ растянулись в насмешливой улыбке:

— Ты боишься оказаться в опасной близости от меня и не сдержаться?

Я вспыхнула и стремглав бросилась к нему, чтобы доказать обратное. По довольному лицу поняла, что меня снова развели.

— Давай сначала разомнемся? Я должен научиться азам и вести партнершу. — С улыбкой предложил Эйден.

Я не успела понять, что это может значить, и хочет ли лорд провести игру на доверие, как уже оказалась притянута к его груди. Одна его рука взяла мою ладонь, другая удобно устроилась на талии. Мне не оставалось иного, кроме как положить свободную руку на его плечо. И знаете что? Мне было приятно ощущение тепла его тела и того, как его рука держит мою. Мышцы, которые я имела неосторожность рассмотреть в ванной во всех подробностях, явно были напряжены. Черт, гони от себя эти мысли, Элеонора!

Первые же движения заставили меня задуматься: точно ли он не умел танцевать? Его кошачья грация сыграла парню на руку, он двигался и вел меня за собой. Мои каблук отбивали такт: раз, два, три, четыре, раз, два, три, четыре. Поворот.

— Ты подозрительно хорошо двигаешься для неумехи. — Произнесла я.

— Это первый комплимент от тебя, принцесса. Ты тоже неплохо двигаешься для девушки, которая осваивает полеты с лестниц.

— Это не комплимент, я пытаюсь уличить тебя во лжи. — Парировала я, проигнорировав выпад в мою сторону.

И тут он отпустил меня от себя, заставив раскрутиться, а затем вернул к себе, ближе, чем просто близко и резко наклонил меня так сильно, что я наверняка подмела полы в зале своими волосами. Эйден замер в этой точке, нависнув надо мной.

Не меняя положения и крепко удерживая меня в объятиях, Батори стал плавно наклоняться к моему лицу. О, нет. Неужели он?.. И тут, когда наши лица были в паре сантиметров друг от друга и дыхание, едва сбитое от ритма танца, смешалось, он сделал что-то, никак не соответствующее моему представлению о высших рангах знати. С лукавой улыбкой он укусил воздух прямо перед моим лицом, клацнув зубами:

— Ам. — Бросил он, и затем вернул меня в вертикальное положение. Смущенную и ничего не понимающую. — Продолжим?

Это был длинный урок танцев. И знаете что? В конце у меня болели не ноги, а губы. От улыбки.

Глава 11. Шоу-программа с изменениями

Глава 11. Шоу-программа с изменениями.

Я внимательно смотрела на свое отражение, придирчиво рассматривая красное платье в пол. Возможно, я бы выбрала менее яркий и кричащий оттенок, но... Кто меня вообще спрашивал? В один момент меня просто окружило множество людей, некоторые из которых даже не говорили со мной на одном языке. Так я узнала, что Эйден владеет всеми четырьмя языками наших частей света.

Эти люди пестрым хороводом прошли по моей комнате, переодевая меня из наряда в наряд и так часто убирая вверх и опуская на плечи мои волосы, что потом мне снилось, будто кто-то ползает по моей голове. Ощущения так себе.

Один из представителей сферы красоты, который именовал себя Мауро, и говорил быстрее, чем я успевала думать, руководил этой какофонией. С его легкой руки я стала «мильга» (красавица), и выглядела «корпесо» (восхитительно), подобна «арии рие» (алой розе). Все это с языка южанина переводил Эйден, поэтому за правдивость слов не ручаюсь. Хотя с розарием у меня сходство явно имелось.

Плотный лиф-корсет алого платья с ручной росписью сделал мою и без того узкую талию кукольной, а грудь значительно приподнял вверх. Пышная многослойная юбка из плотного атласа украшалась сверху невесомым шифоном, который при каждом моем движении будто заставлял фигуру плыть и платье искриться. Обнаженные плечи и ключицы блестели из-за какого-то чуда современной косметики, глаза блестели из под густого слоя туши для ресниц. Волосы мои все же решили собрать множеством шпилек, оставив пару аккуратно завитых локонов в свободном падении. Выглядела я шикарно, но на себя была не совсем похожа.

В комнату зашли, но я даже не потрудилась отвернуться от зеркала. Две служанки присели в поклонах, значит пришел их хозяин.

— Любуешься? — Раздался голос Эйдена.

— Пытаюсь сквозь слой грима разглядеть своей лицо. — Ответила я.

— Шикарно выглядишь.

— Пожалуй. — Согласилась я.

«Шикарно» — это подходящее слово, отрицать это было бесполезно. Да, оно действительно подходило моему отражению. Очень шикарная, броская, яркая, вызывающая и, похоже, дорогая кукла хозяина. Никогда за все присутствие в этом доме я еще не чувствовала, что меня купили, а теперь... Глупо, наверное, считать так только из-за дорогого платья. Мы с Эйденем сблизились и мне не было смысла его винить в чем-то. Но на мою душу осел подозрительный осадок, блестящий, как мое платье.

— Последний штрих. — Улыбнулся парень и достал коробочку, в которой на красном бархате лежала изящная черная маска из нежнейшего кружева. Я провела по материалу подушечками пальцев, повторяя узор.

— Красивая. — Улыбнулась я.

Она действительно была прелестна, на ней отсутствовали перья и стразы, которых я так опасалась. Материал должен был плотно прилегать к лицу, рисуя на нем романтические черные узоры. Если приглядеться, можно было понять, что это бутоны цветов.

Эйден достал маску из коробки:

— Позволишь?

Я кивнула, и, развернувшись обратно к зеркалу, позволила ему приложить мне маску к лицу. Ткань приятно охладила покрасневшие щеки, пальцы Эйдена неторопливо завязывали шелковые ленты.

Закончив, он посмотрел в зеркало, наши глаза встретились.

— Ты прекрасна. — Сказал он, глядя мне прямо в глаза.

И да, этот тот самый случай, когда ты веришь в слова человека. И когда я прогрессировала до того, чтобы считать Эйдена человеком? Он определенно забирался мне под кожу быстрее, чем Мауро выдавал комплименты.

— Спасибо. — Сказала я, но голос вышел не таким уверенным, как хотелось бы. Серьезно, что это за хрипотца?

Глаза Эйдена будто стали темнее и он медленно положил руку мне на корсет и также медленно заблуждал взглядом по моему платью. Я смотрела на его действия, чувствуя, будто это происходит исключительно с нашими отражениями, а не с нами. И да, когда успели убежать предательницы-служанки? Будто в ответ на мои мысли в дверь постучали, заставив Эйдена чуть поморщиться, а с его глаз будто упала пелена.

— Входите. — Мне мерещится, или он сегодня не многословен? Опять стадия «я хочу убежать в сад от всех вас»?

Взгляд его все еще был направлен на меня, когда дверь открылась и в проеме показался вечно вежливый и пунктуальный Себастьян.

— Сэр, экипаж подан.

— Спасибо. Пошли.

Я двинулась вслед за ним, попутно осматривая осматривая широкую спину. У входа он накинул плащ, а мне на плечи самостоятельно опустил поданное служанкой короткое меховое манто.

Путь до Сантониума занимал несколько часов. Вы только вслушайтесь в это: несколько часов в молчании. Я думала, что у меня язык к небу прирастет. Когда мы наконец вышли у главной стены, отделяющий город от всего остального мира, я не нашла слов, чтобы описать увиденное. Это при моем словарном запасе!

Дело в том, что те, кто называл Сантониум городом света были как нельзя близки к истине. Из-за бело-мраморной стены вверх, в темное ночное небо, как самый большой в мире луч взлетал столб яркого, ослепляющего света. Это был мерцающий сгусток, созданный искусственно руками человека. Помимо золотого сияния, то там, то тут, в небе вспыхивали и другие виды огней. Красные, синие, желтые, белые. Для людей не искусственных, например, для меня, это зрелище казалось фантастическим.

— А солнцезащитные очки они на входе в город не выдают? — Завороженно вглядываясь в небо спросила я.

Эйден посмотрел сначала на меня, затем на королевский город. Очевидно, он забыл, что я впервые воочию столкнулась с ним.

— Ах, это... Ты привыкнешь. На самом деле этот свет мягкий и не бьет по глазам. Ну, если не заходит в районы развлечений. Вот там не помешают беруши и защиты для глаз.

— А нам куда? — Поинтересовалась я, заметив, что наш экипаж опустили на постой в леваду рядом со стеной. Здесь же располагались мини-гостиницы для тех, кому дальше был ход заказан.

— Нам в центр. Вон, самый светлый столб. — Он показал пальцем в небо и я поняла, что действительно, по отблескам, что кидали огни города в темное пространство, можно ориентироваться, как по звездам. Например ровно в центре расположился сияющий светло-серебряный цвет, окаймленный ярко-красным контуром.

Я огляделась вокруг:

— А звезд здесь вообще нет?

— Огни города затмевают их. От этого город и кажется ночью таким ярким.

Когда мы попали за ворота чудеса не кончились. Мы сменили свой конный экипаж на «лошадей по капотом», как выражался Торрент про старые-новые автомобили. С помощью Эйдена меня посади в ярко-красное авто, в котором отсутствовала крыша. Перед тем как сесть я правда не выдержала, и под удивленный взгляд шофера обследовала все гладкие линии авто. Особенно меня впечатлил капот, который был горячим. Только после предложения Эйдена «положить меня на него», я, не забыв покраснеть в тон платья и машины, а также кинуть в извращенцы свирепый взгляд, уселась в салон.

Я все еще не понимала действий Эйдена, в особенности его романтических выпадов в мою сторону. Что они значат? И значат ли они для аристократа хоть что-то? Каждую ночь, расчесывая волосы и заплетая их в косу перед сном, я думала о том, что должна быть решительной, и давать ему отпор. И каждый день, когда я встречалась со взглядом зеленых глаз, мне хотелось стать к нему ближе. Очевидно, безумное непостоянство Батори было заразным.

Мы ехали с небольшой скоростью из-за огромного потока машин всех цветов и размеров, но ветер все равно пытался сделать мне прическу на свой манер. Я с ожесточением всунула одну из шпилек обратно и посмотрела на спутника.

Парень сидел рядом со мной, откинувшись на мягкое сидение из белой кожи и равнодушно взирал на мелькающие витрины: одна ярче другой. На огромных экранах показывали людей, товары, мероприятия, события. Город звенел и кричал. Даже воздух мне казался здесь каким-то спертым, не таким, как за стеной. Как будто бы и он был наполнен электричеством. Эйден лениво вытянул руку ладонью вверх из машины, а затем повернул ее, пропуская между пальцами потоки воздуха.

— Не замерзла?

Я отрицательно покачала головой, от чего очередная шпилька снова поддалась соблазну вылезти из локонов. Я лишь раздраженно вздохнула, смиряясь с гибелью парикмахерского шедевра и тоже откидываясь на спинку сидения. Город мелькал и рябил перед глазами. Много людей, много огней, много звуков.

— И как здесь можно жить? — Невольно произнесла я, не рассчитывая на ответ, но он прозвучал.

— Вот и я не знаю. — Тихо произнес наследник клана Батори.

Я обернулась и посмотрела на его точеный профиль. Почему я раньше не думала о том, что он один из немногих представителей правящих кланов, что живет вне черты Сантнума и не рвется сюда? Вместо городской суеты он выбрал для себя тихие земли, с его садом, ранчо, озерами и прочими природными владениями клана Батори. Да, он много работал, это я тоже не могла не заметить. Порой весь особняк уже спал, видя вторые, третьи, четвертые сны, а в кабинете Эйдена все еще горел свет. Любил ли он то, что делал? Или это было обязанностью? Этот парень стал для меня откровением, он совсем не был похож на современных аристократов нашего мира. Он завораживал.

— Ты впервые в Сантониуме, а смотришь не на город, а на меня. — Произнес он, не поворачиваясь ко мне. Но уголок тонких губ чуть поплыл вбок, выдавая улыбку.

— Город слепит меня. Захотелось увидеть что-то привычное. — Нашлась я с ответом, однако снова отвернулась.

Поездка в центр королевской столицы заняла около полутора часов. И подумать не могла, что город такой огромный. Мы вышли перед шикарным дворцом, сияющем так, будто он сделан из стекла и солнца.

Мы поднялись по широким ступеням, зашли в массивные двери, по обе стороны которых располагались скульптуры амурчиков из белого мрамора. Пухлые крылатые малыши играли на арфах, флейтах, а другие танцевали под неслышную простым смертным музыку.

Наконец, мы попали внутрь. Это было... Ярко. Все в этом городе было ярко. Куда не глянь, отовсюду стекались явно неприлично богатые люди. Статные дамы, сверкающие из под масок своими белозубыми и жеманными улыбками, опирались на локти своих кавалеров, будто и шагу не могли ступить без поддержки. Оу, к слову, я говорила, что маски девушек были украшены явно не бижутерией? Впрочем, упоминание «неприличного богатства» подразумевало это. Не удивлюсь, если здесь и унитазы в уборных из чистого золота, специально для изнеженных царских филейных окороков.

— Что я здесь делаю.

— Сопровождаешь самого сексуального парня в этом зале. — Прощелестел голос рядом с моим ухом.

Я велела себе не думать о мурашках, которые он вызвал и насмешливо глянула через плечо.

— Масочка твою сексуальность прикрыла, не находишь?

Безусловно, я лгала. Черная простая маска, очерченная по краю тонкими нитями замысловатого и в тоже время простого узора серого цвета никак не могла скрыть ярких глаз, а лишь подчеркивала их редкий цвет. Сегодня его зрачки были неправдоподобно расширены, оставляя вокруг себя ярко-зеленую полоску радужки. Да и скулы, губы, волевой подбородок — все это осталось в свободном доступе для чужих глаз.

— Мой природный магнетизм не спрятать даже обрядовая маска племен южан. Так то не переживай.

— Было бы о чем.

Я перевела взгляд. Между людей в толпе сновали юркие официанты, тоже в масках. Я как раз думала о том, что неплохо бы поймать одного из них и восполнить запас жидкости в организме, как бокал проплыл по воздуху и очутился перед моим лицом.

— Леди. — Я взяла напиток у Эйдена и сделав глоток, ощутила, как пузырьки ударили в нос. — Шампанское?

— Все еще хочешь сказать, что не пьешь?

— А что, найдешь местную кухню и отправишь меня в помощь? Буду только рада. И раз уж ты спросил, то из того ограниченного опыта знакомства с алкоголем, я считаю, что это не мое. — Взглянув еще раз на окружающую меня толпу я вздохнула и залпом осушила бокал. — Для смелости. — Объяснила я свой поступок удивленно вззирающему на меня кавалеру.

Сунув ему в руку бокал, я двинулась вперед, где, по моим подсчетам, должны быть столы с закусками. Интересно, сколько я смогу съесть бессмысленных бутербродов без корочки прежде чем задохнусь в этом корсете?

Неожиданно музыка смолкла, а на сцену забрался мужчина в ярко-желтом костюме с такой же маской, украшенной золотыми пайетками. Хм. Без комментариев.

— Леди и джентльмены! — Произнес он, окидывая взглядом внушительную толпу присутствующих. — Добро пожаловать на ежегодную «Ночь тайны»!

Зал взорвался аплодисментами, а я сунула себе в рот бутерброд. От переизбытка чувств, конечно. Тем временем парень в костюме плода запретной страсти томата и бижутерии продолжал распинаться:

— Как приятно понимать, что каждый год здесь собирается все больше и больше новых, небезразличных людей. Скоро придется искать замок побольше, или же расширять стены этого! — Мужчина залился хохотом от своей шутки и его смех подхватили остальные.

— Футбольное поле, не? — Пробурчала я вслух, прожевывая очередной бутерброд.

Рядом со мной раздался смешок. Я повернула голову и заметила, что рядом стоит миниатюрная девушка.

— Он всегда такой. — Улыбнулась она мне.

— Я тут впервые. И канарейку тоже впервые вижу.

Она снова хихикнула. А затем ее глаза расширились и рот приобрел форму аккуратного «о», проследив за ее взглядом, я заметила, что к нам пробирается Эйден.

— Дамы. — Кивнул он моей новой знакомой. — Милая, скоро будет открытие традиционным танцем.

«Милая»? Хлопните меня по спинке, я подавилась. Выдав эту, безусловно очень важную и столь же интересную для меня новость, Эйден выжидательно уставился на меня. Девушка в розовом уставилась на него. Я переводила взгляд с него на нее и тут же на лице стала расплываться хитрая улыбка. Готова поклясться, Эйден заметил ее и подозрительно прищурился.

— Ох, это замечательно. Может пригласишь мою очаровательную подругу? — Я королевским жестом повела ладонью вверх в сторону девушки. Та прибывала в состоянии шока и смотрела на мою руку с благоговением, как на перст божий.

Ну что, мистер обаяние, давай, ты же не сможешь отказать девушке? Это тебе месть за капот машины! Как я и думала, досада, скользнувшая неувимой тенью на его лице, сменилась самым благожелательным выражением.

— С удовольствием! — Он согнул руку в локте, приглашая взяться за него девушку, ставшую пунцовой. Кинув в мою сторону взгляд, обещающий мне все муки ада, он удалился. Я, в свою очередь, отсалютовала бокалом. Умирать — так с музыкой!

— Можно пригласить вас, прекрасная незнакомка? — Услышала я голос за своей спиной. Чертовски знакомый голос.

Круто развернувшись на каблуках я оказалась лицом к лицу с высоким и статным брюнетом.

— Ты! — Воскликнула я, спровоцировав у него морщины на лбу.

— Я. Только не надо так орать.

Мой пульс моментально подскочил, и я с усилием воли сохранила спокойной выражение лица. Все мои инстинкты, с каким-то запозданием закричали: говорить шепотом, оглядываться и прятать друга. Действительно, какого черта он тут делает? В этом рассаднике пижонов.

— Брен... Гномик! Что ты тут делаешь? — Прошипела я, сверкая глазами. — Не боишься, что тебя заметят?

— И что? Славный андабат захотел покутить. С кем не бывает?

Я покачала головой, затем отошла на шаг и осмотрела его, присвистнув:

— А ты потрясающей выглядишь.

На парне был костюм графа 18-го века. Выглядел он как настоящий: зеленый гобелен был украшен золотой отделкой, а жабо и манжеты сверкали белизной. Золотая маска дополняла образ.

— А где ваш парик, граф? Костюм не полон!

— Ветром сдуло. А ты тоже хороша, маска тебе явно к лицу.

Я фыркнула, но подход оценила и даже поддержала:

— Тоже заметил? Аксессуары на пол лица удачно способны скрыть все недостатки, я вот планирую с ней не расставаться. — Для пущей убедительности я погладила свое кружево на лице. Брендан усмехнулся.

— И все-таки, маска, пойдете танцевать?

— Никогда не могла отказать мужчинам с жабо. — Улыбнулась я, принимая приглашение друга.

Он провел меня в плотные ряды танцующих и поставил рядом с собой, в один из импровизированных кругов-хороводов. И я поняла, что мы как раз попали на местную разновидность руэды.

— Я думала, что ты не танцуешь. — Подтрунила я над партнером.

— Я не танцую. — Подтвердил он с полуулыбкой. — Я на работе.

— Да? Секретная миссия: отдавить мне носы чертовски дорогих туфель?

— Именно. Если получится, я даже умыкну одну, соскребу с нее все золото, хватит на месяц пьянок.

— Ах ты разбойник под личиной благородного графа! А что ты сделаешь с бриллиантовыми набойками?

— Вставлю в обручальное кольцо, которое будет передаваться в нашей семье как реликвия... Ну, или тоже пропью.

Я засмеялась и смех мой утонул в первых бодрых аккордах танца. Не успела я насладиться обществом Брендана, как пришлось поменять партнеров. И снова. И еще раз. И вот я не заметила, как оказалась в руках Эйдена.

— Попалась.

— Ну, это ненадолго.

— Ты подставила меня.

— Что Вы, мой лорд, я сделала два добрых дела одновременно: развила вашу общительность и помогла милой девушке прикоснуться к кумиру. Надеюсь, ты ее не съел.

— Она не в моем вкусе, знаешь.

Я лишь хмыкнула.

— Надо признать, вы неплохо держитесь.

Эйден действительно прекрасно двигался, как будто не он недавно грозился разнести гостиную в щепки от многочисленных «па». Отчего-то, с врожденными способностями к танцам, он не мог усвоить основные традиционные танцы нашей исторической родины. А когда Эйден не мог что-то понять, он злился.

— У меня был прекрасный учитель. — Улыбнулся мой партнер.

— Не могу не согласиться. — Пропела я в ответ.

— А с кем ты танцуешь?

— С Вами, хочу заметить.

— Кто тебя пригласил, Элеонора? Вы довольно мило беседовали.

— Обаятельный молодой граф. Он рассказывал мне истории за прошлый век.

— И ты не знаешь кто под маской?

— Ни малейшего понятия.

Следующий партнер не дал возможности продолжить нашу дискуссию и слава Богу. Не буду строить из себя ангела — врать я умела и виртуозно, но ложь, где замешано несколько людей, становится опасной. Сменив круг из партнеров, я снова попала в руки к Брендану:

— Как будет возможность, приходи на второй этаж к уборным. — Бросил он мне сразу, как только оказался рядом.

Я вскинула брови:

— Уборная? Тебе нужна моя помощь? Не можешь справиться со своими костюмчиком?

— Юмор твой... — Процедил Брендан, останавливаясь и, по обычаю, поклоном поблагодарив меня за танец.

Закончив танец мы поаплодировали оркестру и уступили место следующим парам. Я взяла Бренда под руку и мы направились к столикам, как на мою спину опустилась другая рука, вытягивая меня от друга.

— Следующий танец мой.

Брендан окинул взглядом Эйдена и его руку, покоящуюся на моей талии, затем перевел взгляд на меня и выдал одну из арсенала самых впечатляющих улыбок.

— Надеюсь, это не последний наш танец. — Он снова поклонился и поцеловал мне руку. — Приятно было познакомиться.

— Это взаимно. — Ответила я и проводив его взглядом посмотрела на Эйдена. — Эти властные нотки в вашем голосе порой...

Я не успела договорить, что эти самые ноты аристократа со мной делают, как снова раздалась музыка и меня закружили в танце. Здесь также было необходимо меняться партнерами, но Эйден плевал на эти правила. Он ловко лавировал между танцующими, ведя меня в своем собственном ритме.

— На нас все смотрят. — Проворчала я, когда Эйден не пожелал выпускать меня из рук второй танец подряд.

Зеленые глаза внимательно посмотрели на меня через щели в маске:

— Не на нас, а на тебя. Ты прекрасна.

Вшух.

Опять эти слова.

Сердце ухнуло куда-то вниз, чтобы заново подскочить к горлу. И быстрый ритм танца вряд ли был повинен в том, что мое дыхание сбилось. Остаток танца я не произнесла не слова, мой партнер тоже. Но вот его взгляд было весьма красноречивым. Всепроникающий, пристальный, властный... С каких пор Эйден на меня так смотрит? Игриво? Да. Смешливо? Конечно. Но не... Так. Неожиданно его рука на моей талии показалась мне слишком горячей, а материал корсета безмерно тонким. Наконец, очередная музыка смолкла и я, вместе со своими противоречивыми чувствами, отпросилась «припудрить носик».

Извинившись, я прошла вдоль зала, не рискуя врываться в толпу танцующих, которая вновь набрала обороты и тем более не желая привлекать себе внимание. Вбежав по лестнице, я поинтересовалась у одного из официантов на наличие уборной, тот отправил меня в нужном направлении: конец коридора перед развилкой. Дойдя до нужного места я

посмотрела на две двери: по левую руку была женская уборная, по правую — мужская. На всякий случай я оглянулась и посмотрела есть ли кто в коридоре, но меня окружали лишь вазы с искусственными цветами и доносившаяся музыка. Надеюсь, что он не имел в виду мужской туалет, я взялась за ручку левой двери, но тут из развилки появилась фигура, и, резко схватив меня за руку, рывком втащила за угол, прижав к стене.

— Шшш... — Прижав палец к своим губам на меня смотрел Брендан.

— Твою мать, Брендан, ты хочешь довести меня до инфаркта?

— Мы оба знаем, что ты не из пугливых.

— Что случилось? — Пропустила мимо ушей я лестные слова. Радость от встрече с ним сменилась воспоминанием о нанесенной обиде. — Давай к делу, пока мой узурпатор не организовал поисковую команду. Он сегодня подозрительно нуждается в моем обществе.

Брендан фыркнул.

— Как скажешь.

Затем произошло что-то из ряда вон, смотря мне в глаза и не мигая, он резким движением схватил мою правую ногу, заставив меня схватиться за его сюртук, и, освободив ее от слоев платья, завел за свою спину.

— Что ты...

— Не шуми, услышат. — Он все еще смотрел в мои широко раскрытые глаза, насмешливо сощурился. Ни сказав больше ни слова, андабат медленно провел рукой по щиколотке, минуя голень, колено, и остановился лишь добравшись до кружевной кромки чулка. Я была настолько шокирована происходящим, что даже далекий шум зала казался чем-то посторонним. Затем Брендан вытащил из-за пазухи ремень с небольшим ножом и ловко закрепил конструкцию на моем бедре. Кожа плотно обхватила чулок, заставив меня шумно втянуть воздух от соприкосновения горячих пальцев, сжавших ногу чуть ниже ремня.

— Не мог оставить тебя без защиты в этом доме. — Сказал парень, на достаточно близком расстоянии от моего лица.

— Какие отточенные движения. — Выдохнула я.

— Что, хочешь спросить, как часто я надеваю девушкам нож под юбку? — С ухмылкой ответил Брендан, откровенно наслаждаясь моим огорошенным видом и красным лицом.

— Не уверена, что хочу это знать. А теперь, может отпустишь мою ногу?

Не прекращая усмехаться, Брендан медленно отпустил мою ногу. Я оправила юбку, а он отряхнул пиджак. Двоякая ситуация для темного угла.

Я потрогала свое бедро и нащупала рукоятку:

— И что это?

— Кинжал, облегченный. Насколько я помню, ты в совершенстве научилась им владеть.

— Ну ничего себе. — Искренне изумилась я. — Похвала от тебя? Самое приятно, что выдавал твой рот во время наших тренировок, что-то вроде «средненько, но сойдет».

— Возможно Реми оказался лучшим учителем, чем я, раз уж ты научилась метко попадать «в бычий глаз». Он сказал, что со скоростью и бросками в движении у тебя тоже нет проблем.

Я пожала плечами:

— Ну да, я в этом поднаторела. А по поводу учителей... Ты тоже неплох, старичок. Разве что тебе следовало больше мне доверять. Во всем.

Брендан лишь прищурился.

— Это все новости из внешнего мира? Ты пробрался на бал, чтобы сделать мне

подарок? Очень романтично, но не стоило, в поместье меня допускают к кухне и не считают столовые приборы.

— Не сомневаюсь. Впрочем, у меня еще один сюрприз.

— Иглы с ядом в корсет?

— Нет, ты мне не настолько надоела. Присмотрись к солистке из труппы на балконах, она скоро появится.

Я вскинула бровь:

— А может мы не будем говорить загадками? Просто, знаешь, девушки не совсем в моем вкусе, и если ты...

— Ты что-нибудь узнала?

— Например? Про Батори? — Я дождалась кивка и пожевала губы. О, я узнала очень много, но вряд ли что-то из этого заинтересует моего друга. — В особняке никто кроме Эйдена не появляется. Если верить документам, то основные дела они ведут с южанами. Торговые обороты мощные, но на документах все чисто. Правда деньги, которыми они ворочают, никак не могут быть результатом переправления тканей и специй.

Я озвучила свою теорию и пытливо посмотрела на Брендана. Он задумчиво кивнул.

— Томас также говорит. Да и многие из наших... Наркотики, оружие... Чем могли бы заниматься Батори? Вообще все наши ниточки постоянно тянутся к Батори и Эвансам, но на этом они обрываются. Бесит. — Рассуждал он вслух, будто бы и не для меня. А затем задал очередной вопрос: — А что тебе известно о клане Эванс?

Я выцарапала из недр памяти эту фамилию:

— Религиозники? — Так называли их за глаза просты смертные. — Их наследница планирует сегодня получить маску. Но я не знаю о их отношениях с семьей Батори.

Я пожалала плечами, отчего блески на них поймали свет коридора и заискрились. Брендан проследил за ними взглядом, затем посмотрел на мои ключицы, шею и снова в лицо:

— Ты потрясающе выглядишь сегодня, я говорил тебе?

— Эм... Нет, ты опустил эту деталь.

Брендан смотрел на меня внимательным взглядом, скользя взглядом по прядям затейливо уложенных волос, по чертам лица, плечам... Слишком много взглядов про мою честь на сегодня. И тем более в подобном выражении лица Брендана я не нуждалась. Теперь. Позже я думала обо всем произошедшем и понимала, что да, мне было больно и обидно, но не так чтобы... Не так, чтобы мое сердце разбилось на миллион осколков, как пишут в этих странных книгах о вечной любви. Скорее моя боль напоминала обиду, детскую и наивную. Как будто мой лучший друг ушел играть с другой девочкой и угостил ее самым большим песочным куличиком. Так было ли это настоящим чувством? Я любила Брендана, светло и искренне, но я любила своего друга.

— У тебя все хорошо? Батори, он... — Начал Брендан, прерывая мои мысли.

— Все нормально. — Резко оборвала я брюнета. И уже мягче добавила. — Правда, не знаю зачем меня Батори... купил, но ничего плохого не происходит. Пока что мне удалось только познать тонкости уборки и обучать его танцам. Ничего криминального.

— Эленор...

— Да, я буду осторожна. — Нетерпеливо и раздраженно прошипела я.

— Я просто хотел сказать, что у тебя чертовски красное лицо. — Нахально улыбнулся парень намекая на то, что от тесного контакта его ладоней и моего бедра я еще не отошла.

— С чего бы это. Мне пора. — Прошипела я и, подхватив юбку платья, метнулась в коридор.

Дотронувшись тыльной стороной ладони до щеки я поняла, что Брендан не шутил, кожа горела огнем под холодными пальцами.

— До инфаркта доведет, ящерица проклятая. — Пробормотала я себе под нос.

Снова оказавшись в зале, я пару раз глубоко вздохнула и поймав официанта, взяла у него стакан с соком, залпом осушив его. Ледяной вкус ананасового пойла обжег горло и заставил меня поморщиться. Но может это хоть как-то остудит происходящее.

Оглянувшись, я попыталась найти знакомую маску Эйдена среди прочих. Совершенно не хотелось бы, чтобы он заметил мое отсутствие. Но ни среди танцующих, ни среди наблюдающих его не было. Впрочем, вся эта смесь пестрых цветов сводила с ума, я бы и себя не признала в этой толпе.

— Здравствуйте, позвольте вас пригласить?

Справа от меня возник кавалер: высокий мужчина в классическом костюме темного-синего цвета, белоснежная маска прикрывала его лицо на одну треть, напоминая призрака оперы. Я не успела открыть рот, что ответить согласием или отказом, как на почувствовала на своей талии чью-то руку и почти одновременно с этим услышала знакомый голос:

— Дама занята, Брайн, найди другую.

Брайн кинул взгляд на Эйдена и его глаза вспыхнули, он еще раз уже более оценивающе посмотрел на меня:

— Батори. Я не знал. Так это значит та самая...

— Теперь знаешь. — Оборвал его Эйден.

— Теперь знаю. — Подтвердил таинственный знакомый Эйдена и снова обратился ко мне. — И теперь я еще более заинтересован в танце с тобой. Оставишь мне один? Ангел?

Взгляд брюнета, которые с каждым новым словом выкапывал себе могилу и заставлял руку, все еще обнимающую меня, сжиматься сильнее. Он решил наградить меня синяками в форме его пальцев? Хоть голос Эйдена не дрогнул, он был раздражен. Более того, он был зол.

— Она моя. Я купил ее. Поэтому, пожалуйста, найди себе кого-то другого. Прошу прощения.

Кивнув ему, он резко развернул меня, и мы удалились в сторону, противоположную той, с которой пришел брюнет. Я на автомате перебирала ногами в невыносимых туфлях и постепенно, когда до меня доходил смысл сказанных и буквально зависших передо мной слов я начинала краснеть, на этот раз от гнева. Я чувствовала, как жар поднимается откуда-то из груди, по шее, окрашивая мое лицо алым оттенком и резко остановилась.

Батори развернулся и удивленно посмотрел на меня, будто не понимаю, что все это время тащил меня на буксире, или то, что я умею останавливаться.

— Как. Ты. Мог. — Выдавила я из себя три слова.

Он непонимающе уставился на меня, а мимо все сновали пары: дамы, шуршащие юбками и оставляющие после себя шлейф различных ароматов и их кавалеры, одноликие маски. Многие с интересом поглядывали на нашу пару. Батори это внимание явно раздражало, а мне было все равно. Каждый раз он то внушает мне, что я личность, то что я купленная вещь. Сколько можно?

— Можно подумать, я сказал неправду.

— Я живой человек, Батори, а ты кичишься мной, как будто новыми часами. Это

унизительно и мерзко.

— Поверь, во всем мире нет таких дорогостоящих часов. — Хмыкнул Эйден, одаривая меня наглым взглядом. — Послушай, как бы тебе не было прискорбно это признавать, чем раньше ты смиришься с фактом того, что я тебя купил, тем лучше. Ты всецело принадлежишь мне, Элеонора.

Его пальцы скользнули по моей щеке, заставив поморщиться и отвернуться, подавляя в себе желание ударить его. Мой жест вызвал у аристократа лишь усмешку, которая разозлила меня еще больше. Я развернулась на каблуках:

— Хочу подышать воздухом.

— Элеонор. Стой. — Тон Эйдена изменился.

— Что прикажете, о, повелитель? — Процедила я сквозь зубы.

Эйден потер лоб. От усмешки не осталось и следа, теперь он выглядел непривычно устало. Лицо аристократа побледнело больше, чем обычно:

— Просто не уходи. Ты нужна мне. Рядом. — Он даже не приказал, а попросил об этом, поэтому желание спорить мимолетно отпало. Что он со мной делал.

Я молча дернула плечами и повернулась к столу с закусками. Оценив богатый выбор бутербродов, фруктов и великолепных пирожных, похожих на произведение искусства, я сразу попробовала корзинку из песочного теста с кремом и фруктами. Я была близка к тому, чтобы протяжно застонать от удовольствия, когда услышала, что к нашему дуэту подоспели еще участники.

Двое мужчин и три женщины горячо приветствовали Эйдена, но тот подобной эмоциональностью не отвечал. Возможно, мне показалось, но одна из девушек особенно напрягла моего спутника своим присутствием. Миловидная блондинка в голубом платье, весом в тонну и ценой в состояние, которое сочетало в себе разнофактурные ткани от шелка и атласа до газа, украшенное сутажом, не отрывала глаз от Батори.

Присмотревшись, я поняла, что уже видела ее. Именно это личико украшало статью в газете, что Эйден дал мне за завтраком. Как же ее... Анжелика Эванс, точно! Хм. Что-то тут не чисто. Тем более, если вспомнить интерес Брендана и мятежников к ее персоне.

Эйден представил и меня, как ожидалось: мужчины облобызали мое правое запястье, искушая схватить салфетку и отереть его от чужих бактерий, а женщины встретили мое присутствие с деланным равнодушием. Лишь та же блондинка тепло мне улыбнулась.

Новоприбывшие возобновили один из своих разговоров, насыщенный светскими сплетнями.

— Вы не слышали о Рюмелле? Он был обвинен в измене. Говорят, его улучили во связи с мятежниками... — Произнесла еще одна блондинка в светло-бежевом одеянии и многочисленных рюшах.

— Да уж, вот это «разжалование», от королевского советника в заключенные. — Захохотал мужчина в сером костюме.

— Жан-Поль, это не смешно! Он был уважаемым человеком... Так страшно представить, что раньше он танцевал с нами на балах! Жаль, очень жаль.

— А я считаю, что нечего их жалеть. Если фрукт подгнил, гниль надо не вырезать, а выкидывать его к чертовой бабушке. Итак развелось много шушеры. Этот треклятый Ворон хотя бы... Это же надо! Он ведет себя как мистический колдун и забирается в закрытые комнаты! Вы же слышали, как нашли последнего? Слугам пришлось выломать дверь! На третьем этаже!

Две девушки рядом с Анжеликой стали усерднее орудовать веерами, силясь отогнать потоками воздуха страшную для них тему.

— Я уверен, что это те самые мятежные группировки... Их рук дело. — Заявил мужчина в темно-лиловой маске и задумчиво потер жиденькую бородку.

— Да, я слышал, что есть такая версия. Один из отступников, или несколько. Ты тоже так считаешь? — Поинтересовался мужчина в сером.

— Да, я уверена в этом. Кто еще? Благородным людям уж точно есть чем заняться. А кто такие повстанцы? Наверняка это банда головорезов, которые не умеют ничего, кроме как махать кулаками и саблями. Безмозглые убийцы и варвары.

Мои пальцы побелели от того, как я сжала бокал.

— И много ли отступников вам удалось увидеть, месье, чтобы сделать такие выводы? — Отчеканила я, делая шаг к мужчинам. Все присутствующие мигом посмотрели на меня. — Подозреваю, что ни одного, раз вы все еще живы.

Две девушки спрятали лица за своими опахалами в перьях, выражая этим возмущение. Анжелика чуть наклонила в бок свою хорошенькую головку, но ничем более эмоций не проявила. Человек в сером же вовсе засмеялся и ткнул друга в плечо:

— Действительно, Дюк, много ли ты общался с повстанцами? Мы чего-то интересного о тебе не знаем?

Дюк, которого я быстро переделала в «индюк», лишь фыркнул и снова обратил внимание на меня. В широких прорезях маски мужчины оказалось два светло-карих глаза, которые теперь вьедливо всматривались в мое лицо:

— Я не общаюсь с отбросами общества. И если бы мне представился случай увидеть кого-то из них, наш разговор был бы коротким.

Он демонстративно отодвинул камзол, представив нашему взору шпагу, висевшую в ножнах. Интересно, она настоящая, или дань костюму? Мужчина был в образе мушкетера. В любом случае, эта металлическая зубочистка даже меня не испугала, а вот нервные барышни справа от меня что-то зашептали друг другу. Дюк осклабился, довольный произведенным эффектом.

— Боюсь, что носить оружие и уметь постоять за себя — разные вещи.

— На что ты намекаешь? — Огрызнулся мой оппонент.

— Я говорю вам прямым текстом: будьте осторожны со своим ножичком. С оружием надо уметь обращаться, тем более мужчина должен владеть им, а не использовать как средство привлечения дам. Думаю, мятежникам это известно. А вам?

— Ты так заступаешься за мятежников, это подозрительно. Может, ты одна из них?

— А может это вы один из них? И пороча повстанцев, вы пытаетесь снять с себя подозрения? — Мило улыбаясь предположила я.

Девушки лишь ахнули, а я еле сдержалась, чтобы не закатить глаза. Эти кисейные барышни вот-вот рухнут в обморок от простого диалога, театрально раскинув руки и требуя флакон нюхательной соли. Было у нас парочка таких в академии. Они падали в обморок до тех пор, пока на одну из них я не высыпала весь запас соли директрисы.

— Какая дерзость! Что ты себе позволяешь?

Если он еще раз мне «тыкнет», я выхвачу его сабельку и нашинкую его на канаве, в попытке вдолбить хорошие манеры.

— А разве не вы первые себе это позволили? Я лишь вернула вам ваше предположение. Как видите, в эту игру можно играть вдвоем. А если вы так смущены тем, что я заступаюсь за

отступников — я этого не делаю. Но также я не делаю опрометчивых выводов о их положении и силах. Только глупый человек способен на такое. А еще я считаю, что у медали две стороны, и мы не знаем всех мотивов отступников. Они просто хотят жить, а каждый в мире имеет это право. — Я говорила с жаром, все больше заводясь и чувствуя, что Брендан не отрывает от меня взгляда. Мне следовало остановиться, определенно.

Дюк вернул себе самообладание и своему лицу скучающих вид:

— Твои речи лишены здравого смысла. Рассуждаешь как юная девочка с романтическим складом ума. Каждый имеет право на жизнь? То есть ты за «мир во всем мире»? Утопия — это сказки.

— За утопию никто не борется. Они борются за свободу и равноправие. Когда-то давно эти понятия были больше, чем «пшик». Они были высшим благом.

Не успел он мне ответить, как голос подала одна из девушек, подобострастно смотря на Дюка:

— Не знаю как вы, а лично я считаю, что нам просто нельзя спать спокойно, пока андабаты не зачистят всех. — Я еле сдержала усмешку. Знали бы они, что львиная доля молодых Защитников давно перекочевала во вражеский стан. И я, хоть не видела сама, но слышала, в правящих кастах есть те, кому не по душе нынешняя политика. Они тоже встали на сторону мятежников. — Я вот, например, практически лишилась сна, узнав про восстания! А когда прочитала о Вороне, мой аппетит...

— Восстания? — Оживилась я, перебивая девушку, которая явно пыталась перевести тему на себя любимую.

Она сморщила личико, отчего обилие блесков на нем заискрилось:

— Ну да, восстания. Бунты вспыхивают, особенно в дальних районах. Говорят, поэтому Король и не приехал на этот бал, а также не позволил появиться здесь принцессе. До коронации остался год и ее стали беречь как зеницу ока. Хотя по официальной версии они отъехали по делам государственной важности.

— А возможный мезальянс между принцем Севера и принцессой играет в этом какую-то роль?

Здесь две из трех подруг вообще оживились, и наперебой стали потчевать меня свежими сплетнями на тему возможного брака между принцем и принцессой и их выгод. Затем их унесло в сторону предположений о том, какие слухи о принце Севера вымысел, а какие бьель, и предположения о его неземной красоте. Здесь мой мозг отключился и пополз в сторону полученной информации.

Я сделала несколько глотков виноградного сока, который все еще держала в руке. Люди бунтуют и правящие кланы начнут делать шаги к их подавлению. Принцессу любят и уважают больше, чем короля, а принцем Севера пугают детей, так что...

Я открыла рот, чтобы задать еще один вопрос, как Дюк, который, оказывается, все еще изучающе смотрел на меня, повернулся лицом к Эйдену:

— Эйден, друг, ты считаешь, то разумно было приобретать такую... — По его глазам я видела, что он точно знает, откуда меня взял Эйден. — Диковинку? Говорят, она влетела тебе «в копеечку».

— Чтобы посмотреть на то, как она ставит тебя на место, Дюк, я готов отдавать ей такую сумму ежедневно. И неужели дела твоей семьи так плохи, что вы считаете наши траты?

— Сложно игнорировать такое сенсационное событие. В последний год ты вел себя как

затворник, а потом производишь фурор и приходишь на бал в честь Основателей в обществе прислуги да еще и танцуешь с ней не переставая. Это вызывает толки.

— Вам не кажется, что это невежливо, обсуждать положение девушки при ней. — Спросила Анжелика Эванс, чем вызвала два удивленных взгляда: мой и Эйдена.

Причем последний посмотрел на нее едва ли не впервые за вечер, чем вызвал смущение блондинки. Она явно благоволила наследнику клана Батори.

Я слегка улыбнулась девушке и получила такую же улыбку в ответ, а затем снова посмотрела на Дюка:

— Нет, я не против, продолжайте. Лучше обсуждайте меня здесь, чем за спиной. Но хочу отметить, что мы с вами, господин, находимся на одном и том же приеме, едим одну и ту же еду, танцуем под одну и ту же музыку. И прямо сейчас, как бы вы меня не назвали из чувства злости, между нами нет отличий, кроме одного: вы настолько заинтересованы моей историей и жизнью, что знаете меня и мое имя. Я же не имею ни малейшего понятия, кто вы такой и считаю эту информацию лишней. Но я думаю, хорошо, что на вас маска. Вы можете прятать за ней свое гнус...

— Элеонора, тише. — Рука Эйдена обняла меня за голые плечи.

Анжелика тихо хихикнула, отчего понравилась мне еще больше. От дальнейшей перепалки меня отвлекла тишина, ознаменовавшая смену оркестра. Как и обещала Брендану, я посмотрела вверх.

На центральной площадке стояла девушка в золотом платье и золотой маске. Даже волосы ее, собранные в прическу, и прочих членов оркестра, украшал толстый слой золотых блесток. С моего места нельзя было разобрать как она выглядит, но в том, как смиренно она наклонила голову и сложила перед грудью руки, как будто в беззвучной молитве, было что-то искреннее, пронзительное. А еще что-то очень знакомое. Я прищурилась, силясь понять, где я могла видеть эту девушку, сейчас напоминающую скульптуру из сусального золота, и тут она раскрыла рот и запела.

Все внутри меня замерло.

— Стелла... — Вырвалось из моих губ имя лучшей подруги.

Это была она. Манеру исполнения девушки нельзя спутать ни с чем, услышав единожды. Ее голос был сильным и нежным одновременно, он с несравнимой легкостью доставал до любых нот. Девушка пела о счастье и любви, но я не понимала текста. Я просто смотрела на свою горячо любимую подругу, которую я так боялась потерять, а в глазах моих стояли слезы.

Отвлеченная этим зрелищем и обуреваемыми меня эмоциями, я не заметила, что атмосфера вокруг медленно изменялась. Создалось впечатление, что кто-то одним резким движением вычерпнул всю непринужденность и радость вечера. Дюк перестал говорить что-то злое. Люди вокруг замирали и поворачивались ко входу, как зачарованные марионетки. Музыка все еще лилась из верхних ярусов, пока и музыканты не заметили перемен в зале и то, что все танцующие пары остановились.

Наверху главной лестницы стоял Ворон.

Человек был в черном одеянии, плечи длинного плаща были украшены иссиня-черными, блестящими в свете люстр перьями. Его лицо прятала маска, похожая на маску врача чумы.* Он просто стоял, как замершая статуя, и смотрел на толпу ряженых перед собой.

Нельзя было сказать, кто это: мужчина, женщина. Каков его возраст, раса или клан. О

чем я? Глядя на него, с трудом можно было определить, человек ли это. Суеверный ужас сковал движения окружающих. Он распространялся по залу как бубонная чума, будто этот человек действительно был заражен, стал носителем самого страшного вируса, от которого нет антидота: страха.

Все люди боятся смерти. А еще они страшатся того, чего не в силах понять. Не сложно сделать вывод, что смерть от руки мистического ворона пугает аристократов до безумия.

Я вздрогнула от неожиданности, когда почувствовала, что кто-то дотронулся до моего левого запястья. Приложив усилие, я все же отвела взгляд от зрелища и посмотрела на Эйдена. В его лице не было и тени страха или обычной надменности, он был сосредоточен. На мне. «Не бойся. Я с тобой.» — читала я в его зеленых глазах. Напряжение в моих плечах спало. Оказывается, я была словно натянутая струна, сама того не ведая. Руководствуясь инстинктом и не желая нарушать молчание, я нашла руку парня и сжала ее, чувствуя, что его теплая большая ладонь сжимает мою в ответ. «Я не боюсь» — Ответила я ему мысленно, и знала, что он меня понял.

Живая статуя в образе птицы ожила, Ворон сделал шаг по лестнице. Страх присутствующих был осязаем, но мне неожиданно стало смешно. Нет, правда, в этом зале — сотни людей. Среди них есть и воины, королевская гвардия из лучших андабатов. А все замерли перед человеком в маске. Перед чем? Перед его дерзостью? Прийти сюда в таком образе было смелым и глупым поступком, но все же, это бал маскарад, и он имел право находиться здесь в маске. Даже в маске, которая выглядела как плевок в лицо знати и насмешка над убийством наследников.

— Немыслимо. — Пробормотал Дюк.

Остальные тоже стали шептаться, тихо, боязливо и трепетно. Человек в страшном костюме спускался по лестнице, держа спину прямо и гордо. Малодушные люди, мимо которых он проходил, расступались, расчищая ему дорогу, как знатному вельможе.

Он дошел до нижней ступени и вышел на площадку. Все еще взгляды были направлены на него: заинтересованные, замороженные, пугливые, опасливые. Ворон поднял правую руку, ропот, поднявшийся было, сразу сник, его место заняла музыка, появившаяся из неоткуда. Я оглянулась на балконы, Стелла и остальные замерли. Но музыка, смешение струнных, клавишных и ударных, звучала все громче. Она была красивая, но жестокая, тяжелая. Ворон запел.

Поднимаясь с колен, оттряхните с них пыль

И сомкните ряды поскорее.

Поднимайте, и дайте опор,

Всем тем, кто считает, что он сильнее.

Готовьтесь к мятежу.

Готовьтесь к битве.

Последней битве.

За свободу.

Звук его голоса разливался в помещение с идеальной акустикой. Текст проникал в наше сознание и заставлял сердце леденеть от догадки. Эти слова точно посеят в сердцах людей мысли о том, кто скрывается под маской этого мстителя — революционер, мятежник, отступник. Тот, кто дерзнул прийти на одно из самых важным мероприятий высшего

общества и заявить о грядущих переменах. Но это не могли быть отступники, Брендан бы сказал мне об этом. И нет, они не стали бы пачкать руки в крови наследников только ради устрашения правящих кланов. Я на силу оторвала взгляд от Ворона и посмотрела на застывших людей вокруг. Лица, прикрытые масками, не могли выражать эмоций, но я уверена, что они прятали ужас и страх. Из дальнего конца зала к лестнице уже мчались андабаты в костюмах, как и гости, они хотели слиться с обстановкой. Я с удивлением поняла, что Брендан тоже бежит к лестнице. Почему он не сказал, что он здесь как защитник? Королевский защитник.

Вместе с тем, как в мой мозг проникала песня ворона, в ноздри проскользнул сладковатый аромат. Я интуитивно втянула его глубже. Звук музыки стал восприниматься острее, звучать громче, почти больно давя на уши. Захотелось прикрыть уши руками, как к мелодии стали прибавлять одиночные крики и шум. Люди падали прямо в зале.

Одна из рядом стоящих девушек не выдержала охватившего ее головокружения или напряжения и стала заваливаться вперед. Она облокотилась на стол с десертами и наверняка развернула бы его, если бы мужчина не поддержал даму.

Неожиданно мне в нос уткнулась тряпка — белый платок.

— Черт возьми, это какой-то дурман. Эленор, прижми это, дыши меньше, надо выходить. — Голос Эйдена стал звучать приглушенно от того, что он сам уткнулся в рукав своего пиджака и просто потому, что мой мир будто затуманился.

Крики стали звучать чаще, присутствующие стали пробираться к выходу. Давка и хаос стали нашими спутниками к выходу. Эйден крепко держал меня за локоть и толкал в сторону выхода, я хотела понять, все ли нормально с людьми, что стояли рядом, но остановись мы на секунду, нас бы просто затоптали люди. Слезящимися глазами я посмотрела на лестницу и выхватила как раз тот момент, когда Защитники, с трудом пробрались сквозь обезумевшую толпу и достали оружие. Пистолеты. Оружие, которое могли иметь только Защитники королевской гвардии. Слышала я звук возведенных курков, или мое одурманенное воображение само создало их? И тут произошло нечто, что точно можно было отнести на разыгравшуюся фантазию. С пронзительным звуком огромные витражные стекла треснули и изображенные на них прекрасные сады и фигуры женщин рассыпались на мельчайшие цветные осколки, осыпав ими близ стоящих людей. Звук заставил гостей и защитников на миг отвлечься, и его было достаточно, чтобы Ворон исчез.

Лишь когда мы выбрались наружу и стали жадно глотать воздух, я поняла, что Эйден вывел не только меня, но и Анжелику Эванс. Девушка была бледна, как смерть и выглядела близкой к обмороку. Однако Эйден повернулся ко мне и взял за плечи:

— Ты как? Все в порядке? У тебя красные глаза. Надо показать тебя доктору, черт.

Я устала закачала головой и хотела сказать, что и у Эйдена очень красные глаза, и лучше ему посмотреть на Анжелику, которая выглядит более хрупкой, но язык меня не слушался. Да Эйден и не ждал моего ответа, он прижал меня к себе, и я благодарно облокотилась лбом о его камзол.

— Мисс Эванс, вам надо вызвать автомобиль. Дюк позаботишься о ней?

Оказалось, что Дюк тоже вышел с нами.

— Конечно. Анжелика, пойдём.

Я открыла глаза и попыталась найти взглядом Брендана или Стеллу. Осознание, что она в безопасности и занимается любимым делом было для меня как луч света в небе, пробившемся сквозь темные, затянувшие его грозовые тучи. Но то, что я не могла с ней

пообщаться и снова разлучена было большим разочарованием. Но в сумятице из чужих лиц, уже лишившихся масок, опознать кого-то было нереально. Эйден подтолкнул меня к нашему красному автомобилю, очевидно, его желание не отпускать шофера, чтобы «убраться отсюда когда станет неважноту» стало для нас спасением. Анжелика остановила нас, обхватив Эйдена за рукав.

— Я... Я могу поехать с вами? — Просяще посмотрела девушка. Я удивленно окинула взглядом Эйдена.

— Куда? — Не понял лорд.

— С вами... К вам. — Отлично, мой мозг все еще не воспринимает информацию. Иначе зачем бы леди Эванс цепляться за этого заносчивого парня?

— Это было бы неудобно, мы не будем оставаться в Сантониуме. Вернемся в поместье. А вам следует скорее ехать домой, мистер и миссис Эванс будут волноваться. Всего доброго.

Как мы сели в машину я не помнила. И как пересели в карету тоже. Всю обратную дорогу я спала, окруженная как коконом теплом рук Эйдена и запахом его одеколна, вытеснившим из моего сознания аромат дурманящего вещества, что Ворон или его люди распыляли в зале.

Только на следующий день из вечерних газет мы узнали, что пока мы все слушали нежданного гостя, наследник Валентайн из второго правящего клана, был найден с перерезанным горлом в саду. Рядом с ним лежало черное перо.

*Чумной доктор, (врачеватель чумы) — врач в средневековой и ренессансной Европе, занимающийся лечением больных бубонной чумой, или «чёрной смертью» во время эпидемий. Частью его образа была маска с клювом, считалось, что она отпугивает недуг, а также в кончик клюва клали лекарственные травы

Глава 12. Много граней для одного

Глава 12. Много граней для одного.

Эйден

Неделя в столице была равносильная месяцу на каторге. Да, я утрирую. Вряд ли можно сравнить труд на каменноугольных копях за пайку и званые вечера в высшем обществе. С другой стороны, каждый раз, возвращаясь из Сантониума, я был готов добровольно вооружиться кирхой. Раздражало все: жеманные улыбки, светская вежливость, игра в «ничего-не-происходит». И больше всего меня сводил с ума отец.

Я скинул плащ и поймал за локоть горничную, которая пыталась проскочить мимо, отделавшись кивком в знак приветствия:

— Где Элеонора?

— Не знаю, сэр. Возможно в саду с детьми, сэр.

— С детьми? — Я удивленно посмотрел на девушку, но выпытывать у нее, откуда у моей рыжей птички появились дети за неделю моего отсутствия не стал.

Раньше, чем увидел девушку, я услышал ее залиvistый смех. Мелодичный, как множество серебряных колокольчиков. Он переплетался с детскими голосами, заполнявшими сад, но был слышен и узнаваем даже в этом хоре ребятни, которым девушка действительно себя окружила.

Элеонора МакАртур, выпускница пансиона благородных девиц, бегала по моему заднему двору за детьми моей прислуги. На глаза ей надели платок и дети не переставая хлопали в ладоши, кружась вокруг девушки. Элеонора явно им подыгрывала, постоянно проходя мимо и делая вид, что совершенно не может ориентироваться без одного из органов чувств.

Я шагнул вперед, пройдя между кустами рододендрона и вышел на площадку, которую дети и дама, с повадками ребенка, выбрали для игр. Четверо малышей сразу притихли, заметив меня, но я прижал палец ко рту, прося не выдавать моего присутствия. Сорванцы понимающие и хитро заулыбались.

— Эй, чего вы замолчали? Попрятались? Это не честно! — Возмутилась Элеонора сверкая улыбкой и, выставив вперед руки, пошла прямо на меня.

Я поднял руки и хлопнул. Она прислушалась и сделала еще шаг ко мне. Я отошел чуть вправо, хлопнув в ладоши еще пару раз. А это действительно весело! Хлоп-хлоп. Девушка быстро подскочила ко мне и схватила за полы пиджака, ожидая, очевидно, что ловит кого-то не столь высокого:

— Попал... — Не знаю, что именно выдало Элеоноре ее оплошность, но она резво сдернула платок с лица, и ликующее выражение сменилось шоком. — Ты!

— Ты так удивлена, как будто я здесь не живу.

Было приятно смотреть, как ее лицо залиvает красноватый оттенок. Девушка была смуглой и когда смущалась не выглядела, как будто кто-то брызнул ей в лицо багровой краской, чтобы разбавить бледность, ведь именно так смотрелась добрая часть двора. Нет, Элеонора и тут утерла всем нос, и на ее скулах стыдливо распускались розы, делая ее еще

прекраснее и невероятно юной. Как я заметил еще давно, в Элеоноре легко сочеталась детская наивность и непосредственность с женственностью. Страстная натура авантюристки свободно уживалась с леди. И это впечатляло.

— Но ты же уехал в Сантониум.

— Оттуда, по твоему, не возвращаются? — Скептически изогнул бровь я.

Самообладание возвращалось к девушке. Она хмыкнула и сняла повязку, все еще висевшую на шее, аккуратно сложив ее. Я кивнул застывшей в паре шагов от нас ребятне и те, давась смехом, сразу скрылись в кустах, как стайка испуганных воробьев. Элеонора на мой жест поморщилась, но промолчала. Я предложил девушке согнутую в локте руку, молчаливо приглашая пройти со мной по саду, с небольшой задержкой она ее приняла.

— И как дела в нашей яркой столице?

— Это светская вежливость или тебе, правда, интересно?

— Это светская вежливость и мне, правда, интересно. — Не стала отмечать ни один из вариантов девушка.

Я хмыкнул и пожал плечами.

— Ты не будешь отвечать? — Надулась рыжая.

— Задай какой-нибудь другой вопрос. И я отвечу.

Мимо нас пролетела бабочка. Узорчатые крылышки трепетали. Элеонора проводила ее взглядом. Вопросов больше не было.

Я поднял руку и сорвал бледно-розовый цветок с куста. Роза — королева всех цветов. Сочетает в себе опасные, колкие шипы и прекрасные бутоны. Опасность и наивность. Не так ли я думал недавно о девушке, идущей рядом? Осторожно обломав два шипа, я погладил нежные лепестки большим пальцем. Затем остановился и, повернувшись к своей спутнице, осторожно вдел цветок в ее густые, чуть спутанные от беготни и детских забав волосы. Она не стала возражать против этого жеста, лишь чуть поправила розу левой рукой:

— Знаешь, думаю, этот подарок мне нравится больше иных. — Хитро улыбнулась эта рыжая лиса.

Ну да, потребность привозить Элеоноре подарки появилась как-то внезапно. Но все мои попытки добиться ее искренней радости терпели крах. То, от чего иные барышни трепетали, заставляло ее лишь вежливо улыбаться и благодарить меня. И вот, цветок в ее волосах распустил свои бутоны и заставил засиять ее ярко-синие глаза. Кто бы знал. Глядя на нее, я осознал кое-что важное для меня. Я чувствовал, что ее совершенно не волнует лорд Батори. И я надеялся, что ее интересует Эйден.

— Может, мне стоит подарить тебе весь сад? — Прошептал я, охваченный тем непонятным, давящим чувством, что вызывала во мне ее улыбка.

Носик, чуть тронутый веснушками, как будто поцелованный солнцем, сморщился:

— Любишь же ты утиривать. — Девушка снова двинулась вперед, пользуясь тем, что я больше не держу ее под руку.

— У меня есть еще один подарок. Точнее, не совсем подарок. — Я достал из кармана пиджака письмо.

Глаза девушки загорелись:

— Это мне? — Она быстро взяла конверт из протянутой руки. — Он вскрыт! — Возмущенно ахнула она и одарила меня злым взглядом.

— Ну да. Я не привык, что письма приходят кому-то помимо меня. Вскрыл по привычке.

Это была ложь, и Элеонора понимала это, но спросить не стала. Письмо было от девушки из дома Мори, семьи, что нашла и выходила ее после похищения. Но мог ли я подумать, что они стали подругами? Впрочем, в строках я не нашел ничего подозрительного.

Кейко Мори, наследница третьего правящего клана, ее родители имеют сеть медицинских учреждений и живут весьма самобытно. Она рассказывала Элеонор какие-то глупости. О платьях, чае, о том, что ее брат проводит много времени со своим «новым огромным псом и его вечно твякающим щеночком». Даже не знал, что Мори интересуются собаками. Еще был какой-то бред про чай, луну, платья. Также она выражала надежду, что Элеоноре тут хорошо и надеялась на скорый ответ. Прочитать ответное письмо мне хотелось гораздо больше.

Элеонор жадно вчитывалась в текст и постоянно улыбалась. Ну вот, опять оно. Чувство, горячее и давящее. Не хочу, чтобы ее улыбка принадлежала кому-то еще. Хочу ее только для себя. Цветок в ее волосах отбрасывал маленькую тень на волосы, делая это место чуть темнее. Красивый, глубокий цвет. Остальные волосы девушки ловили солнечный свет и искрились всеми оттенками красного. Дочитав, она аккуратно сложила конверт пополам и положила его в глубокий карман платья.

— Если хочешь, пригласи Мори в поместье. Я не стану возражать. — Предложил я.

Глаза Элеоноры вспыхнули от радости, но затем она снова опустила ресницы и задумчиво прикусила губу:

— Спасибо, Эйден. — Поблагодарила она, не удостоив меня и намеком, воспользуется ли она моим предложением.

Вместо этого она опять взяла меня под руку. Сама. Такой простой обыденный жест, но я почувствовал волнение в груди. Мы снова двинулись по саду, уходя вглубь. Нас обступало все большее количество кустов роз: белых, розовых, красных.

— Почему розы? — Поинтересовалась она, нарушая молчание.

Задавать верные вопросы — это искусство. Наверное, эта девушка обладала особым чутьем, выискивая темы в душах окружающих. Я задумался на миг, кто из гостей поместья спрашивал меня об этом? Никто. Некоторые вскользь восхищались садом. Другие пытались выклянчить цветок, особенно наивные девушки, которые жеманно говорили добрые слова в адрес роз, и пытливо смотрели на меня, желая, чтобы я преподнес им подарок, а они потом будут молоть языком, что лорд Батори подарил им букет. Романное воспитание делало их желания слишком очевидными. Ну, а я ни разу не подарил ни одного цветка. Подумав об этом, я бросил взгляд на розу в волосах Элеоноры. Я даже не задумался, когда украсил ее волосы... Наверное, поэтому я ответил:

— Поместье и, конечно, сад, принадлежали моей матери. Она очень любила розы и сама постоянно возилась с ними в саду. Ни одного садовника не подпускала. Только пара помощников...

— Ты не шутишь?! — Восхищенно воскликнула девушка и ее удивленный взгляд заскользил по окружающим нас кустам. — Это все — дело рук одной женщины?

Я с улыбкой кивнул:

— Да. Она говорила, что в ее жизни было всего две любви: розы и я.

Элеонора подарила мне теплую улыбку. Не просто улыбку, коснувшуюся ее губ, как у других людей, а искреннюю улыбку, которая читалась даже в синих глазах. Вопросы, который повис в воздухе, о том, любила ли мама моего отца, не возникло. Впрочем, даже я не знал на него ответа. Также девушка не стала спрашивать, что случилось с моей мамой. И

почему она жила здесь, в поместье, далеко от Сантониума. Она просто шла рядом со мной, даря душевное спокойствие. Посмотрев вниз, я заметил, что девушка босая. Из под длинных полов платья то и дело показывались голые пальцы. Если честно, это даже меня не удивило.

— Где твоя обувь?

Она посмотрела вниз, как будто только сейчас поняла, что ходит по траве босиком:

— Там, где мы играли с детьми.

— Не простынешь? Трава прохладная.

— Откуда тебе знать. — Хмыкнула девушка. — Она приятная. И щекотная. Не хочешь разуться?

Если честно, я хотел. Как давно я не ходил по траве? Как давно я вообще просто гулял по этому саду, не думая... Ни о чем. Но все же я отказался. Мы дошли до западной части сада, более других скрытой в зелени и цветах. Здесь находилась белая беседка, по бокам которой вились плетистые розы. Такие же украшали и небольшую арку с качелями. Старые качели, на которых меня качала мама в далеком детстве. А было ли оно вообще, это детство? Или мне просто показалось...

— Мы с мамой любили это место больше иных. В беседке мы часто читали книги. А когда заходит солнце, в этой части сада все превращается в райские кущи: тени дают ему новые оттенки. И розы как будто пахнут по-особенному. — Произнес я и мигом устыдился.

Я не озвучивал подобные глупые, в чем-то романтические и недостойные лорда мысли никому. Но Элеонора даже не обратила внимания, а лишь кивнула и посмотрела на солнце:

— Я бы хотела посмотреть. — Затем она заинтересованно посмотрела на арку.

Заметив это, я кивнул на качели:

— Садись.

— Это приказ? — Левая бровь девушки то ли игриво, то ли скептически приподнялась вверх.

— Предложение. — Я обогнул качели и взялся за витые толстые веревки. — Я покатаю тебя.

Девушка засомневалась, смотря то на меня, то на деревянное сидение. Можно подумать, даже детские качели представлялись ей рядом со мной, как капкан.

— Ты боишься? — Поинтересовался я с усмешкой. Безусловно, я просто дразнил ее, но отчего-то мне важно было знать действительный ответ на этот вопрос.

Девушка ожидаемо вздернула свой нос:

— Вот еще. — Фыркнула рыжая и уселась спиной ко мне, обхватив руками веревки.

— Если будет слишком высоко — кричи. — Прошептал я ей на ухо.

Я толкнул качели от себя, сначала легко. Когда качели вернулись, я приложил больше силы, заставляя девушку взмыть в воздух. Ее босые ноги приподнялись, а многослойная юбка темно-синего цвета разметалась. Элеонора захохотала, звонко, искренне.

— И это все? — Услышал я ее звонкий голос.

В этот раз мне пришлось отойти на пару шагов, чтобы схватиться за сидение и снова отправить девушку в небо. Она смеялась и смеялась, эти звуки шли из груди, сердца, души. Так ли я смеялся, когда мама катала меня? У нее были слабые руки, но она все равно это делала, чтобы слушать мой смех.

Я резко вцепился в ручки качелей, заставляя их остановиться. Смех оборвался.

— Ты чего? — Элеонора чуть повернула голову, силясь посмотреть назад.

— Не оборачивайся. — Прорычал я.

Девушка замерла. Я уткнулся лбом в ее затылок, в мягкие волосы. Мои руки спустились по веревкам к ее рукам, крепко вцепившимся в ее канаты качели. Я нежно обхватил тонкие кисти рук девушки, ощущая их тепло, нет, пламя. Они были такие горячие.

Я сделал глубокий вдох.

У меня было ощущение, что я всю жизнь задыхался. Задыхался не просто от нехватки кислорода, а от того что я бежал. Стремился достичь чего-то, вовсе мне не нужного. А когда Элеонора появилась в моей жизни, я наконец остановился. Я вдохнул воздух полной грудью, оглянулся на все, мимо чего успел пробежать, не заметив всю красоту мира, жизни. На все эти напрасно потраченные годы. Она стала моим воздухом. Моей надеждой.

— Что же ты со мной делаешь, Элеонора МакАртур... — Прошептал я в ее рыжие волосы, касаясь их губами.

Ее голова чуть двинулась. Повернись она сейчас, и мои губы коснулись бы ее щеки. Ее нежной кожи, ее веснушек. От Элеоноры всегда исходил свет и какой-то особенный жар. Кажется, будто ее смуглая кожа впитывает в себя солнечные лучи. Мне становилось хуже. Я не верил в существование души, пока не почувствовал с какой силой она может болеть.

Я отстранился. Надо было принимать решение, и я знал единственно-верное. Элеонор не место рядом со мной. Но пока... Пока что...

Я удалился, не желая показывать девушке свое лицо. Но этим вечером я снова вернулся в сад, чтобы набрать букет самых красивых роз. Для нее.

Элеонора

В последнее время хозяйина поместья окружала меланхолия и безразличие. Опять. Он даже не пытался подколоть меня. Создалось впечатление, что из очередной поездки в Сантониум вернулся совсем иной человек. И знаете что? Он мне не нравился. Я с ужасом поняла, что:

Я скучала, когда Эйдена не было в поместье. Я привязалась к нашим перепалкам и совместным вечерам больше, чем могла себе это позволить.

Когда Эйдену приходилось покидать поместье, он привозил мне подарки: платья, драгоценности, духи. В них не было толка. Я вежливо улыбалась и все. Но однажды он завязал мне глаза и отвел в конюшню. Эйден Батори привез мне породистого скакуна. Это был мальчик, ярко-рыжий, просто огненный. Я назвала его Пламя.

Помнится, на эмоциях я кинулась к Эйдену на шею, что одинаково смутило нас обоих. Это странно, ведь сам парень порой позволял себе больше.

Но в этот раз по приезду он даже не встретился со мной. Поэтому я сама пошла его искать. Нелепо, верно?

Когда я появилась в библиотеке, Эйдан сидел в кресле и, смотря на огонь, лениво перемешивал между собой карты. Услышав, что кто-то зашел, он поднял голову и, заметив меня, слегка приподнял уголки губ.

— Привет, принцесса, как дела?

Я вежливо кивнула:

— Хорошо, что спросил. В моей жизни произошло много потрясающих событий. Не так давно я ездила в путешествие. Там, когда я посещала один из балов соседней страны, появился принц Юга. Ох он и правда горячий мужчина! Он был покорен моей красотой и мы решили тайно обвенчаться, вопреки закону их страны. Но оказалось, что я не одна такая, остальной гарем не обрадовался этой новости и организовал заговор против меня, проклятые ревнивицы! И вот когда я проходила по саду с фруктами они...

— Так, стоп-стоп! — Эйден, смеясь, вскинул одну руку ладонью ко мне, прекращая словесный поток полнейшего бреда. — Ты сейчас пересказываешь мне сон или мечтаешь стать наложницей?

На его лице полнейшая меланхолия наконец сменилась теплой улыбкой, что, на удивление, принесло мне искреннюю радость. Я почувствовала, что уже улыбаюсь в ответ. И вообще я с упоением вглядывалась в черты, которые за несколько месяцев в поместье стали какими-то... Родными.

— Все возможно, — Пожала я плечами как можно более безразлично. — Просто странный вопрос для птички в золотой клетке. Мой круг общения не меняется, как и стены вокруг меня, как и дела.

— Вот оно что. — Усмехнулся Эйден. — Лисичка скучает?

Я снова пожала плечами, блуждая взглядом по стенам комнаты, будто видела их впервые.

— Иди сюда, сядь рядом. Я покажу тебе кое что интересное.

Я обернулась и увидела, как Батори снова начинает перемешивать карты, на этот раз они летали у него в руках, как будто у профессионального шуллера.

— Где ты этому научился? — Поинтересовалась я. — Искусство картежника — не то, чему учат аристократов.

Я приблизилась к Эйдену и, игнорируя кресло, опустилась на колени на мягчайший ковер у камина.

— Секрет. — Улыбнулся он. На лице парня играли тени, а огонь камина отражался в глазах. Огонь и я. Я поняла, что откровенно пялюсь на него и в смущении перевела взгляд обратно на колоду, следя за ловкими пальцами. Он продолжал. — Я покажу тебе потрясающий фокус, который перевернет весь твой мир. Хочешь?

Не смотря на сомнительный пафос изречения, я с готовностью кивнула.

— Следи внимательно. — Он спустился с кресла и присел на колени прямо передо мной, развернув карты веером. — Вытягивай одну.

Я послушно пробежала пальцами по вееру карт, ощущая их шершавость и потертость, а затем остановилась, вытянув одну.

— Смотри и запоминай. — Продолжал фокусник. Я посмотрела на карту и улыбнулась. Валет червей, вот так совпадение. Затем снова подняла глаза на парня, он протянул мне колоду. — Клади обратно и можешь перемешать сама.

Я вложила валета в колоду, тщательно скрывая картинку, и хорошенько перетасовала карты.

— А теперь, кульминация! — Объявил Эйден, забирая колоду. — Закрывай глаза и думай об этой карте. Только очень сильно думай. — Я послушно прикрыла веки, подчиняясь его вкрадчивому голосу. — Думай о карте, Элеонора.

Магия. Действительно. Произошла.

Я почувствовала, как моих губ коснулось что-то мягкое, сначала нежно, и через мгновение, не давая опомниться, Эйден горячо поцеловал меня, буквально сметая барьеры и мысли этим поцелуем. Это было... Волшебно. И страшно. Именно эта последняя мысль заставила меня упереться в плечи парня, оттолкнув его от себя. Я распахнула глаза.

— Батори! Ты идиот! — Я вскочила на ноги.

— Нет, я фокусник. — Парировал парень.

— У тебя отвратительный фокусы и мерзкое чувство юмора.

— Какие шутки, принцесса? Шуток здесь точно не было.

Он сказал это с таким серьезным видом, что я замерла, не зная что сделать: выскочить отсюда или сказать что-то... Эйден начал вставать, заставив меня сделать шаг назад, что вызвало у него улыбку. Но тут по его лицу пробежала тень, и улыбку сменила гримаса боли. Он поморщился и снова осел на пол. Я бросилась к парню, и взяла его за плечи.

— Эй, что с тобой слу...

Сильные руки Эйдена, утратившие, как оказалось театральную, слабость, резко обхватили меня, чтобы перевернуть на спину. Парень навис надо мной, заставив тихо ахнуть.

— Чего ты испугалась? Не нравится чувствовать себя загнанной в угол? Маленькая рыжая лисичка стала жертвой более сильного хищника?

Что он несет?

Батори убрал мои волосы с плеч, что, как мне кажется, уже вошло у него в привычку. Но на этом его руки не остановились: блондин медленно, вкрадчиво смотря мне в глаза, провел большими пальцами по моим ключицам, заставив нервно сглотнуть. Я почувствовала, как к щекам подступает жар, окрашивая их румянцем. Надеюсь, его можно расценить как гнев, а не...

— Что, ты, делаешь? — Нервно спросила я.

— А ты как думаешь? — Совершенно спокойно ответил вопросом на вопрос парень.

О, я много чего думала! Мысли в моей голове хаотично носились, сплетались в комок, и билась о черепную коробку. Только вот они так перемешались, что разобраться я их не могла.

Он потянул мои волосы, не сильно, не больно, но достаточно, чтобы я медленно отвела голову назад, открывая ему доступ к шее. Батори, со всеми его манерами, богатством, аристократичностью, безумно напоминал вампира из какого-нибудь замка. Вот и сейчас, он медленно наклонился к моей шее, но не укусил, а легко касаясь провел языком снизу вверх по обнаженной коже.

Мои мысли совершенно рассредоточились, оставив меня разбираться в этой ситуации оголенным комком эмоций. И, если честно, все эти эмоции были во власти теплого дыхания Эйдена, скользящего по моей шее, сменяющегося на поцелуи и влажные прикосновения языка и губ.

Скользнув по моим плечами, ладони парня потянули за собой верх моего бирюзового платья. «Что ты делаешь?» — снова прозвучал в голове навязчивый вопрос, но дальше сознания он не смог уйти. Все силы уходили просто на то, чтобы дышать. Все же, немислимым усилием, я подняла руку вверх, не дав одежде соскользнуть дальше и уперлась ладонью в грудь Эйдена. Но он не воспринял это маленькое сопротивление, а нежно взял меня за руку и настойчиво притянул еще ближе к себе. Его лицо оказалось близко к моему, и уже у самых губ он выдохнул короткое:

— Моя. — И, не дав мне времени ни на ответ, ни на посторонние мысли, прижался нежным поцелуем, будто ставя им печать, подтверждающую его слова. Его права. Права на меня.

Если у меня и были еще мысли отстраниться, они растаяли в этом сладком, томительном, тягучем поцелуе. Большим пальцем он нежно гладил мою ладонь, все еще прижатую к его груди. Я могла чувствовать биение его сердца, бешеное, так не соответствующее его внешнему спокойствию. Нетерпеливый язык Эйдена заставил меня приоткрыть губы и проникнул глубже, утверждая свою власть надо мной. По всему телу

прошла волна горячего возбуждения и из моих губ вырвался приглушенный поцелуем стон. Кажется, все нервные окончания моего тела сосредоточились на прикосновениях и поцелуях этого властного тирана. Запах горевшего в камине дерева смешался с запахом тела Эйдена, и, Боже, как же прекрасно он пах. От происходящего кружилась голова, и, если бы я не была прижата к мягкому ковру, наверняка бы упала. Жар от камина я уже ощущала как свой собственный, более того, я так плавилась под пальцами Эйдена, осторожно скользящим по моему телу, что сама чувствовала себя пламенем. Нет, это ложь. Пламенем был он, неумным огнем, незаметно разгорающимся от малейшей искры, но с каждой секундой неукротимо набирающим силу. И что в итоге принесет этот огонь для меня: выжженное пепелище или нескончаемое плавление? Не знаю, да и не думаю, что мне теперь есть до этого дело.

Рука Эйдена прошла по моему бедру, заставив мягко прошелестеть ткань юбки, затем я почувствовала прикосновение его пальцев к коже. Медленными и манящими движениями его левая рука стала пробираться вверх, поглаживая меня через тонкую ткань чулка. Где-то на задворках сознания я отметила, что такое я уже видела. И слишком поздно вспомнила где.

Пальцы парня добрались до кожаных ножен. Он остановился. Когда меня перестали целовать, я, совершенно растаявшая, открыла осоловевшие глаза и посмотрела на Эйдена.

— Что?.. — Он не продолжил вопрос, как я осознала происходящее.

— Нож. — Выдала я с ходу. Правда — лучшее в этом случае. — Он со мной еще с пансионата. Всегда. Во избежание сексуальных домогательств. — Ну, или почти правда.

Эйден не разозлился, как я предполагала, а лишь засмеялся и стал нежно поглаживать большим пальцем голую кожу над кожаным ремнем.

— Ты хоть умеешь им пользоваться, принцесса? — Спросил он, наклоняясь ко мне.

— Хочешь проверить? — С вызовом произнесла я.

— Возможно. Как-нибудь в другой раз. — Тут его губы снова нашили мои, но эта задержка дала мне передышку и возможность соображать.

Я резко отвернулась, и губы парня дотронулись лишь до моей щеки. Мое дыхание все еще было сбитым, грудь вздымалась так, что грозила порвать тугой корсет платья. Я поняла, что мое тело все еще трепещет, как будто все нервы в нем натянулись, в ожидании продолжения, надеясь на... Прикосновения Эйдена? Нет. Нельзя.

Наши отношения были слишком непонятными. А для общества и вовсе предосудительными. И сейчас... Сейчас парень, котору купил меня, завалил на полу комнаты, как вещь, прислугу. Кем бы он ни был, он не станет моим первым мужчиной. Не так. Не могу. Не хочу. К горлу стала подбираться паника. Часть ее стала заслугой испуга от осознания того, что я хотела этих прикосновений.

Не поворачиваясь к парню, я пробормотала:

— Это плохая идея.

— Как показывает практика, именно плохие идеи приходят к самым ярким и интересным воспоминаниям.

— То есть ты хочешь, чтобы я стала очередным воспоминанием для тебя? — Спросила я, в тщетной попытке отвлечь парня. Но казалось, что он настроен серьезно. Его пальцы оказались на моей шее, чуть погладив чувствительную кожу.

— Воспоминанием? Может быть. Жизнь состоит из воспоминаний. Так почему бы тебе не стать одной из самых искренних частей моей жизни? Или даже... Единственной искренней.

— Что ты имеешь в виду? Ах... — Эйден ласково и игриво прикусил мочку моего уха. Черт возьми. Мое тело превращалось в вату. Еще секунда и запахнет жареным... Жареным, точно!

Я скосила глаза на камин, полыхающий огнем. Расстояние до него было более чем нарушающее технику безопасности. И если постараться, то... Ловким движением (Насколько позволяли дрожащие коленки), я отодвинула левую ногу. Эйден воспринял этот жест как приглашение к продолжению, теснее прижимаясь телом ко мне. Я же махнула ногой и полы моей юбки задели решетку камина, позволяя языкам пламени лизнуть дорожную ткань. Голубые кружева моментально задымились, а затем светлые клубы дыма переросли в занимающийся огонь. Эйден, почувствовав пламя моей страсти, оторвался от моего тела и, увидев, как огонь из камина пробует себя в роли дизайнера моего наряда, вскочил, глухо выдавливая бранные слова сквозь зубы:

— Черт возьми, Элеонора! — Он быстро стал топтать мой подол ботинком, пока не затушил огонь. Затем он посмотрел на меня. — Ты это серьезно?

Я пожалала плечами и быстро встала:

— Считай, что я лучше сгорю, чем...

— Не продолжай. Я уже понял, что ты не в состоянии сказать мне «нет» и только такими экстремальными способами можешь отвлечь мое внимание. — Нагло улыбнулся этот обольстительный мерзавец. Он приблизился ко мне, и я вызывающе вздернула подбородок, однако, в силу своего роста, все равно не могла выглядеть угрожающе. — Но ты же понимаешь, что это только больше раззадоривает мой аппетит, принцесса? Хочу заметить, что я и предположить не мог, что ты такая горячая... Я бы даже сказал огненная штучка.

Я только подумала о том, чтобы ударить его или оттолкнуть, как взгляд Эйдена стал хищным, он поднял указательный палец перед моим лицом:

— Шшш. Не советую этого делать, принцесса. Поранишь ручку. — В его тоне сквозила неприкрытая угроза.

Отлично. Эйден Батори, человек, который купил мою жизнь и вызывает во мне самые противоречивые эмоции теперь еще и с легкостью считывает мои мысли. Уму непостижимо.

Лицо парня снова расслабилось, он легонько щелкнул меня по носу и пошел к выходу из библиотеки.

— Послезавтра в поместье будет прием. Я хочу, чтобы ты тоже там была.

— Зачем, Эйден? — Спросила я как можно более непринужденным голосом, не оборачиваясь. И этот вопрос был не о том, какова цель моего присутствия на приеме. Совсем не об этом.

Шаги за моей спиной прекратились.

— Потому что я могу, Элеонора. — Дверь тихо закрылась.

Глава 13. И в пир, и в мир, и в шок

Глава 13. И в пир, и в мир, и в шок

Элеонор

В поместье принимали гостей и, судя по царящей суете, я бы ничуть не удивилась прибытию короля Кигана с принцессой. Пока что гости лишь собирались и рассекали по саду или залу, проводя досуг за светскими разговорами и закусками, в ожидании ужина. Официантки в накрахмаленных передниках носились с огромными подносами, за которыми некоторых, особо миниатюрных девушек, не было и видно. Я стянула с одного из круглых серебряных подносов огромную клубнику в шоколаде и с наслаждением откусила кисло-сладкое угощение. Это был уже пятый поднос, на который я напала. Вокруг меня не было ни одного знакомого лица, поэтому я мудро решила, что буду занимать рот едой, а не беседами.

Вообще, я бы с большим удовольствием провела время в библиотеке, или даже среди прислуги, но лорд Батори дал четкое указание: надеть лучшее платье и присутствовать на мероприятии. Причем оповестил он меня через записку на фирменном бланке. После памятного вечера в библиотеке мы с ним и парой слов не перекинулись за четыре дня. Поведение Батори все больше поражало меня, иногда я была готова поклясться на библии, что в этом юном лорде живет как минимум две личности, если не больше. То он носился со мной, как с писаной торбой, осыпая подарками и заламывая руки, когда я пыталась объяснить ему, что мне некуда девать и носить платья и украшения, а флаконов с духами у меня столько, что впору открыть собственный салон с парфюмерией. То он игнорировал меня и был холоден, как айсберг. А в иные моменты не давал мне прохода, показывая свой темперамент, а иногда и вовсе вел себя агрессивно.

«Потому что я могу, Элеонора» — Прозвенел в голове его властный голос. Эта фраза, как прилипчивый мотив песни, не давала мне спокойно дышать в последнее время. Что это было? Он показал свою власть надо мной? Я и так в курсе. Или он пытался доказать что-то самому себе?

В любом случае, он оставил мне мой нож, который и сейчас приятно тяжелел на бедре. Да и дело он до конца не довел. Осознав, что именно он мог довести до конца, я громко фыркнула, то ли от смущения, то ли от злости, чем привлекла внимание двух дам, рассматривающих картину с изображением звездного неба. Они посмотрели на меня, как на умалишенную, и активнее замахали перьевыми веерами. Интересно, а что делают дамочки, у которых аллергия на пух? Бедные, бедные модницы, наверняка страдают от невозможности быть в тренде. Я улыбнулась девушкам и ретировалась, с целью найти официанта с напитками. Увы, вместо стаканчика с соком я нашла лорда Батори.

Он стоял перед тремя девушками, явно развлекая их. По крайней мере, они постоянно хихикали, поощряя его. Но внимание Батори особо было занято шатенкой в светло-голубом платье. Рассказав очередную шутку он заметил меня, заставшую рядом с тонкой мраморной колонной. Затем он снова посмотрел на шатенку и его поведение изменилось. Эйден наклонился к ней поближе (Честное слово, я уверена, что это было не обязательно! Или у нее глухота?!) и что-то прошептал. Та с готовностью закивала. Из нагрудного кармана он вытащил знакомую мне колоду карт, а затем, ловко перемешивая ее, продолжил диалог. И я могла бы озвучить каждое его слово, даже не слушая.

— Вытягивай одну карту.

Улыбаясь, как восхищенная дурочка, девушка накрутила на палец локон, как будто завела свой мозг и, отпустив его (Локон, а не мозг, хотя, не берусь говорить на все 100 %), потянулась за картой.

— Запомнила? Клади обратно и перемешивай колоду.

Мое сердце начало быстро-быстро колотиться, а лицо заполняла краска. Губы непроизвольно дрогнули, и я сразу сжала их намертво, уверена, что они побелели.

— А теперь, закрой глаза, и думай об этой карте... — Гостья закрыла глаза, но ни она одна.

Я тоже резко и сильно зажмурилась, так, что мелькнули белые точки и векам стало больно. Но уж лучше это, чем видеть то, что произойдет дальше. Проклятый, проклятый, проклятый аристократишка с замашками Дон Жуана! Ненавижу! Будь ты проклят! Ты...

— Семерка крести.

Что? Я медленно подняла веки и моментально встретилась с взглядом зеленых глаз. В них плясали чертики, а на губах застыла улыбка. Девушка рядом восхищалась мастерством Эйдена, умоляя раскрыть секрет фокуса, а он неотрывно смотрел на меня. Он показывал, что видел все. И что знал то, что я так боялась увидеть. Заметив, что внимание собеседника направлено не на ее персону, девушка обернулась и тоже посмотрела на меня. Поморщившись, она положила руку, украшенную перстнями, на руку Эйдена.

Обида захлестнула меня с новой силой, не из-за этой девушки, а из-за вечных игр Эйдена. А еще больше из-за того, что мне не все равно. И он знал это, он всегда читал меня, как будто одну из открытых книг его библиотеки. Он мог взять ее и открыть на любой нужной ему странице. Потому что они принадлежали ему. Как и я.

Я почувствовала, как глаза наполняются слезами и, резко развернувшись на каблуках, быстрым шагом вышла из гостиной. Вроде я слышала за спиной мое имя, а может мне просто показалось.

Конечно же, я побежала в то место, где искала пристанище все время проживания в доме — в конюшню. Но только вот покой мне не суждено было получить. За ближайшим поворотом мой многострадальный нос был близок к тому, чтобы вписаться в широкую мужскую грудь. Избегая столкновения, я оступилась, теряя сцепление с полом.

— О Господи! — Воскликнула я, пытаюсь не упасть, но мое препятствие меня подхватило. — Божечки... Спасибо и извините... Ох! — Выдохнула я, заметив, кто держит меня за локоть и перед кем я взывала к Господу.

Это был молодой (и стоит заметить: весьма красивый) священник! Серьезно! Я даже покраснела.

— Ну, до Господа мне далеко, но можно сказать, что я на него работаю.

Парень улыбнулся такой сияющей улыбкой, что даже полнейший атеист, лицезревший это явление, добровольно пошел бы в церковь петь псалмы.

— Простите. — Снова извинилась я, на этот раз еще и мысленно, перед Богом, за то, что пожираю глазами сына его.

— Ничего страшного, будь осторожна. — Улыбнулся мне парень и ушел в сторону гостиной.

Не успела я перевести дух от неожиданной встречи, как в мой локоть вцепилась мужская рука:

— Куда ты убежала, лисичка? Веселье еще даже не началось. И ты...

— Эйден? — Мужской голос заставил Эйдена прервать монолог.

Парень отпустил мой локоть, а взгляд его, резко потускневший, уперся в мужчину, появившегося рядом с нами. Он был в сопровождении дамы. Очевидно, супруги. В темной одежде. Посмотрев внимательнее я заметила на его камзоле гербовой знак. Знак Батори.

— Привет, папа. Мама.

Папа и мама? Я снова посмотрела на пару. Это действительно родители Эйдена? Никогда бы не подумала. Женщину, которая вырастила такой прекрасный сад роз, я представляла иначе.

— Это та девушка, которую ты купил? — Вместо приветствия бросил мужчина, продолжая рассматривать меня.

Будь у него лорнет ситуация стала бы еще комичнее. Глаза старшего из рода Батори смотрели на меня надменно и даже брезгливо. В жестких чертах лица не было ничего, хоть издали напоминающего его сына, даже странно. Мама — миниатюрная и худенькая женщина со светлыми волосами и тонкими чертами лица. В голове у меня возникли мысли о внебрачных детях, но я быстро отогнала их прочь и поспешно присела в реверансе.

— Милорд, миледи. Рада познакомиться с вами.

Ответа я не дождалась, впрочем не особенно и желала.

— Я слышал о твоей выходке и шуме, который ты поднял. Не надоело еще нас позорить? — Обратился мужчина к сыну не самым отеческим тоном.

Мама Эйдена дотронулась до плеча мужа, будто прося его остановиться, но тот лишь взмахнул рукой, облаченной в белую перчатку, отмахиваясь от нее как от мошки.

— Я считаю, что если обществу больше нечего обсуждать, то это их проблемы. — Тихо произнес Эйден. — Это традиция, в которой я решил принять участие.

— Не замечал в тебе раньше подобного рвения. — Слова мужчины сквозили неприкрытым подозрением.

Эйден развел руками:

— Что сказать? Я полон сюрпризов.

Лорд Батори снова смерил меня взглядом, на этот раз задерживаясь на всех изгибах фигуры. Так и подумывало поинтересоваться, что он потерял в моем декольте. Уж не верность своей супруге? Наконец он хмыкнул и оторвался от меня:

— Надеюсь, ты не настолько глуп, чтобы повторить мои... Ошибки. — Он бросил это слово так многозначительно, будто хотел им ударить.

Судя по виду Эйдена, это действительно была пощечина. Парень, ведь нельзя забыть, что он всего лишь юноша, сглотнул, будто проглатывая горькую обиду. Однако он вскинул подбородок и учтиво улыбнулся своему отцу:

— Как можно, папа? Ведь я вижу живое напоминание о твоих ошибках каждый день. В зеркале.

На этот раз нервно сглотнула я. Неужели мне не показалось? И лорд Батори называет своего сына... Как мерзко.

— Анжелика приедет? — Будничным тоном поинтересовался отец, стягивая с руки перчатку.

Эйден кивнул.

— Отлично. Помни, что это единственное полезное, что ты можешь сделать для нашей семьи.

Лорд прошел мимо меня и воздух вокруг нас будто стал на несколько градусов холоднее.

Леди прошелестела юбкой темно-коричневого платья вслед за супругом.

Я повернулась к Эйдену. На парне не было лица. Зеленые глаза выглядели безжизненно и безразлично смотрели вслед удаляющейся фигуре, как будто привыкли видеть спину своего отца. Не зная, что сказать, я молча протянула руку и дотронулась пальцами до его руки. Батори младший будто очнулся от наваждения и посмотрел сверху вниз на меня. Его рука обхватила мои пальцы.

— Элеонора. — Проговорил он как-то надломлено. У меня на душе моментально стало тоскливо. — Я пойму, если ты захочешь уйти к себе, но все же попрошу... Остайся на этом вечере со мной, пожалуйста.

Прямо сейчас он был похож на Эйдена, который просил меня не отходить от него на балу. Все-таки мне не кажется, в нем очень много граней, и вот эта, что он показывает мне так редко, возможно, незнакома больше никому. Я сжала его руку в ответ, подарив нежную улыбку:

— Конечно.

Ужин проходил в столовой для гостей. Огромный прямоугольный стол был изящно сервирован, а от количества блюд ножки красного дерева, казалось, треснут. Навскидку в поместье прибыло человек сорок-пятьдесят, и они уже заняли своим места за столом. Все из знатных семей, некоторые лица мне были даже знакомы. Только вот цель их сбора была покрыта для меня завесой тайны.

Несколько стульев остались свободными, очевидно, кто-то задерживался. Я хотела пройти к одному из таковых, в дальнем конце стола, но Эйден, к моему удивлению, придержал меня, взяв за руку своей теплой ладонью. Я обернулась, не пытаюсь скрыть изумления.

— Сядешь со мной.

Эйден кивком указал на два стула во главе стола. На противоположном конце их занимали супруги Батори. Мои глаза самопроизвольно распахнулись, рот грозился сделать тоже самое, немым «о», выражая мой шок.

— Ты спятил? — Прошипела я, изображая при этом улыбку. Мы уже стали привлекать внимание.

— А ты что, боишься? Трусливая лисичка. — Прищурился аристократ.

Его усмешка придала мне смелости. Я выпрямила плечи:

— Когда местное высшее общество обсудит то, что наследник клана Батори посадил рядом с собой купленную девчонку, как метко выразился твой отец, а самого лорда Батори хватит приступ инсульта, ты не будешь так улыбаться. — Промурлыкала я парню на ухо и прошла мимо него к своему месту.

Остановившись у стула, я выразительно глянула на него. Раз уж поставил меня на один ранг с присутствующими, пусть играет по правилам. Тот, с прилипшей ухмылкой, отодвинул мне стул и жестом предложил опуститься на него:

— Миледи.

Я чинно села, а когда Эйден опустился по левую руку от меня, позволила себе поднять глаза. Лорд и леди Батори, на противоположном конце, молча сверлили меня глазами. Я неуютно поерзала, но, ощутив, что мой кинжал на месте, чуть успокоилась. Нет, я не собиралась практиковать метание ножей в лорда второго правящего клана, но в последнее время подарок Брендана был для меня единственным оплотом спокойствия.

— Как вы добрались до стола? Без происшествий?

Я поняла, что обращаются ко мне и посмотрела на парня, сидящего по мою правую руку. За всеми этими волнениями я не заметила, кто является моим соседом.

— Это было сложно, но я определенно справилась. Обошлось даже без синяков. — С улыбкой ответила я служителю церкви, тщетно пытаюсь определить его сан и положение.

От милой улыбки парня напряжение стало спадать, как по волшебству. Он определенно умел располагать к себе.

Стук по бокалу привлек наше внимание к супругам Батори. Старший лорд сменил свою маску надменного властителя, на радушного отца и хозяина, смерил присутствующих взглядом и остановился на нашем конце стола:

— Спасибо всем, что приехали. К сожалению, некоторые задерживаются, поэтому все новости мы отложим напоследок. Эйден, ты устроил прекрасный вечер, сынок.

Покажите тазик, мне плохо. Какое поразительно двуличие! Кажется, аристократов учат этому еще в детстве, сразу после понимания разговорной речи. Еще пара теплых слов было сказано в адрес тех или иных гостей, и после этого, когда все подняли бокалы вина, нам разрешили приступить к ужину.

Резюмирую сразу: ужин был отвратителен. Нет, блюда были отменны! Но атмосфера была накалена до предела. Если сначала гости чувствовали себя немного зажато, то после нескольких бокалов красного вина, в изобилии предложенного присутствующим, их языки развязались. Они начали передавать сплетни, каждая из которых была отвратительнее другой. Единожды они затронули тему Ворона, заставив меня прислушаться, но ничего путного я все равно не узнала. Лишь то, что газ, использованный на балу, не мог всерьез навредить людям. В худшем случае он затуманивал сознание и вызывал галлюцинации. Естественной реакцией было постепенное развитие обморока: люди медленно оседали, что почти случилось и со мной. Власти сошлись на мнении, что газ был послан больше с целью запугать и спровоцировать панику. И еще одно: теперь у людей не оставалось сомнений в том, что за убийствами стоят мятежники. Вспомнив об этом, я сжала руки в кулаки. У меня не было возможности поговорить с Бренданом и незнание пугало меня больше, чем возможные опасности.

Время шло. Ужин закончился и гостям дали время отдыха, перерыв, пока блюда сменили на главные десерты. Однако в гостиной уже стояли небольшие столики со сладкими угощениями и напитками.

Заметив, что на многоярусной тарелке со сладостями есть шоколадные трюфеля, я мигом протянула к ним руку и заметила, что не одиночна в своих желаниях. Тот самый священник снова оказался рядом. Мы синхронно друг другу улыбнулись, а он взял две конфеты и протянул одну мне:

— Любите сладкое?

— Очень. Особенно трюфеля. Знаете, место, где я выросла, не отличалось обилием заграничных товаров. Поэтому, когда отец привозил мне сладости издалека, мы ели их долго, растягивая удовольствие. Точнее, это было по настоянию мамы... Она выдавала мне и моим друзьям одну конфету на стакан чая. И мой друг ухитрялся выпить за вечер стаканов шесть-семь, в то время как в меня не влезало больше двух.

Вспомнив проделки Брендана, падкого на сладкое, я заулыбалась. На душе потеплело. Да, тогда он вливал в себя не один литр чая, но конфетами он делился со мной и Этаном. Заметив, что я с блаженным видом изучаю конфету в белой салфетке, я снова улыбнулась парню, перед которым разоткровенничалась. А ведь я даже его всего пару часов знаю!

Говорю же, это все его святая аура!

— Извините, что-то я разболталась. — Я отправила в рот конфету и почувствовала, как нежнейший темный шоколад тает на языке. Я зажмурилась и едва не заурчала от удовольствия.

Священник не последовал моему примеру. Его рука замерла вместе с конфетой, он смотрел на нее, будто о чем-то глубоко задумавшись. Затем поднял на меня глаза:

— Ничего... Ничего страшного.

— Впрочем, наверняка вы слышите более личные и страшные признания в исповедальнях, чем любовь к конфетам. — Попыталась разрядить обстановку я.

Улыбаться не стала, на зубах отчетливо чувствовался вкус шоколада, и вряд ли он бы восхитился этим видом. В попытке слизать с эмали какао, я стала озираться в поисках чего-нибудь жидкого, чтобы запить.

— Да уж, вы не представляете, насколько близки к правде. — В голосе парня была едва уловимая горечь. Он протянул мне руку. — Странно, что мы так и не представились друг другу. Колман.

Я с готовностью пожала крупную ладонь:

— Элеонора. — Коротко представилась я, как и собеседник игнорируя фамилию.

Мне показалось, или Колман нервно сглотнул?

— Элеонора, что ты здесь делаешь? — Наши руки еще были сжаты, больше, чем требовало приличие, когда рядом нарисовался лорд Батори младший.

— Ем конфетки. — Без обиняков ответила я Эйдену.

Он подошел к нам не один, а все с той же шатенкой. За столом она сидела на стороне Эйдена и ее называли Георгиной. Сейчас эта самая Георгина хмыкнула. И чем ей не угодили конфетки?

— Эйден, прием прекрасен. — Промурлыкала она, привлекая к себе внимание парня.

Тот же отчего-то сверлил взглядом то меня, то Колмана, как будто сомневался в безобидности совместного поедания конфет со священником. Нет, вы вслушайтесь! Это же самое невинное занятие в мире. Чего он злится?

— Спасибо. — Скупно поблагодарил парень.

— Правда, я точно знаю, что в Сантониуме приемы проводят еще более роскошно. Ваш отец обожает пышные гуляния, а матушка их превосходно обставляет. Там все сияет не хуже, чем во дворце. Почему же вы так редко появляетесь в столице? Приезжайте чаще, я покажу вам самые изысканные тренды для оформления залов! Вы же знаете, моя семья занимается этим на профессиональном уровне. Мы сможем придать вашему поместью роскошный вид!

Возможно, девушка этим хотела отдать дань уважения отцу Эйдена, либо отметить, что является частым гостем в их доме, либо выяснить, почему сам наследник предпочитает отдаленное поместье столице, но это была ошибка. Эйден действительно готовился к приему и сделал его с душой. И после ее слов, он слегка помрачнел. После того, как он лично срезал шикарнейшие розы из своего розария для украшения зала, мне стало обидно за него. А еще я вспомнила о том, что самые красивые розы стоят у меня в комнате. Свежий букет постоянно появлялся там с нашей прогулки по саду.

— Думаете? — Вежливо улыбнулась я. — А по-моему, минимализм является самым достойным и дорогим. А вот попытка продемонстрировать за раз все богатства выглядит дешевой. Да и вообще считается дурным тоном.

Я будто невзначай кинула взгляд на обилие драгоценностей и рюш, украшающих наряд

Георгины. Они действительно ее вовсе не красили. Как и глупый язык.

Неизвестно, чем бы закончился диалог (Георгина подозрительно покраснела и стала набирать в грудь воздух для ответной словесной атаки), как к нам подошла чета Батори. Я же так увлеклась метаморфозами собеседницы, что не успела сбежать.

— Эйден, гости заскучали.

— У меня есть игровая комната. Думаю, там они найдут все необходимое, чтобы развеять скуку.

— Вообще-то, я думал об ином развлечении. Как на счет музыки?

— В саду живая музыка. Я попрошу музыкантов переместиться сюда. — Эйден хотел отойти, чтобы позвать служанку, но отец с улыбкой его остановил.

— Зачем кого-то звать? Насколько я знаю, купленные девушки из института проходят обучение игры на инструментах. Так может она, — Он кивнул в мою сторону, даже не удостоив взором. — Начнет выполнять свои прямые обязанности и развлечет нас? Фортепиано стоит без дела.

В гостиной действительно стояло роскошной белое фортепиано. Пару раз я даже садилась за него, когда Эйден уезжал из поместья. Играть при ком-то не входило в список моих любимых занятий. Я прищурилась, глядя в лицо мужчины, испещренное морщинами. Что он хотел показать этим жестом? Унизить меня? Песня — это не рабский труд на галерах. Разве что он надеялся, что я испугаюсь и мое исполнение само по себе станет для меня пощечиной.

Георгина заносчиво уставилась на меня, в ее взгляде ясно виделось превосходство. Я еле сдержалась, чтобы не закатить глаза. Что эти аристократы о себе думают?

— Элеонора — моя спутница на этом вечере, а не артистка. Так что если вам хочется музыки, попросите кого-нибудь из...

Я легко дотронулась до рукава пиджака Эйдена, останавливая его:

— Все нормально, Эйден. — Я чуть наклонила голову в сторону старшего лорда Батори, одаривая его улыбкой. Мои волосы при этом движении упали на левую сторону, открывая его взгляду шею. И я не могла не заметить, что взгляд, которым он окинул открывшийся участок кожи, был жадным. Омерзительно. — Я с удовольствием сыграю.

Я двинулась в сторону инструмента, но Эйден схватил меня за локоть, в очередной попытке удержать:

— Элеонора, ты не должна.

Я лишь с улыбкой пожала плечами:

— Кому повредит музыка?

Помедлив еще мгновение, и изучая в эти секунды мое спокойной лицо, он сдался, отпуская меня. Он переживал. За меня или за то, как буду я выглядеть в глазах его званных гостей? Интересные вопрос. Я все еще помнила фразу, брошенную им на балу «Я купил ее». Но она так не сочеталась с другой, заставившей мое сердце на миг екнуть: «Элеонора — моя спутница».

Я бы не могла похвастаться идеальным исполнением, как у Стеллы, но я посещала те же уроки музыки, что и она. Наш преподаватель, мистер Саливан, сумел не только обучить меня искусству попадания в ноты, но и заставить полюбить это. Как он сам говорил, если остальные пели «по правилам», я пела «эмоциями и душой». Мое пение не всегда было чистым, но почти всегда, исполняя какие-то баллады, я могла вызвать слезы на глазах слушателей. Наверное, это потому, что именно мои мама и отец, в далеком для меня

прошлом, пели дуэтом, заставляя меня аплодировать им. Вспоминая об этом в момент игры я вкладывала эти светлые чувства и воспоминания в музыку, дарила нотам кусочек своей души. А то, во что вкладывают душу, не может не вызывать эмоции.

Я села и притронулась пальцами к клавишам, будто знакомясь с ними. Так хотелось пробежать по ним, извлекая звуки музыки, попробовать их силу, но я не могла себе этого позволить. Никаких тренировок. Я сделала глубокий вздох и... И?

Я растерянно посмотрела на черно-белые клавиши передо мной и неожиданно поняла, что не могу вспомнить ни одной песни. Совершенно ни одна из мелодий, так тщательно заучиваемых мной на уроках не могла прийти на ум. Я закрыла глаза, пытаюсь успокоить расшалившиеся нервы. Думай, Элс, ты же... Да.

Песня, которая звучала глубоко в моем сердце.

Песня, которую я не позволяла петь себе, она была настолько личная, что это было равносильно для меня прилюдному обнажению.

Песня с совершенно простым текстом, но именно ее мои мама и папа пели для меня. Именно ее я научилась играть еще совсем маленькой, не смотря на то, как сложно было моим юным пальцам играть.

Песня из ВестХилла...

Эйден

Сколько талантов скрывает в себе эта девушка?

Элеонора сидела в свете комнаты, с идеально прямой спиной. Ее волосы были распущены и украшены изумрудными лентами, в тон изящного платья, подчеркивающего глубину ее глаз. Я выбрал этот цвет потому что он идет девушке, или потому что это наш фамильный оттенок, что не останется без внимания отца? Не знаю. Но то, как стряпущийся материал обтягивал ее тело выглядело изумительно. Желанно. Я видел, как смотрели на нее гости. Я был горд и зол одновременно. Как будто она была драгоценным камнем, но я хотел спрятать его от чужих глаз.

Ее пальцы притронулись к клавишам старого инструмента, извлекли из него несколько коротких вступительных аккордов, а затем заставили протяжно запеть нежнейшую песню. Ее голос присоединился к звукам фортепиано и заполнил всю комнату, полностью. Ее голос, тихий, спокойный, так не похожий на ее нрав, был везде. Ее манера исполнения была тихой, но она заставляла всех и каждого прислушиваться.

Давай поплывём вниз по реке на лодках,

Туда, где можно побыть в одиночестве,

Где ты не увидишь, как восходит солнце.

Мы скроемся вниз по реке.

Когда в воде, которую мы пили, осядет муть,

Ты увидишь каждый камешек на дне реки.

Я вижу по твоим глазам,

Что ты никогда не бывал у реки.

Внизу, под водой, дно реки,

И кто-то зовёт тебя, кто-то говорит:

"Плыви по течению, оно понесёт тебя

Вниз по реке, что бы ни происходило".*

Я хотел посмотреть на лица присутствующих, но не мог оторвать глаз от девушки. Она играла и пела так легко, с такой непринужденностью и изяществом, как будто все присутствующие были не более, чем пылью на книгах, которую она стряхивала. Впрочем, так и было.

Но вдруг, во время второго куплета, к ее голосу присоединился еще один. Это было так неожиданно, что я не сразу понял, что произошло. Мой сводный брат, Колман, подошел к фортепиано, внимательно смотря на девушку, которая продолжала перебирать пальцами клавиши и петь незнакомую мне песню. Почему они оба ее знали? Он запел вторым голосом и их импровизированный дуэт был так сложен, будто они репетировали всю жизнь.

То, как они смотрели друг на друга, было невыносимо. Мне захотелось захлопнуть крышку инструмента, даже если тонкие пальцы девушки пострадают. Даже если так. А еще, я ненавидел своего брата всю жизнь, но прямо сейчас я был готов разорвать его горло, чтобы вместо слов песни, из него стали литься хлюпающие, булькающие звуки крови. Мне пришлось резко тряхнуть головой, чтобы выбить наваждение из своего сознания. Отчего-то близость Элеоноры стала играть со мной злую шутку, я будто превращался в бомбу замедленного действия и когда она рванет — неожиданность даже для меня. Ведь если раньше контролировать приступы и держать свои эмоции в узде мне помогали лекарства и собственная воля, теперь не справлялось ничего. Да и хотел ли я держать себя в руках? Нет, я остро хотел жить и наслаждаться каждым мгновением, вспышками гнева в том числе.

Когда они произнесли последние слова, и звуки смолкли, помещение гостиной накрыла тишина. Я сделал пару долгих вдохов и поднял руки, чтобы заплодировать, не желая признавать, что они подрагивают, но меня опередили. У входа в гостиную застыла Анжелика Эванс, наследница первого правящего клана. Она аплодировала и смотрела на Элеонору.

Элеонора

Я смотрела только на парня, который пел со мной. Он прислонился к фортепиано и смотрел на меня своими светло-голубыми глазами. Его волосы, обрамляющие лицо легкими

кудрями, были цвета пшеницы. Этого не может быть, верно? Не может быть таких совпадений. Но все же, на меня смотрели глаза Этана. Мальчик, которого я за его внешность ни раз сравнивала с ангелом, стоял передо мной в одежде священнослужителя и в свете ярких люстр зала.

Я поняла, что он что-то сказал мне, потому что его губы двигались. Но в ушах у меня звенело, и я не могла понять, что именно он произнес. Он узнал меня? Мои руки все еще лежали на клавишах, когда в зале раздались хлопки, который затем поддержали все присутствующие.

Этан (Или Колман?) подошел ко мне и подал руку, я прищурилась, желая хотя бы по губам прочесть, что он мне скажет. На слух я все еще не рассчитывала, но все же до меня донеслись слова, сказанные спокойным тоном, тихо, чтобы слышала лишь я:

— Не надо, Эленора. — А затем, когда он с безукоризненной улыбкой позволил мне подняться с места, опираясь на его улыбку, уже громче: — Вы прекрасно поете.

Я все еще растеряно смотрела на него. Рука парня подтолкнула меня в спину, и он уже отвечал на чей-то вопрос, а я все еще пялилась на него, как последняя дура. Он кинул на меня взгляд и чуть приподнял брови, кажется, он был готов даже взять мое лицо в ладони и повернуть к публике, если бы позволяли приличия.

— Это было чудесно, как жаль, что я пришла уже в конце. Но вы так красиво пели, как будто репетировали! Вы знакомы? — Знакомый женский голос заставил меня нехотя отвернуться от профиля Этана.

Наваждение стало спадать, но все мышцы моего тела будто были набиты ватой. Я боялась открыть рот, потому что не знала, что со мной произойдет. Это был он, это был Этан.

— Увы, я имел честь познакомиться с мисс Элеонор лишь сегодня.

Я сглотнула и сцепила перед собой руки, крепко сжимая дрожащие пальцы. Мои губы медленно и тяжело разъехались в улыбке, как будто были из твердой резины. Я должна поддержать его. Какими бы ни были мотивы, я должна играть по правилам Этана. А потом, когда мы останемся наедине... Господи.

— Элеонора, ты побледнела.

Я дернулась, услышав Эйдена. Я и забыла о его существовании. Впрочем, я забыла и о том, что эта комната полна людей. Выпрямив плечи, я улыбнулась более расслабленно. Рука Этана все еще придерживала меня за спину, говоря о том, что это не предмет моей фантазии. Мой друг реален, он имеет кровь и плоть, и он стоит прямо рядом со мной.

— Не очень люблю публичные выступления. — Ответила я младшему Батори. Он выглядел не очень довольным.

Зато Анжелика сияла, как рождественская елка:

— Это было действительно чудесно, я еле сдержала слезы! А что за песню вы исполняли? Я раньше ее не слышала.

— Просто песня, одна из тех, что мы учили в институте. — Солгала я.

— А откуда ты ее слышал, Колман? — Тон Эйдена был способен с легкостью резать предметы, как нож масло.

Блондин пожал плечами:

— Ты же знаешь, я иногда заезжаю с проповедями в пансионы, институты. Наверное, мотив прицепился ко мне. — С легкостью поддержал он мою выдумку. — Что ж, братик, приятно было побывать здесь, но я, к сожалению, должен удалиться.

Я изумленно повернулась к нему:

— Братик? — Еще я не хотела, чтобы он «удалялся» прежде, чем поговорит со мной, но вцепиться в его рясу было бы крайне подозрительно.

Этан и Эйден обменялись взглядами:

— Я не представился полностью. Колман Батори, мы с лордом брата. — Слегка улыбнулся мне Этан.

Мир стал постепенно рушиться, а затем показался мне вероятно маленьким, не больше глобуса, которые ставят на стол. Как иначе может быть столько совпадений? Как судьба смогла заново свести нас троих: меня, Этана и Брендана? И зачем?

Эйден

— Прекрасный прием, Эйден.

— Что? — Я посмотрел на Анжелику.

Она терпеливо склонилась ко мне свою фарфоровую головку, отчего светлые кудри спружинили и начали покачиваться, а затем терпеливо повторила:

— Чудесный прием. И поместье просто очаровательное. Отчего ваша семья так редко устраивает приемы именно здесь?

— Отцу по вкусу Сантониум. — И власть. Именно поэтому он так держится за тебя девочка из первого клана, добавил я мысленно, но не стал усугублять свое незавидное положение в семейном реестре озвучиванием мыслей.

Анжелика провела рукой по бутонам свежих цветов: розовые и красные розы были расставлены в широких вазах повсюду. Сейчас мне кажется, что я расставил их для того, чтобы показать отцу. Позлить его. Снова.

Я посмотрел на свою спутницу, которой только что закончил показывать поместье, по настоянию отца. Она была изящна и красива, без сомнения. Но почему ее кукольная красота не цепляла струны моей души? Девушка отвернулась от цветов, и, заметив, что я за ней наблюдаю, покраснела, опустив ресницы:

— Пройдемте в зал? Скоро обещают десерт, уж на него-то я успела. И на новости, которые обещали объявить наши семьи.

За столом — очередной казус. Леди Эванс я посадил на одно из свободных мест, подготовленных для нее и ее родителей. Сам я снова сел рядом с Элеонор. Что я делал? И сам не знал. После объявления сегодняшней «радостной новости» мое поведение смотрелось не просто некорректно, а глупо и слишком... Смело.

— Ты навлекаешь на себя гнев Богов. — Проворчала Эленора, в очередной раз встречаясь с чьим-то недобрый взглядом. — И тащишь меня в ад за собой.

Я проигнорировал ее замечание. Что я мог ответить? Тем временем сзади нас выросли официанты. Они наполнили наши бокалы шипящим шампанским и замерли, в ожидании сигнала поднять крышки с десертов. Я повел ладонью и...

— О господи! — Воскликнула Георгина. Ее цепкий взгляд, неизвестно что делающий в мой тарелке, заметил, что мой десерт совсем не похож на парфе из клубники.

Передо мной лежало черное перо. Даже без знаний орнитолога, я не ошибусь, если скажу, что оно принадлежит ворону. За столом повисла тишина.

Я оглянулся на свою официантку, худенькая девушка, Пьетра, стала бледнее своего передника. Ее губы подрагивали, а глаза налились влагой. Вряд ли она имела к этому отношение, разыграть такой суеверный ужас невозможно даже артисту королевского театра.

— Й-й-я... Э-т-то, н-не, й-я, л-лорд, й-йя... — Я поднял руку, прерывая поток ее заиканий.

— Кто имел доступ к кухне? Были ли там лишние люди?

В моем поместье, по особым причинам, прислуга не менялась. И каждый из них подписывал соответствующий договор, который обещал им безбедную старость, если они будут верно нести свою службу и держать язык за зубами. В итоге почти всех я знал по именам. Предательства со стороны людей, живших во флигеле, мне верить не хотелось.

Девушка отчаянно замотала головой. Прижимая руки к губам. Поняв, что ничего от нее не добьюсь, я повернулся обратно к гостям.

— Думаю, это чей-то розыгрыш. Обычно Ворон оставляет перо уже после встречи с наследником. За ваше здоровье. — Мрачно пошутил я и, схватив бокал с игристым шампанским, залпом выпил его.

В ту же секунду я почувствовал, что моя голова пошла кругом. И вряд ли это влияние алкоголя. Я посмотрел на опустевший бокал.

— Эйден, что с тобой? — Тихий и обеспокоенный голос Элеонор.

Кажется, гости вышли из оцепенения, заговорили, задвигались. Но в моей голове зашумело.

Следующие события развивались слишком стремительно для моего, отравленного сознания. Я видел, что происходило, понимал это, но будто был парализован для каких-то действий. И это бесило, я был беспомощен. Так просто из-за бокала шампанского.

Не знаю, что было раньше: крик Элеоноры, звон битого стекла, резкий толчок в плечо или... Звук выстрела и обжигающая боль. Он отчетливо прозвенел в моей голове, сопровождаемый криками ужаса и нарастающими звуками хаоса гостей. Я и девушка упали на пол, мое бедро с силой врезалось в ножку стола.

Элеонора

Я смотрела на Эйдена и это позволило мне заметить периферическим зрением темную размытую тень, метнувшуюся за окном. Я резко оглянулась: за окном был мужчина, черная одежда, черный плащ и капюшон, скрывающий лицо. Нет, не может быть. Опасение подставить мятежников и осознание, что между ними и Вороном ничего быть не может, украли у меня драгоценные секунды. Я должна была предупредить Батори сразу, но моя растерянность... В следующее мгновение стекло уже треснуло, очевидно, этот гость игнорировал двери. Ему никто не говорил, что пробираться в окна, это моветон? Мужчина резко вытянул перед собой руку в кожаной перчатке и нацелился на нас.

Я крикнула Эйдену, чтобы он ложился, но, осознав, что с парнем что-то не так, с силой толкнула его, но недостаточно быстро. Пуля, которая должна была попасть наследнику в спину, просвистела прямо перед моим лицом и вгрызлась в его правое плечо. Я почувствовала как пара горячих капель брызнула мне на лоб и щеки.

Мы грохнулись на пол, и я крайней неудачно завалилась сверху на Эйдена. Тот поморщился, по его плечу уже расплзлось темное пятно. Именно вид и ощущение крови подстегнул меня, будто лошадь, ударенную кнутом. Я как будто вспомнила все уроки Брендана и позволила не страху, а адреналину управлять моими действиями.

В следующую секунду я резко перевернулась, вставая на одно колено. Задрала юбку, не заботясь о том, что леди себя на приемах вряд ли оголяют. Вспомним этикет, если выживем. Моя рука скользнула к ножу, ощутив приятную гладкость рукоятки. Не мешкая, я выхватила его из ножен и, сделав глубокий, успокаивающий вдох, метнула в незваного гостя, вкладывая в бросок всю силу.

Нож стремительно понесся по заданной траектории на зов крови. Сталь на краткий миг блеснула в свете люстр и... Короткий вскрик, в котором сплелись удивление и боль, заполнил гостиную. В то же время здесь стали появляться андабаты, те, что прибыли вместе с гостями. Чертовски вовремя. Но я не обращала на это внимания, я, тяжело и громко дыша, все еще вглядывалась в убийцу: мой нож попал ему в левое плечо. Что же, кровь за кровь. Он резким движением вытянул из него кинжал, зажал его в руке, а затем оглянулся. Осознав, что момент упущен, он снова посмотрел в нашу сторону. На Эйдена или уже на меня? Я сглотнула, судорожно сжав кулаки. В следующую секунду мужчина уже выпрыгнул в разбитое окно и растворился в ночном саду поместья Батори.

За ним побежали андабаты, на оду раскидывая приказы. Их черные сапоги промаршировали мимо меня. Постепенно сквозь гул в ушах до меня стали долетать и чужие слова:

- Он появился так внезапно!
- Сквозь окно, он сначала разбил окно!
- А это перо?
- Мистер Батори, как вы? Мистер Батори.
- Врача вызвали?
- Он будет в самое ближайшее время.

Черт, Эйден! Я резко оглянулась и подползла к лорду, рядом с которым уже собрались присутствующие. Добавлять идиотских вопросов «ты как?» к ряду подобных я не стала. Эйден был бледным и уже оставил рядом с собой небольшую лужу крови, темным пятном расплывающуюся по бежевому ворсу ковра.

Я сдернула со стола большую салфетку и, сложив ее, положила на рану, в попытке приостановить кровь до прихода доктора. Мои руки так колотило, что я не могла понять, какое у него кровотечение. И прошла ли пуля навывлет? Черт возьми.

Эйден, который, казалось, находится на грани между реальностью и миром забыться, дернул пальцами и посмотрел на меня:

— Кто же ты, Элеонор Макартур? — Тихо и неуловимо спросил он. Ответа на этот вопрос не знала даже я.

*Песня Riverside, исполняет Agnes Obel.

Глава 14. Ты прекрасна

Глава 14. Ты прекрасна

— А вот и спасительница. Я подумываю подарить тебе новый статус. Например, ассасин дома Батори. Как ты на это смотришь?

Младший Батори полулежал в кровати, опираясь спиной на множество пушистых подушек. Когда я вошла, в его руках была книга, но он сразу ее захлопнул, отложив.

— Для умирающего ты очень говорлив. — Хмыкнула я.

— Весь дом говорит только о тебе.

— Весь дом говорит о тебе и твоём самочувствии, причем за эти три дня события приобрели глобальный оттенок. Кажется, недавно я слышала, как прачки утверждали, что тебя еле достали с того света и ты уже видел ангелов. Такое ощущение, что быть аристократом и быть сахарным — синонимичные понятия.

Бытори выслушал меня, чуть склонив голову на правый бок. На его лица замерла полуулыбка, а в глазах было такое пристальное внимание, что мне стало неудобно.

— Я скучал по твоим колкостям, принцесса. — Выдал он после молчания.

— Я скучала от невозможности их говорить. — Честно призналась я. Да, я скучала. Я чертовски скучала. Больше суток, что мы не виделись, я не находила себе места от беспокойства. — Ты звал меня? — Спросила я как можно более спокойно.

— Верно, ты же сама не додумалась прийти и спросить, как я себя чувствую. Очень невежливо, ты расстроила меня.

— К сожалению, за вами было кому приглядывать.

— К сожалению? — Мигом подхватил Эйден.

Я прикусила язык и промолчала. К моему удивлению, Анжелика Эванс осталась в нашем поместье после инцидента. Именно она не отходила от лорда Батори все это время, мне же велено было заниматься своими делами. Я занималась тем, что не находила себе места в огромном поместье. Сначала от волнения, а потом от других мыслей... Они удивили меня еще больше, чем желание Эванс приглядывать за лордом. Меня это раздражало. При всей симпатии к милой и искренней девушке.

Анжелика же всерьез пыталась со мной подружиться, и это было бы безмерно мило, если бы я не чувствовала себя двулично, улыбаясь ей. Ведь у меня создалось впечатление, что она заняла мое место. Мое.

Левой рукой парень похлопал по кровати рядом с собой. Я удивленно посмотрела на него.

— Присядь.

Я кинула взгляд на кресло, стоявшее рядом, а затем снова на парня. Тот закатила глаза и раздражено вздохнул:

— Элеонора, сядь. Рядом со мной. — Велел он повелительным тоном. Затем он помолчал и выдавил из себя: — Пожалуйста.

— Встреча с ангелами пошла на пользу твоим манерам. — Проворчала я.

Присаживалась на край кровати я осторожно, чтобы не коснуться парня. Маскировать свое беспокойство (и не только его!) за сарказмом было все сложнее. А уж находясь с ним так близко — вовсе невозможно. Я сложила руки на коленях и посмотрела на покрывало —

серое, с белым узором.

Неожиданно я почувствовала, как он дотронулся моего голого локтя, и вздрогнула, оборачиваясь.

— Ты собираешься вздрагивать даже от малейшего прикосновения? Какая чувствительная женщина. Мне нравится. — Усмехнулся Эйден.

— Помнится, при нашей первой встрече ты говорил, что я ребенок, и дети тебя не интересуют. — Я добавила в голос как можно больше яда.

— А ты обиделась?

— А ты хотел меня обидеть?

— Не знаю.

— Нет, я не обиделась. Чтобы рассердиться на тебя и твои поступки, я должно что-то чувствовать к тебе. Мне должно быть безразлично. Это не так.

Молчание. Я не хотела смотреть на Эйдена и видеть, произвели ли мои слова на него какой-то эффект. А еще больше не хотела, чтобы он понял, что это чертова ложь.

— Правда? — Спросил парень. Я лишь дернула плечом и принялась царапать ногтем бисерины на платье. Его голос стал тверже: — Элеонора, повернись ко мне, когда я с тобой говорю.

— Опять приказываешь? — Прошипела я.

— Повернись. Сейчас же.

Я возмущенно втянула в себя воздух и резко повернулась, намереваясь высказать все, что во мне накопилось и как меня достал его повелительный тон, и он сам, и милая Анжелика Эванс, и этот дом, и розы в моей вазе, и... Я не ожидала, что его лицо окажется настолько близко.

Ярко-изумрудные глаза, напряженный, вязкий взгляд, пробирающийся в душу. Совсем рядом. Так, что я могу видеть каждую черную ресничку. Но и этого Эйдену показалось много. Он быстро, не дав мне и шанса опомниться, сориентироваться, что-то осознать, сократил расстояние между нашими лицами и его губы накрыли мои.

Я издала то ли вздох, то ли всхлип, идущий откуда-то из груди. Это был стон облегчения. Только в этот момент я поняла, как сильно я этого хотела. Как сильно я переживала за Эйдена. Как сильно я...

Парень углубил поцелуй. Его губы двигались в так с моими, наши языки сплелись. Эйден действовал все с большим напором, как будто каждая секунда срывала его внутренние барьеры. Поцелуй из нежного, изучающего, безмерно чуткого, стал перерастать в страстный. По всему телу распространялось тепло, нет, жар.

Пальцы парня заскользили по моей спине. Каждое его прикосновение вызывала приятную дрожь, как будто разряд тока по телу. Сердце колотилось как безумное. Я подняла руку, осторожно касаясь груди парня, он сразу напрягся, будто думая, что я его оттолкну. Нет. Моя рука скользнула по его груди к шее, притягивая к себе.

Он оторвался от моих губ и рвано выдохнул. Мы оба порывисто дышали. Теплое дыхание парня смешалось с моим, столь же неровным. Глаза потемнели и были будто за пеленой. Мы смотрели друга на друга, пытаюсь восстановить дыхание. Мягко, подушечками пальцев, он очертил овал моего лица.

— Ты прекрасна. Как же ты прекрасна.

«Ты прекрасна».

Кажется, я больше не смогу слышать эти слова от кого-то иного. Я лишь улыбнулась.

А затем мы рассмеялись. Да-да. Мы стали смеяться. Я хохотала безудержно, до слез. Уткнувшись лбом в его плечо и чувствуя запах его кожи и чистого белья. Плечи парня вздрагивали от смеха. Это был смех — облегчения, смех — искренность, смех — счастье.

Прямо сейчас все было иначе, я чувствовала, как что-то между нами изменилось. Будто вектор отношений кардинально поменял направление, наконец-то указав нужное. Меня целовал Эйден, и я целовала его в ответ. Потому что мы хотели этого. Это было похоже на сказку. И как во многих сказках, она не обошлась без...

— Эйден, я принесла тебе книги. Ох, Элли! И ты здесь. — Я отпрянула от парня.

Мои руки метнулись к разгоряченному лицу, нервно убирая пряди волос за уши. Передумав, я снова оправила волосы, чтобы скрыть покрасневшие щеки.

— Привет, Анжелика. — Тихо произнесла я, стора от стыда.

— Я же просил тебя стучаться. — Холодно и как-то отрешенно произнес Эйден. И как давно он стал называть ее на «ты»?

— Ох, да ладно. Все эти условности. Мы с тобой все равно...

— Элеонора, выйди, пожалуйста. — Перебил ее Эйден. — Мне необходимо поговорить с Анжеликой.

Я обернулась на него, но лицо парня было непроницаемым. Он смотрел прямо перед собой, ни на кого из нас. Я медленно встала, не желая смотреть на привычно счастливую Анжелику, и вышла из комнаты.

— Элли!

У лестницы меня догнала Анжелика. Со светлой улыбкой она протянула мне папку с бумагами:

— Доктор оставил их на столе. Ты не могла бы передать это вашему мальчику-гонцу, Элли?

— Конечно.

— Спасибо, ты прелесть! — Пропела девушка и снова упорхнула в спальню Эйдена.

Я, удобнее взяв увесистую кипу листов, поспешила в надежде догнать Мирка, того самого мальчика, еще на пороге. Насколько я помню, в это время он как раз убежал в городок. Но на одном из пролетов я остановилась. В моих руках была медицинская карта Эйдена Майкла Батори. В сомнении я помедлила, но затем открыла ее. Меня вело лишь одно желание, узнать о том, каково его самочувствие на самом деле, но нашла я совсем иное.

Строчки, написанные чьей-то рукой, оглушили меня. Диагноз: (биполярное аффективное расстройство второго типа — БАР II (маниакально-депрессивный психоз)).

Да нет, не может быть. Я посмотрела на корешок папки еще раз. Может, доктор забыл чужие документы? Нет. Имя Эйдена было выведено каллиграфическим почерком, по светло-коричневому картону.

Вдруг все встало на свои места. Частая смена его настроения, его странное поведение. Его инертность и отрешенность, которая резко могла перерасти чрезмерную эмоциональность. Болтовня горничных о том, что они подписывали бумаги о неразглашении. Цитата Люси, намекающая на обостренные периоды в жизни лорда. Грубые слова отца о его недееспособности.

Как много я знала об этой болезни? Почти ничего. И как сильно в ней погряз Эйден?

Глава 15. Неверные решения, благородные мотивы

Глава 15. Неверные решения, благородные мотивы

Когда в саду совсем стемнело, он перестал казаться мне таким сказочным местом. Шорохи из живых превратились в мистические. Ночные бабочки, эти мохнатые посланники дьявола на земле (Честное слово, они похожи на глазастые черепа!), сочли мою рыжую голову за цветок с нектаром и постоянно норовили сесть на макушку, чем жутко бесили.

Я думала, верно ли я поступила, оставшись здесь? Может, я не так поняла письмо? Вспомнив строчку про «пса и щенка» я снова не смогла сдержать улыбку. Безусловно, так умница-Мори намекала на Брендана и Реми. Лучшего сравнения не придумаешь. Разве что назвать его Драконом, но еще более явного намека на предводителя отступников мы бы придумать не могли.

А вот прийти в сад задолго после ужина, когда все розы и деревья окутал мрак и сырость, меня надоумило предложение о том, что «В пятницу 13-е ночью обещают полнолуние. Ты же знаешь, как я люблю подобную мистику. Мы думаем выгулять собак и самим полюбоваться». Казалось бы, чего такого? Но вот только сегодня пятница, тринадцатое и ночь. С письма девушки прошло две недели. И поскольку псом Кейко назвала Брендана, то я посчитала это тонким посланием в мой адрес вытащить свои юбки на улицу и любоваться луной. Только вот та самая луна уже укрепила позиции на небосклоне, я начинала замерзать, а любителей «мистики» на горизонте не предвиделись.

Я отмахалась от очередной очень наглой бабочки с огромными крыльями, намекающими на ее родство как минимум с птеродактилем, и снова посмотрела в небо, сопроводив свой вздох тяжким вздохом. Спасибо, что по-волчьи не завывала.

— Ну не надо так грустно вздыхать, сердце обрывается. — Услышала я за спиной мужской голос и мигом обернулась.

— Реми! — Воскликнула я, увидев брюнета.

Мой окрик получил один осуждающий взгляд и несколько не менее осуждающих шипений из-за ближайших кустов с цветами и деревьев. Роли змей на себя взяли Кацу, Пират и Брендан.

— Ты хочешь пригласить на ночное свидание все поместье? — Поинтересовался Пират, стряхивая с плеча зеленый листок и опуская бандану, прикрывающую лицо. Та сразу освободила его широкую улыбку. — А здесь есть симпатичные дамочки? Если да, то так и быть, меня на всех хватит.

— Боже мой, парни. — Я оглядела глазами делегацию. — Вы... Как вы... Что вы тут делаете? Почему вас так много?

— Тут еще не все, остальные снаружи, на случай непредвиденных обстоятельств. В свете последних событий мы не ходим в логова наследников поодиночке. — Отрапортовал Пират.

— Мы хотели прийти раньше. Когда мы узнали о нападении на Батори и том, что его спасла девчонка с ножом, как считаешь, о ком мы подумали? — Хмыкнул Реми.

— Брендан чуть с катушек не слетел. — Доложил Торрент, чем заслужил меткий и зобный взгляд от своего предводителя. Но визуальные атаки парня не задевали, и он невозмутимо продолжал. — Точнее с цепи. А на что можно посадить дракона? — Вполне

серьезно поинтересовался парень у Реми.

— Хороший вопрос. На цепь его не посадишь, разве что из особого сплава, жаростойкого. Смог бы такой нахимичить?

— Я гений техники, а не создатель философского камня. — Проворчал Пират.

— Вот и сидел бы в своей лаборатории... Чего с нами потащился?

— Ага и пропустить все веселье? Встречи под покровом ночи на территории загадочного Батори с милой девушкой — это же самая эпичная часть.

— Мы привлекаем слишком много внимания.

— Ой, ну хватит! Тогда не надо было брать с собой самурая.

— Этот аристократ наше прикрытие, а вот какую функциональную нагрузку несешь ты...

— Я нагружаю твои голосовые связки, Реми! И просто развлекаю беседой. Не благодари.

— Тц, янки. — Произнес Кацу. Он всегда смешно ругался и превращался в типичного японца-подростка в особо раздражающие его моменты. Думаю, янки — это было самое обидное определение, и обозначал он им далеко не американцев... — Вы шумите, как две базарные бабы.

Ругань Кая и ребят показалась мне такой родной и обыденной, и от этого еще более нереальной и желанной, что в глазах защипало.

Я же смотрела на парней, слушала их глупейший диалог и понимала, что глаза начинает подозрительно щипать. Наверное, они блеснули в свете луны и Кацу с Бренданом, которые все это время внимательно вглядывались в мое лицо и силуэт, синхронно шагнули ко мне.

— Ты в порядке? — Брендан.

— Элс, что-то болит? — Кацу.

Японец моментально перестал сверлить взглядом друзей и, взяв меня за плечи, стал сосредоточенно вглядываясь в лицо. Я смахнула слезы. Оба вопроса заставили меня улыбнуться и помотать головой в отрицании.

— Нет, это эмоции, не обращайтесь внимание. Я так рада видеть вас, парни. — Лицо Кая просветлело, а глаза стали еще уже, из-за широкой улыбки. Он погладил меня по голове:

— Люблю тебя. — Произнес он.

— Люблю тебя. — Ответила я легко.

От этого стало так тепло на душе. Как давно я не произносила подобных слов. Я еще раз обвела взглядом ребят, пытаюсь справиться с эмоциями. Я так соскучилась. Даже не знала, что я так соскучилась...

— А теперь, когда мы убедились, что рыжая жива, здорова и вменяема. А также ее честь не поругана... Ведь не поругана? Ай, за что? — Возмутился Пират, который не знал законов приличия, потирая свой лоб, по которому получил ладошкой от меня любимой.

— За излишнее любопытство. — Проворчали мы: я и моя задетая честь.

— Мы к тебе по делу. — Резюмировал долгое вступление он.

Брендан хмыкнул и помрачнел. Он все еще занимал позицию невмешательства: просто сверлил меня взглядом и отмалчивался. Наверняка его зубы были сцеплены не просто так, открой этот парень рот и из него польется что-то, что не понравится всем окружающим. Я, окруженная теплом рук Кацу, заинтриговано посмотрела на более разговорчивую часть гостей.

— По какому делу?

— Государственной важности. — «Объяснил» мне Реми.

Брендан снова хмыкнул и помрачнел еще больше, напоминая грозовую тучу в форме человека.

— В общем, мы предлагаем тебе два варианта развития событий. Первый, на котором настаивает наш лидер, ты уходишь с нами прямо сейчас. Просто берешь и «вшух». — Реми щелкнул пальцами, имитируя мое магическое исчезновение. — И испаряешься в ночи.

— И второй, более длинный. Мы вернемся за тобой позже. А ты за это время поможешь нам с кое-какой информацией... Здесь же прописалась Анжелика Эванс из правящих? Так вот, у нас есть подозрения, что Вороном является один из приближенных Батори. А она в тот вечер как раз опоздала, и ее отец...

— Так, стоп. — Я остановила более чем бредовый монолог на тему «Милашка Эванс — исчадие ада». — Почему я вообще должна «вшух». — Я тоже щелкнула пальцами. — Исчезать?

— Элеонора. — Обманчиво спокойным тоном начал Брендан. — Ворон — серьезная проблема для всех нас. Мало того, что эти люди под масками птиц, сколько бы их не было, прикрылись отступниками, и теперь каждый наш шаг граничит с риском, так к тому же ты имела неосторожность выставить себя на обозрение. Если Ворон не захочет завершить задуманное с Батори до логичного завершения, то не факт, что он не захочет отомстить тебе.

Я напряглась и отстранилась от Кацу:

— Что ты имеешь в виду? Что мне не надо было спасти жизнь человеку рядом со мной? Стоило постоять в сторонке и посмотреть, как какой-то ряженный псих отправляет мозги парня в тарелку перед ним, а дух на тот свет?!

Я снова повысила голос, и в глазах парней скользнуло отчетливое желание закрыть мне рот ладошками. В принципе, за него я осудить их не могла. По поместью, а также у входа и окон, шныряли толпы андабатов. После случая с покушением на наследника Батори уровень защиты был такой, что и мышь не проскочит. Однако четыре парня в банданах проблем с тем, чтобы найти меня в конце сада, не имели. Да, сад был большим, но все же.

— Я имею в виду то, что имею. Ты не должна была подставляться под удар. И раскрываться тоже. И если для твоей безопасности надо было пожертвовать жизнью этого аристократишки — то так тому и быть. — Зло проговорил мой друг детства.

И вот тут что-то переменялось во мне. Возможно, я впервые позволила себе подумать о том, что случилось бы с Батори, если бы я не оказалась там. А может я по-новому взглянула на Брендана, в его злые темные глаза. Нет, я не испугалась, ничуть. Просто я поняла то, что он пытался до меня донести: мы изменились. И то чувство, что возникло в моей душе к нему, было ни чем иным, как любовь к счастливом прошлому, к родной душе из моего детства. А может и обида, что он нанес мне, была слишком глубока. Добавьте к этому то, что именно он поцеловал меня впервые в жизни, с этим поцелуем перевернув мою жизнь с ног на голову. Ведь именно в ту ночь все бесповоротно изменилось... И в итоге вы получите полную картинку, способную вскружить голову девушке. Нет, я любила и буду любить Брендана, но не так как...

— А если я влюбилась в него? — Тихо, спокойной, размеренно. Мой голос может звучать так уверенно и расслабленно, я и не знала.

Я вдыхаю прохладный ночной воздух полной грудью и чувствую, будто что-то тяжелое упало с моего сердца. Господи, как же все просто. Я влюбилась. По-настоящему. Искренне. Совершенно глупо и неоправданно. Но разве не в этом вся суть любви? Она действительно

слепа. А еще глуха и хромает на обе ноги. Но она есть.

Тишина. Только сверчки продолжали переговариваться между собой, не замечая растущего напряжения. Брендан чуть открыл рот, намереваясь что-то сказать, но тут же снова закрыл его.

— Вот это драма. — Нарушил затянувшуюся паузу Реми.

— Элеонора, он помолвлен. — Услышала я слова Кацу.

Не знаю, что сильнее пригвоздило меня к месту: тон Кая, его обращение ко мне полным именем или сама новость. Он что? Нет, ошибка. Определенно ошибка.

— Что? — Сказала я, понимая, что мои губы непроизвольно расползаются в широкой улыбке.

Кацу молча посмотрел на меня с такой глубокой жалостью в карих глазах, что мне захотелось завывать.

— Кай. — Спокойно произнесла я, не прекращая улыбаться и размеренно дышать, казалось, что если я перестану быть сосредоточенной на дыхании, хохот, уже прорывающийся откуда-то из груди, накроет меня с головой. — Что, ты, сказал?

— Элс, — Друг снова подошел ко мне, и положил руку на плечо. — Об этом знают все из высших, в том числе и моя семья. Позавчера сделали объявление. Насколько я знаю, они планировали объявить об этом на семейном приеме, в день, когда на Батори напал Ворон.

— Это не имеет значения. — Перебил парня Брендан грубым тоном и снова обратился ко мне. — Элс, ты с ним в опасности. Ты здесь в опасности. И ты уйдешь с нами. Сейчас.

— А как же вариант с информацией? — Похлопала я ресницами. — Пират?

Тот только развел руками, показывая, что вмешиваться в создавшуюся ситуацию он не хочет.

— Оставьте нас. Быстро. — Очень редко я слышала, чтобы Брендан, обращаясь к кому-либо, использовал командные ноты. Но сейчас был именно тот момент.

— Кхм... — Реми оценил обстановку и псевдо бодрым тоном подцепил за шкуру Пирата. — Кажется, нам стоит проверить периметр.

— Да. — Поддержал его Торрент, одергивая руку парня от себя. — Я вроде слышал какие-то голоса.

— Пошли, самурай, нам понадобится твоя японская стойкость. — Позвал Реми Кацу.

Тот не торопился реагировать на просьбу и выжидающе посмотрел на меня. Я кивнула, разрешая оставить меня наедине с закипающим брюнетом. Бренд дождался, пока трио парней испарится из зоны видимости, стоит отметить, передвигались они действительно бесшумно.

— Что бы ты не хотел мне сказать, моего чувства этого не изменит. — Начала я прежде, чем парень начнет читать мне нотации.

К слову о чувствах. Почему в моей жизни все развивается так стремительно? Вот я воспарила от осознания великого и светлого, и вот меня наотмашь бьют «прекрасной новостью». Ладно, об этом я буду думать позже.

— И как давно ты... — Похоже, слово «влюбилась» застряло в его горле, как мелкая куриная кость.

— Я не знаю. Может это произошло сразу, а может и позже.

— А он?..

— Он чувствует тоже самое. — Сказала и сама поверила. Я вспомнила глаза парня, зеленый изумруды. Они всегда выражали его эмоции. И они просто не могли мне лгать. И

его губы, они тоже не могли...

— Батори — лжец и бабник.

— Сплетни. В этом поместье ни разу не было женщин.

— Кроме его невесты, да? — Саркастично заметил Брендан и попал не в бровь, а в глаз.

Новость о роли Анжелики Эванс потрясла меня. Правда где-то глубоко-глубоко под коркой сознания я и так была готова к подобному. Я и лорд, серьезно?

Да и неожиданное присутствие Эванс в этот доме. Она здесь жила два дня, начиная с приема. Но после того, как мы встретились в спальне Эйдена, они отбыли в столицу. Как она мне сказала — за лучшей медицинской помощью. Они все еще не вернулись. А может, она увозила его от меня?

Ну как же я сама не догадалась? И могла ли я этому помешать? И имела ли право? Я тряхнула головой, стряхивая с себя тысяча вопросов, один невероятнее другого. Об этом я подумаю после того, как отвоюю себе право остаться тут. Судя по Брендану, он был близок к тому, чтобы просто взвалить меня на плечо и утащить отсюда.

— А что если эта помолвка была до меня?

— Ты не сможешь с ним быть. — Проговорил он не своим голосом.

— Я не могу быть с ним, я не могу быть с тобой... С кем я вообще могу быть, не подскажешь?

— Можешь! — Надрывно крикнул мой друг, и мы оба вздрогнули. Так громко его голос прозвучал в ночи. На миг мы замерли, прислушиваясь к звукам, но слышали лишь природу и тишину. — Можешь... Со мной.

Я прищурилась:

— Что ты имеешь в виду?

Руки парня сжались и разжались. Широкая грудь за темной водолазкой становилась больше от глубоко дыхания.

— Я боялся подпускать тебя к себе, Элли. Но когда я сделал все, чтобы оттолкнуть тебя, старательно втапывая себя и твое представление о себе в грязь, то осознал, что это гораздо хуже, понимаешь?

— Ценим, когда теряем. — Горько продекламировала я простую истину. — Почему мы все об этом знаем, но всегда напарываемся на эти грабли снова и снова...

Я понимала, что Брендан хочет сказать мне. И от этого сдавило горло плотным комком из невыплаканных слез и невысказанных переживаний. Я смотрела на друга, а он впервые за ночь отказывался смотреть в мою сторону. Будто стыдясь того, что я могу прочитать в его темно-карих глазах, брюнет отвернулся в сторону, откуда виднелись окна особняка. Парень потерял лицо, а затем взъерошил пятерней свои волосы.

— Элеонора, прости меня. Я умоляю тебя, прости. — Я поняла, что он имеет в виду и не просила уточнять. Это была Катина, это были грязные улицы Серого квартала, это было... Все, что он не мог, но так хотел контролировать. — Я был уверен, что так будет лучше. Я не хотел тебя втягивать во все происходящее. Больше всего я боялся снова потерять тебя, ведь найти, обрести тебя было таким счастьем, что сначала я даже не верил в это. Я просто разучился быть счастливым и верить в удачу. Считал, что она отвернулась от меня в ту ночь, когда я проснулся без тебя. Я всегда был один, и когда у меня появилась ты, спустя столько лет, все так нахлынуло... Чувства, эмоции, воспоминания. Я сначала и не понял, что произошло. Но ответственность перед тобой, желание спасти, защитить, уберечь... Не только от всего мира, но и от себя самого. Все это накатывало на меня снежным комом. И

вскоре этот ком повлек за собой настоящую лавину, и я уже не могу из нее вырваться. Я видел тебя каждый день и сходил с ума только от этого. Я мечтал трогать твои волосы, обнимать тебя, сместить тебя, снова и снова. И чем сильнее мной овладевало это желание, тем глубже вращались своими корнями гроздь сомнения в душе: а смогу ли я спасти тебя? Или все будет как тогда? Снова?.. Если бы мы только встретились в других обстоятельствах, я бы никогда так с тобой не поступил, понимаешь? Я бы положил все к твоим ногам. И сейчас, когда я сам согласился на то, чтобы ты уехала... Элеонора, я не могу так. Ты не должна быть здесь. Когда я услышал о Вороне, я был готов разобрать все поместье по кускам, понимаешь? Я не преувеличиваю. Я хотел убивать так, как никогда не жаждал крови. И в момент, когда я ударил Реми, который не давал мне прийти сюда и нарваться на неприятности, я снова вспомнил, от чего хотел тебя спрятать. От себя. Но я не могу больше. Я не могу быть вдали от тебя, я был слишком далеко чертовы десять лет, не покидай меня больше. А я клянусь, что не причиню тебе боли. — Брендан поднял на меня глаза. — Я люблю тебя.

Три слова, сказанных другом твоего детства. Человеком, который стоит перед тобой с душой наизнанку. Три слова, как будто поставили точку в его бесконечном монологе, обнажающем сердце. Три слова и один взгляд, которым он посмотрел на меня. Глубокий, искренний. В этих глазах вся боль и вся правда.

По моим щекам давно текли слезы, их горячий поток не прекращался, и мокрые дорожки не думали высыхать.

— Брендан. — Тихо проговорила я.

— Помолчи, пожалуйста. Я знаю тебя как никто другой, и точно знаю, что ты хочешь мне сказать. Я не могу это услышать. Не сейчас.

Я слотнула очередной комок. Было ли это честно? Он не просто просил промолчать. Эта просьба несла более глубокий смысл. Он надеялся на то, что мои слова и мои чувства могут измениться.

— Брендан... — Снова произнесла я как можно мягче. — Для меня во всем мире не осталось человека ближе, чем ты.

— Это ты сейчас так говоришь. Когда ты в это ввяжешься, когда увидишь то, чем я стал...

Я помотала головой:

— Послушай себя... Ты считаешь, что я буду тебя бояться?

— Будешь. Внутри меня поселилось что-то ужасное, Элли.

— Я не боюсь твоих демонов, Бренд, они у меня с руки есть будут. — С усмешкой произнесла я, а затем подошла ближе и заглянула парню в лаза: — Только ответь мне, пожалуйста, ты все это время искал меня, или ты искал хоть кого-то, кто помнит тебя настоящего? — Воскликнула я, но высказывание навело меня на еще одну мысль, более важную, чем все эти душевные стенания. Я сделала шаг вперед и схватила Брендана за руку, да так рьяно, что он опешил от смены моих настроений. — Этан! Этан здесь, ты понимаешь?! Правда, теперь его зовут Колман, но это неважно... Я не могу вернуться сейчас, мы должны с ним встретиться. Он обещал мне. Но после того случая он пропал, но он вернется, я знаю. Тем более, что он приемный сын отца Эйдена. Мы с ним точно встретимся.

Я продолжала возбужденно выдавать набор фактов. Удивление на лице друга сменилось подозрением и даже неверием в мои слова. Еще бы, я сама себе не верила. Лишь после моего

подробного, хоть и ломаного, рассказа андабат-мятежник позволил себе допустить мысль о том, что наш друг тоже выжил в ту страшную ночь. Более того, он оказался совсем рядом.

— Никогда бы не подумал... — Пробормотал парень и продолжил размышлять вслух, обшаривая взглядом темные деревья вокруг нас. — Я искал его, но не проверял духовенство, конечно. Это странно. Да и как я мог подумать?..

Я крепче сжала широкую и грубую ладонь друга, обеими руками.

— Это не важно, Брендан. Главное, что мы встретили его. Мы снова вместе. Друзья однажды — друзья навсегда.

Брендан посмотрел на мои руки, а затем медленно развернул ладонь. Большим пальцем он погладил костяшки моих пальцев. Когда парень посмотрел на меня, в его глазах была такая тоска, что мне стало физически больно в груди.

— Ты считаешь, что мы вместе?

Неужели то, что беспокоило Брендана, этого могучего, закаленного в жутком обучении андабатов парня, было тем, что он может остаться один?

— Брендан, я никогда тебя не оставлю. — Я протянула руку и нежно погладила моего милого друга по щеке. Затем провела руками по волосам, они отрасли со времени нашей первой встречи и теперь чуть вились. — Теперь нас ничего не разлучит.

— Но ты хочешь остаться с ним. — Надломлено произнес парень и прикрыл глаза.

Его лицо чуть наклонилось ко мне, чтобы ладони были удобнее продолжать свою ласку. Я подошла почти вплотную, и обхватила его голову обеими руками, а затем привстала на цыпочки и поцеловала его в широкий лоб. Когда я отстранилась, он посмотрел на меня с теплотой и любовью, которую не каждый сможет понять. У нас не было мам и отцов, мы лишились братьев и сестер, у нас украли детство и родной край... Но мы все равно нашли друг друга и, главное, мы нашли в наших сердцах места

— Ладно. Тебе еще предстоит отбить жениха у самой влиятельной и завидной партии Сантониума. — Выдал парень, чуть ухмыляясь.

Я поняла, как дорого ему обошлась эта шутка. От этого сердце заболело еще больше, но я улыбнулась в ответ и снова крепко обняла его.

— Друзья однажды...

— ...Друзья навсегда.

Я быстро прошмыгнула обратно в дом, пока андабаты делали обход вокруг него. Услышав шаги, я быстро сунула в карман платья странную вещь, подаренную мне напоследок Торрентом. При этом парень был очень загадочен.

— Где ты была, принцесса?

Знаете, порой человек задает вопрос, и вы точно уверены, что он знает на него ответ. Это был как раз тот случай. Урчащие тона в голосе Эйдена Батори были какими-то угрожающими, низкими, обещающими скорую расправу. Он вернулся в поместье, как обычно, в духе «снега в июле».

Я подняла голову, придав лицу самое отрешенное выражение лица. Эйден стоял рядом с одним из декоративных цветков, в половину его роста. Его руки были скрещены на груди. Одежду составляли пиджак и дорожные брюки, все еще сохранившие следы пыли, будто он вернулся пару минут назад. Сердце стало активнее качать кровь, чтобы справиться заодно с эмоциями, что вызывал во мне парень. Но слова Кацу не давали мне во всю насладиться своими чувствами.

— Дышала воздухом. В саду. — Ответила я и не солгала. Он же не спрашивал с кем я гуляла?

Я невозмутимо прошла мимо парня, на ходу расстегивая крючок верхней накидки.

— И не страшно тебе гулять ночью. Одной?

— В поместье нагнали столько андабатов, что иногда мне кажется, будто столица осталась без защиты. Все они перекочевали сюда, охранять вас, мой лорд. — Усмехнулась я, бросая взгляд через плечо на парня.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — Закончил он фарс и перешел к действиям. Я замерла, не найдя в себе силы повернуться к нему лицом.

— А ты?

— В смысле? — Парень за моей спиной приблизился.

Я сделала глубокий вдох, вбирая в легкий воздух и силу. Медленно развернулась, глядя на него:

— Зачем сюда приехала Анжелика Эванс?

Если бы кожа Батори уже не была бледной, как белые розы в его саду, в этот момент она наверняка смогла бы поспорить за титул со сказочной Белоснежкой. Но Эйден растерялся лишь на долю секунду, прежде чем снова вернуть себе хваленое самообладание:

— Ты считаешь, что тебя это касается?

— А ты считаешь, нет?

— А ты будешь на все вопросы отвечать вопросами?

— А ты все мои вопросы будешь игнорировать?

— Это все было раньше, ясно тебе? Это былого до того как... Как я встретил тебя! Нет. Не так. До того как узнал какая ты.

Чей-то кашель заставил нас посмотреть в сторону лестницы, но оттуда никто не появился. Однако это дало Эйдену повод приблизиться ко мне и, взяв за руку, волоком притащить по всему дому до своей комнаты. По обеим сторонам двери стояло по Защитнику в форме, на коих хозяин поместья не обратил внимания, врываясь в свои покои. Здесь он также не стал отпускать меня. Закрыв дверь, парень прижал меня к себе и глубоко вдохнул запах моих волос. Я чувствовала, как его сердце бешено скачет в груди.

— Эйден. — Я прижалась щекой к грубому материалу его пиджака. — Что происходит?

— Что происходит?.. — Повторил он, как эхо, надо мной.

Я попыталась отодвинуться, чтобы заглянуть в лицо аристократа, но он сильнее и грубее прижал меня за спину к себе.

— Элеонора, ты — лиса. Рыжая, хитрая лиса. — Горький смех, в котором совсем не было счастья, заставил меня замереть в его руках. Эйден стал медленно гладить меня по спине. — У тебя такая худенькая спина. И вся ты такая маленькая, принцесса. Ты дрожишь. Замерзла в саду или боишься меня?

Эти бессвязные действия и слова не могли не напомнить мне о нервном расстройстве Батори.

— Эйден, я никогда тебя не боялась.

— Может потому что я никогда не давал поводов? И ты ошибочно решила, что мной можно крутить так, как ты этого хочешь, лисенок?

Это было комично: мы стояли в объятиях друг друга в комнате, освещенной только щедрым лунным светом, но в этом будто не было любви, что совсем недавно я ощущала в этом же помещении. В этом был какой-то вызов, упрек.

Сейчас его потемневшие глаза напоминали цвет вечнозеленой хвои. Как и иголки этих деревьев, взгляд стал обладать какой-то колючестью, холодностью.

— На что ты намекаешь? — Я снова попыталась отстраниться от Эйдена, и теперь он позволил мне это сделать.

— Я не силен в намеках. Я говорю прямо и по существу. Но не все и сразу. Мы дойдем до этого, Элеонора. А пока...

Эйден подошел к своему письменному столу, и, выдвинув ящик, что-то достал оттуда. Это был тонкий и изящный стилет. Он блеснул, поймав своим лезвием отблеск лунного света. Мои глаза от испуга расширились:

— Что ты делаешь? — Прошептала я.

— Ну, наверное, пугаю тебя. Теперь получается? — С улыбкой произнес Эйден, поигрывая клинком в руках и скользя по нему длинными пальцами.

— Ни разу. — Выдавила из себя я, хотя с трудом оторвала взгляд от опасного железа. Возможно, оно бы не казалось мне таким опасным, если бы не находилось в руках у психически нестабильного парня.

— А твои глаза говорят совершенно обратное. — Произнес парень, делая шаг ко мне. Отступить было некуда, я итак прижалась спиной к стене.

— А твои глаза выдают в тебе психа. — Бросила я. — И не только глаза, знаешь, ты весь прекрасно вписываешься в этот образ.

Эйдан захохотал, прекрасно подтверждая мои слова.

— Ты даже не представляешь, насколько ты близка к правде, милая Элеонора.

Затем он с улыбкой повернул стилет ко мне рукоятью. Я с подозрением уставилась на оружие.

— Бери. — Сказал он.

— Спасибо, откажусь.

— Ты уверена? Это подарок. Платья тебе не нравятся, может, хоть оружие придется по душе. Тем более что свой кинжал ты из-за меня потеряла...

— Ничего страшного.

— Я сказал, возьми его. Ты знаешь, в ряду мятежников без него никуда. Или твой парень принес тебе еще что-то новое, что можно спрятать в корсете платья? Как его... — Эйден пощелкал в воздухе пальцами, будто вспоминая что-то. — Ах, да! Брендан! Верный пес короны оказался игроком на двух полях, кто бы мог подумать...

Холод пронесся по моему позвоночнику. Я сглотнула.

— Как давно ты...

— Да какая, в сущности, разница. Главное, что тебе следует узнать: тебе удалось обвести меня вокруг пальца. Ты умница и можешь гордиться собой.

Я нахмурилась:

— Эйден, что бы ты не думал, не делай поспешных выводов... Я не...

— Ты не обнималась в саду с главой мятежников? Не с ним ты танцевала на балу перед моим носом? Не его клинок был на твоём бедре, как защита? От кого, от меня? Серьезно?!

— Этот клинок спас тебе жизнь. — Прошипела я, распаляясь.

— Справедливо. Да только нужна ли мне такая жизни, принцесса?

Я отшатнулась от его слов, как от пощечины.

— Не смей такого говорить.

— Почему? Моя смерть была бы неплохим шансом воссоединиться с твоим

любовником. И знаешь что, если с вашим мятежом ничего не выгорит, то может ты попробуешь себя в королевском театре? Ты так профессионально разыгрывала недотрогу передо мной, сводя с ума этими глазами, улыбками, этим нравом. А сама в это время служила тепленькой подстилкой для ублюдского... Не смей!

Моя рука, которой я хотела ударить парня по лицу, была остановлена в воздухе. Мы оба тяжело дышали и смотрели друг на друга, как два безумца.

— Никогда. Никогда не говори ничего о Брендане.

— Защищаешь свою любовь. Как это по-женски. — Выплюнул Эйден с горечью.

Я видела это. Я видела, как ему больно. Я чувствовала, как крепко он сжимает мою руку, но делает все, чтобы не причинить мне боли. Судорожный всхлип вырвался из груди.

— Ты не можешь упрекать меня в чем-то Эйден. Ты помолвлен. Когда ты планировал мне это сказать? До или после того, как затащишь меня в постель? Или на общем собрании вашего дражайшего семейства, чтобы прилюдно показать мне мое место? Какую игру ты затеял? Почему сажал меня рядом с собой? Почему ты целовал меня? Почему делал то, что делал? Кем я должна была тебе стать? Любовницей? Почему ты заставил меня... Влюбиться в себя? — Последняя фраза, вылетевшая из моего рта, оглушила нас обоих.

Лицо Эйдена изменилось, будто я ударили его своими словами. Не было понятно, как он к этому относится.

— Лжешь... — Он приблизился ко мне вплотную, для этого ему хватило полушага. Его лоб коснулся моего. — Почему ты так красиво лжешь...

— Ты можешь не верить, мне все равно. Но я и Брендан просто друзья, Эйден. Я знак его почти с рождения. Он моя семья.

Эйден

Единственный человек во всем мире мог вывести меня из себя одним словом, взглядом, движением хрупкого плеча. И этот человек рушил все барьеры моего самообладания прямо сейчас.

И новым толчком для проблем стало очередное упоминание Брендана и тепло, с которым она произносила имя этого человека. Черт, да она хотела поднять на меня руку за его оскорбление! Я сильнее сцепил зубы. Вена на шее вздулась и пульсировала.

Я видел их. Она обнимала его. Моя хрупкая, нежная Элеонора спокойно стояла в руках человека, который мог щелчком пальцев переломить ее тонкую шею. Это был самый опасный человек, и именно ему она позволила себя обнимать. Вид этой картины снова возник у меня перед глазами. Я отстранился от девушки и посмотрел в ее синие, глубокие глаза. Моя. Говорила ли она правду, или это была очередная хитрость? Какая, в общем, разница? Ведь она моя.

Я убеждал себя, что преследовал только личные выгоды, желая заполучить эту девушку. Я мог утереть нос отцу, обладая ею. Я мог доказать миру, чего стою. Что я умнее их всех. Но все это оказалось ложью. Все мои мысли рассыпались в прах. Лгать самому себе... Разве это не самое жалкое поведение? И все же, именно это я пытался делать каждый день, смотря на Элеонору. Ведь на самом деле, с того момента, как я увидел ее в шатре мятежников... С момента, когда червовый и пиковый тузы легли на сукно стола... С тех пор я желал обладать ею. Но вот она, судьба. Все же она не вознесла меня на верх, она свергла меня в самую пучину собственноручно сотворенного ада.

— Все это не имеет значения. Больше ты его не увидишь.

Страх проскочил в ее глазах. Она не боялась меня, не боялась умереть от чьего-то клинка, но всерьез испугалась, когда поняла, что может не встретиться с этим отбросом.

— Что ты имеешь в виду? Эйден, ты не понимаешь. Все что происходит касается не только нас с тобой, это гораздо...

— Серьезнее? Опаснее? Смертельнее? Элеонора. Я уже говорил тебе, и повторю снова: ты принадлежишь мне. Лишь я могу обладать тобой. Касаться тебя. Любить тебя.

Девушка с шумом втянула воздух, отчего ее грудь чуть приподнялась в плотном корсете. Желание освободить ее от корсета и лишней одежды стало почти осязаемым. Я желал ее всю, без остатка.

Моя.

Лишь эта рыжая девчонка одна в целом мире смогла воскресить во мне утраченные чувства. Чувства, которые я не в силах был объяснить и даже не пытался. И прямо сейчас она будила во мне внутренних демонов.

— Эйден, ты чудовище! — Крикнула она.

— Верно.

— Псих!

— Конечно.

— Эгоистичная сволочь!

— Бе-зу-слов-но.

— Ур... — Я проглотил последний нелестный эпитет в свой адрес, закрывая ее ротик поцелуем вместо кляпа.

Секундное замешательство и маленькие тонкий пальцы уже вцепились в мои плечи, а затем скользнули вверх, зарываясь в волосы и вызывая во мне глухой стон. Ее губы раскрылись, впуская меня в горячий рот.

Полные губы были сладкими, и это не образное выражение из дешевого бульварного романа. Она вся была сладкая, как будто в детстве пила цветочный нектар вместо материнского молока и этот вкус остался на ее устах, ее коже.

Я крепче сжал девушку в своих объятиях, желая чувствовать ее всю, каждый изгиб тела и сантиметр кожи, горевший пламенем. Какая она горячая. Она была пламенем в моих руках. Огнем, который люди всегда искали. Огнем, который дарует свет и жизнь. Она стала моим светом и моей жизнью.

Ее язык будто был создан для того, чтобы приносить удовольствия. Движения стали интенсивнее, откровеннее. Наш поцелуй становился глубже, интимнее. Тело девушки трепетало и таяло в моих руках, сильнее прижимаясь. Нежная с виду, этот ангел так прекрасно владел искусством порока, что буквально сводило меня с ума. Неожиданно в голове снова возникла мысль, что овладеть такими навыками моя (моя, ничья больше) девушка могла на уроках у этого проклятого андабата, преступившего закон. Осознание этого разозлило меня, как ни что иное. Я оторвался от губ девушки, тяжело дыша. Дыхание Элеоноры вторило моему: сбивчивое, рваное, горячее и манящее. Ее губы припухли и влажно блестели. Глаза были будто поддернуты дурманом. Черт возьми, она прекрасна.

— Ты — мое проклятье. И мне еще предстоит гореть за тебя в аду.

Не глядя на девушку, все еще находящуюся во власти эмоций и желания, я позвал охрану.

— Отведите мисс Элеонор Макартур в ее комнату и не выпускайте без моего разрешения.

Элеонора

Когда мне было 15 лет к нам, на Запад, приезжал зоопарк. Спонсоры расщедрились и отправили девушек академии, отличившихся в чем-либо, на экскурсию, в качестве поощрения. В пятьдесят таких счастливиц волею судеб попала и я. Выиграла соревнования по конкуру.

Вид животных меня восхитил и все они запомнились мне надолго: от игривых мартышек, что скакали по канатам, до огромного слона с невероятно добрым выражением морды. Но прямо сейчас я отчетливо представила перед собой тигра. Именно от его клетки я не хотела уходить. Именно тогда у меня сжалось сердце, и я желала, чтобы его выпустили на волю.

Тигр был совсем молодой, зоопарк получил его в подарок от каких-то охотников. У него была прекрасная, блестящая шерсть. Гибкое тело представителя грозного семейства кошачьих было насыщено-оранжевого цвета и покрыто черными полосами. Но больше всего меня поразили его глаза: ярко-голубые, они тревожно сверкали. Говорят, что такие глаза могли быть только у белых тигров.

Животное ни секунды не находилось в покое. Зверь постоянно мелькал то в одном, то в другом конце небольшой клетки. Его хвост нервно бил по полу, изредка выметая мелкий сор или поднимая пыль. Он ненавидел неволю, он ненавидел железные прутья, он ненавидел людей, что его здесь заперли и был прав. Этот зверь не был создан для клетки. Никто не был.

Почему я почувствовала тогда такое безграничное понимание его чувств? Может потому, что сама того не ведая, я жила до совершеннолетия в клетке. Я совершенно не знала, каков мир за пределами академии. Я верила, что он широк и прекрасен. Что нам мир прекрасен. Я не знала о страданиях людей, о зачистках — подобных кровавому жертвоприношению, о власти высших.

Ну а прямо сейчас я, рыжая девочка с синими глазами, точно также как тот редкий тигр, мерила шагами свою комнату. Тринадцать четыре шага от входа до противоположной стены. Двадцать шагов от двери ванной комнаты до окна. Вот и весь периметр, что был в моем распоряжении последние четыре дня. Сколько минуло в часах могу сказать только интуитивно, потому что их я разбила на вторые сутки заточения. Но четыре дня! За это время могло произойти что угодно...

Что мог сделать Эйден с информацией о Брендане? И как много он узнал? Даже если ему нет дела до отступников, он мог сделать больно моему другу из слепой мести. Он был нестабилен.

Я снова осмотрелась вокруг, как будто что-то могла по волшебству измениться. Недавно отсюда вынесли большую часть вещей, что я не успела разбить. Не из целей экономии, а «чтобы я не вздумала пораниться». Я лишь фыркнула на это предположение. Они правда считают, что я решу расстаться с жизнью, порезав вены черепком от вазы? Нет уж, такого удовольствия я никому не доставлю.

За моим окном не было ни одного дерева, пробраться на крышу тоже было бы самоубийством. Ну, или самым крайним вариантом, граничащим с самоубийством. К тому же под окнами постоянно мелькали андабаты дома Батори, которые стали гораздо смелее,

когда у меня отобрали метательные снаряды.

На их плечах виднелись характерные зеленые вензеля в виде буквы "Б", оплетенные виноградной лозой — символ плодородия и изобилия. Ходят слухи, что пока Батори не стали торговцами морей, они были самыми знаменитыми виноделами. Отсюда и пошел герб. Да и на сегодня запасы вина Батори самые огромные, больше королевских. Не даром Эйден постоянно сидит с бокалом вина.

Только вот сейчас Батори гораздо бы больше пошла рыба. Или, если верить мерзким слухам, то, например, мак.

Интересно, а Анжелика Эванс сменит свой герб после свадьбы? Их семья носила символ голубя, взмывающего в солнечных лучах в небо, с небывалой гордостью. Символ смирения, доброты и чистоты, а также Святого Духа. Сменить фамилию, сменить герб...

Мысли о будущей свадьбе, о которой частенько говорили горничные, сводила меня с ума. Эйдена не было в особняке и одному Богу известно, куда он отправился. Уж не выбирать ли парадные перчатки для важного события? Я с ожесточением пнула подошвой туфли стул, и он с грохотом завалился на спинку. Охранники, что стояли за моей дверью, на подобные звуки уже не реагировали.

— Что тут? — Раздалось за дверью и сначала я подумала, что поспешила с выводами.

Прислушавшись к диалогу я поняла, что всего лишь наступило время обеда. От еды я отказываюсь уже сутки, с тех пор, как поняла, что мне подсыпают успокоительное, а вечером и снотворное. Считать совпадением то, что после вечерней трапезы я могла уснуть там, где стояла, я не собиралась.

— Вы постоянно будете это спрашивать? Обед для мисс. Пора бы запомнить.

— Ты не ерничай. Порядок такой.

— Проходите. Стойте. Новенькая что ли?

— Ага, моя протеже.

— Красивая.

— Не про твою честь.

Хохот охранников и характерный звук ключа, проворачиваемого в замочной скважине. В комнату вошли две горничные. Я даже не обернулась к ним. Ничего не имела против Софи, но мое настроение с каждым часом, проведенным в заточении становилось все менее радужным.

Дверь за девушками тихо затворили дверь, бросив что-то о времени напоследок.

— Мы принесли еду. — Как-то слишком громко заявила девушка.

— Мы? Одна ты уже не справляешься? — Проворчала я, прикидывая в уме варианты развития событий.

Может, Батори решил применить силу в ответ на мое объявление голодовки и одна из служанок будет меня держать, пока София с криками «Ложечка за меня, ложечка за лорда» попробует напичкать меня бульоном?

— Нет. — Произнесла девушка, ставя на стол поднос с тарелками, от которых исходил пар и потрясающие ароматы. Сейчас разрежусь. Все-таки голодовки — это не мое. — Но мне кажется, что вы одна не справитесь.

В голосе Софии прослеживались такие довольные нотки, что я обернулась, чтобы понять причину ее счастья. И обомлела.

— Привет. — Голос чистый и мелодичный, как родниковый ручей сказал мне, что это не сон и не галлюцинация на почве недостатка еды.

Стелла стояла передо мной, в униформе служанки дома Батори, с сияющей улыбкой и слезами в глазах. Ее руки были сложены на переднике и мелко подрагивали.

— Стелла... — Прошептала я, делая короткий, нерешительный шаг.

А потом еще. Еще. Еще!

Я пересекла комнату и крепко прижала девушку. Ее худенькое тело заходило ходуном, от того, что она беззвучно зарыдала.

— Как я ску... Ску... Ску... — Попыталась произнести моя подруга, безуспешно сдерживая рыдания.

— Я тоже скучала. Я так по тебе скучала, Стелла.

Я отстранилась, чтобы посмотреть на нее, а затем снова прижала к себе. Потом снова отстранилась, и снова обняла.

Софи кашлянула и стала громко греметь посудой на столе:

— Я все-таки рекомендую вам поесть! И мы не уйдем, пока тарелки не будут пустые! Это приказ молодого господина! — Говорила она так, чтобы слышали андабаты, а затем прошептала: — Я сейчас сама расплачусь, девочки. Но если вы не будете вести себя тише, охранники могут оказаться не такими сентиментальными.

Стелла на этот раз чуть отодвинулась сама и стала вытирать лицо обеими ладонями, а затем махать перед ним руками, будто потоки воздуха могли осушить ее глаза.

— Как ты здесь оказалась? Что?.. Почему ты?..

— Элеонора. — Стелла взяла меня за руки и повела к столу. — Сядь и поешь, я тебе все расскажу.

Я нахмурилась:

— Даже я в такие моменты не могу думать о еде! И я не ем, бойкот. — Я закатила глаза.

Стелла и Софи переглянулись:

— Тебе понадобятся силы, так что кушай.

— Я позаботилась о том, чтобы в еде не было лишних ингредиентов. — Подмигнула мне юркая Софи и мне захотелось ее расцеловать. Впрочем, я так и сделала, вызвав у девушки короткий смех.

Я села и стала есть, чувствуя, как горячий суп согревает мне все внутри. Но в тарелку я не смотрела, во все глаза уставившись на Стеллу. Казалось, что если я отведу взгляд — она исчезнет.

— Почему ты здесь? Я имею в виду... Это плохо, Стелла! — Я нахмурилась. — Они не должны были посылать тебя!

— Я недостаточно смелая? — С улыбкой поинтересовалась подруга.

— Вообще-то да. — Подтрунила над ней я. — Это опасно. Почему тебя подвергли такому риску?

— У нас не было иного выхода. Кейко Мори приходила в особняк на встречу с тобой, а ее выставили. Столько ругательств на японском я не слышала никогда.

— Кейко приходила? Когда?

— Позавчера. Когда письма от тебя перестали приходить все напряглись. Брендан и Реми сейчас рядом с Сантониумом, в крепости андабатов, что обрамляет левую сторону города. Пробраться сюда не андабату, например, Пирату или Томасу, было бы рискованно. И вот. — Стелла указала руками на себя, как на живую иллюстрацию решения.

Стелла села рядом со мной. Софи притащила стул, который я откинула, и тоже уселась рядом.

— Безумие. Как ты вообще оказалась среди отступников? — От меня не укрылось, с какой легкостью блондинка орудовала именами моих друзей в разговоре.

— Они забрали меня. Точнее, они предложили мне уйти, и я согласилась.

— Но разве твое место было не прекрасным? — Я отбросила ложку и взяла руки своей подруги. — Я слышала, как ты пела, Стелла. Ты хочешь от этого отказаться?

— Пока что выбирать не приходится. Я не ушла из труппы. Но если мне предстоит такое решение, я выберу вас. Брендан рассказал мне, что происходит, Элеонора. А я рассказал ему то, что знаю. Я слишком долго пробыла во дворце, чтобы не понимать, что мир меняется. И я хочу быть на правильной стороне.

Я не узнавала подругу. Нежная, утонченная Стелла, смотрела серьезно, по-взрослому. Небесно-голубые глаза стали будто более мудрыми. Девушка нахмурилась, что-то вспомнив, и крепче сжала мои руки:

— Я знаю на счет Эйдена и Анжелики. Мне жаль.

Я лишь кивнула, ощущая тепло и поддержку подруги. Странно, что я не плакала, когда увидела ее. Наверное, кто-то всегда должен оставаться с ясным зрением, и теперь я давала Стелле возможность сидеть с такими влажными, но все равно красивыми глазами.

— Мистер Батори ненавидит Анжелику. Да и все ее не любят. — Выдала Софи, затем посмотрела на дверь, на место, где должны были быть часы, нахмурилась. — Вы кушайте, мисс, пожалуйста.

Я снова вернулась к еде, принимаясь за второе. Вкуса я все еще не чувствовала, лишь тепло.

— Что ты имеешь в виду? — Спросила я с набитым ртом.

— Их союз — типичный мезальянс. Лорд Эйден выкидывал письма леди Анжелики даже не вскрывая конверты. А она ему писала постоянно. Это все его отец.

— Это не имеет значения. — Хмуро произнесла я, на автомате работая челюстями. — Он сделал свой выбор.

Софи цокнула языком:

— Его сделали за него! Отец лорда — страшные и пугающий человек! Я бы тоже такого послушалась. А я ого-го какая строптивая! — Воскликнула Софи, пылко защищая хозяина. — Каждый раз, если он приезжал в поместье, на юном хозяине лица не было. И слуг он в расчет не ставит. И если честно, я думаю, что лорда Эйдена он ненавидит даже больше, чем слуг. Если он и леди Эванс станут супругами, может тогда он станет свободен от гнета отца?

В болтовне Софи было здоровое зерно. Но мое сердце не принимала никакой логики и оправданий. Даже болезнь Эйдена не была для меня оправданием его поведения.

Заметив, что я доела, Софи ловко убрала тарелку в тарелку и составила лишнюю посуду на поднос. Она снова посмотрела на пустующее место часов и закатила глаза.

— Думаешь, уже? — Спросила Стелла, заметив движения служанки.

— О чем вы?

— Настало время вам уйти отсюда, юная госпожа. — Улыбнулась Софи.

Мое сердце забилося быстрее. То есть это не визит, чтобы убедиться в том, что я жива? Это побег? Сначала я обрадовалась, и затем, посмотрев на юную девочку, засомневалась:

— Софи, но как же ты? Ты считаешь, тебе позволят уйти от наказания?

Она пренебрежительно махнула рукой:

— Кто докажет? Скажу, что две госпожи обвели меня вокруг пальца.

Сомнение все равно читалось на моем лице и Софи, видя это, тепло улыбнулась:

— Маленькая мисс. — Обратилась она ко мне словами, которыми меня наделили в поместье, даже если учесть, что Софи была младше меня. — Вы заступились перед старшим лордом за Пьетру. Вы добры и любимы нами, как никто другой. Вы стали одной из нас, а своих мы не бросаем.

В глазах девушке сверкнула решительность и даже какая-то радость. Это дух, присущий тем, кто вступает на тропу мятежа. Я не спутаю его ни с чем. Он загорается тогда, когда вы поступаете так, как велит вам сердце и мораль, даже если знаете, чем это может обернуться. И этот огонек никогда не гаснет, ведь он идет прямо из сердца. Он согревает и ведет за собой толпы.

Я побежденно покачала головой:

— Ненормальные.

— Еще бы! — Воскликнула Стелла. — Я с тобой десять лет рядом спала! Заразилась!

Я не смогла сдержать улыбки, но не успела ответить: за дверью раздался грохот. Затем ругательства, и... Еще один грохот. Я вскинула бровь и посмотрела на девочек. Те имели лица ангелов во плоти.

— Кто же знал, что андабаты не переносят снотворное на обед? — Развела руками Софи, а затем насупилась: — Вот нечего тебя было им кормить и в свободном доступе оставлять.

Я засмеялась:

— Софи, ты — чудо!

Девушка гордо кивнула и принялась развязывать чепчик:

— А теперь, давай меняться одеждой. Вы со Стеллой уйдете, как горничные, пока эти кабаны спят. Дальше рассчитываю на вас.

— А ты? — Спросила я, расстегивая пуговицы платья. От волнения пальцы начали чуть подрагивать, но это было приятное волнение. Я принимала его и желала действовать.

— А я лягу в вашу кровать, маленькая мисс, и сделаю вид, что вы меня одурачили. Бедную и глупую Софи. — Девушка выскользнула из своего платья и бросилась на кровать, утонув в пуховой перине. — Эх, как же здорово! Давно я мечтала понежиться в лордовской кровати!

Я стала натягивать одежду служанки, а Стелла помогала мне справиться с особенностями их формы:

— Чуть не забыла! Где вещь, что давал тебе Торрент?

— Посмотри в ящике стола. Но он не успел объяснить что это.

— Он рассказал мне. — Девушка подошла к столу и, выдвинув полку, стала рыться в ее содержимом.

Через пару секунд, из скопления перьев, ручек и листков, она выудила маленькую черную коробочку с серым экраном. Ее тонкие бледные пальчики стали нажимать на него, а лоб стал хмурым. Вспоминая что-то, наверное, указания Пирата, она посмотрела в потолок и закусил губу. Я подошла, на ходу застегивая платье, и заглянула через ее плечо. Экран не

менялся. Еще пару нажатий и каких-то комбинаций:

— Да! — Радостной воскликнула она.

Заинтересованная Софи вынырнула из полога кровати и, ничуть не смущаясь того, что она в одной сорочке, подошла к нам. Экран в руках Стеллы ожил, загорел тусклым зеленым светом и стал выдавать буквы.

— Эйден сказал, что настроил такие штуки ловить чужие сигналы и передавать их нам. Но парочку он наладил для внутренней связи, правда пока что односторонней. Точнее, только сам Пират может посылать сообщения.

Еще пара нажатий и на экране высветилось:

«Элли, ты почему пропала?»

Сразу за ним начали появляться другие сообщения. Очевидно, Торрент слал их, в надежде, что я включу этот аппарат:

«Элли, мы волнуемся».

«Элли, Брендан в ярости».

«Я тоже в ярости».

«Почему я не научил тебя им пользоваться?»

«Брендан в опасности».

Последнее сообщение оглушило меня, как будто таз с ледяной водой. Я выхватила прибор у Стеллы, вчитываясь в слова. Но подробностей не было, только это, последнее сообщение. Датировано сегодняшней датой.

Я сжала коробочку в руке и сунула в карман передника. Затем подняла с пола чепчик, который Софи туда кинула и стала быстро прятать волосы:

— Где сейчас мятежники?

— В скалах. Это на...

— Я знаю где это. Но у нас мало времени. Возьмем лошадь.

Стелла не стала возражать. Я обняла Софи. Глаза девушки отчего-то наполнились слезами:

— Берегите себя, маленькая мисс. Может, мы еще встретимся.

— Ты тоже береги себя. И спасибо.

Бросив последний взгляд на свою комнату, клетку канарейки (Или все же тигра?), я взялась за ручку двери. Сделав глубокий вдох, я вышла из своего заточения.

Глава 16. Плохие парни всегда побеждают

Глава 16. Плохие парни всегда побеждают

Брендан

Я третий раз вчитывался в строки на белой бумаге, бегло написанные чей-то рукой, и все еще не мог понять смысл прочитанного.

«Твоя девчонка у нас. Если тебе нравятся рыженькие, ждем тебя в Бухте Севера. Сегодня».

Моя рука сжала короткое послание, которой сегодня утром мне подсунули под дверь. Вместе с ним в конверте была прядь волос: ярко-рыжая, как доказательство слов. Я не спутал бы этот цвет ни с чем иным. Здесь же лежало черное перо ворона. Нет, этого не может быть. С другой стороны, Кацу сказал, что Элеонора не ответила на последнее письмо от его сестры, и перестала писать что-либо сразу, после нашей встречи, хотя обещала обратное. Да и раньше она писала регулярно. Что могло ей помешать? Это совпадение, или все же?.. Кейко не пустили в поместье, в то время как Эйден был в Сантониуме. Что-то произошло. Я сжал конверт в руке.

Реми топтался по моей комнате из угла в угол, выделенной в дворцовом помещении, и был близок к тому, чтобы протоптать на ковре плешь. Уже минут десять он рассуждал вслух, говоря о возможных рисках:

— Брендан, это может быть ловушкой. Сам подумай, кто мог знать о том, что королевский андабат связан с Элеонорой? Письмо прислано не Дракону, а именно тебе.

— Может кто-то недоволен моим местом в королевской гвардии?

После того, как я убил андабата на арене, меня приняли в ряды королевских гвардейцев. Пройдя ряд испытаний, я взял под командование небольшой отряд. Такой стремительный подъем по карьерной лестнице спровоцировал много слухов и желчной зависти. Неудивительно, что кто-то решил под меня накопать.

Я тряхнул головой, к черту эти мысли. Медленно встав, я подошел к шкафчику и, достав пистолет, проверил его. Как жаль, что нет большего количества оружия. Оружие, говорили высшие, не подходит низшим кастам. Они используют его для убийств, раздора, воровства, войн и провокаций. А высшие? Ох, для защиты, разумеется. Именно поэтому в обычном арсенале андабатов не было стволов. Разве что если нам приходилось защищать первый ранг.

— Ты что? — Подпрыгнул на месте Рем. — Ты реально собрался идти туда?

— Конечно.

— Не смей! Мы должны собрать наших, мало ли у них там армия! Или ты всерьез считаешь, что сможешь на светскую беседу за чашкой чая?

— Нет. Я рассчитываю на то, что больше ни один локон волос Элеонор не пострадает. Иначе мне придется усеять бухту чужими трупами. — Рем цокнул, а я продолжил: — И кого «наших»? Подставлять мятежников? Ты шутишь? Вот подарочек будет для этих смертников, если я покажу им, что королевский андабат и Дракон — одно лицо.

— Шшш! Даже у стен есть уши, идиот. Когда ты это поймешь?! И я пойду с тобой.

— Нет, там же написано, «один». Не усложняй.

— В законах Сантониума тоже написано о равенстве, однако что-то мы плевали на это.

Я не стал слушать его сравнения, молотить языком он умел как никто другой. Пройдя

мимо друга лишь бросил:

— Проверь наших.

— Брендан...

— Это приказ.

Бухта Севера получила свое название за то, что через нее приходили и уходили корабли, связывающие нас с Северным королевством. А еще здесь постоянно было холодно. Морской ветер не унимался никогда, поднимая пенистые волны и разбивая их о берег и борты стоящих здесь кораблей.

Я проскользнул в бухту по берегу, через скалистую местность, не рискуя идти напрямую. Солнце уже стремилось к горизонту, намереваясь в очередной раз утопиться в морской глади. Но любоваться светилом у меня не было ни времени, ни желания.

В голове и теле была какая-то пустота. Как будто все мысли и чувства кто-то взяла, выдрал, как исписанные страницы из тетради, смял и выбросил. Я был спокоен. Я был чудовищно спокоен. Кто бы это ни был, если он что-то сделает с Эленорой... Ему придется совершить двойной суицид вместе с заходящим солнцем, и это будет самым гуманным и верным решением в его жизни.

Быстро просканировал местность, я не заметил никого. Впрочем, людей с транспарантами «Девушка у нас» я и не ждал.

Мой слух, сквозь шум волн, уловил что-то инородное. А может это инстинкты просыпались. Зверь поднял голову и учуял опасность. Именно поэтому я нырнул за угол ближайшего склада. Мимо меня просвистела стрела и вонзилась в место, где я стоял. Ее оперение задрожало на ветру. Стрела была не боевая, но подпортить мое здоровье могла знатно. Либо у Ворона дефицит оружия, либо убивать меня не планируют. Что же, у меня были другие планы.

Я достал один из подарков Торрента. Маленькая коробочка, которая при нажатии на кнопку начинала трещать без умолку, состязаясь за болтливость с Реми. А уж когда она переставала болтать... Я вздохнул и, нажав на серую кнопку, опустил ее на землю. Может, мои преследователи достаточно тупы, что повестись на это?

Как оказалось — я был прав. Я юрко и быстро, держась в тени складских помещений, отошел от этого места. Затем, почти сливаясь и приныкая всем телом к холодному железу, забрался наверх. Моя сторона была теневой, зато солнце вдоволь освещало противоположную. Место, откуда появилась стрела. Даже стихия играла на моей стороне.

Долго ждать не пришлось. Люди появлялись и исчезали, перебежками продвигаясь ко мне. Подавая друг другу знаки, они шли прямо в мои лапы. Один, два, три... На пятнадцатом я перестал считать. Смешно.

Дождавшись когда вся масса ублюдков окажется перед моими глазами и убедившись, что среди них нет Элеонор, а также о наличии их оружия, я достал пистолет.

Первый крик разочарования и начавшийся хаос, как мельтешение испуганных муравьев подо мной, дали мне знак, что парни нашли мой подарок.

К говорящей технике подошло двое. Трое. Еще. Моя рука напряженнее сжала пистолет, готовая пуститься в бой. Рано. Время. Сколько прошло времени?

Как ответ на мой вопрос раздался взрыв.

Игра началась.

Я не знаю сколько я сражался в секундах, минутах. Я не смогу назвать и в трупах, которые полегли вокруг нас. Оружие, полагающееся королевскому защитнику, было под

надежной охраной. Единственный пистолет и обойма сделали свое дело, но запасной у меня не было. Один раз мне удалось перерезать канат, сдерживающий железные балки. Я отскочил, но троих преследователей завалило. Еще с парой я расправился лично. Лишь одному прыткому малому удалось нанести мне удар мечом, чуть задев плечо, а затем локтем, хорошо вкладываясь в удар по лицу. Он разбил мне губы, но это было последнее, что он сделал в своей жизни. Мой меч, верный друг, все сильнее окрашивался в красный. Если бы у меня было время добраться до владений Торрента и взять больше оружия...

Число людей вокруг меня сокращалось, я был уверен, что выйду живым из этой переделки. Мне необходим лишь один из них, всего один, чтобы найти Элеонору.

— Bravo, bravo! Ты и правда хорош.

Одинокие хлопки заставили нападающих замереть, я, тяжело дыша, встал спиной к стене склада, избегая соблазна прислониться к ней. Взял меч в другую руку, дав правой отдых, и нашел взглядом говорящего.

Ворон. По крайней мере кто-то, кто скрывался за маской ворона. Он лениво приближался ко мне. Руки, облаченные в черные перчатки, он убрал за спину. Будто это была прогулка по пристани с целью любования морем.

— Посмотри-ка, слухи не лгут. Ты и правда хорош. Наши ребята тебя практически не заделали. И костюмчик не испортили. К слову, хороший крой. Королевская мода? Кто бы знал, что главный мятежник и главный андабат — одно лицо?

Я промолчал, посчитав его вопросы риторическими. Осознав, что ответа он не дожидается, человек поднял руку и подал знак двумя пальцами одному из двух парней, что как две тени зависли рядом с ним. Тот достал из кобуры пистолет и с щелчком снял его с предохранителя. Выстрел прозвучал как гром в открытом пространстве. Мою ногу обожгло болью, и я упал на колени.

— Мы не хотим тебя убивать, не думай. Просто в таком положении ты малость безопаснее, как мне кажется. — Ухмыльнулся Ворон. — В о-общем, ты нам нужен, но не такой прыткий. И без оружия, желательно.

Боль в ноге была не то что обжигающей, она была как пламя, распространяющееся от места, мигом обогренив кровью, по всему телу. Я почувствовал, что на лбу и висках выступает липкий пот. Ворот водолазки показался мне слишком узким, не дающим дышать. Ну что же, если выживу — одним шрамом будет больше.

— Думаю... Таких трусливых ублюдков как вы... Я задушу и голыми руками. — Сказал я сквозь рваные вдохи.

Моя рука крепче сжала эфес меча и я так яростно глянул на людей, двинувшихся было ко мне, чтобы забрать оружие, что те нерешительно отпрянули.

— Не сомневаюсь в этом. Только для начала тебе надо до нас добраться. А у нас есть некоторые... Преимущества. — Пожал плечами Ворон и кивнул на человека, все еще державшего пистолет.

Я лишь усмехнулся:

— Ты трусливая падаль, Ворон. — Я окинул взглядом остальных парней. — А вы? Считаете, что то, что он кинул вас мне как пушечное мясо, когда мог закончить дело парой выстрелов, делает ему честь? И дает право за него сражаться?

— Ой, не надо этой демагогии о морали. — Я не видел его лица, но уверен, что он поморщился. — Они сражаются не за меня, а за общее дело. Думаю, Отступники тоже борются не за своего Лидера, верно? Иначе где же они?

— Элеонора. — Сквозь стиснутые зубы произнес я всего одно имя. Имя, что волновало меня больше всего. — Где она?

Через секунду промедления Ворон захохотал. Он закинул голову назад так, что из под клюва виднелся подбородок и шея. Шея... Добраться бы до нее и перерезать. Я крепче сжал меч. Человек перестал смеяться и просунул руку под маску, очевидно вытирая выступившие от хохота слезы.

— Знаешь, ты как был наивным, так и остался. Я всегда знал, что за показной агрессией скрывается наивный ребенок, которому стоит показать прядь чужих волос и он сразу, забыв о малейшей предосторожности, опрометью бросится спасать своих друзей.

Я глубоко выдохнул и меня разобрал кашель, который я с трудом сдержал. Его слова... Я с трудом понимал, что он говорит. Кровь толчками выливалась из раны и текла по ноге, на землю, не давая мне четко соображать. Но одно я уловил: да, это ловушка. Да, я пошел на поводу у эмоций и сам в нее попал. Но у них не было Элеоноры. Злость, гнев, ярость — все отошло на второй план. Вместо этого я почувствовал спокойствие, то самое, накатывающее всепоглощающее умиротворение. Мой личный признак безумия. Наверное, что-то отразилось на моем лице, потому что глумливые беседы стихли, а вместо них появился суеверный ропот. Я поднял глаза на людей передо мной, не всматриваясь в лица — это мне было безразлично. Я медленно растянул окровавленные губы в улыбку, чувствуя приятную боль. Вкус железа и запах крови. Это то, к чему я привык. Похоже, моя улыбка еще больше испугала окружающих. Знал бы, начал диалог именно с нее.

— Ну что, великий Дракон и на коленях? Кто бы мог подумать... И все это из-за девчонки! Неужели детская дружба так много значит для тебя? Или ты влюбился?.. — Едкий смешок. — Снова?

Его слова показались мне странными, как будто он говорил что-то очень важное, но так туманно, что я не мог этого разобраться. Я пытался схватить его мысль, как будто нитку за ее конец, но она ускользала из пальцев.

Кто-то из приближенных Ворона что-то спросил, но его слова заглушил рев невиданной силы. Он приближался к нам, нарастал стремительно и неукротимо, как карающий меч.

— Твою мать, что происходит? — Люди вокруг меня напряглись не на шутку.

Через мгновение рев стал невыносимо оглушительным и из-за ближайшего к нам склада на бешеной скорости выкатили черные мотоциклы. Они походили на улей черных пчел. Нет, на табун дорогих, шикарных скакунов, именно так их называл Торрент. И он был прав.

— Не может быть... — Ошарашено проговорил стоящий ближе остальных ко мне парень, самый молодой из группы.

Наездники выглядели подстать железным коням, которыми управляли. Все в черном и темно-зеленом, в капюшонах и банданах. Отступники. Они окружили нас и стали ездить плотным кольцом, заставляя моих противников сбиться в кучу рядом со мной. Один из них, кажется, Реми, чью куртку я узнал среди темных мелькающих пятен, издал протяжный вой. Крик волка, тоскующего по луне. Его животный крик подхватили остальные. Это была просто интуитивная выходка, но выглядела она как мощная психологическая атака, и она им удалась.

— Кто?! Кто это?! — Спросил тот, что выстрелил мне в ногу сломанным голосом.

— Это моя группа поддержки. — Сипло проговорил я, не в силах сдерживать улыбку. — Те, кто борются не за меня. Ты же хотел их увидеть, Ворон?

И тут... Байки перестали мелькать перед глазами и на одном из них, за спиной

мятежника, я увидел более мелкую фигуру. Она сидела, плотно обхватив ногами впереди сидящего и вцепившись в его плечи. Но лицо было повернуто ко мне. Из под глубокого капюшона выбилась длинная прядь волос, таких ярких, будто всполох огня осветил их.

Чувство облегчения и радость от того, что она здесь, целая и невредимая, резко оборвалось. Да, она здесь, но какого, блять, черта?! Я оперся на меч и встал, едва не зарывав на девушку. Она с легкостью спрыгнула с мотоцикла и встала рядом с парнем.

Элеонора

Мое сердце бешено билось в груди. От адреналина, от нереальности происходящего, от вида Брендана, в окружении этих сволочей. Он был бледным, как будто вся кровь ушла из его лица. Глядя на его ногу и лужу крови на земле — в это было легко поверить. Но он жив и мы успели. Это главное.

Теперь нам необходимо придерживаться плана и сделать так, чтобы Брендан не испортил итак шваховую ситуацию. Я вышла вперед, чувствуя, как напряжены все присутствующие. За мной тенью двигался Кацу.

— Ого, у нас гости! — Воскликнул Ворон. — Милая Элеонор, и вы здесь. Парни, с нами леди, где ваши манеры?

Люди вокруг Проклятой Птицы засмеялись, но как-то верное. Еще бы, наша компания выглядела более чем внушительно. Я сузила глаза:

— Привет, давно не виделись. Как ты? Как нога? — Я откинула капюшон, не видя смысла скрывать лицо, а стянула повязку на шею.

Мой вопрос задел его, улыбка, которая виднелась из под длинного клева, померкла на секунду, чтобы снова растянуть губы в оскале:

— Волнуешься? Очень мило с твоей стороны.

— Ага. Переживаю, что не довела дело до конца. Но у меня будет возможность, верно? — Я игриво подмигнула ему.

— Как обычно самоуверенна. — Этот голос пробрал меня до мурашек, я почувствовала, как колит в кончиках пальцев и медленно, очень медленно перевела взгляд влево.

Эйден Майкл Батори, собственной персоной. Он медленно приближался к нам. Как всегда аккуратный, красивый, с непревзойденной осанкой и ленивой аристократичной ленцией в каждом движении. На его губах играла уже до боли привычная усмешка.

— Эйден, опаздываешь. — Усмехнулся предводитель в маске птицы.

Эйден пожал плечами:

— А по-моему я как раз вовремя. Элеонор. — Он кивнул мне, будто мы были на великосветском приеме, а не во враждующих лагерях, желая перегрызть друг другу глотки. — Хорошо выглядишь, знал бы раньше, что тебе так идут обтягивающие штаны, не настаивал бы на платьях.

Волна жара поднялась откуда-то снизу, заставляя мое лицо краснеть, то ли от стыда, то ли от гнева. Но голос мой, вопреки ожиданию, прозвучал спокойно, более того, тон мог заморозить Ад.

— Здравствуй, Батори. Какой приятный сюрприз. Хотя, почему же сюрприз, закономерное появление в серпентарии змееньша.

Рядом со мной раздались смешки друзей, и я будто вспомнила, что здесь есть кто-то еще, расправив напряженные плечи. Я знала, что он придет. Я знала, что он один из них. Я все это знала, но видеть его зеленые глаза напротив, плечом плечу к врагом — это было

другое.

Когда Торрент, которому наконец удалось взломать операторов, прикрепленных к некоторым из власти, узнал факты, от которых волосы вставали дыбом, я сначала не верила. Затем нам донесли о передвижениях и встречах многих представителей дома Эванс и Батори. Парни были правы с самого начала. Не только нас не устраивала существующая власть, были и другие. Но если они посадят на трон Эвансов или Батори — будет лишь хуже. Но я не могла поверить, что в основе мезальянса Эйдена и Анжелики лежит не просто укрепление позиций и положения семьи, а нечто намного большее.

— Просто я не нашел тебя дома и понял, куда ты направилась. А вообще, спасибо, милая Элеонор, змея всегда символизировала мудрость, живучесть и бессмертие. Я и не знал, что ты обо мне столь высокого мнения.

— Может, тебе стоит выбрать ее для нового герба? Как раз после свадьбы подойдет. — С ленцой в голосе предложила я.

Хотя от мыслей о свадьбе все во мне как будто умирало. Я могла хоть миллион раз услышать о том, как сильно Батори погрязли в грязи, но не могла приказать сердцу не замирать, при виде зеленых глаз. Я видела Эйдена со всех сторон, я видела его гнев, его смех, его растерянность. Его боль и нежность, его задумчивость и его... Любовь. И я любила в нем все. Каждую грянь его безумия.

— Я подумую об этом. Но кто же ты у нас? Кого бы поместить на твой герб, милая Элеонора? — Эйден сцепил руки за спиной и ленивой походкой пошел вперед, ко мне. Я почувствовала, как Пират и Кацу двинулись ближе, но сама не ощущала опасности. — Дай подумать... Лицемерие, обман, хитрость... Лисица, верно? Маленькая. Рыжая. Лисица.

Эйден выплевывал каждое слово мне в лицо. Я вскинула подбородок и не успела ничего сказать, как услышала слева спокойный голос Кацу.

— Я бы на твоём месте был аккуратнее. Потому что если наша Элли лиса, то только обольстительная Кицуне. Демон, который, благодаря своему искусству, с легкостью может ослепленного чувством человека ввести в помешательство и погубить. Только ослепленного чувством. Неужели ты тоже ослеп, Батори?

Эйден даже не поморщился и никак не показал, что услышал слова моего друга, продолжая заглядывать мне в глаза. Я также не постеснялась посмотреть на парня передо мной. На нем была белоснежная рубашка с жабо и приталенный пиджак. Руки дворянина украшали черные классические перчатки из дорогой кожи, на моих же руках были кожаные гловелетты, больше подходящие разбойнице, чем леди. Впрочем, таковой я и являлась. Никакие дорогие платья и украшения не смогли сделать из меня принцессу, коей называл меня Эйден.

Он будто бы тоже подумал об этом. Парень медленно подошел ко мне ближе, он двигался как хищник, мягко переступая по земле. Движения расслаблены. Зато парни вокруг меня напрялись, я слышала, как они стали переступать с ноги на ногу. Кто-то из заднего ряда даже достал меч или кинжал, с характерным звуком вытягивая оружие из ножен. Кто-то взвел курок. Но оружия было слишком мало и тратить его впустую было глупо. Я подняла правую руку вверх, пресекая попытки мятежников среагировать на опасность. Мой жест вызвал у Эйдена смех. Как приятен мне был бы этот звук в других обстоятельствах...

Отсмеявшись, он подошел очень близко и смотрел мне прямо в лицо, при этом его глаза были темными.

— Надо же, ты все-таки стала принцессой, юная Элеонора. Принцессой среди

мятежников. Неплохо. Думаю, рано или поздно твой дикий, бунтарский дух все равно вывел бы тебя на эту узкую дорогу. И какого это, быть во главе сброда?

— Гораздо лучше, чем быть на подтанцовке у аристократов. Или собственного отца. — Промурлыкала я в ответ, выдав лучшую из своего запаса улыбок.

Фраза про отца попала в цель, Эйден едва уловимо помрачнел. Губы сжались в тонкую полосу, а мне пришлось проглотить воспоминания о том, какими восхитительными на вкус они мне казались. Предатель. Он предатель. Помни об этом. Прошу тебя.

— Ты выбрала неверный путь. У вас нет будущего.

— Наше будущее пропитано свободой, а твое пахнет как спертый воздух улиц Сантониума. И я точно знаю, что тебе не нравится эта жизнь. Так может это твой путь неправильный, Эйден?

Он промолчал. Вокруг нас переговаривались люди, иные же внимательно прислушивались к нашей беседе. Как будто следили за двумя актерами. А не было ли это действительно так? Два человека, что не так давно не знали друг о друге, но смогли проникнуть за такой короткий срок в самые потаенные уголки чужой души, теперь стояли по разные стороны баррикад. Влюбленные или враги? Кто мы были? Я попыталась увидеть ответ в своем сердце, но не смогла.

Аристократ на короткий миг прикрыл глаза, чтобы глянуть на меня с напускным безразличием, а затем мне за спину. Там снова послышался едва уловимый звон стали:

— И что же, ты уже успела нажать себе верных псов? Твои защитники так и рвутся в бой... — Он втянул носом прохладный морской бриз. — Я прямо чувствую в воздухе, как сильно они хотят на меня кинуться и услышать от хозяйки слово «фас». И чем же ты это заслужила, принцесса? Сколько из этих постелей согрела?

Глухое рычание раздалось из горла Брендана.

— Ублюдок, заткни свой поганый рот.

— Не стоит, Брендан. — Лениво бросила я. — Он этого не стоит. Ну а если тебя так интересуется, то я сама могу о себе позаботиться.

— Не сомневаюсь. Как и любая уличная девка.

— Лучше быть девушкой с улицы, чем запертой в твоём проклятом поместье.

— Ну, ты доказала, что ни какие замки не остановят тебя, на пути к твоему гнусному дружочку, верно? Предателю короны. Предателю братьев по оружию. Как считаешь, сколько времени пройдет прежде, чем он предаст и тебя?

Красная линия. Никто не смеет говорить про моих друзей. Про Брендана. Даже он. Тем более он.

Я не сказала этого, я объяснила более понятным идиотам способом: точным ударом в челюсть. Эйден явно не ожидал от меня этого резкого движения последующего сразу после милой улыбки, потому что и не думал уклоняться. А может он просто не захотел этого делать?

Эйден вытер перчаткой рассеченную губу, из которой уже начала сочиться кровь.

— А кровь у тебя вовсе не голубая, Батори. — Хмыкнула я.

Блондин посмотрел на свою руку, где черную кожу уже украсили красные капли, будто проверяя мои слов, а затем перевел взгляд на меня. Он хотел что-то сказать, но я вытянула руку ладонью вверх, вынуждая его замолчать.

— Мы пришли не драться. — Я обошла Эйдена сбоку, демонстративно не соприкасаясь и обратилась к главарю.

— Оно и видно. — Хмыкнул Эйден, вытирая кровь и смотря на оружие на моем бедре.

— Защита никогда не повредит. Защита — не нападение. — Продолжила я. — Мы пришли за своим человеком и также с предложением мира и союза.

Реми, на удивление молчавший все это время, поддержал меня:

— Ваша поддержка действительно стала бы решающим звеном в этой битве. Можно сказать, мы сражаемся за одно дело. Но разными... Способами.

Дальше вперед выступил один из парней, его называли Седым, но не за цвет волос: они были медного оттенка. А за ум и витиеватость изречений. Он обрисовал ситуацию, пока противоборствующие стороны сверли друг друга напряженными взглядами.

Я же смотрела на Эйдена. Он выглядел так, будто находится на пороге обморока. Или смерти. Бледный, сникший, глаза еле держатся открытыми. «Потерпи», мысленно умоляло его я. И тут он поднял на меня глаза и послал еле заметную косую улыбку. Я ахнула, но быстро взяла себя в руки и отвернулась, чтобы не вызывать подозрений.

— То есть... — Наконец произнес Ворон. — Вы хотите объединиться, свергнуть власть и поделить ее между собой?

— Чрезмерно упрощенное объяснение. Но, в целом, именно это мы предлагаем. — Произнес Седой.

Ворон размял шею, как будто он сильно затекла, а затем еще и потер затылок:

— Ну, что же... Предложение, безусловно, интересное. Но мне нужны гарантии. — Он замер и посмотрел прямо на меня. — Девчонка и Дракон пойдут с нами.

— Я согласна. — Сказала я прежде, чем кто-то еще среагирует и сделала шаг вперед.

Эйден, который все еще был рядом, резко схватил меня за руку:

— Не смей! — Прошипел он.

Я вырвала руку из его хватки:

— Не тронь меня, предатель.

— Я бы никогда не предал тебя, дура. — То ли прорычал, то ли простонал парень, снова хватая меня за руку. — Я бы сделал все для тебя.

— Например, женился на другой?

— Ты не понимаешь. Я должен был тебя спасти от всего этого, Элеонора. Мой отец — страшный человек, понимаешь? Он не боится ни Бога, ни дьявола. И он пожертвует всем ради достижения цели и власти, в том числе сыновьями. Колман и я — лишь пешки на его доске. Он бы плюнул и растоптал даже если бы меня убили. И тебя вместе со мной. А мой брат... Мой брат еще страшнее.

— Не лести мне. — Раздался счастливый голос рядом с нами.

Я не сразу поняла кому он принадлежит и стала обводить взглядом присутствующих. Лишь когда Ворон ленивым движением снял с лица маску и перед моими глазами предстал юноша, с пронзительно-голубыми глазами, цвета безоблачного неба, я поняла, что все это время...

— Не может быть. — Тихо выдохнула я.

К горлу неожиданно подкатила тошнота. Самая натуральная. Желание упасть на колени и вывернуть содержимое желудка стало невыносимым. Наверное, я пошатнулась, потому что с обеих сторон от меня возникли парни: Кацу и еще один, чьего имени я не помнила. Они отодвинули Эйдена и поддержали меня. Мятежники продолжили держать, боясь, что я не устаю на ногах.

— Отчего же? — Мягким, размеренным голосом спросил меня Этан, который теперь

носил имя Колмана Батори.

Он опять с наслаждением размял шею, будто маска лишала его этого удовольствия и снова посмотрел на меня:

— Раз уж мой... Братик решил исповедоваться, может, и я поучаствую? Заодно и грехи спущу всем желающим, оптом дешевле, так сказать. Что думаешь, Эйден?

— Заткнись. — Прорычал парень, сверкнув глазами.

Все происходящее совершенно не укладывалось в моей голове в одну цельную картинку. Этан не мог быть Вороном. Во-первых, именно Ворон убивал аристократов, более того, он покушался на жизнь Эйдена, его пусть не по крови, но все же брата. Сына человека, что взял его под опеку. Во-вторых, Этан выбрал для себя путь святого, служителя церкви. Он не мог так цинично плевать на законы бока и клятвы, данные им. И в-третьих, в главных, это же был Этан... Мой милый Этан. Мой нежный друг, который на своих руках нес меня домой, если я была коленки. Мальчик, который всегда поддерживал меня и не давал в обиду. Милый, добрый мальчик с лицом ангела, способный примирить меня и Брендана в наших ссорах. Человек, в кого я, как думала, могла бы влюбиться в детстве. Чье детское лицо я так часто видела во сне и вспоминала с тоской и нежностью, заполняющей сердце. Мой добрый друг, которого я нашла спустя десять долгих лет. О воссоединении с которым я и метать не могла, разве что в самых смелых фантазиях. Это все был он. И он не мог. Просто не мог.

— Ты не мог... — Пробормотала я.

Я заметила, как дернулся в мою сторону Брендан, но больная нога очевидно приносила ему больше боли, чем он думал. Он не успел опереться на нее и снова рухнул на одно колено. Этан равнодушно взглянул на него, и этот взгляд стал для меня чудовищным откровением.

— Куда-то спешишь, Брендан? А как же вечеринка в честь воссоединения? Друзья одна — друзья навсегда, и все такое?

— Это ты... — Прорычал Брендан сквозь зубы, глядя на блондина с отвращением. — Тебя засек Торрент. Ты был в подземелье, и ты предал нас. Не Эйден.

Я вздрогнула и посмотрела на Эйдена. Тот нахмурился. Этан просто пожал плечами:

— Ну не надо прям всю славу мне приписывать. Я всего лишь действую от имени церкви. Я оружие в руках Эванс и Батори. И меня устраивает эта роль.

— Ты не оружие, Колман. — Тихо произнес Эйден. — Ты просто шавка моего отца.

— Завидуешь, что я занял место любимого сыночка? — Улыбнулся в ответ Этан. Как же не сочеталась эта нежная улыбка со словами, выходящими из его рта! — Но ты же сам все испортил. Ты просто должен был быть хорошим мальчиком и жениться на Анжелике. Если бы ты не притащил в дом Элеонору и не начал показывать свой характер, то все прошло бы как по маслу. Батори и Эванс создали бы такой альянс, что мир содрогнулся бы. А что в итоге? Ты лишь вызвал гнев отца и оттянул неизбежное. Круг замкнулся, Эйден. Как бы ты не барахтался, что бы ты не делал и не планировал, задуманного не изменить. Элеонора, — Неожиданно обратился парень ко мне. — А ты знаешь, что он продал свою свободу за твою жизнь?

— Молчи, Колман, ты слишком много на себя берешь! — Взревел Эйден, сделав опасный шаг к Этану.

— Отчего же? Ты хочешь остаться неузнанным благодетелем? Опять это твое... Благодетельство. — Выплюнул он. Я же не понимала, что он имеет в виду. — Но раз уж мы с тобой созрели для откровенного разговора между братьями, то скажу еще кое-что. Знаешь в чем самая главная причина ненависти отца к тебе? Ты стал напоминать ему свою мать...

Как ее звали? Бекка? Берта? Ах... Бетти, точно.

— Я предупреждаю тебя, Кормак, если ты сейчас же не заткнешь свой поганый рот..

— Чем она болела? Говорят, что это передается по наследству...

— Колман... — Предупреждающе произнес Этан.

Он сделал шаг в сторону названного брата, при этом кинув взгляд на меня. Это не скрылось от небесно-голубых глаз Этана. Он улыбнулся:

— А что, твоя любовь не знает об этом? Нет, так не пойдет, мы не должны лгать. Ложь — это грех. Но я вас помирю. Дай Бог памяти. Прошу памяти у Всевышнего, каламбур, да? Нет, погоди, не подсказывай, она болела... Как же...

— Биполярное расстройство. — Сказала я спокойным тоном.

Я видела как напряглись широкие плечи Эйдена и его тело вытянулось в струну. Он даже не повернулся в мою сторону, но он слышал.

— Так ты знаешь. — Изумился Эйден и посмотрел на брата. — Она знает! Видишь, а ты боялся. А ты знаешь, что она покончила с собой прямо на глазах Эйдена? Его нашли рядом с ее трупом, сидящем в лужи крови. И тогда...

В следующую секунду произошло несколько вещей: Эйден бросился на Этана, Брендан, как будто не было никакого ранения, сделал мощный рывок вперед и убил сразу двоих из команды Ворона, раздался выстрел и Реми взял меня за шкуру, оттянув за несколько мотоциклов. Мы упали на землю.

— Вух! Ничего себе. Очень милая семейная сцена клана Батори, но негоже нам при ней присутствовать. Все эти драмы — не мое. — Проворчал Реми, тяжело дыша, а затем повернулся ко мне лицом: — Что же, план «А» пошел крахом, остается план «Б». Готова, дьяволенок?

— Еще бы. — Хмыкнула я, хотя ни черта не была готова.

— О-о, да! — Парень прислонился спиной к боку мотоцикла и достал пистолет, любовно погладил ствол и даже поцеловал его. — Привет детка, ты даже не знаешь, как сильно я хотел познакомиться лично.

— Ты не пользовался им? — Мои глаза расширились в суеверном ужасе.

— Конкретно этим — нет. Я любовался Файв-Севен* только на картинках. И тут Пират нашел его для меня, подарок, так сказать. Дульная скорость свыше 650 метров в секунду, не боится бронежилетов. Сказка, а не ствол.

— Вы же друг друга не переносите. — Хихикнула я, имея в виду не пистолет, а вечный стычки между Пиратом и Реми.

— Мы друг друга обожаем! Просто выражаем это по особенному. Например, глубину моих чувств может передать только мат. И подзатыльники. Постарайся вытащить Брендана, бесенок, он все равно будет искать тебя. Ну, я пошел.

Реми выскочил из-за нашего сомнительного укрытия и я последовала за ним. И тут все завертелось. Я потеряла из вида всех, кого хотела бы держать перед глазами. Где сейчас Брендан, Реми, Кацу, Пират и остальные ребята — я не знала этого. И Эйден. Мысли о нем я вообще не подпускала к своему сознанию. Они были лишние, они душили и мешали думать, действовать.

«Сражайся не умом, действуй сердцем, интуицией, чувством», как то советовал мне Брендан. И я внемла этому.

Я юрко полавировала между некоторыми дерущимися, благодаря Бога, что оружия, которое все же было для нас на вес золота, было мало. Мне было необходимо найти

Брендана. Путь мне преградил один из противников, в белом плаще. Он сильно ударил меня наотмашь в шею, сбив дыхание и заставив упасть на колени.

— Маленькая сучка, нашла с кем связаться. Мама не учила, что твой удел — ублажать мужиков, а не сражаться с ними? Ну я займусь твоим воспитанием.

Болтай-болтай. Я вытащила нож из-за голенища сапога и резко выпрямляясь всадила его в шею мужчины. У того моментально округлились глаза, но прокомментировать действия «маленькой сучки» он не мог, вместо слов изо рта вырвались струи крови. Теперь его щегольский плащ станет немного ярче.

Удивительно, разве нет? С какой легкостью можно лишит кого-то жизни. И самое странное, что я ничего не почувствовала. Позже я могу сказать, что это адреналин. Что тебе не до морали и не до божьих заповедей, когда дело касается жизни и смерти. И не только твой жизни. Но это будет позже.

Я оттолкнулась от его плеча, приложив усилия, чтобы вытянуть нож обратно, но не успела этого сделать, как меня оттащили за волосы. Почему я не прикрываю спину? Куда делась вся моя чертова прыть?

Я, пытаюсь не обращать внимание на боль в затылке, схватилась левой рукой за запястье, держащее мои волосы, а правой резко полоснула по руке, рискуя остаться без волос. Злобное завывание за спиной дало понять, что я добилась своего. Мои волосы получили свободу и я рванула вперед, через тело предыдущего оппонента, развернулась к новому противнику:

— Очень подло подходить к леди со спины. — Бросила я парню, по возрасту едва ли старше меня.

— Ты же понимаешь, что если бы тебя можно было убить, ты бы давно заткнулась.

— Оу, безусловно, но тогда я воспользуюсь своим маленьким преимуществом. А у тебя есть такой скилл неуязвимости, а? — Я подмигнула детине.

— Нет, но я не защищен от несчастных случаев. Очень много людей, очень много давки... Кто знает, как сложно не задавить в ней маленькую лису. — Хмыкнул он, скаля зубы. С этими словами он достал пистолет и направил его на меня. — Бу.

В этот момент несколько вещей произошли просто мгновенно и если бы меня просили восстановить их хронологическую последовательность, я бы вряд ли смогла. Что было раньше? Звук выстрела или крик «Элс»? Вот я вижу черное дуло пистолета, а вот уже смотрю на землю, и вижу в мельчайших деталях все примятые травинки. Кто-то просто придавил меня всем телом к земле, заставив почувствовать щекой влажность почвы и запах земли. В ушах зазвенело, но не успела я прийти в себя, как меня уже подняли, скатив чье-то тело.

— Элеонор, ты как? — Брендан тормозил меня, хаотично проверяя состояние.

— Нормально, хорошо.

Я повернулась в бок, посмотреть, на того, кому должна быть благодарна за спасение и замерла. На боку лежал Эйден, с совершенно бледным лицом, как будто вся кровь из него...

— О нет. Нет, нет, нет, нет. — Заладила я, отбрасывая руки Брендана и кидаясь к Эйдену. Дорогой материал пиджака уже окрасился темным из-за лившейся крови. — Черт возьми, Эйден. Очнись, засранец.

Я не поняла, что плачу, пока не начала стирать с лица парня горячие капли. Все появляющиеся и появляющиеся на месте стертых мокрых дорожек

— Элс, нам надо уходить. Торрент засек сигнал, сюда едут андабаты. Будет много

проблем.

— Нет, я не могу! Ты что не видишь? Он спас меня! ОН СПАС МЕНЯ!

Я вырвалась из рук друга и приникла щекой к груди врага, пытаюсь услышать стук сердца, но за шумом в ушах и бешеным ритмом своего я отчаянно не могла услышать ничего другого. Наконец я глубоко вздохнула и услышала слабый удары.

— Господи, спасибо. Спасибо! — Я потянулась к вороту пиджака, чтобы осмотреть рану, за плотной тканью не было понятно куда именно попала пуля. Руки бешено дрожали.

Внезапно их накрыли мужские руки, и я чуть не зарычала, когда же меня оставят в покое? Я вскинула злой взгляд и встретилась с темными глазами Кацу.

— Я посмотрю.

Я уступила Кацу место, неуклюже отползая от тела друга. Когда моя жизнь так круто поменялась? Почему я не... Из рта Эйдена вырвался кашель, и я рванула обратно.

— Эйден! Эйден, твою мать. Как же я ненавижу тебя!

— Вот же... — Сиплый, родной голос и улыбка, больше напоминающая гримасу. — А я люблю тебя.

Глаза-изумруды чуть приоткрылись. Темные ресницы мелко дрожали, но Батори все равно нашел мое лицо. Кацу быстро рвал какие-то клочки одежды и пытался остановить кровотечение.

— Ну зачем... — Простонала я, глядя на Эйдена и беря его ладонь в свою.

— За мной должок. — Усмехнулся он. — Ты уже спасала мою жизнь.

— А ты дважды спасал меня от падения.

— Ну, тогда за тобой должок? — Криво улыбнулся он. — Готов принять оплату натурой.

— Извращенец. — Сквозь слезы и улыбку проговорила я.

Неожиданно красивое лицо Эйдена перекосило от боли, и я бросилась к Каю, зашипев, что он делает ему больно.

— Элеонора, успокойся. Он будет жить. — Проговорил Кай, но глядя на вид Эйдена, я с трудом могла поверить в слова друга. — А если мы сейчас не уйдем, то сами мы жить не будем.

Наверное, я бы проигнорировала его, но Эйден тоже слышал Мори. Он слабо пошевелил пальцами в моей руке:

— У... Уходи. Сейчас.

— Не могу.

— Уйди.

— Не могу! Я не хочу оставлять тебя! Не сейчас!

— Эй, принцесса. — Эйден невероятным усилием поднял свою руку и прижал ее к моей мокрой щеке. — Ты же все еще моя?

Я кивнула, сильнее прижимая его холодную ладонь к своему лицу.

— Тогда я приказываю тебе уйти. И не надо возвращаться, Элеонора. Я не хочу этого. Держись подальше от Сантониума, ты поняла меня?

Я понимала, но не хотела этого понимать. Зачем? К чему нам расставаться? Я нежно прижала его руку к своей щеке, притронулась к ней губами. Частички земли прилипли к его ладони и теперь остались на моих мокрых от слез щеках.

— Пошли с нами. Мы заберем тебя. — Попросила я и стала озираться в поисках людей, которым помогут мне реализовать задуманное.

Рука Эйдена дрогнула рядом с моим лицом. Он провел большим пальцем по скуле и произнес:

— Уводите ее. — Я не поняла, к кому он обращается.

И тут что-то ударило меня по шее, выбивая из меня воздух и сознание. Последнее, что я помню, это глаза изумруды и губы, прошептавшие: «Прощай, принцесса».

Глава 17. Счастье молодым!

Глава 17. Счастье молодым!

Элеонора

Я сидела на холме и смотрела на солнце. Глаза болели, но я все равно не хотела отводить взгляда. Было в этом что-то приятное, ощущать, что слезы льются по щекам, но не от эмоций, а от слепящих лучей.

Зачем я пришла сюда? Сама не знаю. Просто невыносимо было сидеть в нашем новом убежище, снова ощущая себя тигром в клетке. Единственное, что я там делала каждую свободную минуту — тренировалась. Я укрощала любой вид оружия, чтобы никто не посмел укротить меня.

Туда, в скалы, меня приволокли мятежники. Именно Брендан ударил меня ребром ладони, чтобы оглушить. И это было верным решением, ведь я могла подвести всех. Из-за того, что поддалась истерике и нежеланию уйти. Как оказалось, мы еле успели до прибытия королевских защитников. Все инсценировали как очередной нападения мятежников во главе с Вороном. Эйден, естественно, стал жертвой. Было там еще несколько лордов, но в общем и целом можно с уверенностью сказать: Батори и Эванс умели заметать следы.

Первую неделю газеты пестрели лицами моих друзей и моим портретом. Раньше подо мной была надпись «Розыск», теперь поменялось немного. Разве что разыскивали меня живой или мертвой. Реми, Брендан и многие из Мятежников тоже стали украшением местной прессы. Их лица смотрели из газетных киосков под звучными заголовками: «Предатели среди нас», «Враг короны — враг мира», «Разыскивается опасный преступник». Больше всего не повезло Брендану, одно из местных изданий выдвинуло теорию о том, что он не только именитый андабат и Дракон, но и Ворон. Эту газету Брендан сжигал с особенным упоением.

Что писали обо мне я не читала. Зато мое внимание привлекала свежая пресса. Уже неделю весь Запад радовался событию: свадьбе между Эванс и Батори. «Что принесет нам союз таких влиятельных семей?» — Вопрошали они. Ох, я бы ответила.

И сейчас, в день церемонии, я пришла сюда. До церкви рукой подать, но я не смотрела на ее купола. Я не смотрела, как прибывали гости. И я не стала смотреть, прибыли ли жених и невеста. Но я была здесь.

— Ты опоздаешь на церемонию. — Голос за моей спиной не стал неожиданностью.

С некоторых пор мой друг детства стал моей тенью. Он был везде сразу, незаметен взгляду, но ощутим. И именно он считал, что я должна сделать хоть шаг для того, чтобы предотвратить свадьбу. Как смешно. Нелепо. Глупо.

— Оставь, Брендан. — Попыталась я отмахнуться от навязчивого друга, отворачиваясь от солнца и пытаюсь проморгаться.

Но брюнет даже не собрался отступить и, схватив меня за руки, грубо дернул на себя, заставляя посмотреть на него.

— Элеонор МакАртур, с детства ты была самой смелой девчонкой, которую я знал, и осталась такой же. И сейчас ты обязана сделать это, иначе потом каждый день своей жизни ты будешь жалеть о том, что не сделала этот шаг, о том, что испугалась.

— Я не боюсь. — Рывнула я в ответ, но, посмотрев в глаза Брендана, лишь вздохнула и

снова отвела взгляд, изучая окружающую нас листву. — Я в ужасе. Я не хочу быть посмешищем.

Я лгала. Меня это мало волновало. Больше всего я боялась прийти туда и понять, что я все это придумала сама. Да, мы выяснили, что Эйден не был предателем. Точнее был... Но не моим. Отчего-то ему было важно защитить меня, когда Этан, узнав меня, а затем и нож, которым я в него кинула, собирался использовать это. Тогда Эйден согласился на свадьбу с Эванс. И да, он выдал информацию о Брендане, но, как сказал сам брюнет, для моего блага. Он встал на мою защиту. И он же спас меня от пули. Но... Он не ушел со мной тогда, почему он должен уйти сейчас?

Брендан усмехнулся:

— Ты переобщалась с нашим аристократишкой. Когда это тебя стало волновать мнение общества? Элс... — Я снова обернулась на зов друга. Его мягкий взгляд зеленых глаз смотрел с безграничной нежностью, от чего в уголках моих глаз чуть ли не появились слезы. На этот раз не от солнца. — Я никогда не буду считать тебя посмешищем. Но я очень разочаруюсь, если ты пойдешь вопреки сердца. И... Я всегда буду рядом. Что бы не случилось.

Ну вот, слезы все же прорвались. Я смотрела в темные глаза Брендана, которые на солнце казались чуть более карими, чем обычно. На его теле столько шрамов, а на сердце еще больше. И чего стоит этому человеку стоять сейчас рядом со мной и говорить, что я должна идти к другому? Попробовать вернуть его? Признавать благие поступки своего врага? В Брендане гораздо больше благородства, чем думает он сам.

Мое сердце сжалось от любви и благодарности к другу. И от решимости. Уж лучше я буду жалеть о содеянном, а затем жить дальше, чем сидеть здесь и ждать, как удары колокола оборвут мое сердце. Я не знаю, что будет завтра, вдруг, завтра вовсе не наступит? Стоит ли жить одним единственным моментом? Думаю, да. И если это последний поступок в моей жизни, пусть он будет ради любви.

А если не получится... Тогда я отпущу. Обещаю.

— Спасибо. — Пролепетала я и быстро смахнула слезы рукой. И, улыбнувшись, добавила. — Ну что, совершим набег на церковь?

— Вот это моя девочка. — Брендан подхватил меня под мышку и, взъерошив волосы, направился в сторону часовни, волоча меня за собой туда, где должен был с минуты на минуту состояться обряд венчания.

— Эй, аккуратнее! У нас есть план?

Как не странно, ответил мне не Брендан:

— А то как же, старый и проверенный временем. Врываешься в зал с криком: «Я протестую!». Главное, конечно, выждать момент. Хотя можешь против всего протестовать, эдакий марш протеста организовать!

— Реми! — Воскликнула я, освобождаясь от бойцовского захвата друга. Оглядевшись, я еще шире раскрыла глаза. Всю местность, усыпанную розовыми кустарниками, заняли мои друзья. — Торрент, Кацу, Стелла... Но как вы здесь?..

— А что, ты правда думала, что мы откажемся от такого представления? — Усмехнулся Пират.

— С другой стороны, подробности можно было бы потом прочитать в газетах... — Ответила Стелла.

— Но я предпочитаю смотреть премьеры из первого ряда! Так сказать VIP-места! —

Парировал Торрент.

— Ребята. Как же я рада вас видеть. — Очередной поток слез был остановлен всхлипом и рукавом плаща.

Звон колокола заставил сойти мою улыбку и радость встречи на «нет». Все головы дружно повернулись в сторону церкви. Вместе с ударами с купола вспорхнули и улетели несколько серых голубей, раздосадованные тем, что их потревожили.

— Сладкие мои пончики, мы опаздываем! Как хорошо, что мы не пешком. — Воскликнул Реми и быстрым шагом прошел к выходу с поляны.

Проследовав за друзьями, я увидела на дороге четырех лошадей, нетерпеливо бьющих копытами. Среди них был и Чародей — конь, которого я ukrала из конюшни Батори, когда мы со Стеллой уезжали оттуда. К нему-то я сразу подбежала и, поцеловав в морду, собралась залезать.

— Эй, мелкая, куда вперед старших, я что, рядом с конем побегу? — Схватил меня за воротник Брендан и, залез вперед меня на коня, а затем, подав мне руку, посадил перед собой. На Звездочете уселись Торрент и Стелла, а на Кацу и Реми восседали на Невесте, белоснежной лошади и Франте, вороном коне. При этом они не могли поделить даже подход к коням:

— Подвинься, самурай.

— Сам утянись, щенок. Ты слишком раскабанел на королевских харчах.

Что ответил Кацу возмущенный Реми я уже не слышала, потому что Брендан крикнул, натягивая поводья:

— Но! Пошел, волшебник! — Брендан пришпорил коня и Чародей мигом поскакал во весь опор. Рядом с церковью уже не было людей, все собрались внутри. Вокруг нее был ореол тишины и умиротворения.

— Ну что, будем ждать момента? — Прокричал Рем, ровняясь с нами.

— Нет! — Крикнула я в ответ. — Я упустила слишком много моментов, чтобы рисковать и этим!

Не притормаживая, мы ворвались в церковь, и сразу, как по команде, все взгляды были обращены в нашу сторону. Ну да, вряд ли в церкви можно увидеть наездников в черном. Разве что всадников Апокалипсиса. Оу, кстати, у них же тоже четыре коня было, верно?

— Ох, кажется мы урвали у невесты минуту славы? Кака-а-ая жалость. — Пропел Рем, прерывая мои мистические мысли.

— Что за богохульство?! — Воскликнул священник, стоявший перед алтарем, усыпанным белыми розами.

Обратив внимание на этот досадный источник звука в мантии, я сразу переключилась на другого присутствующего. Эйден стоял с толстой свечой в руке и смотрел прямо на меня. Статный, в прекрасном, идеальном костюме, как всегда. Его пристальный взгляд изумрудных глаз буквально обволакивал меня, минуя все пространство между нами.

— Прощу прощения. Мы немного опоздали, но пропустить такое событие не могли! — Услышала я наглый голос, и лишь через секунду поняла, что это говорю я.

Оцепеневшие гости отошли от первого шока и пустили по залу шепот, все более разрастающийся. Обе стороны ждали действий оппонента. Ну что ж, пожалуйста.

Я ловко спрыгнула с Чародея и, выпрямив спину, пошла вперед, сквозь проход, усыпанный белыми лепестками. Очевидно их рассыпали перед невестой, но некоторые уже подвяти и смотрелись как грязь. В сочетании с моими кожаными сапогами... Ну да, это не

нежные белые туфельки невесты.

Я снова посмотрела на Эйдена, вся его поза говорила о напряжении. Может, со стороны он казался расслабленным, победителем, владеющим ситуацией, но я то знаю... Я знаю, о чем говорит еле заметный прищур глаз и чуть побелевшие губы, сжатые в тонкую линию. Кончики пальцев, сжимающие свечу, побелели, и готовы были раздавить воск. Я не смогла сдержать кривой усмешки. Идя вперед, я знала, что мои друзья след в след идут позади меня. Где-то на задворках мысли я подумала о том, что подвергаю нас всех опасности. Сегодня здесь — правящие касты, а мы — нежелательные лица. Надеюсь они все надели повязки. Надеюсь.

Тут я заметила, как изменилось лицо Эйдена, и он дернулся в мою сторону, но Анжелика вцепилась ему в руку что-то быстро проговорив. Не понимая причину, я почувствовала как меня сбоку прикрыла спина Брендана и щелкнули затворы пистолетов.

— Эй, друзья, не надо ссориться. Мы пришли просто поздравить молодоженов. И вообще, оружие в храме — это грех! Не правда ли, святой отец? — Весело прощепетал Реми.

Я наконец оторвалась от зачаровавшей меня картины и оглянулась. Теперь то, что мы пришли напрямик в логово врага, стало очевидно. Охраняющие правящие касты андабаты получили команду «фас», оцетинились и направили на нас оружие. Мои друзья не заставили себя долго ждать и взяли на прицелы кого хватило возможностей. Брендан уверенно держал два ствола, один смотрел напрямик на андабадату перед ним, дуло второго было направлено на одно из элиты. Верный ход. Я быстро окинула взглядом присутствующих и встретилась взглядом с Этаном. Его светло-голубые глаза, в которых всегда царило спокойствие и нежность, сейчас следили за нами внимательно и настороженно. Это было больно, но показывать, как глубоко предательство друга ранило меня, я не собиралась. Не выдержав, я подмигнула ему. Нет, мы не будем срывать покров сейчас, кто в это поверит? Но придет время. Придет.

Ну что, Элс, пора потрянуть стариной. Пользуясь тем, что нахожусь в тени спины Брендана, я тоже достала пистолет и, лениво прокрутив на пальце, и, остановив, взвела затвор. Я откровенно наслаждалась тем, какой эффект наша компания производила на присутствующих. Какой эффект я производила на него. Невеста, похожая на облако из органзы, явно была напугана. Какая жалость. Мы же были подругами.

Наша дружная компания замерла в проходе, не миновав даже половину пути.

— Опустите оружие и выйдите из зала. Тогда у вас не будет проблем. — Мы синхронно поморщились и дружно засмеялись, в ответ на эту заезженную фразу, прозвучавшую, как ни странно, от отца Эйдена. Да, я умею ладить с родителями парней, нечего сказать.

— Ой, ну не надо этих клише. — Снова завелся говорливый Рем. — Я из-за этого начинаю скучать, а когда я скучаю, я нервничаю, а когда я нервничаю, я ух какой буйный. — В доказательство брюнет два раза поменял местами вытянутые руки с пистолетами.

— Это частное мероприятие. Вы не знаете с кем связались, шайка....

— Отец. — Голос Эйдена, глубокий и спокойный, разнесся по церкви и заставил старшего из рода Батори замолчать и посмотреть на сына с нескрываемым раздражением.

Он явно винил во всем своего отпрыска. Что ж, доля правды в этом безусловно имеется. Эйден отдал свечу шаферу и подняв обе руки в жесте «сдаюсь» медленно пошел к нам, не сводя взгляда с моего лица. Приблизившись вплотную, он остановился напротив меня, заставив сердце бешено колотиться. Я думала, что оно просто вырвется из под плотного корсета или, не выдержав такой нагрузки, остановится.

— Элеонора. — Еле слышно проговорил он.

Опуская руки, он дернул ими, будто хотел дотронуться до меня, но не посмел. Трус.

— Эйден. — Ответила я, не желая начинать первая.

— Ты зря сюда пришла.

— Уверен? — На выдохе произнесла я и поняла, что мой голос стал еле уловимым шепотом. Он не ответил, то ли разочаровывая меня, то ли, наоборот, давая надежду. — Не делай этого, Эйден.

Я сделала маленький шаг вперед, заставив моих друзей сгруппироваться. Жених не двинулся с места. Он смотрел на меня с безумной болью и нежностью, будто ему физически плохо от всего происходящего. Но тут, буквально в долю секунды, выражение его лица изменилось на восковую маску высокомерного безразличия. Но это дорого ему давалось, я чувствовала это. Казалось, эта личина может поплыть и закапать каплями на песок, как многочисленные свечи, которых плакали на алтарях вокруг нас.

— Я уверен, Элеонор. И, знаешь, я в тебе ошибался. Посмотри на себя. Влюбилась и так унижаешься? Пришла сюда, испортить мое событие. О чем ты думала. Что я выберу тебя? Без рода, без имени. Посмотри. — Он чуть отошел, показывая рукой на алтарь, рядом с которым все еще стояла Анжелика Эванс. Безупречная. — Она идеальная. Ты правда думаешь, что там тебе место?

Он лениво поднял руку и провел рукой по скуле, на которой красовался не заживший еще след от глубокой царапины. Затем он медленно наклонился. Со стороны, это могло смотреться как проявление ласки, если бы не слова, впившиеся мне ножом в сердце:

— Мне жаль тебя, маленькая лисичка. Ты выбрала ни того парня. Я использовал тебя, Элеонор. Ты была пешкой, и тебя выкинули с доски, за ненужность. Убирайся.

Он резко отвернулся, а я, повинаясь внезапному порыву, будто этого унижения было мало, схватила его за край пиджака и с силой дернула на себя.

— Ты врешь! Зачем ты лжешь! Зачем ты врешь сейчас, Эйден?! — Я поняла, что по лицу струятся горячие слезы, обжигая ссадину на щеке солью. Эйден не обернулся.

— Уходи, Эленор. Немедленно.

— Нет.

— УХОДИ!

Он дернул на себе руку, так что в моих пальцах осталась часть его запонки, а вторая часть со звоном упала на пол, прокатившись по нему. Я смотрела на спину Эйдена, на черную ткань пиджака. Также тихо, чтобы мог слышать лишь он, я прошептала:

— Я люблю тебя.

Спина окаменела, руки сжались в кулаки, но он все еще не обернулся. Вместо этого он наклонился к Брендану и что-то сказал ему на ухо. Что-то достаточно короткое, но наверняка оглушающее, потому что глаза моего друга расширились, а с лица моментально сошла вся краска.

Затем Эйден бросил взгляд. Один единственный взгляд в мою сторону, который даже не коснулся моих глаз, а так, бегло и безразлично скользнул по лицу. Я уже знала, что он скажет напоследок. Опять.

— Прощай, принцесса. — Произнес мой любимый человек и прошел вперед, по проходу, усыпанному помятыми лепестками роз. Туда, где его ждала будущая жена.

Глава 18. Начиная легенду

Глава 18. Начиная легенду.

Брендан

Скажите, вы верите в легенды? Сказки? Мифы? Предания и истории, которые рассказывают за общими кострами в ваших деревнях, городах?.. Это просто красивые байки или все же есть в них зерно правды? Я не верил.

Из окна башни я смотрел на Элеонору и Реми, которые пересекали двор. Мой друг что-то объяснял ей, подкрепляя свои слова активно жестикуляцией. Девушка подкидывала метательный нож с легкостью, будто в ее руке не острая сталь лезвия ловила солнечные лучи, а перекатывалось обычное яблоко. Не было понятно, слушает ли она своего спутника, или снова ушла в себя. В последнее время это случалось все чаще.

Элеонора совершенно не щадила себя. Изо дня в день она изматывала себя работой, тренировками, бегом и делала все, чтобы выбиться из сил. Измученная, она падала в кровать, поверх одеял. Так я ее и заставлял. Но ее упорство, а точнее, бег от собственных мыслей, игра в прятки с чувствами, все это давало результаты. На рыжую миниатюрную девушку все чаще смотрели с уважением, восхищением, гордостью.

Я же каждый день смотрел на нее и не мог осознать... Понять и принять слова, брошенные Эйденем Батори тогда, в церкви. И уж тем более я не мог их озвучить, поделиться с кем-то секретом, чьим хранителем меня сделал этот чертов лорд.

Так все же... Вы верите в сказания? Например, о потерянной принцессе. Старшей дочери и наследнице по прямой крови короля Сантониума. Прекрасной, как богиня. Доброй, как ангел. Смелой, как воин. Одни легенды говорят о том, что она обязательно вернется. Ее найдут и все изменится. В мир придется счастье и равенство. Это легенды бедняков, которые хотят на что-то надеяться.

Другие рассказывают, что эта принцесса прячется, потому что она старше нынешней наследницы. Незаконная дочь короля и его любовницы, но, не смотря на происхождение, по нашим законам она первая в очереди на престол. И если она вернется, это может не понравится нынешней королеве. Ведь ее собственная дочь никогда не сможет унаследовать заветный трон Сантониума.

Третьи говорят (и это самая жестокая из баек), что юную принцессу убили в детстве. Король любил ее и ее мать, поэтому спрятал ее до совершеннолетия. Далеко, очень далеко... Туда, где бы ее не нашли злые глаза и языки. Где она смогла бы расти. Но он просчитался, и ее нашли. Угрозу, в лице совсем юной девочки, они решили устранить по своему. Как? Тут история умалчивает, оставляя трагичный осадок на душе. А я рискну предположить и ответить на этот вопрос... Ну, например... Зачистка? Зачистка целого населения, которая совсем не вписывалась в общую схему. Над которой я так долго ломал голову. А ключ к разгадке этой задачи был совсем рядом. Они просто нашли и уничтожили девушку, чтобы она никогда не взяла в руки корону. А вместе с ней и каждого, кто оказался на их пути. Такая вот трагедия, достойная пера писателя.

Так верите ли вы в эти чертовы сказки? Мне придется поверить. Ведь потерянная принцесса существует. Вот только к чему это приведет, я не знаю.

В одном я уверен наверняка, слова Эйдена Батори, сказанные мне в церкви, могут

изменить все.

«Не пускай ее в Сантониум, Брендан. Элеонора — дочь короля Кигана. Она наследница, и ее ищут».

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigolub.net